

Обоянский филиал областного бюджетного образовательного
учреждения среднего профессионального образования
«Курский колледж культуры»

Посвящается 85-летию Обоянского района

ОБОЯНЬ И ОБОЯНЦЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ

Сборник материалов межрегиональной научной конференции
(г. Обоянь, 21 апреля 2012 г.)

ОБОЯНЬ

2013

УДК 94(470.323)
ББК 63.3(2Рос-4Кус)
О-22

Редактор-составитель

А. И. Раздорский

Редакционная коллегия:

И. П. Бабин, А. В. Долженков, В. В. Енуков, А. Н. Казакова,
Е. С. Карпук, М. М. Озеров, И. М. Плаксин, А. И. Раздорский, В. М. Шокуров

Обоянь и обоянцы в отечественной и зарубежной истории и культуре :
сборник материалов межрегиональной научной конференции (г. Обоянь, 21 апреля 2012 г.) / ред.-сост. А. И. Раздорский. — Обоянь, 2013. — 341, [3] с.: ил.

В сборнике представлены статьи и тезисы докладов, посвященные различным аспектам истории и культуры города Обояни и его округа с древнейших времен до наших дней. Рассматриваются вопросы местной археологии, источниковедения, военно-политической, социально-экономической и церковной истории, геральдики, топонимики, исторической географии, биографики, генеалогии и просопографии. Авторами сборника являются ученые и краеведы из Обояни, Ивни, Курска, Белгорода, Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Барнаула, Киева, Сум.

Рецензент

Ю. В. Кривошеев,

заведующий кафедрой исторического регионоведения С.-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор

На титульном листе — герб города Обояни, выполненный
геральдическим художником М. О. Черниковым (2012 г.)

Сборник издан при финансовой поддержке
Администрации Обоянского района и Администрации г. Обоянь
Курской области

© Авторы статей, 2013

© Обоянский филиал областного бюджетного образовательного
учреждения среднего профессионального образования
«Курский колледж культуры», 2013

© А. И. Раздорский, составление, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
АРХЕОЛОГИЯ	
<i>А. В. Кашкин.</i> Краткий очерк обоянской археологии	9
<i>А. В. Кашкин, В. В. Приймак.</i> К изучению археологических памятников I тысячелетия до н. э. верхнего течения Псла	13
<i>В. В. Приймак.</i> Территория верхнего и среднего течений Псла в золотоордынское время (середина XIII — XIV вв.)	22
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ	
<i>И. П. Бабин, М. М. Озеров.</i> Об основании и строительстве Обояни	32
<i>М. М. Озеров, И. П. Бабин.</i> Обоянский острог	46
<i>А. И. Раздорский.</i> Торговые связи Обояни с Курском и Белгородом в XVII в. (по материалам курских и белгородских таможенных книг)	69
<i>А. И. Панков.</i> Землевладение Обоянского Богородицкого Знаменского монастыря в конце XVII в. (по материалам грамот Коллегии экономии).....	76
<i>М. М. Озеров, И. П. Бабин.</i> Петровские административно-территориальные реформы в Обоянском крае	79
<i>Р. А. Сапелин.</i> Книга призыва рекрутов по Обоянской округе Киевской губернии начала XVIII в.	86
<i>И. М. Плаксин.</i> Развитие торговли в Обоянском уезде во второй половине XIX в.	91
<i>А. Ю. Чистяков.</i> Традиционные промыслы и ремесла в Обоянском уезде во второй половине XIX в.	96
<i>И. А. Долженков.</i> Основные направления деятельности сословных мещанских старост во второй половине XIX в. (на примере Обояни)	100
<i>Е. С. Кравцова.</i> Особенности организации Обоянского податного участка Курской губернии в 1885 г.	104
<i>А. Н. Курцев.</i> Упадок экономики и бегство населения малого города России в 1861–1917 гг. (на примере Обояни)	107
<i>А. И. Чубаров.</i> Организация помощи солдатским семьям в Обояни и ее округе в 1914–1917 гг.	115
<i>П. А. Кравцов.</i> Обоянь в период революций, Первой мировой и Гражданской войн	118
<i>В. В. Раков.</i> Боевые действия Добровольческой армии и частей Южного фронта на Обоянском оперативном направлении летом–осенью 1919 г.	126
<i>В. В. Коровин.</i> Из истории организации партизанской борьбы на территории Обоянского района (1941–1943 гг.)	133
<i>А. Н. Манжосов, А. Д. Немцев.</i> Курско-Обоянская наступательная операция (январь 1942 г.)	140
<i>Е. П. Жигулин.</i> Завершающий этап электрификации Обояни и Обоянского района	146

ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ

<i>И. В. Пинаева.</i> Из истории храмов Обояни и Обоянского уезда	149
<i>Ю. Н. Гуров.</i> Созидание храмов Обояни и округи: прошлое и настоящее	153
<i>И. А. Росийченкова.</i> Церковный раскол в Обояни в 1990-е гг.	168

БИОГРАФИКА. ГЕНЕАЛОГИЯ. ПРОСОПОГРАФИЯ

<i>Е. С. Карпук.</i> Обоянские корни известных людей	182
<i>Б. В. Бабарыкин.</i> Алтайский период в жизни и деятельности В. В. Петрова	190
<i>А. Н. Казакова.</i> Учитель народа заводского колыванского... (колывановоскресенский (барнаульский) период жизни и деятельности В. В. Петрова)	194
<i>В. Н. Довбняк.</i> Петербургский период жизни и деятельности В. В. Петрова	200
<i>И. А. Корнилаева.</i> Дмитриевские страницы: Четвериковы, Буцинские, Маховы... ..	204
<i>П. Н. Гордеев.</i> Иван Иосифович Махов — инспектор народных училищ Курской губернии	211
<i>А. С. Изотова.</i> «Как хочется проникнуть в глубь веков...» (потомственные дворяне Бартеневы)	219
<i>Н. Т. Слюнина.</i> Усадебный комплекс Карамзиных-Клейнмихелей: век XIX	223
<i>В. А. Рындин.</i> Константин Александрович Трутовский: судьба провинциального художника	229
<i>Е. М. Харланова.</i> Дмитрий Никитич Пронин — «курский Сухомлинский»	234
<i>Т. Ф. Сухоставская.</i> Святая к музыке любовь (творческий портрет Е. Д. Легостаева) ..	245
<i>Е. Г. Апухтина.</i> Человек интересной судьбы: Александра Авксентьевна Кудинова — организатор Музея боевой славы в Обоянской средней школе № 2	248
<i>Н. Ф. Вислоух.</i> Боевым награждается орденом (сотрудники РОВД Обоянского района — орденосцы)	252

КУЛЬТУРА И ПРОСВЕЩЕНИЕ

<i>С. В. Мануйлова.</i> Народные чтения как вид просветительской деятельности Обоянского уездного земства в конце XIX — начале XX в.	258
<i>И. В. Переверзева.</i> Библиотечное дело в Обоянском районе в 1920–1950-е гг.	263
<i>И. И. Гранкина.</i> Обоянский библиотечный техникум в 1936–1946 гг. (из истории создания, становления и развития)	274
<i>З. И. Кошечая, Е. И. Степанова.</i> Профессиональный лицей № 23 — школа жизни ..	281

ЭТНОГРАФИЯ

<i>Н. А. Федотова.</i> Особенности ткацких промыслов Обоянского уезда	292
<i>Ю. В. Озеров.</i> Особенности погребальной культуры Обоянского уезда	297

ТОПОНИМИКА

<i>Д. М. Кременев.</i> Улицы села Михайловское–Верхопенье Обоянского уезда в XVII — начале XX в.	303
---	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>И. П. Бабин, М. М. Озеров. Обоянские воеводы, ландраты, комиссары и управители (1649–1779 гг.)</i>	309
Описание Обоянского уезда с присовокуплением к оному алфавитного списка всем состоящим в уезде селениям. Составленное Малороссийского кирасирского полка корнетом Мазаракием. 1818-го и 1819-го года. <i>Подготовил к публикации А. И. Раздорский</i>	321
Сведения об авторах	336
Список сокращений	339

ПРЕДИСЛОВИЕ

При словах «малый исторический город» прежде всего возникают ассоциации с такими жемчужинами историко-культурного наследия нашего Отечества, как Суздаль, Юрьев-Польский, Ростов Великий и другими подобными им городами, игравшими некогда видную роль в российской истории и сохранившими уникальные памятники истории, архитектуры и искусства мирового значения. Однако подавляющее большинство малых исторических городов России — это сегодня обычные районные центры, обладающие значительно более скромным историко-культурным потенциалом и не имеющие достопримечательностей, занесенных в реестры ЮНЕСКО. Их роль в общероссийском историческом процессе, как правило, не столь велика. Исследованы и популяризованы они в значительно меньшей степени, чем, например, города Золотого кольца и другие малые исторические города «первой величины».

Малые города — это самая многочисленная группа городских поселений во всем мире. К данной категории в настоящее время относят населенные пункты, насчитывающие до 50 тыс. жителей. Большинство таких городов имеют статус исторических. В отличие от малых городов, образованных сравнительно недавно (промышленных, курортных, научных центров и т. п.), малый исторический город — «это особый тип сообщества, в котором в значительной мере сохранился отечественный историко-культурный потенциал, способный актуализироваться в современности. Во-первых, малые города являются своеобразной переходной ступенью от городской культуры с ее значительной профессиональной составляющей к традиционной сельской. Небольшой город ценен прежде всего тем, что он крепкими узами связан с сельской периферией, окружающей территорией, окрестными селами и деревнями, являясь своего рода “столицей” сельского района. Во-вторых, важнейшая особенность небольшого центра — взаимодействие с живой природой, первозданным ландшафтом в отличие от практически полностью искусственной среды большого города. В-третьих, социальная организация жизни в малом городе характеризуется такими параметрами культурного хронотопа, как неспешность и размеренность повседневности, близкое знакомство жителей друг с другом, более проникнутые чувством, нежели рассудочностью, взаимоотношения горожан. В связи с этим социальная информация, оседающая на протяжении многих лет в среде малого города (традиции, обычаи, мифы, фольклор и т. д.), сохраняется дольше и всегда востребована. Все перечисленные особенности визуализируются в архитектурном облике малого города. В образе малого исторического поселения сильна “архитектура земли”. Главные параметры архитектурного пространства малого города ориентированы на сомасштабность с человеком»¹.

Потенциал большинства малых исторических городов, к сожалению, в полной мере не используется, отчего страдает их социально-культурное развитие в

---

¹ *Лысова Н. Ю.* Малый исторический город: культурные параметры и актуальные проблемы // Регионоведение. 2008. № 2. С. 357–359.

целом. К числу наиболее актуальных проблем развития малых исторических городов относится комплексное выявление их историко-культурных ресурсов, т. е. идентификация места и разработка самой концепции охраны культурного наследия, изучение и популяризация его среди местного населения, профессиональная организация культурного туризма. Решение этих задач сокращает риск культурной изоляции исторических центров, повышая одновременно их жизненный уровень².

Действенным средством для активизации многоаспектного изучения историко-культурного наследия малых исторических городов и популяризации результатов этих исследований служат историко-краеведческие конференции. В июне 2011 г. по инициативе редактора-составителя настоящего сборника на базе Рыльского авиационного технического колледжа гражданской авиации была проведена межрегиональная научная конференция «Рыльск и рьяне в отечественной и зарубежной истории и культуре». В начале 2012 г. был опубликован сборник ее материалов, в который вошли 54 статьи, а также приложение (список рыльских князей, наместников и воевод XII–XVII вв.)³.

Успешное проведение конференции в Рыльске, изначально планировавшейся как разовая акция, способствовало возникновению идеи о проведении аналогичного мероприятия в другом малом историческом городе Курской области — Обояни. Мысль автора настоящих строк на этот счет была активно поддержана краеведом, кандидатом технических наук И. П. Бабиным, живущим в Москве и активно занимающимся историей Обояни и ее округи (предки И. П. Бабина происходят из обоянских служилых людей XVII в.). В результате кропотливой работы с документами РГАДА И. П. Бабин и его соратник в изучении истории Обояни — инженер из Ростова-на-Дону М. М. Озеров — сумели уточнить год основания города, доказав, что широко распространенная с начала XX в. датировка этого события 1639 г. является ошибочной. На самом деле Обоянская крепость была заложена 16 августа 1649 г.

Перед инициаторами мероприятия встала задача найти «площадку» для ее проведения. В результате выбор был сделан в пользу Обоянского филиала Курского колледжа культуры. Руководство этого учебного заведения активно поддержало инициаторов. В филиале была сформирована рабочая группа по подготовке конференции во главе с директором В. М. Шокуровым. Оперативная работа была возложена на преподавателя филиала А. Н. Казакову. Тематику, хронологические и географические рамки и основные направления работы конференции было решено сформулировать по уже выработанному рыльскому «шаблону».

Межрегиональная научная конференция «Обоянь и обоянцы в отечественной и зарубежной истории и культуре» состоялась 21 апреля 2012 г. в Обоянском филиале Курского колледжа культуры. На пленарном заседании и на трех секциях было сделано в общей сложности 24 доклада, а также представлено 3 выступле-

---

² Там же.

³ Рыльск и рьяне в отечественной и зарубежной истории и культуре: Сб. материалов межрегион. науч. конф. (г. Рыльск, 3 июня 2011 г.) / Ред.-сост. А. И. Раздорский. Рыльск, 2012. 336 с. — Содержание сборника см. в конце настоящей книги.

ния в стендовом формате. По сравнению с рьльской конференцией расширилась география участников: в Обояни выступали историки и краеведы из Обояни, Курска, Белгорода, Ивни, Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Киева и Сум.

По итогам работы конференции к концу 2012 г. был сформирован сборник материалов, в который вошли 43 статьи, разбитые на семь тематических разделов: «Археология», «Военно-политическая и социально-экономическая история», «Церковная история», «Биографика. Генеалогия. Просопография», «Культура и просвещение», «Этнография», «Топонимика». Авторами статей являются как профессиональные историки, так и краеведы и преподаватели средних учебных заведений. Значительный объем информации, содержащейся в материалах сборника, основан на до сих пор не изученных архивных документах и впервые вводится в научный оборот. В приложении опубликован краткий биографический справочник об обоянских воеводах и других начальствующих должностных лицах XVII–XVIII вв., а также «Описание Обоянского уезда», составленное корнетом Малороссийского кирасирского полка И. И. Мазаракием в 1818–1819 гг., из фондов РГВИА.

Проведение историко-краеведческих конференций в Рьльске и Обояни стало важным событием в общественно-культурной жизни этих городов и, хочется надеяться, даст импульс для дальнейшего развития местного краеведческого движения. Мероприятий подобного уровня и масштаба в малых городах Курской области до сих пор не проводилось. На таких конференциях краеведы, преподаватели и учащиеся учебных заведений, библиотекари, рядовые любители местной истории получают уникальную возможность ознакомиться «из первых рук» с результатами исследований специалистов из академических институтов, федеральных библиотек и архивов, ведущих университетов страны, посвященных их родным городам и микрорегионам.

В настоящее время речь идет о расширении традиции проведения историко-краеведческих конференций, аналогичных рьльской и обоянской, на другие малые исторические города Курской области. На 2014 г. намечено проведение конференции «Суджа и суджане в отечественной и зарубежной истории и культуре», посвященной 350-летию обретения Суджей статуса города. В перспективе возможно проведение конференций, посвященных Льгову, Дмитриеву, Фатежу, Щиграм и их округам.

А. И. Раздорский

А. В. Кашкин

КРАТКИЙ ОЧЕРК ОБОЯНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Нельзя сказать, чтобы Обоянскому региону особенно везло с археологическими исследованиями. По сравнению с соседними Беловским или Суджанским районами здесь обнаружено гораздо меньше археологических памятников (в Беловском районе их 68, в Суджанском — 150, в Обоянском — 50). Верховья Псла вообще обследованы археологами пока еще недостаточно.

История изучения обоянских древностей восходит еще к началу XX в. и связана с именем известного русского археолога Д. Я. Самоквасова. Во время исследования городища и курганов у с. Гочево в 1909 г. он произвел раскопки на дюне у д. Шмырево, обнаружив поселение и грунтовый могильник раннесредневекового времени. К тому же 1909 г. относятся и разведки в верхнем течении Псла его ученика К. П. Сосновского. Результатом этих работ явилась довольно подробная карта, на которую были нанесены несколько поселений и значительное количество курганов.

Разведочные работы в этом регионе были продолжены лишь в 1948 г., когда И. И. Ляпушкин обследовал бассейн Псла. Затем были разведки Б. А. Шрамко 1958 г., О. Н. Мельниковской 1971 г., В. Е. Щелинского 1977 г., Е. М. Горюнова 1978 г., В. М. Горюновой 1982 г., О. Н. Щегловой 1986 г. Эти разведки не носили системного характера и обследовали лишь памятники тех эпох, которые были связаны с научными интересами авторов. Наиболее результативными стали работы Центрально-Черноземного отряда Института археологии АН СССР под руководством автора настоящей статьи, который в рамках проекта по созданию Свода памятников истории и культуры планомерно обследовал Курскую область, в том числе и памятники Обоянского района (в 1981–1983 гг. и в 1987 г.).

Раскопками было исследовано сравнительно немного памятников археологии Обоянского района (7 объектов). Это работы Д. Я. Самоквасова 1909 г. и Е. А. Горюнова 1978–1980 гг., о которых будет сказано ниже.

На сегодняшний день мы располагаем сведениями о 50 памятниках археологии, расположенных в Обоянском районе, из них: стоянок — 1, поселений — 10, городищ — 3, селищ — 13, грунтовых могильников — 2, курганов и курганных могильников — 21. Уникальность местных памятников археологии заключается в том, что они принадлежат практически ко всем доисторическим и историческим эпохам, а именно: палеолиту — 1, мезолиту — 1, неолиту — 1, эпохе бронзы — 8, раннему железному веку — 13, раннему

средневековью (III–IV, V–VII вв.) — 13, развитому средневековью (IX–X вв.) — 7, позднему средневековью — 1. Обратим внимание, что большая часть памятников — это многослойные поселения.

Остановимся на наиболее значимых археологических объектах, на которых проводились раскопки. Таких памятников сравнительно немного, но их материалы существенно обогатили отечественную археологическую науку. В основном исследованные раскопками поселения и могильники относятся к раннему средневековью (с наличием материалов и других эпох). Эти раскопки были связаны с научными интересами ленинградского археолога Е. А. Горюнова.

Гремячка. Селище, III–IV, IX–X вв. 0,3 км к юго-западу от деревни, придолинный склон правого берега р. Псел. Вскрыто 600 кв. м (Е. А. Горюнов, 1978 г.). Размеры около 170×150 м, высота от реки 12–15 м. Культурный слой толщиной 0,2–0,4 м. Прослежено два горизонта. К киевской культуре относятся остатки трех углубленных в грунт на 0,2–0,5 м жилищ подквадратной в плане формы размерами около 2,5×2,5 и 3,5×3,5 м, с открытыми очагами. Два жилища с печами-каменками в углах, размерами 4,7×4,2 и 3,6×3,4 м, углубленные в материк на 0,4–0,8 м, относятся к роменской культуре. Найдены точильные камни, глиняные пряслица, железное шило, керамика. Е. А. Горюнов датировал ранний горизонт памятника IV–V вв., а А. М. Обломский отнес его к III–IV вв. (либо поздней этап зарубинецкой культуры, либо ранняя фаза киевской культуры).

Картамышево. Поселение 1 (Картамышево 1А), эпоха бронзы, ранний железный век, V–VII вв. 0,25 км к югу от северо-западной окраины села, юго-западный склон дюны на правом берегу р. Псел. Размеры дюны 130–150×60–80 м, высота от поймы до 4–5 м. Поверхность повреждена дорогой. Вскрыто 268 кв. м (Е. А. Горюнов, 1978 г.). Культурный слой толщиной до 0,6 м. Основные сооружения и материалы относятся к колочинской культуре. Обнаружены остатки углубленного в грунт на 0,3–0,4 м жилища подквадратной в плане формы размерами около 3,6×3,6 м. Стены его были обложены плахами. Найдены железные ножи, шилья, глиняные тигли, пряслица и керамика эпохи бронзы, позднего этапа зарубинецкой культуры, а также колочинской культуры. В начале 1970-х гг. вблизи поселения в песчаном карьере был найден железный меч с бронзовым пластинчатым перекрестьем, возможно, происходящий из разрушенного погребения и датированный серединой — третьей четвертью 1-го тыс. н. э.

Поселение 2 (Картамышево 2), мезолит, ранний железный век, 0,75 км к юго-юго-востоку от села, дюна в пойме правого берега р. Псел. Размеры дюны 180–200×60–80 м, высота от реки до 5 м. Поверхность местами эрозирована. Вскрыто около 1870 кв. м (Е. А. Горюнов, 1979–1980 гг.). Культурный слой толщиной до 0,5 м перекрыт слоем стерильного песка мощностью 0,2–0,5 м. Наиболее ранний период заселения дюны относится к эпохе мезолита.

Находки этого периода представлены изделиями из кремня и кварцита (пластинки, резец, проколки, наконечник стрелы, выемчатые орудия, скребки). Обнаружены остатки десяти жилищ позднего этапа зарубинецкой культуры: одного наземного столбовой конструкции, а также полуземляночных, подквадратной в плане формы, с длиной стен от 3,5 до 5 м, с открытыми очагами. Среди других вскрытых объектов остатки железоплавильного горна. Найдены бронзовая фибула, две подвески-лунницы с красной эмалью, две трапецевидные подвески, стеклянные и пастовые бусины, глиняные пряслица, железные ножи, шилья, наконечник стрелы, топор, посоховидные булавы. Датировка основного слоя поселения — I–II вв.

Грунтовый могильник, V–VII вв., 0,75 км к югу–юго-востоку от села, территория поселения 2, дюна в пойме правого берега р. Псел. Обнаружил при раскопках поселения и исследовал в 1979–1980 гг. Е. А. Горюнов. Им вскрыто 51 погребение. Они относятся к колочинской культуре и произведены по обряду трупосожжения. В 30 погребениях остатки кремации: кальцинированные кости с остатками погребального костра (зола и угли), помещенные в округлые в плане могильные ямы диаметром 0,4–0,8 м. Кальцинированные кости, помещенные в урны — лепные горшки, как правило, очищены от золы и углей. Урны ставились в небольшие округлые ямки, некоторые из них были покрыты сосудами, поставленными сверху дном. Ряд погребений могильника (в основном безурновые) образуют группы из двух–трех, которые были огорожены прямоугольными оградками размерами около 2,5×3,5 м (от них сохранились узкие канавки глубиной 0,1–0,25 м и шириной до 0,2 м). В погребениях найдены глиняные пряслица, стеклянные бусины, фрагменты костяного гребня, бронзовые провололочные височные кости, трапецевидная подвеска, железный нож, фрагменты керамики и др. Особый интерес представляют серебряная литая фибула, серебряный язычок поясной пряжки и бронзовый наконечник ремня. Датировка могильника — VI–VII вв.

Поселение 3 (Картамышево 3А), V–VII, VIII–X вв., 0,75 км к юго-востоку от села, дюна в пойме правого берега р. Псел. Размеры 100–120×20–40 м, высота от реки 2–3 м. Вскрыто 40 кв. м (Е. А. Горюнов, 1980 г.). Культурный слой толщиной 0,1–0,4 м содержит культурные остатки колочинской и роменской культур. Обнаружены остатки углубленной в грунт на 0,5–0,8 м постройки прямоугольной в плане формы размерами 3,7×3 м со следами древесного тлена на полу. Найдены многогранная хрустальная и круглая глиняная бусины, глиняное пряслице, кусок шлака, обломок тигля, фрагменты лепной и раннегончарной керамики.

Шмырево. Поселение 1 (Шмырево 1), неолит, эпоха бронзы, III–IV вв. 0,35 км к юго-западу от западной части деревни, урочище Пески, южный склон дюны на правом берегу р. Псел. Размеры не установлены, протяженность дюны не менее 1 км, высота от реки — до 6–12 м. Поверхность занята лесом. Вскрыта площадь 382 кв. м (Д. Я. Самоквасов, 1909 г.; Е. А. Горюнов,

1978–1979 гг.). Культурный слой толщиной от 0,1 до 0,45 м. Нижний горизонт связан со стоянкой эпохи неолита или эпохи бронзы. К эпохе бронзы относятся остатки прямоугольного жилища размерами 9×3,5 м, углубленного в грунт на 0,45–0,7 м, с округлой очажной ямой. Находки эпохи неолита-бронзы представлены кремневыми стрелами, ножами, скребками, каменными молотком, грузилом, глиняным пряслицем, керамикой. Два других жилища относятся к киевской культуре. Это подквадратные в плане полуземлянки размерами 5×5 и 3,5×3,6 м, углубленные в грунт на 0,8 и 0,4–0,5 м. Находки этого периода представлены исключительно фрагментами керамики.

Грунтовый могильник, ранний железный век, III–IV вв., 0,35 км к юго-западу от западной части деревни, южный склон дюны на правом берегу р. Псел, территория поселения 1. Размеры могильника не определены, высота от реки до 4 м. Количество погребений, раскопанных в 1909 г. Д. Я. Самоквасовым, неизвестно. В 1978 г. Е. А. Горюновым были исследованы два погребения по обряду трупосожжения. Остатки кремации помещались в сосуды-урны или же просто в могильные ямы. Среди погребального инвентаря бронзовые подвеска с красной эмалью, булавка, проволочные кольца, обломок витого браслета, фибулы, серебряный перстень, стеклянные бусы, железные ножи, сошник, глиняные пряслица и др. Большая часть этих находок была найдена при раскопках 1909 г. По сведениям Д. Я. Самоквасова, местными жителями на дюне были собраны также серебряные римские монеты II в.

Из других археологических объектов несомненно следует обратить внимание на три городища на правом берегу р. Псел.

Бушмено. Городище, ранний железный век, 0,9 км к юго-юго-востоку от села, мыс левобережной террасы р. Рыбинка и правобережной террасы р. Псел. Площадка размерами 115×100 м, высотой от поймы 15–17 м, с напольной восточной стороны была укреплена валом и рвом (не сохранились); склоны эскарпированы. Поверхность распахивается, юго-западный край занят лесопосадками. Найдены глиняные пряслица, терочник из кварцита, железное кольцо, бронзовая проволочка и керамика скифоидной культуры.

Картамышево. Городище 1 (Картамышево 1), ранний железный век, 0,7 км к северу-северо-западу от северо-восточной окраины села, урочище Городок, мыс правобережной террасы р. Псел. Площадка округлой в плане формы, размерами 25×18 м, высотой от реки 34–36 м, с напольной стороны укреплена валом высотой до 2,5 м и рвом глубиной 1–2 м. Еще один внешний вал не сохранился. Культурный слой толщиной 0,2 м. Найдена керамика скифоидной культуры.

Городище 2 (Картамышево 3), ранний железный век, IX–X вв., 0,6 км к северу-северо-западу от села, урочище Погребок, мыс правобережной террасы р. Псел. Площадка овальной в плане формы, размерами 40×22 м, высотой от реки 28 м. Оборонительные сооружения не сохранились. Площадка по-

вреждена противозерозионными траншеями. Культурный слой толщиной до 0,4 м. Найдена керамика скифоидной и роменской культур.

Среди всех памятников археологии Обоянского района значительное место занимают одиночные курганы и курганные могильники, расположенные на водораздельных возвышенностях у деревень Бавыкино, Горки, Дрозды, Запселье, Знобиловка, Камынино, Красный, Павловка, Пересыпь, Семяновка, Точилина Пасаека, Шипы, Шмырево. Большая их часть распаивается. Курганы не подвергались раскопкам и датировать их можно лишь в самых широких диапазонах от эпохи бронзы до скифского времени. Не исключена возможность обнаружения в них и средневековых кочевнических погребений.

Все сведения о памятниках археологии Обоянского района были обобщены автором настоящей статьи и включены в один из выпусков серии «Археологическая карта России», посвященному археологии Курской области, который издан в Москве в 2000 г.

А. В. Кашкин, В. В. Приймак

Памяти Б. А. Шрамко

К ИЗУЧЕНИЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э. ВЕРХНЕГО ТЕЧЕНИЯ ПСЛА

В данной работе авторы постарались восполнить недостаточно освещенные в серии «Археологическая карта России» (далее — АКР) страницы истории изучения археологического наследия Курской области, а также обратить внимание на ряд дискуссионных проблем, ключ к решению которых находится на памятниках археологии Обоянского района и шире — микрорегиона верхнего течения Псла.

Курская область считается одним из регионов России, на территории которых хорошо изучены памятники раннего железного века. Стационарные работы А. Е. Алиховой и А. И. Пузиковой, осуществлявшиеся в Посеймье, своим размахом затмили исследования памятников предскифского и скифского времени бассейна Псла, носившие преимущественно разведочный характер (работы самой А. Е. Алиховой, а также О. Н. Мельниковской, Ю. А. Липкинга, Б. А. Шрамко). Масштабные раскопки были развернуты в рассматриваемом регионе лишь в последней четверти XX в. В этот период они осуществлялись ленинградскими исследователями во главе с Е. А. Горюновым (М. Б. Шукин, В. М. Горюнова, О. А. Щеглова и др.), а также московскими археологами А. В. Кузой и А. А. Узяновым при участии А. В. Кашкина и В. И. Кулакова.

Б. А. Шрамко (в центре) на раскопках в Гочево. 1950-е гг.

Значительное место в полевой деятельности Б. А. Шрамко (1921–2012) занимали археологические разведки, проводившиеся им не только на территории Украины, но и в сопредельных областях России. Материалы последних были использованы в работах самого Б. А. Шрамко, публикациях его учеников А. А. Моруженко, Ю. Н. Бойко и др. В 1958 г. Б. А. Шрамко провел разведки памятников в основном скифского времени в пределах Белгородской и Курской областей, в бассейнах Северского Донца, Псла и Сейма¹. В этой разведке принимали участие В. К. Михеев и В. П. Андриенко, ставшие впоследствии известными археологами. Исследования памятников верхнего течения Псла, где пролегла основная часть маршрута разведки Шрамко, способствовали заполнению лакуны на карте городищ и селищ скифского времени, созданной в основном И. И. Ляпушкиным. Если деятельность московских и ленинградских исследователей получила полное отражение в литературе, прежде всего, в историографической части АКР по Курской области, то работы Б. А. Шрамко — ученика Б. Н. Гракова — освещены весьма лаконично и ограничены, как правило, лишь упоминаниями². Многочисленные работы биографического плана рассказывают о творческом пути участника Великой Отечественной войны, прошедшего путь от студента до профессора Харьковского университета³. Такие работы выходили к юбилеям исследователя, в том числе к ставшему последним 90-летию⁴. Публикация о развед-

ках 1958 г. в бассейне Псла была последней из посвященных Б. А. Шрамко, с которой он успел ознакомиться⁵.

На территории Обоянского района Б. А. Шрамко обследовал 10 памятников (из 50 известных по АКР), на территории Беловского района — Гочевский комплекс памятников раннего железного века, раннего и развитого средневековья, являющийся опорным для рассматриваемого участка бассейна Псла. В ходе шурфовки городища-2 «Царский дворец» было открыто первое из погребений могильника, впоследствии исследованного курскими археологами⁶. Б. А. Шрамко были обследованы городища скифского времени Бушмено, Картамышево-1, Картамышево-2 (последнее с отложениями роменской культуры). Исследователь осматривал также многослойные селища с материалами раннего железного века: Воробьевка-1 и Воробьевка-2, Бушмено, Усланка, Картамышево-4. Как правило, подстилающим на этих памятниках был горизонт эпохи бронзы, но часто исследователь делал оговорки относительно возможной принадлежности фрагментов посуды юховской культуре. Помимо поселений с материалами эпохи бронзы — раннего железного века, Шрамко открыл черняховское селище Усланка, роменское селище Гридасово-3⁷.

Как известно, круг научных интересов Б. А. Шрамко не ограничивался основным объектом исследований — Бельским городищем скифской эпохи. Его внимание привлекали также древности предскифского периода, римского времени, раннего, развитого и позднего средневековья. Памятники этих эпох разведывались и стационарно исследовались ученым преимущественно в бассейнах Северского Донца и Ворсклы. Материалы римского времени, раннего и развитого средневековья, а также нового времени, полученные в ходе разведок и раскопок в российской части течения Псла самим Б. А. Шрамко и последующими поколениями исследователей, получили надлежащую оценку в работах специалистов (А. М. Обломского, Р. В. Терпиловского, О. А. Щегловой, В. В. Енукова, Г. В. Стародубцева, В. В. Скирды и др.).

В ходе разведки 1958 г. Шрамко наметил несколько проблем, касающихся бассейна верхнего Псла и всего Днепро-Донского региона, требующих разрешения в будущем. Это соотношение памятников раннего железного века лесостепной и лесной зон, в частности, проникновение носителей юховской культуры на территорию Днепровского лесостепного Левобережья, а также связь древностей скифского времени с предшествующими культурами эпохи бронзы.

Памятники предскифского периода традиционно привлекают внимание археологов, изучающих древности раннего железного века и эпохи бронзы. Культуры этого периода исследовались харьковскими археологами: самим Шрамко (именно он был одним из исследователей, выделивших бондарихинскую культуру) и его учениками⁸. Однако уже многие годы материалы, полученные в ходе стационарных исследований памятников эпохи бронзы с

территории верхнего Псла, среди которых, в частности, имеются и древности предскифского времени, остаются не востребованными. До сих пор не опубликованы и даже не упоминаются в специальных работах о древностях эпохи бронзы раскопанные Е. А. Горюновым жилище с поселения Шмырево-1 Обоянского района, которое нуждается в культурно-хронологической атрибуции⁹, погребение сосницкой культуры с поселения Гочево-4, жилище бондарихинской культуры из селища Гочево-3 Беловского района¹⁰. Материалы как малобудковского типа, так и позднего этапа марьяновско-бондарихинской культуры (или собственно последней, исходя из точки зрения некоторых исследователей) происходят также из граничащих с верховьями Псла территорий: с Чаплищи близ Путивля (работы В. В. Приймака) и д. Липина (х. Студеновский) в районе Курска (раскопки О. Н. и В. В. Енуковых) на Сейме, х. Кулига (раскопки М. Б. Щукина) и с Зеленый Гай (работы В. В. Приймака) на Псле. Расширился круг древностей степного происхождения, синхронных этим автохтонным памятникам, в первую очередь, срубной культуры (Речки, южная окраина Курска)¹¹. Местами фиксируется появление степных вещей IX–VIII вв. до н. э. в ареале бондарихинской культуры (Духовец)¹². Накопленные материалы позволяют в основных чертах наметить ход историко-культурного развития в среднем Посеймье и на верхнем Псле во II тыс. до н. э. и очертить направление исследований на ближайшие десятилетия.

Предскифские лесостепные древности на территории Днепровского Левобережья лучше всего изучены в широкой округе Бельского городища (на расстоянии до 40–50 км от него). Наряду с малобудковскими (Марки)¹³ и бондарихинскими (Хухра, Глинское-4)¹⁴ керамическими формами, зафиксирован набор посуды с чертами срубной культуры (Котельва, ур. Рубежное)¹⁵. Надо сказать, что в Подонье контакты бондарихинской и срубной культур отмечены в XII–XI вв. до н. э. и объясняются исследователями упадком последней и проникновением носителей бондарихинской культуры в ареал срубной¹⁶. Аналогичным является хронологическое соотношение финала срубной культуры и появления памятников малобудковского типа на Левобережье Днепра: от рубежа XIII–XII до середины XI в. до н. э.¹⁷

Бассейн Псла (верхнее и среднее течения) для раннего железного века, кроме основной части Бельского городища (включая Западное укрепление), а также памятников у границы Полтавской и Сумской областей (Кнышовка, Броварки), изучаемых П. А. Гавришем, до полевого сезона 2012 г. оставался исследованным очень слабо. Он разделял сравнительно хорошо известные по стационарным работам регионы, расположенные к востоку и западу от этого притока Днепра, протекающего по центральной части левобережной лесостепи. Не введенные в научный оборот материалы скифского времени происходят из расположенных на северной и северо-восточной окраи-

нах Сум, соответственно, Битицкого городища (раскопки О. В. Сухобокова и С. П. Юренко) и селища у с. Косовщина (раскопки А. И. Журко). С первого памятника происходят также позднескифские материалы и древности других культур рубежа н. э.

Бельское городище скифского времени являлось крупнейшим административным и хозяйственным центром лесостепи. Сфера его влияния распространялась на бассейны Псла, Ворсклы и значительной части Северского Донца. Ближайшим к верховьям Псла микрорегионом с хорошо исследованными памятниками предскифского и скифского времени, входящим в один и тот же культурный ареал, является территория, прилегающая к Бельскому городищу. Их разделяет расстояние в 250–300 км. Другие микрорегионы с исследованными памятниками (северные притоки Сейма — Тускарь, Свапа, Клевень, а также путивльское течение Сейма) относятся к иному миру, связанному в первом случае с памятниками лесной зоны, в частности, юхновской культуры, а во втором — территориально тяготеющим к Посулью.

Бассейн верхнего течения Псла, вероятно, представлял собой северо-восточную окраину подчиненной Бельскому городищу системы памятников. В 2012 г. в ходе исследований на посаде Большого Горнальского городища В. В. Енукову удалось получить убедительные материалы, свидетельствующие о непосредственных контактах обитателей этого поселения с Бельским городищем. Помимо распространенной на всем Левобережье Днестра керамики с проколами (рис. 1: 4–8), были встречены обломки крупного сосуда, орнаментированного наклепными горизонтальными и вертикальными валиками под венчиком и тулову сосуда (рис. 1: 1). Формы керамики с аналогичной орнаментацией встречены на Бельском городище (вблизи его Западного укрепления), на селище «Лисовый Кут» (рис. 1: 2)¹⁸, расположенном в менее чем 1 км от первого. Наиболее важным представляется открытие в раскопе 2012 г. на посаде Большого Горнальского городища части большой постройки, аналогии которой на территории Днепроовского Левобережья за пределами Западного укрепления Бельского городища пока не известны (консультация И. Б. Шрамко). Аналогичной является постройка на Западном городище, исследуемая в настоящее время И. Б. Шрамко, в чем В. В. Енуков и О. Н. Енукова имели возможность убедиться лично в августе 2012 г. Предварительно постройка с Западного укрепления датируется в пределах V в. до н. э., как и упомянутый керамический комплекс селища «Лисовый Кут». В связи с этим необходимо отметить, что в помещении с Западного укрепления встречены гвоздевидные булавы, подобные найденной у постройки юхновской культуры в раскопе у х. Студеновский возле д. Липина в бассейне Сейма (материалы раскопок В. В. Енукова; не опубликованы).

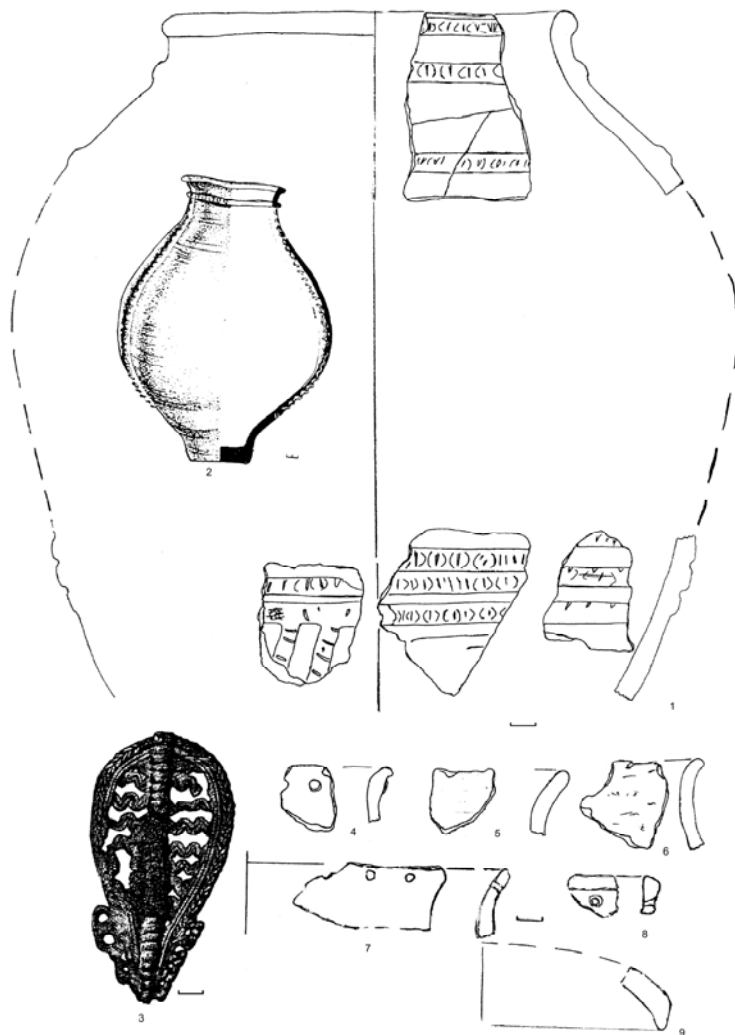

Рис. 1. Находки скифского времени из региона верхнего Псла и их аналогии.

- 1 – обломки горшка; 2 – горшок; 3 – навершие булавки;
 4–8 – фрагменты венчиков горшков; 9 – обломок крышки
 (1, 3–9 – Горналь; 2 – селище «Лисовый Кут» на Бельском городище)
 (3 — раскопки А. В. Кузы, 1, 4–9 — раскопки и разведки В. В. Енукова;
 2 — раскопки А. В. Гейко).

Городища скифского времени верхнего течения Псла (Бушмено, Долгий Колодезь-3, Долгий Колодезь-4, Корочка, Кривицкие Буды) можно отнести к числу центров местного значения. Оба картамышевские городища, как и ряд других городищ (Гочево — Крутой курган, Горналь — Большое городище), имеют небольшие размеры, культурный слой на них незначительный, объекты в ходе стационарных исследований зачастую не выявляются или представлены ямами. Возможно, они были сторожевыми пунктами либо убежищами. Вероятно, крайним восточным городищем раннего железного века на Псле являлось Обоянское, выделяющееся по позднесредневековым картографическим материалам и сведениям письменных источников, но не обследованное археологами. Аналогичная картина наблюдается и ниже по течению Псла, а также в путивльском Посеймье. Однако имеются и отличия. Большое городище у с. Битица, наличие округлого городища с дополнительными укреплениями в окрестностях Сум (Токари), сложное городище вблизи последнего (Бездрик) напоминают прилегающий с севера к Бельскому городищу обширный укрепрайон (примерно в 30–50 км от последнего: Заречное, Каменка, Сосонка, Журавное и др.). Памятники раннего железного века верхнего течения Псла имеют отличную от среднего течения этой реки структуру. Она характерна для пограничных территорий скифского времени. Наличие на отдельных из них черт, присущих юхновской культуре в виде нескольких рядов валов и рвов, позволяет дополнить полученные в ходе стационарных работ и разведок юхновские комплексы и отдельные находки на памятниках Посеймья. К сожалению, эти городища остаются не исследованными стационарно.

Подводя итоги разведки 1958 г., Б. А. Шрамко отметил проникновение юхновского населения в бассейн Псла. При этом в основном он базировался не на материалах своих разведок, а на хранящихся в ГИМ материалах раскопок Д. Я. Самоквасова 1891 г. из кургана у д. Воробьевка, в котором имелось впускное погребение с горшком юхновской культуры (этот памятник заслуживает отдельной публикации). В инвентаре последнего, помимо горшка, были также белая пастовая бусина и зеленый фаянсовый египетский скарабей¹⁹. Еще один предмет из египетского фаянса — плакетка в виде льва — происходит из бассейна Ворсклы с позднесарубинецкого могильника у с. Мокрая Орловка Борисовского района Белгородской области²⁰. Сложно говорить о том, как хронологически соотносится с названными египетскими предметами половинка бусины из фиолетовой пасты с городища Новотроицкого²¹. Пока же вопрос о проникновении носителей культуры лесной полосы в лесостепь южнее Сейма решается на материалах нескольких позднесарубинецких памятников: поселений Великие Будки в верхнем Посулье, Картамышево-2 с верхнего Псла и упомянутого могильника, находящегося в верховьях бассейна Ворсклы²².

Задачей разведки Б. А. Шрамко 1958 г. являлось выяснение распространения и характера памятников раннего железного века в зоне контактов лесостепных скифских и юхновских древностей. В то время ученый поставил проблему, которая на сегодня разрешена лишь частично. По материалам юхновского могильника на Марицком городище время контактов определено А. И. Пузиковой в пределах IV–III вв. до н. э.²³ Однако проблема взаимоотношений населения лесостепи и лесной полосы в раннем железном веке требует отдельного анализа²⁴ и проведения дальнейших масштабных полевых исследований.

В том же 1958 г. Б. А. Шрамко начал длившиеся до 1995 г. под его руководством, а затем продолженные его дочерью И. Б. Шрамко исследования Бельского городища. Сам Б. А. Шрамко отмечал, что, начав работы на Бельском городище, ему пришлось отказаться от работ на многих других памятниках Днепровского Левобережья. Не был выяснен, в частности, вопрос о взаимоотношениях юхновской культуры с древностями лесостепной полосы Днепровского Левобережья. И по сию пору данная проблема далека от своего решения, ведь стационарное изучение древностей как скифского, так и в особенности позднескифского периодов среднего и верхнего течений Псла только началось.

Массивы курганов и курганных могильников Сулы и Псла разорваны в их междуречье, что было окончательно выяснено в ходе разведок Историко-культурного заповедника «Бельск» 2009 г. (материалы готовятся к публикации). Вопрос о пределах зависимой от Бельского городища территории частично разрешен в работах Ю. Н. Бойко. Он показал непосредственную связь памятников бассейнов левых притоков Псла Ольшанки и Сыроватки с Ворсклинской региональной системой скифского времени, центром которой являлось Бельское городище²⁵. Теперь к этим территориям следует добавить верхнее течение Псла в целом. Принадлежность этого микрорегиона к ареалу влияния Бельского городища аргументируется полученными в ходе исследований В. В. Енукова материалами Горналя 2012 г., прежде всего, жилищем, аналогичным распространенным на территории Западного укрепления Бельского городища, с которым в полевых условиях ознакомились авторы. Полученные ранее из раскопок Горнальского комплекса памятников под руководством А. В. Кузы материалы были рядовыми для памятников скифского времени северной части лесостепи Днепровского Левобережья. На городище было раскопано несколько хозяйственных ям, встречены фрагменты керамики, два наконечника стрел и ажурное навершие булавы²⁶. Находящееся на территории Обояни городище является для бассейна Псла наиболее восточным и поэтому представляет значительный интерес как в плане изучения древностей раннего железного века, так и возникновения Обояни. Необходимо немедленно начать археологические исследования этого памятника.

Примечания

- ¹ Шрамко Б. А. Отчет об археологических разведках экспедиции ХГУ на территории Белгородской и Курской обл. в 1958 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 1843. Л. 6–12, 13–15.
- ² Археологическая карта России: Курская область / Сост. А. В. Кашкин. Ч. 1. М., 1998. С. 34, 136–139; *Кашкин А. В.* Археология Курской области // Археологическая карта России: Очерки археологии регионов / Под ред. А. В. Кашкина. Кн. 1. М., 2001. С. 181–235.
- ³ Борис Андрійович Шрамко: Біобібліогр. покажчик: До 40-річчя наукових досліджень ученого на Полтавщині. Полтава, 1995. 66 с.
- ⁴ *Коротя О. В., Приймак В. В., Охріменко А. І., Сидоренко О. В.* Кургани і майдани басейну р. Грунь-Ташань (до 90-річчя Б.А.Шрамка) // Пам'ятки археології північно-західного і західного секторів округи Більського городища (I тис. до н. е. — I тис. н. е.). Полтава, 2010. С. 29–73.
- ⁵ *Кашкин А. В., Приймак В. В.* Археологические исследования Б. А. Шрамко в бассейне верхнего Псла // Феномен Більського городища: збереження, дослідження та популяризація найбільшої в Європі пам'ятки доби раннього залізного віку. Київ, 2012. С. 63–67.
- ⁶ *Шрамко Б. А.* Отчет... Л. 9; *Кашкин А. В., Стародубцев Г. Ю.* Гочевский археологический комплекс на р. Псел // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию начала археол. исслед. Гочев. археол. комплекса. Курск, 2009. С. 4–7.
- ⁷ Археологическая карта России: Курская область / Сост. А. В. Кашкин. Ч. 2. М., 2000. С. 36–47.
- ⁸ *Буйнов Ю. В.* Студенокская группа памятников финального этапа позднего бронзового века // Проблемы археологии Восточной Европы: К 85-летию Бориса Андреевича Шрамко. Харьков, 2008. С. 42.
- ⁹ Археологическая карта России: Курская область. Ч. 2. С. 48.
- ¹⁰ Там же. Ч. 1. С. 133–134.
- ¹¹ *Коротя О. В., Осадчий Є. М., Приймак В. В.* Нові дані про городища і кургани північно-західного і північно-східного секторів округи та ареалу впливу Більського городища // Пам'ятки археології... С. 23–24.
- ¹² *Могилко О. Д., Зорін О. В., Приймак В. В.* Доскіфський псалій з Курського Посейм'я // Пам'ятки археології... С. 9–16.
- ¹³ *Буйнов Ю. В.* Поселение и грунтовой могильник бондарихинской культуры у хут. Марки Полтавской области // Археологічний літопис Лівобережної України. 2005. № 1/2. С. 3–9.
- ¹⁴ *Шерстюк В. В.* Дослідження різночасового поселення Глинське-4 у Середньому Поворсклі // Там же. 2007. № 1/2. С. 20. Рис. 4: 1.
- ¹⁵ *Шерстюк В. В.* Кераміка зрубного часу із поселення в ур. Рубіжне поблизу Більського городища // Там же. 2005. № 1/2. С. 10–13.
- ¹⁶ Древнейшая история Липецкого края / А. В. Бессуднов и др. Липецк; Тула, 2010. С. 237.
- ¹⁷ *Буйнов Ю. В.* О культурно-хронологической принадлежности памятников малобудковского типа эпохи бронзы // Древности. 1994. Харьков, 1994. С. 6–7, 12.
- ¹⁸ *Гейко А. В.* Набір тарного посуду скіфської доби з Більського городища // Археологічний літопис Лівобережної України. 2002. № 1. С. 185, рис. 6.
- ¹⁹ *Шрамко Б. А.* Отчет... Л. 8.
- ²⁰ *Обломский А. М.* Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н. э. М.; Сумы, 1991. С. 203.

²¹ Горюнова В. М., Родинкова В. Е. Раннеславянское поселение Великие Будки (Хутор) // *Stratum plus*. 1999. № 4. С. 207–209, 213–216. Рис. 43–45.

²² Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое: О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства // *МИА*. 1958. № 74. С. 51, 184. Рис. 32: 2.

²³ Археологическая карта России: Курская область. Ч. 2. С. 184.

²⁴ Приймак В. В. Проблеми вивчення старожитностей I тис. н. е. Більського мікрорегіону (до 70-річчя Є. О. Горюнова) // *Пам'ятки археології...* С. 80–82, 95. Рис. 2: 1, 2.

²⁵ Бойко Ю. Н. Социология восточноевропейского города I тыс. до н. э. (по материалам Бельского городища и Ворсклинской региональной системы скифского времени) // *Древности*. 1994. Харьков, 1994. С. 29–31. Рис. 1.

²⁶ Куза А. В. Большое городище у с. Горналь // *Древнерусские города*. М., 1981. С. 10, 11, 28. Рис. 3: 13.

В. В. Приймак

ТЕРРИТОРИЯ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЙ ПСЛА В ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ВРЕМЯ (середина XIII — XIV вв.)

Итоги археологических исследований южнорусских территорий золотоордынского времени подводились в монографии С. А. Беляевой, уже треть столетия являющейся основной работой по данному кругу вопросов¹, совместной работе этой исследовательницы и А. И. Кубышева, монографиях И. С. Винокура и П. А. Горишного, Г. Ю. Ивакина², а также коллективной работе автора и полтавских археологов³. Тем не менее, со времени их выхода в свет прошло уже достаточно времени. Появляющиеся материалы дают возможность скорректировать выводы почти десятилетней давности. Этому способствуют обработка коллекций древнерусских памятников золотоордынского и начала литовского периодов из фондов ИА НАНУ и музеев⁴, публикация новых комплексов⁵ и переосмысление ранее введенных в научный оборот материалов.

С территории нижнего течения Псла, из района Комсомольска, происходит значительное количество кочевнических комплексов золотоордынского времени⁶.

Наиболее северные погребения в бассейнах Ворсклы и Псла, кроме исследованного в Сумах, находятся на линии Полтава — Решетилровка, они фиксируются погребениями Хоружи (левый приток Псла) и Сторожевое на Коломаке (левый приток Ворсклы). Первое — мусульманское, на что указывают как его безинвентарность, так и характерный поворот костяка и лицевой части черепа к югу⁷. Такие погребения, частично с инвентарем, встречены в Северо-Восточном Причерноморье, в интерпретируемом как монгольский могильник Дракуля. Для многих из них характерен поворот лицевой части черепа к югу (на кыблу)⁸. Вероятно, они отражают начальный этап исламизации населения.

Второе — явно языческое, с богатым инвентарем. Подкурганное погребение на Коломаке совершенно обоснованно отнесено к кругу кыпчакских древностей⁹. Подобные погребения раскопаны К. И. Красильниковым в могильнике Черемшино, расположенном в Привальской степи. Исследователь отыскал многочисленные аналогии в могильниках территорий Заволжья и Южного Приуралья конца XIII — начала XIV вв., удаленных далеко к востоку, откуда они и попали в бассейн среднего течения Северского Донца¹⁰.

В верхнем течении р. Псел располагается группа городищ и неукрепленных поселений древнерусского облика. Крайним из них в восточном направлении является поселение Картамышево-3. Селище многослойное¹¹, имеющее культурный слой и объекты колочинского и волынцевского типов, а также древнерусского облика. В свое время исследователями памятника керамические материалы были определены как древнерусские, при ближайшем рассмотрении оказавшимися золотоордынского времени (яма № 2, находки из культурного слоя), судя по характерной профилировке краев венчиков горшков. В отличие от древнерусских, они не имеют характерной бороздки по внутреннему краю венчиков, края отогнуты наружу под прямым углом к вертикальной оси горшка и заострены (Картамышево, культурный слой). Из ямы № 2 происходят более массивный, чем обычные округлые древнерусские, венчик, а кувшин имел отогнутую наружу прямую горловину (рис. 1)¹². Такая керамика встречена на памятниках бассейнов Псла (Барбара, Тополянский и Шпилевский археологические комплексы) и Сейма (Вурь, Чаплища, Пересыпки), Сулы¹³. Прототипы части этой посуды восходят к формам керамики Рязанской земли. По материалам Семилукского городища выделено несколько типов посуды, большинство форм принадлежат к типам 1, 2, 4, довольно широко распространенным в южнорусских землях. Именно горшки типа 5 — с заостренными краями (по терминологии М. В. Цыбина — «козырьками») и происходят из культурного слоя поселения Картамышево-3. К типу 3 посуды Семилукского городища, более широко распространенному на южнорусских землях, чем тип 5, отнесены горшки с утолщенным наружным краем¹⁴. Такой тип посуды также встречен на поселении Картамышево-3 (рис. 1). Если горшки с более массивными, чем в эпоху Древней Руси, венчиками встречаются в Озаричах, то типа 5 — с «козырьками» — отсутствуют (хотя часть горшков с этого памятника имеет заостренный край, но последний обращен книзу, а не перпендикулярно оси и вверх). Объясняется это, вероятно, хронологическими, а также этнокультурными и локальными факторами. Находки значительного количества чугунных котлов и зеркала на этом поселении, как и жилищ с очагами и входами-коридорами в углу постройки указывают на присутствие степного по происхождению компонента населения на селище Озаричи. На основании анализа материалов указанного памятника и селища у с. Комаровка, а также степных золотоордынских памятников сделан вывод о датировке находок котлов второй половиной XIV в.¹⁵, хотя это

не согласуется со сведениями письменных источников об освобождении литовцами территории Среднего Поднепровья, включая и Посеймье с Путивлем, от монголо-татарского ига в 1362 г.

Новохарьковский могильник, наряду с Шиловским поселением и Семилукским городищем, находящимися в Подонье, также дали сходные с происходящими с поселения Картамышево-3 материалы. Помимо близких форм керамики, в первую очередь горшков с заостренным краем венчика с поселения, расположенного рядом с могильником, происходят обломки кувшинов с прямым отогнутым наружу венчиком (рис. 1). Данная серия керамики датируется исследователями могильника не ранее 30-х годов XIV в. В погребениях № 110 и № 133 могильника были найдены бусы из сердолика¹⁶, по форме близкие к хрустальной бусине из культурного слоя поселения Картамышево-3. Авторы публикации в свое время определили в качестве ее аналогий находки из погребений могильника Дюрсо и датировали VI–VII вв. Позднее семи-восьмигранные и, судя по рисунку, шестигранные, как с данного поселения, хрустальные бусы были отнесены к типу 54. Они являются датирующими для периода V–VI вв.¹⁷ Несмотря на отличия материала, следует все же иметь в виду сходство форм бусины из Картамышево-3 (рис. 1) с золотоордынскими.

Сложнее обстоит дело с хронологией исследованных комплексов и отдельных находок. В среднем течении Псла открыты один погребальный и несколько жилых и хозяйственных комплексов кочевнического и автохтонного древнерусского обликов, датирующихся, преимущественно по керамике, второй половиной XIII — XIV вв.¹⁸ Материалы Гочевского археологического комплекса более поздние, исследователями этого памятника их хронология определена в пределах второй половины XIV — XV вв.¹⁹ К тому же они различаются и в культурном плане. Первые имеют элементы культуры не только русского, но и степного населения, в частности, поселения возле Новохарьковского могильника. Как известно, последний принадлежит аланам²⁰. Могильник был исследован не полностью, а расположенное рядом поселение лишь разведывалось, поэтому остается под вопросом происхождение керамики древнерусского облика на этом памятнике. Либо это объясняется присутствием древнерусского населения, возможно, даже эпизодическим или же, что выглядит на сегодня более обоснованным, такая посуда использовалась аланским и древнерусским населением Подонья и прилегающих регионов золотоордынского периода. Об этом свидетельствуют материалы Шиловского поселения. В частности, в постройке № 13 этого поселения имеется фрагмент горшка с заостренным венчиком, отогнутым вверх²¹. Аналогичные формы посуды встречены и на комплексном памятнике у с. Гайдары на Северском Донце²². Кстати, в упомянутой постройке № 13 Шиловского поселения имеется и форма посуды, аналогичная найденной в Рыльске²³ и Глухове (раскопки автора, материалы не опубликованы).

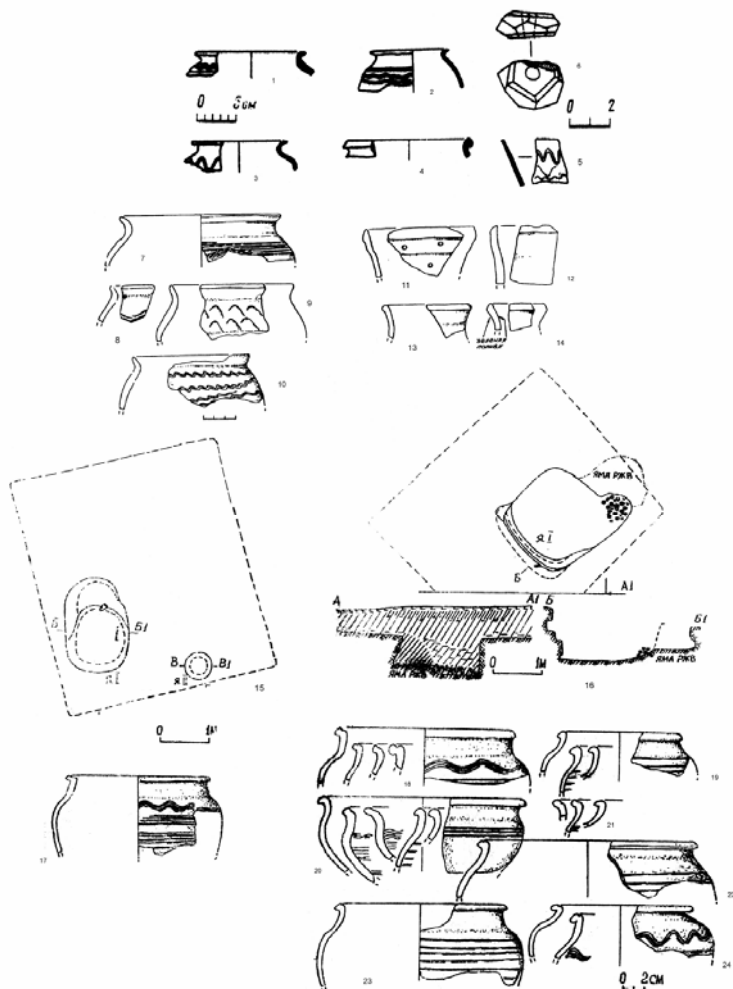

Рис. 1. Сравнительные материалы из бассейна Верхнего Псла и Подонья.
 А. Комплекс находок золотоордынского времени из селища Картамышево-3.
 Б. Находки из золотоордынского поселения у Новохарьковского могильника.
 В. Керамика из жилищ № 20 и № 21 Семилукского городища.

Кроме посуды типов Новохарьковского поселения, в керамических комплексах Днепровского лесостепного Левобережья обнаружались и другие аналогии из Подонья. Так, например, профили горшков, датированные XIV–XV вв. из ямы постройки № 15 (1998 г.) посада летописной Лтавы (Полтавы)²⁴, аналогичны таковым из закрытого комплекса — постройки № 21 из Семилукского городища, датированной концом XII — серединой XIII в. (рис. 1). Исследователи подчеркнули факт продолжения существования памятника спустя некоторое время после монголо-татарского разгрома Рязанского княжества в 1237–1238 гг.²⁵ Недоумение некоторых исследователей по поводу присутствия в упомянутой постройке из Полтавы керамики широкого хронологического спектра — от XII до XIV–XV вв. — объясняется разнотипностью посуды. Керамический комплекс Рязанской земли, по мнению Ю. Ю. Моргунова, основанном на его личных наблюдениях (консультация 2011 г.), очень разнообразен. Он соединяет традиции гончарства южных русских земель и северных территорий, к тому же там появляются и своеобразные формы посуды. Поэтому новые формы керамики иногда воспринимаются как следствие эволюционного развития предшествующих типов посуды, как в данном случае. На самом деле, вероятно, после монголо-татарского нашествия произошел отток населения из этого крайнего юго-восточного княжества в западном направлении. При этом следует иметь в виду, что специалистами отмечалось присутствие алан в этом регионе (городище Холки) еще до монголо-татарского нашествия²⁶. Если судить по материалам Новохарьковского могильника, с Рязанской земли со смешанным населением в середине или второй половине XIII в. на территориях к западу могли оказаться славяне. Аланы и значительная часть славянского населения остались жить на прежних территориях. Значительная масса населения появилась здесь в золотоордынское время, о чем свидетельствуют большие размеры поселений. Вопрос об исходных ареалах миграции необходимо решать в процессе дальнейших исследований. Появление в восточных переяславских землях (Полтава, Глинск) и юго-восточных чернигово-северских землях (Тополи) такой керамики относится, вероятно, не ранее, чем к середине XIII в. О новом населении свидетельствуют и наземное домостроительство, и появление новых типов углубленных построек, с иной планировкой, чем в предшествующие события середины XIII в. время, на памятниках лесостепи и южной части Полесья Днепровского Левобережья²⁷. В то же время количество памятников в этом регионе намного уменьшается сравнительно с более ранним временем.

Регион распространения отдельных находок золотоордынского времени на Левобережье более широкий, чем граница лесостепи и степи. Обломки зеркал встречаются в Днепровской террасовой лесостепи (окрестности Комсомольска, нижнее течение Сулы)²⁸, а также в среднем Посулье и даже на южной границе Полесья, в Посеймье (Озаричи). Чугунные котлы и их обломки известны в Комаровке, Озаричах²⁹, Волинцевом (коллекция КГОМА).

Ременной распределитель золотоордынского времени встречен в Лутище, в округе Бельского городища, располагающейся в бассейнах Ворсклы и Псла, здесь присутствуют и другие находки этого периода³⁰.

В среднем течении Псла (Сумы, подвал здания филармонии) открыто золотоордынское погребение. Следует остановиться на последнем более подробно. Как известно, погребальный обряд золотоордынского периода отличается значительной разнообразностью. Присутствуют, помимо широтной ориентации (как западной, так и восточной) и погребения меридиональной ориентации (северной и южной), с отклонениями во многих случаях. Наиболее территориально близкими погребениями восточной ориентации являются старосанжарские. Присутствие в этом могильнике астрагала и височного кольца с петелькой имеет многие аналогии в Новохарьковском могильнике. В частности, в погребении № 48 данного некрополя, совершенном в гробу, найдены как аналогичное упомянутому кольцу, так и подвеска в виде знака вопроса³¹.

Сумское погребение отличается от старосанжарских. Следы гроба здесь не фиксируются, но расположение гвоздей у погребенного (по обе стороны от черепа) дает основания предполагать его наличие. Погребения в гробах с использованием гвоздей известны в золотоордынских погребениях, в частности, на известном городском памятнике этого времени Костешты. Прекрасно сохранившее многие детали обряда, видимо, раннемусульманское погребение было совершено в гробу, углы и, вероятно, крышка которого были изготовлены с использованием гвоздей (всего 17), у левой ноги погребенного ниже таза был также найден костыль. В северо-западном регионе Причерноморья ориентировка погребений на север и юг связана с ордынским влиянием³². Костешты, вместе с рядом других городов, прекратили существование в 60-х гг. XIV в., как считает вслед за другими исследователями А. О. Добролюбский. В аланском погребальном обряде Новохарьковского могильника имеется одна характерная деталь: наличие высоких земляных «подушек» или меньшая углубленность ям в районе головы (29 погребений)³³. Эта деталь (череп, стоящий на основании, что без соответствующей подставки вряд ли было возможным) роднит погребение из Сум с салтовским из Саркела, а также новохарьковскими захоронениями³⁴.

Помимо котлов, распространенных в бассейне Дона, эта территория является второй, после нижней Волги, где получили распространение погребения с восточной ориентацией. К известным 19 из общего числа 33 в последнем регионе и 5 в бассейне Северского Донца прибавились упомянутые выше на Псле (Сумы) и Ворскле (Старые Санжары), а также захоронение с богатым поясным убором из бассейна Дона (Старая Калитва)³⁵. Погребения с ориентацией головой на восток в золотоордынских древностях связывают обычно с половецким наследием, что в случае с сумским захоронением сомнительно. Многие черты погребального обряда в этот период претерпели изменения,

ориентировка погребений, как предполагал А. О. Добролюбский по материалам Северо-Западного Причерноморья, тоже принадлежит к приобретенным чертам. Следует в этой связи упомянуть могильник у с. Леськи на правом берегу Днепра южнее Черкасс³⁶, а также два погребения у угла мечети с поселения Большие Кучугуры, расположенного на левом берегу Днепра у Запорожья³⁷.

Сейчас число погребений с восточной ориентацией суммарно в бассейнах Северского Донца и на Левобережье Днепра приблизилось к десяти. В районе Комсомольска сосредоточено наибольшее количество исследованных комплексов золотоордынского времени — около 20³⁸. Но датировка этих погребений, возможно, занижена. Выше уже говорилось, что Э. А. Сымонович в 1958 г. у с. Леськи, на противоположном берегу Днепра от Комсомольска, южнее Черкасс, исследовал семь компактно расположенных погребений, сориентированных головами на запад и восток, в инвентарных есть серьга, инкрустированная бирюзовыми вставками, зеркало (№ 5), монеты Абдуллаха (после 1362–1369 гг.), и другие рубежа XIV–XV вв. (погребение 2).

Северные ориентировки золотоордынских погребений встречаются реже, чем западные, но почти повсеместно, южные — еще реже. Погребения, сориентированные головой на восток, в степи практически единичны. Территория распространения погребений с восточной ориентацией на Левобережье Днепра и в Подонье тяготеет больше к лесостепи, чем к степной полосе, в значительной степени она совпадает с ареалом, связываемым с аланами, а не половцами. Но имеются и противоречащие этому материалы. В грунтовом могильнике золотоордынского времени Ленинская балка из Северо-Восточного Приазовья из 38 погребений 19 ориентированы на северо-восток, 1 — на восток, 1 — на северо-восток–восток, 1 — на север. Могильник датируется второй — последней четвертями XIV в.³⁹

Поэтому имеются основания объяснить упомянутые захоронения не столько половецким наследием (часть из них, безусловно, оставлены последними), а связать их с аланами. Письменные источники упоминают последних и в Северо-Западном Причерноморье, и на Днепре ниже Канева⁴⁰.

Реконструировать исторические процессы в верхнем и среднем течениях Псла с меньшей степенью гипотетичности, опираясь преимущественно на археологические источники, можно будет только после полной публикации материалов исследований Гочевского археологического комплекса, пока же введена в научный оборот только небольшая их часть. С этими находками перекликаются встреченные в основном случайно вещи, находящиеся в музейных коллекциях Путивльского, Сумского, Хотенского, Лутищенского краеведческих музеев, часть которых имеет, несомненно, западный облик. Исследователи датируют материалы верхнего горизонта Гочево между 1362 г. и концом XIV — первой четвертью XV вв., т. е. финала золотоордынского и начала литовского периодов⁴¹.

Северная граница буферной зоны, появившейся в результате возникновения Ахматовых слобод, проходила по Сейму, выходя на его правый берег. Этим определяются особенности географического положения среднего и верхнего течений Псла: южнее территории, детально описанной в эпизоде об основании баскаком Ахматом слобод в Посеймье. В. А. Харламов определял слободы как населенные пункты, в которых отсутствует церковь, что соответствовало начальному этапу их существования, в дальнейшем они превращались в села и города⁴². Согласно реконструкции событий А. В. Кучкиным, события вокруг Ахматовых слобод развернулись между весной 1289 г. и осенью 1290 г.⁴³ Локализация А. К. Зайцевым и автором настоящей статьи Воргола и Турового села, а также Воронежских лесов в Посеймье, вблизи Путивля и Рыльска⁴⁴, позволяет понять значение золотоордынских комплексов в среднем течении Псла, как связующего звена между зоной действий Ахмата и располагающимися южнее и восточнее владениями кочевников. Имеются и другие варианты локализации упоминаемых в связи с событиями вокруг «Ахматовых слобод» населенных пунктов, связываемых с древнерусскими памятниками городского облика⁴⁵.

Примечания

¹ *Беляева С. А.* Южнорусские земли во второй половине XIII–XIV в.: (По материалам археол. исслед.). Киев, 1982.

² *Беляева С. О., Кубишев А. И.* Поселення Дніпровського Лівобережжя X–XV ст. (за матеріалами поселень поблизу сіл Комарівка та Озаричі). Київ, 1995; *Винокур І. С., Горішній П. А.* Бакота. Столиця давньоруського Пониззя. Кам'янець-Подільський, 1994. С. 227–240, 329–333. Рис. 74, 75, 95, 96; *Івакін Г. Ю.* Історичний розвиток Києва XIII — середини XVI ст.: (Іст.-топогр. нариси). Київ, 1996. Рис. 49, 60, 67, 74–76, 82, 89.

³ *Супруненко О. Б., Приймак В. В., Мироненко К. М.* Старожитності золотоординського часу Дніпровського лісостепового Лівобережжя. Київ; Полтава, 2004.

⁴ *Оногда О. В.* Основні типи кераміки Середньої Наддніпрянщини другої половини XV–XVI ст. // *Археологія*. 2008. № 4. С. 55–63; *Канустін К. М.* Археологічні пам'ятки Середньої Наддніпрянщини середини XIII–XV ст. // Там же. 2011. № 4. С. 119–127.

⁵ *Терський С. В.* Лучеськ X–XV ст. Львів, 2006. С. 138–151. Рис. 119–122, 124–126, 131.

⁶ *Мироненко К. М., Шилов Ю. О.* Золотоординські поховання на Кременчуччині // *Археологічний літопис Лівобережної України*. 2003. № 2. С. 105–109; *Кулатова І. М., Скорий С. А., Супруненко О. Б.* Кургани поблизу с. Волошине в пониззі Псла. Київ, 2010. С. 45–64, 86–122.

⁷ *Шерстюк В. В.* Курган епохи бронзи — доби середньовіччя поблизу с. Хоружі Решетилівського району на Полтавщині // *Старожитності Лівобережного Подніпров'я*. Київ; Полтава, 2011. С. 35–37. Рис. 8: 2, 3.

⁸ *Добролюбовский А. О.* Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев, 1986. С. 118–119, 131.

⁹ *Коваленко О. В., Луговой Р. С.* Кочівницьке поховання XIII ст. поблизу с. Сторожове Полтавської обл. // *Старожитності Лівобережного Подніпров'я*. С. 160–173.

¹⁰ *Красильников К. И.* К вопросу о монгольском периоде на Среднем Подонцовье // Средневековые древности Евразийских степей. Вып. 15. Воронеж, 2001. С. 224.

¹¹ Археологическая карта России: Курская область / Сост. А. В. Кашкин. Ч. 2. М., 2000. С. 45.

¹² *Щеглова О. А., Бажан И. А.* Поселения Курочкин-3 и Картамышево-3 на Верхнем Псле // КСИА. 1983. Вып. 175. С. 64–67. Рис. 2: 11–15.

¹³ *Супруненко О. Б., Приймак В. В., Мироненко К. М.* Старожитності золотоординського часу... С. 46–74. Рис. 40, 45, 55.

¹⁴ *Пряхин А. Д., Цыбин М. В.* Древнерусское Семилукское городище XII–XIII вв. на р. Дон: (Итоги раскопок 1984–1986 гг.) // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж, 1991. С. 97–99. Рис. 4: 4–5, 8–9.

¹⁵ *Кравченко Э. Е., Швецов М. Л.* О находках фрагментов чугунных котлов на территориях к западу от Дона // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1992. С. 102–113.

¹⁶ Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды / Т. И. Алексеева и др. Воронеж, 2002. С. 67, 100–101. Рис. 28: 10, 26; 43: 1–8.

¹⁷ *Ковалевская В. Б.* Хронология восточно-европейских древностей V–IX веков. Вып. 1: Каменные бусы Кавказа и Крыма. М., 1998. С. 34, 78. Рис. 1: 54.

¹⁸ *Приймак В. В.* Северная граница буферной зоны золотоординского времени на территории Днепровского лесостепного Левобережья // Древности эпохи Средневековья Евразийской лесостепи: Сб. науч. тр. Воронеж, 2008. С. 159–172.

¹⁹ *Кашкин А. В., Стародубцев Г. Ю.* Гочевский археологический комплекс на р. Псел // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию начала археол. исслед. Гочев. археол. комплекса. Курск, 2009. С. 5–7.

²⁰ Новохарьковский могильник... С. 99, 101; *Пряхин А. Д., Винников А. З., Цыбин М. В.* Древнерусское Шиловское поселение на р. Воронеж // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи: Межвуз. сб. науч. тр. Воронеж, 1987. С. 12–15. Рис. 6.

²¹ *Дьяченко В. Г., Михеев В. К.* Древнерусский археологический комплекс XII–XIII вв. у с. Гайдары (Змеев курган) // Хазарский альманах. Т. 2. Киев; Харьков; М., 2004. С. 145–160. Рис. 3: 11–13; 4: 7.

²² *Енукова О. Н.* Жилая постройка средневекового г. Рьльска // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв.: Сб. ст. по итогам работы Межрегион. науч. археол. конф., 18–20 нояб. Тула, 2005. С. 145–158. Рис. 2: 9.

²³ *Супруненко О. Б., Приймак В. В., Мироненко К. М.* Старожитності золотоординського часу... С. 20. Рис. 16: 39.

²⁴ *Пряхин А. Д., Цыбин М. В.* Древнерусское Семилукское городище: (Материалы раскопок 1987–1993 гг.) // На Юго-Востоке Древней Руси: Ист.-археол. исслед.: Сб. науч. тр. Воронеж, 1996. С. 30, 41, 47. Рис. 4: 19–20.

²⁵ *Винников А. З., Кудрявцева Е. Ю.* Городище Холки на юго-восточной окраине Древнерусского государства // Вопросы истории славян: Сб. науч. тр. Вып. 12: Археология. Этнография. Воронеж, 1998. С. 67.

²⁶ *Супруненко О. Б., Приймак В. В., Мироненко К. М.* Старожитності золотоординського часу... С. 16, 20, 21. Рис. 11, 16, 17, 48, 50, 52.

²⁷ Там же. С. 27, 29. Рис. 25, 28.

²⁸ *Бсляева С. О., Кубишев А. І.* Поселення Дніпровського Лівобережжя... С. 74–77, 80. Рис. 57, 60.

- ²⁹ *Кравченко Э. Е., Швецов М. Л.* О находках фрагментов чугунных котлов... С. 110, 112.
- ³⁰ *Приймак В. В.* Ременные распределители эпохи средневековья // Археологія і давня історія України. Вип. 7: Маляри в Середньому Подніпров'ї. Київ, 2011. С. 158, 162. Рис. 1: 10–12.
- ³¹ *Рикман Э. А.* Археологические работы в 1954 г. на городище у с. Костешты // Известия Молдавского филиала АН СССР. 1955. № 5 (25). С. 95–111. Рис. 6.
- ³² *Добролюбский А. О.* Кочевники Северо-Западного Причерноморья... С. 32, 105–106, 128–131.
- ³³ Новохарьковский могильник... С. 98.
- ³⁴ *Приймак В. В.* Северная граница буферной зоны... С. 160–163.
- ³⁵ *Кравец В. В.* Погребения кочевников X–XIV вв. на юге Воронежской области // Верхнедонской археологический сборник. Вип. 2. Липецк, 2001. С. 236–239. Рис. 3.
- ³⁶ *Сымонович Э. А.* Памятники позднекочевнического времени в Поднепровье // КСИА. 1960. Вип. 81. С. 108–110.
- ³⁷ *Довженко В. Й.* Татарське місто на Нижньому Дніпрі часів пізнього середньовіччя // Культурна спадщина Запорізького краю. Вип. 2. Запоріжжя, 2010. С. 262, 266. Рис. 2.
- ³⁸ *Супруненко О. Б.* Нові знахідки золотоординської доби на Полтавщині // Старожитності лівобережного Подніпров'я. Київ; Полтава, 2010. С. 74–84.
- ³⁹ *Евглевский А. В., Кульбака В. К.* Грунтовый могильник золотоордынского времени Ленинская балка из Северо-Восточного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3: Половецко-золотоордынское время. Донецк, 2003. С. 363–404.
- ⁴⁰ *Добролюбский А. О.* Кочевники Северо-Западного Причерноморья... С. 67; *Русина О. В.* Студії з історії Києва та Київської землі. Київ, 2005. С. 23.
- ⁴¹ *Стародубцев Г. Ю., Зорин А. В.* Предметы вооружения, воинского снаряжения и конской упряжи из раскопок городища «Царский дворец» // Славяно-русские древности Днепропетровского Левобережья: Материалы конф., посвящ. 75-летию со дня рождения К. Ф. Сокола. Курск, 2008. С. 153.
- ⁴² *Харламов В. О.* Невідомі сторінки виникнення українських міст у XVII ст. // Історія Русі – України: (Іст.-археол. зб.). Київ, 1998. С. 306.
- ⁴³ *Кучкин В. А.* Летописные рассказы с упоминанием князя Святослава Липовичского: Историография, древнейшие тексты, хронология и география событий // Липецк: начало истории: Сб. ст. Липецк, 1996. С. 31.
- ⁴⁴ *Зайцев А. К.* Где находились владения князя липовичского, упоминаемого в летописях под 1283–1284 гг. // Там же. С. 40–59.
- ⁴⁵ *Кашкин А. В.* О локализации древнерусского города Липовичска // Там же. С. 52–59.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

И. П. Бабин, М. М. Озеров

ОБ ОСНОВАНИИ И СТРОИТЕЛЬСТВЕ ОБОЯНИ

О событиях и обстоятельствах, предшествовавших основанию Обояни, нами подробно рассказано в статье, опубликованной в 2011 г.¹ В настоящей публикации мы вновь очень кратко упомянем о них и более подробно остановимся на самом ходе строительства города.

Одно из первых упоминаний о месте, где ныне стоит Обоянь, содержится в отказной грамоте царя Михаила Федоровича от 30 июня 1636 г.², выданной по челобитной курских детей боярских Гаврилы Малышева и Федосея Малютина, которые просили у государя пожаловать им землю, расположенную на Обоянской пустоши³. Из этого документа следует, что на пустоши в то время находились два городища⁴ и два селища при них. В устье речки Обояни, как раньше называли современную речку Обоянку, существовали два мельничных пруда. Далее от Обоянской пустоши вниз по реке Псле до устья речки Трубеж лежали дикие (необработанные) поля и дубравы.

Следующее упоминание об Обоянском городище встречается в челобитной 1638 г. служилых людей, державших разъезды между Курском и Белгородом, которые обратились к царю с просьбой о строительстве жилого города на Обоянском городище⁵. В ответ на их просьбу государь распорядился послать на Обоянское городище небольшой отряд с тем, чтобы осмотреть его и нанести на чертеж. В 1639 г. чертеж был составлен. Он числится в описи 1668 г. архива Разрядного приказа⁶. Этот документ, который, вероятно, был выполнен по указу царя известным в то время картографом Афанасием Мезенцевым, до наших дней, к сожалению, не сохранился.

Спустя девять лет, уже в царствование царя Алексея Михайловича, летом 1647 г. на берег Псла был снаряжен конный воинский отряд численностью в 50 человек, сопровождавший стольника Ивана Васильевича Бутурлина и подьячего Власа Андриянова. Отряд провел повторный осмотр и сделал обмеры на месте всех ранее существовавших древних городищ. При этом обследовано было не только Обоянское, но и Гочевское и другие близлежащие городища. По результатам экспедиции был сделан чертеж, также не дошедший до нашего времени. На выполнение этой задачи ушло три месяца. 7 сентября 7156 (1647) г. Бутурлиным в Разрядный приказ была подана роспись городищам, в которой содержится подробное описание Обоянского го-

родища и его окрестностей, лежащих вверх и вниз по течению Псла, а также описания других городищ⁷.

Из росписи следовало, что местность в устье речки Обоянки была заселена еще в незапамятные времена. Через Боянский холм к тому времени уже проходила дорога из Курска в Белгород, а рядом, на небольшом удалении друг от друга, размещались два небольших заброшенных городища.

Первое описанное Бутурлиным городище находилось на крутом «самоподном» холме недалеко от места впадения в Псел речки Обоянки. Оно имело треугольную форму («в три стены»): со стороны Псла — 41,61 м, Обоянки — 29,87 м, Белгородской дороги — 70,41 м. По своему периметру городище было сравнительно небольшим — всего около 141,89 м. За Большим (Боянским) буераком располагалось еще одно городище. Оно имело четырехугольную форму и в периметре составляло около 140,58 м.

Сравнительный анализ самых перспективных для возведения острога Гочевского и Обоянского городищ, который провел Бутурлин после завершения обмеров, был не в пользу первого: «за Рыбницею городище словет Гочевское... и то городище и около ево заросло лесом большим, а до реки до Псла то городище верст з две. А Гочевской Колодезь течет из гор, невелик. А опроче Гочевского Колодезя вод иных нет». Относительно же Обоянского городища Бутурлин с Андрияновым сделали другой вывод: «А Обоянское городище от приходу крымских и нагайских людей крепко и усторожливо. А служилых людей на том городище мочно устроить 1000 человек з женами, под городищем устроить 500 человек подле реку Обоян, з другой стороны реки Обояни 500 человек»⁸.

Необходимо отметить, что именно по чертежу, составленному в ходе экспедиции 1647 г., и был вскоре возведен город-крепость Обоянь: «по чертежу Ивана Бутурлина, по тому, что наперед сево посылан был на Обоянское. Иван Бутурлин смотрел, где быти городу, и слободам, и всяким ратным людям, и что к тому городу земель, и сенных покосов, и всяких угодей»⁹.

26 февраля 1649 г. царь Алексей Михайлович послал в Карпов воеводе стольнику Автомену Ивановичу Еропкину указ об устройстве жилого острога на Обоянском городище: «велено на Обоянском городище поставити острог и детей боярских, курчан и орлян, около острогу поселити»¹⁰. Строительство острога было поручено карповцу Андрею Покушелову (Покушалову). Он был известен тем, что в 1646 г. в качестве выборного атамана вольных людей северских городов привел в Воронеж тысячу добровольцев из Курска, Рыльска, Севска и Путивля, вызвавшихся идти служить на Дон. Не позднее июля 1648 г. Покушелов возвратился с Дона после неудачно закончившегося похода и с этого времени служил на Карповом сторожевье, рассчитывая, вероятно, получить место стрелецкого и казачьего головы¹¹. Надо полагать, что царь помнил и ценил организаторские способности Покушелова, коль вспомнил о нем и поручил строить новый город на южных границах.

Однако затем Алексей Михайлович неожиданно изменил свое решение. Вероятно, до него дошли сведения о том, что бывший атаман Покушелов арестован и помещен в белгородскую тюрьму, в которой велось дознание с целью выяснить степень его участия в волнениях, прокатившихся в то время по южным окраинам Московского государства и ставшими отголосками соляного бунта 1648 г. В действительности же в конце 1648 г. у Покушелова случилась ссора со стрелецким и казачьим головой Карповского сторожевья Яковом Свистуновым. Покушелов прилюдно обвинил его в том, что он является головой «не по царскому, а по воровскому указу» и что «отпустил де его в головы вор Борисов человек Морозова Мосейка Рылеев, а взял за то 15 рублей денег»¹². После этого карповский стрелецкий и казачий голова затаил зло на Покушелова и в отместку через своего подручного, сына боярского Ивана Хлыновского послал «извет» белгородскому воеводе. В доносе сообщалось, что Покушелов в одной из бесед в ответ на утверждение о том, что в Московском государстве невозможно обойтись без «больших людей», заявил: «на Дону и без бояр живут, а в Литве де черкесы панов больших побили, повывели их». Кроме того, его обвиняли и в других преступлениях, в частности, в том, что он будто бы собирался «срубить саблюю» курского воеводу Федора Лодыженского, который в ту пору должен был в Хотмыжске «досматривать хлеба, как саранча поела»¹³. По «извету» были схвачены и Покушелов с товарищами, и доносчик.

После подобных событий о воеводстве Покушелову, разумеется, можно было забыть раз и навсегда. Вместе с «зачинщиками бунта» он с 16 декабря 1648 г. до 11 мая 1651 г. находился под следствием в белгородской тюрьме. По завершению следствия, которое вел боярин И. Милославский, Покушелов и Хлыновский были по царскому указу в наказанье за «воровство» биты кнутом «на козле» и посланы служить на вечное житье в Карпов¹⁴.

5 июля 1649 г. был издан царский указ, согласно которому возведение жилого острога на Обоянском городище возлагалось на опытного, хорошо знавшего «городовое дело», и главное, надежного воеводу Ивана Никитича Колтовского¹⁵. Получив в Москве новое назначение, чертежи и инструкции по строительству крепости, Колтовский немедля поспешил в Курск. Здесь было определено место общего сбора детей боярских из числа курских и орловских сведенцев, а также отрядов стрельцов из различных замосковных городов, которым «было велено служить государеву службу на Обоянском».

Строительство любого нового города требовало больших материальных затрат и ложилось тяжелым бременем на уже существующие города, которые должны были отражать на «городовое дело» часть своих и без того немногочисленных жителей, а также выделять лошадей и подводы. По царскому указу будущие жители Обояни выбирались «на вечное житье» из курских и орловских сведенцев, большинство из которых за год или за два до описываемых событий были посланы на государеву службу в Карпово сто-

рожевье. Только очень небольшое число служилых людей приходило на службу добровольцами, «охочими людьми», которых верстали на службу в Москве в Разрядном приказе.

Заселение новых городов по Белгородской черте осуществлялось обычно следующим образом. Воеводам городов, из которых необходимо было выбрать служилых людей для строительства и заселения нового города, из Разрядного приказа высылались царские указы об организации смотра служилых людей. Смысл смотра заключался в необходимости выбора самых достойных, «лутчих» людей, способных поселиться на новых землях, возделывать их и защищать от набегов крымских татар и черкас, как тогда называли украинцев.

Выбор кандидатов на переселение основывался на нескольких критериях. Во-первых, ими могли быть только семейные люди, имеющие сыновей, а также многочисленную родню, состоящую из братьев, племянников и зятьев. Во-вторых, будущие переселенцы должны были занимать определенное социальное положение: служить в детях боярских или казаках. В-третьих, учитывалось стабильное материальное положение переселенцев: они набирались из числа «прожиточных» людей. В-четвертых, переселенцы должны были обладать определенными трудовыми навыками: уметь пахать землю и воздвигать строения. Первыми для строительства города переезжали отцы семейств со старшими сыновьями, а затем, обычно по первому зимнему пути, на новое место перебирались оставшиеся члены семей на лошадях, запряженных санями, со всеми своими пожитками, хлебными запасами, скотом и др.

По-другому обстояло дело со стрельцами. Их не выбирали, а в приказном порядке посылали к новому месту службы. Стрельцы прекрасно знали, что направляют их на короткое время, только для строительства острога, по завершению которого они будут сразу же отпущены по домам¹⁶. Охрана будущего Обоянского острога версталась из стрельцов нескольких городов. Всего по царскому указу воеводам было велено собрать и направить 205 стрельцов, в том числе из Калуги — 100 чел., из Тулы — 40 чел., из Одоева — 20 чел., из Алексина, Белева и Мценска — по 15 чел.

В походы стрельцы собирались основательно, со знанием дела. Так из черновика царского указа, а также отписки одоевского воеводы Ю. Барятинского известно, что «для городского дела велено стрельцам взять с собой топоры, и пилки, и заступы. Да велено дать этим стрельцам из государевой казны для польского проезду и для государевой службы по фунту зелья, по фунту свинца на человека»¹⁷. Правда, довольно часто ратным людям нужные запасы выдавались не все и не в указанном количестве.

Для доставки стрельцов к месту их будущей службы специальным указом выделялись драгунские лошади и подводы, обычно по одной лошади на двух стрельцов. Для калужских стрельцов, посланных на строительство Обояни, было направлено 50 лошадей из серпуховских монастырей, для

тульских — 20 лошадей, «которые были на корму в Переславль-Рязанском монастыре». Одоевским стрельцам предназначалось десять лошадей, мценским, белевским и алексинским — по семь.

В Курск Колтовский прибыл 27 июля 1649 г. с небольшим отрядом, поверстанным в Москве. К месту сбора для будущей Обоянской крепости были доставлены полученные по наряду пять пищалей, 500 железных ядер к ним, 50 пудов ружейного пороха, 20 пудов пушечного пороха, 60 пудов свинца и вестовой колокол весом 16 пудов¹⁸. Кроме этого, воевода получил пять замков к будущим острожным постройкам: церкви, городовым воротам, казенному погребу, приказной избе и тюрьме.

Сборы и приготовления в дорогу были недолгими, и 29 июля отряд из детей боярских и стрельцов во главе с Колтовским в сопровождении детей боярских Ивана Зиборова, Василия Горяинова, Степана Стрельникова и Ерофея Картомышева, назначенных в помощь воеводе во время похода, двинулся к Обоянскому городищу¹⁹. Туда же была направлена часть детей боярских из Карпова сторожевья, где они несли службу и занимались «строительным делом». На место сооружения будущего города было велено прибыть и всем детям боярским, курянам и орловцам, ранее испомещенным по Пслу поблизости от Обоянского городища и несшим государеву службу в Карпове. Вместе с воеводой в отряде находился курский поп Исай, которому для организации службы в будущей обоянской соборной церкви из Москвы были отпущены иконы, печатные церковные книги и церковные одежды²⁰. Сводный отряд двигался на городище с «большим береженьем». Дорога из Курска (54 км) до места назначения заняла два дня. Каждый раз, останавливаясь на привал или ночевку, отряд размещался «обвернувся обозом», чтобы «татаровя и черкасы безвесно не пришли и дурна какова не учинили».

Первое, что сделал Колтовский по прибытии на место сооружения будущего острога, это тщательно, трехаршинной саженью, провел все необходимые замеры на местности, а также «и Обоянское городище измерити... сколько сажень тово Обоянсково городища по стенам будет».

Через три дня после прибытия на городище воевода устроил смотр всему своему войску. 25 августа 1649 г. в короткой отписке он сообщал, что общая численность прибывших составила 607 человек, в том числе 203 стрельца (два человека умерли по дороге). Детей боярских воевода тут же разбил на сотни, а часть стрельцов тут же выслал на весты в Белгород, Хотмыжск и на Олешню.

Из сохранившихся документов известны имена первых обоянских начальствующих детей боярских, которые участвовали в строительстве города. Это сотенный голова Федор Афанасьев (у него в сотне есаулами были Микифор Афанасьев, Степан Кононов, Василий Горяинов и Иван Афанасьев), сотенный голова Добрыня Афанасьев (есаулы Дмитрий Басов, Василий Лохтионов, Клемен Кононов, Иван Митрофанов и Иван Семенихин), сотенный голова Иван Зиборов, который, как указано в документе, «побыл немного,

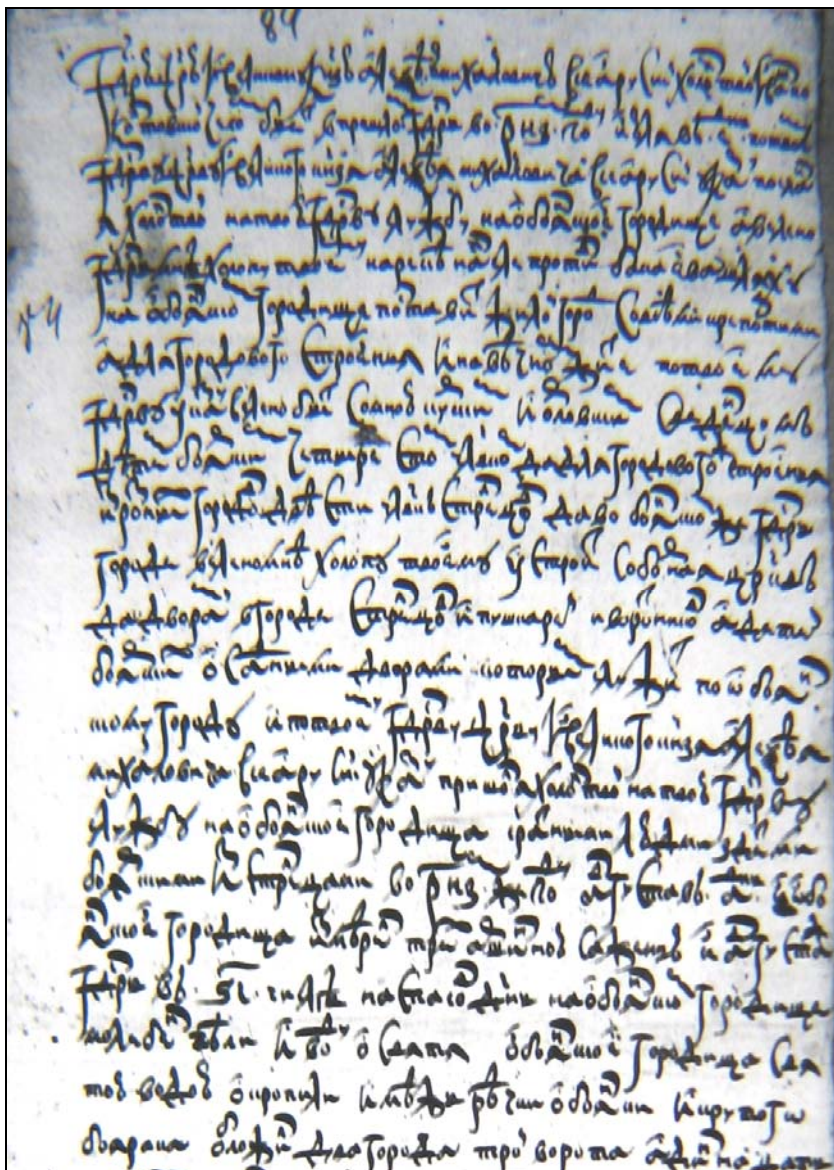
переменен», а на его место назначен голова Лука Анахин (есаулы Павел Стрельников и Аким Офремов), сотенный голова Петр Бушмин (есаулы Михайло Козначеев и Петр Горбатой)²¹.

Сделав расчеты и определив, сколько на городовое дело какого строевого леса надобно, а также установив, «далеко ль от города тот лес имати и в колько недель и колькими людьми город совсем мочно зделати и какими крепостьми город укрепить». Колтовский приказал детям боярским не мешкая приступить к заготовке леса и доставке его к месту строительства. Выбрав подходящее место для будущей крепости, разбив на земле ее контуры и заготовив строевой лес, воевода приступил к возведению острога.

Теперь приступим к рассмотрению самого спорного момента в начальной истории Обояни — дате ее основания. Во многих исторических и краеведческих работах, а также в справочной литературе, указано, что острог на Обоянском городище заложен 16 августа 1639 г. Эта дата впервые была приведена в книге А. А. Танкова «Историческая летопись курского дворянства»²². В настоящее время данную дату принято считать днем основания города.

Изучив архивные материалы, мы пришли к выводу, что при подготовке к изданию книги Танкова была, судя по всему, допущена досадная опечатка. Авторы же всех последующих работ, в которых шла речь об основании Обояни, не удосуживаясь просмотреть архивные документы и полагаясь исключительно на авторитет Танкова, тиражировали эту ошибку. В цитируемой Танковым челобитной обоянского воеводы Колтовского четко указана иная дата: 16 августа 1649 года²³.

В виду особой важности этого документа для истории Обояни процитируем пространный фрагмент из него: «Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии холоп твой, Ивашко Колтовской, челом бьет. В прошлом, государь, во 157-м году, июля в 5 день, по твоему государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу послан я, холоп твой, на твою государеву службу на Обоянское городище. А велено, государь, мне, холопу твоему, на реке на Псле, против Бакаева шляху, на Обоянском городище поставить жилой город со всеми крепостьми... И по твоему государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу пришел я, холоп твой, на твою государеву службу на Обоянское городище с ратными людьми, з детьми боярскими и з стрельцами во 157-м же году августа в 1 день и Обоянская городища измерил трехаршиною саженью и августа ж, государь, в 16-м числе, на Спасов день, на Обоянском городище молебен пели и воду осветя и Обоянское городища святою водою окропили и между речки Обоянки и крутого боярака обложили два города, трои ворота, адиннацать глухих башен, и о том государь я, холоп твой, писал к тебе, Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии того ж числа»²⁴.

Фрагмент челобитной, в которой воевода И. Н. Колтовский указывает дату основания Обояни (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Оп. 12, ч. 1. Д. 293. Л. 84)

Таким образом, днем основания Обояни нужно считать 16 августа (26 августа по новому стилю) 1649 г.²⁵

Работу по строительству Обоянского острога Колтовский повел довольно энергично. Причиной тому было упущенное время вследствие задержки, возникшей из-за замены воеводы. Скорее всего, первоначально были углублены рвы и подсыпаны валы древнего Обоянского городища. Как сказано в черновике царского указа, «а покаместа город устроить, и Ивану [Колтовскому] учинить крепость, каковую пригоже, чтоб ему и служилым людям в той крепости будет безстрашно, покаместа город устроитца»²⁶.

В фонде Разрядного приказа РГАДА нами обнаружен небольшой, но замечательный по своему содержанию фрагмент черновика отписки Колтовского, который проливает свет как на ход возведения острога, так и на само его устройство²⁷. Черновик написан на обороте другого документа и не содержит начала и конца. Ценность его заключается прежде всего в том, что стрелецкие книги Обояни, к сожалению, не сохранились.

Исходя из текста отписки, можно предположить, что первыми в остроге были поставлены Обоянские ворота. Затем была сооружена крепостная стена вблизи и вокруг Малого города, возводимого на валах древнего Обоянского городища. Крепостные башни, как наиболее трудоемкие элементы крепости, строились в последнюю очередь. Одновременно укреплялась глубокими рвами, заполненными речной водой, «приступная» сторона острога.

Строители трудились на сооружении острога попеременно по две сотни, которые работали по четыре дня, а другие две сотни в это время были заняты службой и хозяйством. Каждый «поверстанный на государеву службу» должен был сам построить двор с постройками, нести сторожевую службу и участвовать в общегородском строительстве. Причем лес на личное жилье жители будущего города возили сами.

Уже в ноябре 1649 г. Колтовский составил роспись и чертеж Обоянского острога и выслал их в Москву²⁸. Эти документы не сохранились. Однако их утрату частично компенсирует роспись города Обояни и Обоянского уезда 1652 г., выполненная писцом Михаилом Масловым и подьячим Федором Оловяниковым²⁹, а также более поздний чертеж Обоянского острога³⁰.

В 1649 г. строители успели возвести городские стены Большого и Малого города с проезжими и глухими башнями, мосты через ров, заложить соборную церковь. Однако в том же году строительство города еще не было закончено. Это видно из царского указа от 25 декабря 1649 г. воеводе Колтовскому о необходимости завершить строительство города к весне, к приходу воинских людей³¹. За зиму обоянцам предстояло возвести на дубовых городских стенах обלאы³², устроить тайник, закончить возведение и освятить соборную церковь Рождества Богородицы с приделами Дмитрия Солунского и Николая Чудотворца. Тот же срок завершения основных работ по сооружению Обоянского острога указывает в своем труде «Борьба Московского го-

сударства с татарами в первой половине XVII века» А. А. Новосельский: «строительство города происходило в течение 1649 г. и к декабрю месяцу было закончено; оставались лишь некоторые недоделки в городских укреплениях»³³.

В связи с постоянно существующей опасностью татарских набегов обоянским служилым людям, помимо строительных и хозяйственных работ, необходимо было не мешкая разведать все имевшиеся в округе татарские «перелазы» через Псел и принять меры к укреплению сторожевой службы. В одном из царских указов обоянскому воеводе поручалось осмотреть место под строительство сторожевого острожка между Обоянью и Карповым (на реке Пене, на горе против Бакаева шляха) для съезжих обоянских и карповских сторож³⁴. Ему же была поставлена задача закрепить за путивльскими оброчниками и бортниками, имевшими здесь издревле «ухожие места», татарские перелазы, броды и стёжки от Обояни вниз по Песлу, чтобы теми перелазами «впредь татарове в летнее и в зимнее время не проходили»³⁵. Аналогичный указ, по-видимому, был направлен и в Путивль. 29 августа 1649 г. Колтовский послал к путивльским бортникам «на Псел в их севрютцкие юрты» отряд обоянских детей боярских во главе с Григорием Луневым. Однако, несмотря на все посулы и увещевания, бортники во главе со своими сотенными наотрез отказались выполнять царский указ и «со Псла съехали в Путивль».

На воеводу вновь строящегося города ложилась забота об обеспечении землей не только горожан, но и жителей будущего уезда. Он должен был определить, «что к тому городу будет пашни, и лугов, и лесу, и всяких угодий», а также «сколько уездных людей у того города устроить мочно, и далеко ли от того города и в которых местех и у каких крепостей». Мы видим, что сначала определялось место города, а затем места окружающих его сельских поселений. Для того, чтобы правильно организовать уезд и приступить к строительству сел и деревень, воеводы должны были выявить и представить сведения о том, какие близ нового города «поместные и вотчинные земли есть, и сколько и чьих земель вотчинных и поместных или оброчных, откупных рыбных ловель, и ухожей, и всяких оброчных мест».

Первостроителям Обояни приходилось нелегко. Они писали царю, что изнемогли от земляных работ, просили их пожаловать и прислать «из разных городов для вершения городского дела плотников»³⁶. В многочисленных челобитных обоянских служилых людей содержатся просьбы о назначении поместных окладов, денежного жалованья и различных льгот за нелегкую порубежную службу.

Не баловала в 1649 г. строителей Обояни и погода. Осень выдалась ранней, холодной и дождливой, сена собрали мало, «потому что стояла моча велика до Семена дня. А в нынешнем 158 году после Семена дня и Микитина дня укосили стрельцы драгунским лошадям 1500 копен и этого сена по смете хватит только до Рождества»³⁷. Не хватало хлеба, так как дети боярские, занятые на строительстве, не успели посеять его на новом месте и собрать уро-

жай в своих старых поместьях. С наступлением холодов пришла и другая беда — начались болезни. Обоянские дети боярские обратились к царю с просьбой прислать для защиты города от болезней животворящий крест со святыми мощами, поскольку «волею Божей многие люди стали больны и немощны и стали больные и скорбящие. И от тех великих скорбей скорою смертью многие люди помирают»³⁸. Осенью 1649 г. заболело более 30 человек, а алексинский стрелец Иван Золотарев в октябре умер. За зиму 1649/50 г. особенно много умерло в Обояни детей.

Многие строители от нелегкого труда, болезней и нехватки хлеба подавались в бега. Первыми побежали стрельцы. Только за первые три месяца строительства обоянского острога с государевой службы 15 калужских и одоевских стрельцов. В общей сложности из строящегося города сбежало 27 стрельцов. Побегии были очень часты. Вот ряд довольно характерных примеров: в ночь 16 сентября 1649 г. сбежали девять калужских стрельцов во главе с десятником Гришкой Максимовым сыном Котовым, при этом они прихватили с собой из Обояни одно зеленное ружье, восемь самопалов, девять фунтов пороха и девять фунтов свинца. В ноябре сбежало еще пятеро белевских стрельцов. Обо всех этих напастях и происшествиях через своего гонца Дмитрия Басова с горечью и тревогой извещал царя обоянский воевода³⁹.

Попытки верстания в стрельцы и казаки непосредственно в Обояни результатов не дали. Хотя первоначально по царскому указу воеводе и было указано поверстать здесь сто человек в стрельцы и десять человек в пушкари, желающих «охочих, вольных и свободных людей» так и не нашлось.

С наступлением осени стали проситься у Колтовского отпустить их для сбора урожая в старых своих поместьях и дети боярские. Воевода был вынужден отпускать их со строительства небольшими группами и по очереди. Некоторые из уехавших в Обоянь больше не вернулись. Часть детей боярских из Орла и Курска, выбранных на «вечное житье» в Обоянь, на службу так и не явились. Колтовский вел обширную переписку с воеводами Орла, Курска и других городов о сыске и возвращении в Обоянь беглецов и нетчиков. На строительстве же приходилось обходиться оставшимся служилым людом. «И теми, государь, людьми, я, государь, холоп твой, на город лес возил, и город делал, и сено на драгунские лошади косили. А нетчики, государь, дети боярские жили в старых своих поместьях в Курске да на Орле», — писал царю воевода⁴⁰.

В такой безвыходной ситуации Колтовскому приходилось оставлять в Обояни людей, сбежавших с прежних мест жительства или службы. Имеется челобитная курского воеводы Ивана Волконского с жалобой на бегство местных посадских людей в Обоянь. Волконский просил обоянского воеводу вернуть их назад, но тот ему отписал, что по государеву указу все прибежавшие в Обоянь выдаче назад не подлежат⁴¹.

С большой тревогой Колтовский сообщал царю о том, что он не знает, что делать в сложившейся ситуации: город еще недостроен, из строителей многие разбежались, иные же лежат больные, курские и орловские дети боярские прибыли без запасов, которые остались по их старым поместьям в Курском и Орловском уездах, в Обояни в казне полностью отсутствуют запасы ржи и муки, а сухарей вообще нет. В целом ряде отписок и челобитных обоянский воевода сетовал на слабое вооружение служилых людей, недостаточное количество лошадей.

Учитывая сложившуюся ситуацию, царь принял мудрое решение: стрельцы его указом были отпущены из Обояни по домам и 22 ноября 1649 г. убыли восвояси. Их примеру последовали и некоторые дети боярские, которые отправились в свои старые поместья в Курском и Орловском уездах и вниз по Пслу и «упалым в него рекам» за хлебом. Многие из детей боярских от недостатка хлеба стали отправлять свои семьи (жен, младших сыновей, зятьей и племянников) на прежнее место жительства.

Осенью 1649 г. пришли тревожные вести от хотмыжского воеводы К. Арсеньева, уезд которого граничил с Литвой, о готовящемся нападении черкас на Обоянь и пограничные крепости Белгородской черты. Согласно сообщению Арсеньева, 29 сентября из Зенькова в Бобрик прибежал Алексей Шамин с товарищами, сказавшие при расспросах, что «литовские люди» войскового гетмана Богдана Хмельницкого с казаками и крымскими людьми «хотят идти войною по твои [Государь] города, а воеводе за то, что твоих, государь, людей с ним, гетманом, на помочи не было, и крымские де, государь, люди потому идти хотят вместе с гетманом, что донские казаки улусы их повоевали»⁴². Напомним, что до Переяславской рады, состоявшейся в январе 1654 г., оставалось еще более трех лет. Особенно тяжелой и тревожной для обоянских первопоселенцев выдалась первая зима на новом месте. От разъездов и вестовых часто приходили тревожные известия о появившихся то там, то тут передовых отрядах крымских татар и «воровских черкас».

При устройстве новых городов по Белгородской черте выработались определенные правила. Одним из таких правил было поселение всех жителей нового города поблизости от него в слободах и устройство внутри города осадных изб, где жители пригородных слобод могли бы селиться в случае опасности. Обоянь не была исключением. Одновременно со строительством острога на противоположном берегу Обоянки начали строиться две пригородные слободы: Казачья и Пушкарская. Северо-восточнее острога возникла Стрелецкая слобода. В то же время подобные правила, особенно в условиях мирного времени, довольно часто забывались и не соблюдались. Жители расселялись по территории нового уезда, выбирая себе места наиболее удобные для хозяйственной деятельности. Так, некоторые переведенные в Обоянь дети боярские основали починки на Псле еще за год до основания города во время своей службы в Карпове.

После получения известий о готовящихся татарских и черкасских набегах жителям этих починков по царскому указу было велено для их же безопасности переселиться в обоянские пригородные слободы. Но дети боярские отправляться туда под разными предложениями не спешили. В частности, они отговаривались тем, что переехать им не на чем: «всех лошадей своих побили на городовом строении»⁴³. Несмотря на многократные увещевания и угрозы сниматься с уже обжитых мест, никто и не собирался, поэтому Колтовскому такое переселение пришлось проводить насильно. В конце января 1650 г. воевода послал многочисленные вооруженные отряды детей боярских во главе с сотенным головой Иваном Зиборовым, а затем с Федором Афанасьевым, чтобы уже силой выполнить царское поручение.

Позже, в июле и в ноябре 1650 г., из Курска в Обоянь с этой же целью были направлены карательные отряды стрельцов численностью от 20 до 30 человек. Вот как описано переселение обоянцев А. А. Новосельским: «надежды поселившихся здесь людей на мирную и свободную хозяйственную деятельность были самым жестоким образом разрушены. Правительство строило крепость, а не создавало сельскохозяйственное эльдорадо, и поэтому оно распорядилось переселить под город всех служилых людей из деревень, построенных вниз по Пслу далее пяти верст от города. В течение двух месяцев в 1650 г. отряд стрельцов выбивал обоянцев из их деревень, не останавливаясь перед сломом печей в избах и наказанием служилых людей батогами за упорство; от этой операции пострадало 330 служилых людей, но сопротивление было сломлено и переселение произведено»⁴⁴. В ответ на это многие дети боярские роптали и писали челобитные царю. В результате Алексей Михайлович вынул их просьбам и велел белгородским воеводам Б. А. Репнину и В. П. Головину те деревни до его указа под Обоянь в слободы не сводить⁴⁵.

Жизнь в новом городе осложняли частые перебои с выплатой денежного жалования. Лишь в феврале 1650 г. по царскому указу в Обоянь из Разрядного приказа с подьячим Иваном Малышевым на жалованье местным служилым людям было отпущено 2600 руб.⁴⁶

Воеводе Колтовскому, помимо строительства города, было поручено составление росписи селений Обоянского уезда, разведка татарских перелазов через Псел и контроль над сторожевой службой в новом Обоянском уезде. Он же отвечал за размежевание Обоянского уезда от соседних уездов и ведал сыскным делом в Короче. Воеводе приходилось часто отлучаться из Обояни. Во время этих отлучек воеводские обязанности по царскому указу исполнял его сын Федор. Последний замещал своего отца и был у городского дела в Обояни в общей сложности более 13 недель: «по твоему государеву указу сынишка мой, Федька, на Обоянском городе покрыл десять башен, да торасы в Большом городе засыпал землею, да в дву башнях зделал два моста, да башню дорубил, да от Московских ворот через ров и за подоло[ми?] зделал дубовой мост в ширину трех сажень, а в длину тринадцать сажень»⁴⁷.

Весной 1650 г. обоянские дети боярские обратились всем городом к царю с челобитной о том, что знамен, жалованных государем, им не дано и в поход и по вестям ходить не с чем. Они просили пожаловать знамена в Обоянь, с которыми им «по вестям и в походы было ходить»⁴⁸. В грамоте, посланной из Москвы 30 апреля 1650 г. с обоянским сыном боярским Василием Горяиновым, сообщалось, что с ним на подводе отправлено в Обоянь шесть знамен киндячных⁴⁹ для каждой сотни⁵⁰.

В августе 1650 г. Колтовский доложил царю о завершении строительства Обоянского острога и выслал в Москву со своим сыном Федором макет новопостроенного города⁵¹. «Городовой образец» в столицу сопровождали обоянские дети боярские Евстрат Кондратьев сын Белов, Михайла Харламов сын Звегинцов, Дмитрий Иванов сын Басов, Василий Иванов сын Комов». По возвращении каждый из них получил в награду по 2 рубля⁵².

О том, что строительство Обояни было завершено именно в 1650 г., свидетельствует и справка 1681 г., подготовленная по запросу Приказа Большого дворца. В этом документе, составленном писцом М. А. Масловым и подьячим Ф. Оловянниковым, указано: «город Обоянь построен во 158 [1650] году у реки Псла да у реки Обояни с русскую сторону»⁵³.

3 сентября 1650 г. на воеводство в Обоянь вместо Колтовского был назначен Осип Степанович Арсеньев. Колтовскому велено было ехать в Москву⁵⁴, где он позднее был пожалован за строительство Обояни придачей к прежнему поместному окладу в 700 четей еще 200 четями земли и прибавкой к прежнему денежному окладу в 45 рублей еще 40 рублями⁵⁵.

С тех пор минуло более трех с половиной веков. Выдерживать долгие осады Обоянскому острогу так и не довелось. Со временем деревянная крепость обветшала и была разобрана. Разжалованы в села некогда большие города Карпов и Богатый — соседи Обояни, а Обоянь есть и стоять будет памятником в веках подвигу наших предков. В 2012 г. ей исполнилось 363 года.

Примечания

¹ Бабин И. П., Озеров М. М., Сляднев В. М. Об основании города Обояни // Курский край. 2011. № 5. С. 15–22.

² Памятники южновеликорусского наречия: Отказные книги / Изд. подгот. С. И. Котков, Н. С. Коткова. М., 1977. С. 150–151.

³ Пустошь — заброшенное, пустующее, ранее обжитое место.

⁴ Городище — остатки древнего населенного пункта, имевшего укрепления. Остатки неукрепленного населенного пункта именуется селищем.

⁵ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола. Оп. 9. Д. 127. Л. 429.

⁶ Описи архива Разрядного приказа XVII в. / Подгот. текста и вступ. ст. К. В. Петрова. СПб. 2001. С. 270–271.

⁷ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. Оп. 12, ч. 1. Д. 224. Л. 247–264.

⁸ Там же. Л. 79.

⁹ Там же. Д. 290. Л. 669.

¹⁰ Там же. Д. 78. Л. 74.

¹¹ Куц О. Ю. Биографические сведения о донских атаманах, войсковых есаулах и войсковых дьяках второй трети XVII в. (1637–1667 гг.) // Очерки феодальной России. Вып. 8. М., 2004. С. 152.

¹² АМГ. Т. 2. СПб., 1894. С. 275.

¹³ Там же.

¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. Оп. 12, ч. 1. Д. 313. Л. 301.

¹⁵ Там же. Д. 293. Л. 84.

¹⁶ Как правило, охранное войско посылалось только на шесть недель, после чего стрельцы возвращались домой.

¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. Оп. 12, ч. 1. Д. 290. Л. 621–623.

¹⁸ Там же. Столбцы Севского стола. Оп. 14, ч. 1. Д. 143. Л. 671.

¹⁹ Там же. Столбцы Белгородского стола. Оп. 12, ч. 1. Д. 290. Л. 330–332.

²⁰ Там же. Л. 38–41.

²¹ Там же. Д. 293. Л. 84–86.

²² Танков А. А. Историческая летопись курского дворянства. М., 1913. Т. 1. С. 318.

²³ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. Оп. 12, ч. 1. Д. 293. Л. 81–86.

²⁴ Там же. Л. 84.

²⁵ В челобитной, как видно из репродукции ее текста, четко указана дата основания города: 16 августа. Однако следует иметь в виду, что «Спасов день» (Преображение Господне — «Яблочный Спас») приходится по церковному календарю на 6 (по юлианскому стилю), а не на 16 августа. Попразднство (богослужебный период продолжения воспоминания великого праздника) длится в данном случае 7 дней и отдание праздника Преображения происходит 13 августа. Следовательно, либо в челобитной допущена ошибка в отношении указания даты закладки (должно быть 6, а не 16 августа), либо это событие, действительно состоявшееся 16 августа, по каким-либо причинам искусственно было привязано к «Спасову дню». Уверенно решить вопрос о том, какая из двух дат (6 или 16 августа) является более правдоподобной, при нынешнем состоянии источниковой базы не представляется возможным (*прим. ред.-сост.*).

²⁶ Там же. Д. 290. Л. 676.

²⁷ Там же. Д. 328. Л. 220 об., 221 об.

²⁸ Описи архива Разрядного приказа XVII в. С. 806.

²⁹ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Севского стола. Оп. 14, ч. 1. Д. 143. Л. 287–322.

³⁰ Совсем недавно в РГВИА нами был обнаружен чертеж планов городов Обоянской провинции Киевской губернии, которая существовала в период с 1708 по 1719 г. (РГВИА. Ф. 349. Главное военно-техническое управление. Оп. 27. Т. 1. Д. 6). На чертеже среди прочих имеется и план обоянского острога, который по своей конструкции и количеству крепостных башен несколько отличен от того, который описан в росписи 1652 г.

³¹ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. Оп. 12, ч. 1. Д. 290. Л. 409.

³² Облам — нависающая в сторону противника площадка на деревянной крепостной стене или башне, имеющая в полу боевую щель для действий против осаждающих «подшошного боя» в непосредственной близости к укреплению, которые из-за этого недоступны обстрелу из бойниц.

³³ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 446.

³⁴ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. Оп. 12, ч. 1. Д. 290. Л. 507–508.

³⁵ Там же. Л. 203–208.

³⁶ Там же. Д. 303. Л. 626.

³⁷ Там же. Д. 290. Л. 536–537.

³⁸ Там же. Л. 192.

³⁹ Там же. Л. 115.

⁴⁰ Там же. Д. 328. Л. 7.

⁴¹ Там же. Д. 290. Л. 60.

⁴² Там же. Л. 361–364.

⁴³ Там же. Л. 350.

⁴⁴ Новосельский А. А. Борьба Московского государства... С. 446.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. Оп. 12, ч. 1. Д. 328. Л. 128 об.

⁴⁶ Там же. Д. 290. Л. 531.

⁴⁷ Там же. Д. 328. Л. 4–5.

⁴⁸ Там же. Д. 290. Л. 158.

⁴⁹ Киндяк — шелковая набойчатая ткань.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. Оп. 12, ч. 1. Д. 290. Л. 42.

⁵¹ Там же. Д. 290. Л. 27; Д. 293. Л. 84–86.

⁵² Там же. Д. 328. Л. 241.

⁵³ Там же. Ч. 2. Д. 1020. Л. 364.

⁵⁴ Там же. Ч. 1. Д. 328. Л. 9.

⁵⁵ Там же. Д. 386. Л. 1025–1032; Д. 352. Л. 27, 59, 73–93.

М. М. Озеров, И. П. Бабин

ОБОЯНСКИЙ ОСТРОГ

Об устройстве обоянской крепости-острога в середине XVII в., т. е. в самом начале ее существования, имеется несколько различных, порой диаметрально противоположных мнений. Ф. Ф. Ласковский в монографии «Материалы для истории инженерного искусства в России» отмечал: «Обоянь, на правом берегу р. Пселы. Основан в 1650 г.; окружен был деревянной рубленной стеною и башнями»¹. Д. И. Багалея в «Очерках из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства» писал, что «Обоянь, например, состояла из небольшого острога и самого города, который был окружен только земляным валом»². А. А. Танков в «Исторической летописи курского дворянства» указывал, что «на Спасов день на Обоянском городище молебен пели, и воду освятя, Обоянское городище святою водою окропили и меж речки Обояни и крутого боярака обложили два города, трое вороты, 6 глухих башен»³.

К сожалению, время не пощадило ни ранних описаний местности, где впоследствии была построена Обоянь, ни первого плана, по которому велось сооружение Обоянского острога, ни строельной книги города. Этот пробел частично восполняют обнаруженная нами в РГАДА «Роспись города Обояни и уезда писца Михаила Маслова и подьячего Федора Оловянникова 1651 года»⁴, а также выявленный в РГВИА (наряду с планами других городов Обоянской провинции Киевской губернии) план Обояни, относящийся к 1712–1720 гг.⁵

В 1651 г. при обоянском воеводе Осипе Степановиче Арсеньеве была подготовлена подробная роспись Обояни, составленная по царскому наказу писцом, тульским дворянином Михаилом Масловым и карповским подьячим Федором Оловянниковым. Это наиболее раннее дошедшее до нашего времени описание обоянской крепости.

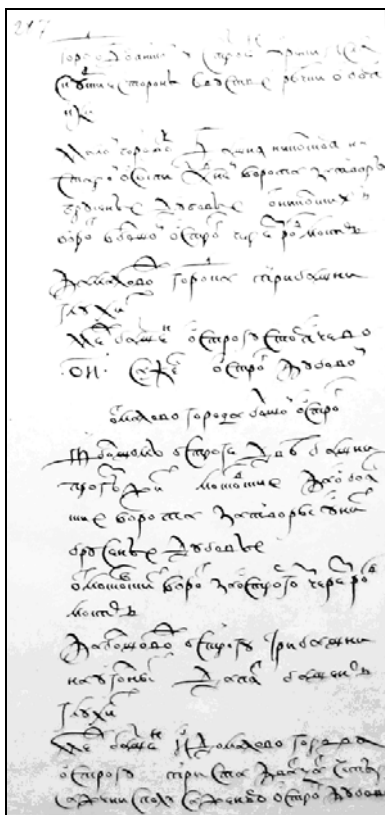

Рис. 1. Фрагмент росписи г. Обояни 1651 г.
(РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Оп. 14, ч. 1. Д. 143. Л. 287)

В росписи указано: «Город Обоянской устроен у реки Псла с курские стороны во устье речки Обоянки»⁶. Крепость была построена на высоком широком мысу коренного берега, образованном Псом и Обоянкой. Высота мыса с юга (со стороны Псла) достигала 23,5 м, с северо-запада (со стороны речки Обоянки) — 27,7 м, с юго-востока — 10,7 м. Обоянский острог состоял из двух крепостей: Большого города и Малого города. Большой город являлся цитаделью почти правильной прямоугольной формы.

Из описания 1651 г. известны размеры Малого и Большого города: «да Малово ж городка... меж башен острогу стоячево 78 сажен [166,14 м], острог дубовой. В Большом остроге... меж башен и до Малово города острогу триста двадцать четыре сажени с полусаженью [690,12 м], острог дубовой»⁷. Совокупная длина острожных стен (с башнями) составляла 402 сажени (857,7 м), а общий периметр всех крепостных стен Обояни достигал 503 саженей. Для сравнения: периметр стен (с башнями) самой крупной на Белгородской черте Белгородской крепости составлял 658 саженей, города крепости Карпова — 438 саженей, Хотмыжска — 409 саженей.

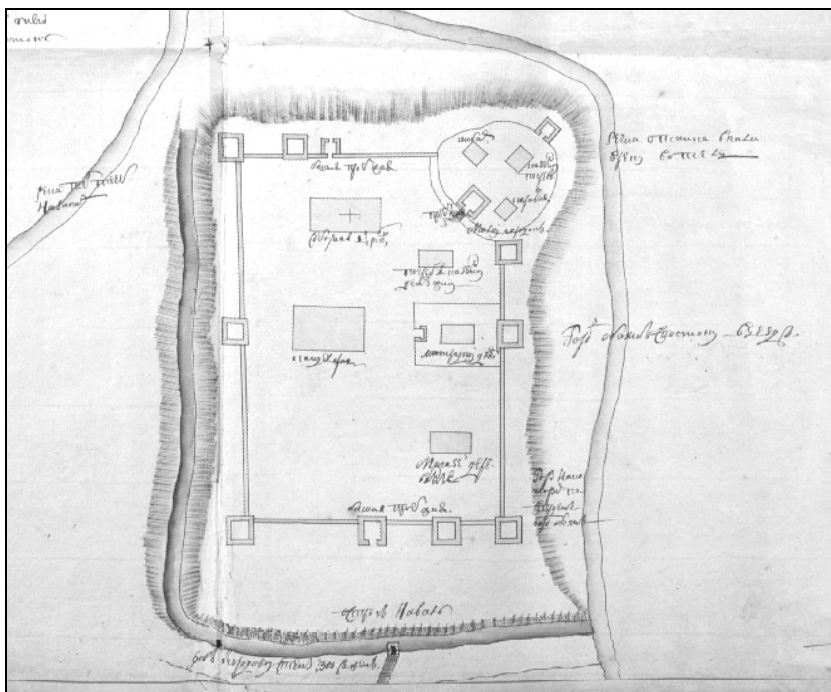

Рис. 2. План Обоянского острога 1712–1720 гг. (фрагмент)
(РГВИА. Ф. 349. Оп. 27. Т. 1. Д. 6)

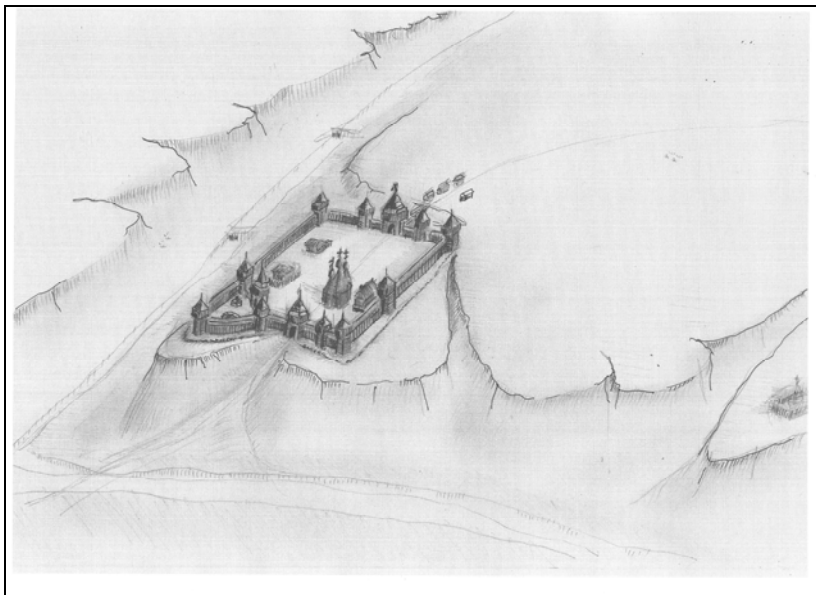

Рис. 3. Вариант расположения Обоянского острога

Малый город, ограниченный пределами древнего Обоянского городища, на месте которого он был сооружен, имел небольшие размеры и представлял в плане треугольник со скругленными краями. Он примыкал с северо-западной стороны к Большому городу. Большой город от Малого отделял высокий частокол и глубокий ров, через который был перекинут деревянный мост, соединявший через проездную Никольскую башню обе части острога между собой.

Вдоль юго-восточной стены острога располагался Большой овраг. Его крутые, почти отвесные склоны и большая, чем сейчас, глубина были естественными и непреодолимыми препятствиями для неприятеля. Берега полноводного и широкого в те времена Псла находились в 128 м от круч, на которых располагался город, т. е. гораздо ближе, чем сейчас⁸. Северная и северо-восточная стены острога были дополнительно усилены и защищены от неприятеля протяженным искусственным рвом, заполненным водой речки Обоянки. С северо-восточной стороны за глубоким оврагом почти вплотную к острогу подступал Большой Боянский (Черный) лес, который тянулся до речки Псельца. По нашим расчетам, восточная сторона Большого города имела длину 167,3 м, северная, обращенная к речке Обоянке — 171,7 м, южная, выходящая к Пслу — 223 м, западная — 129,3 м. Каждая из стен треугольного Малого города имела длину около 55,5 м⁹.

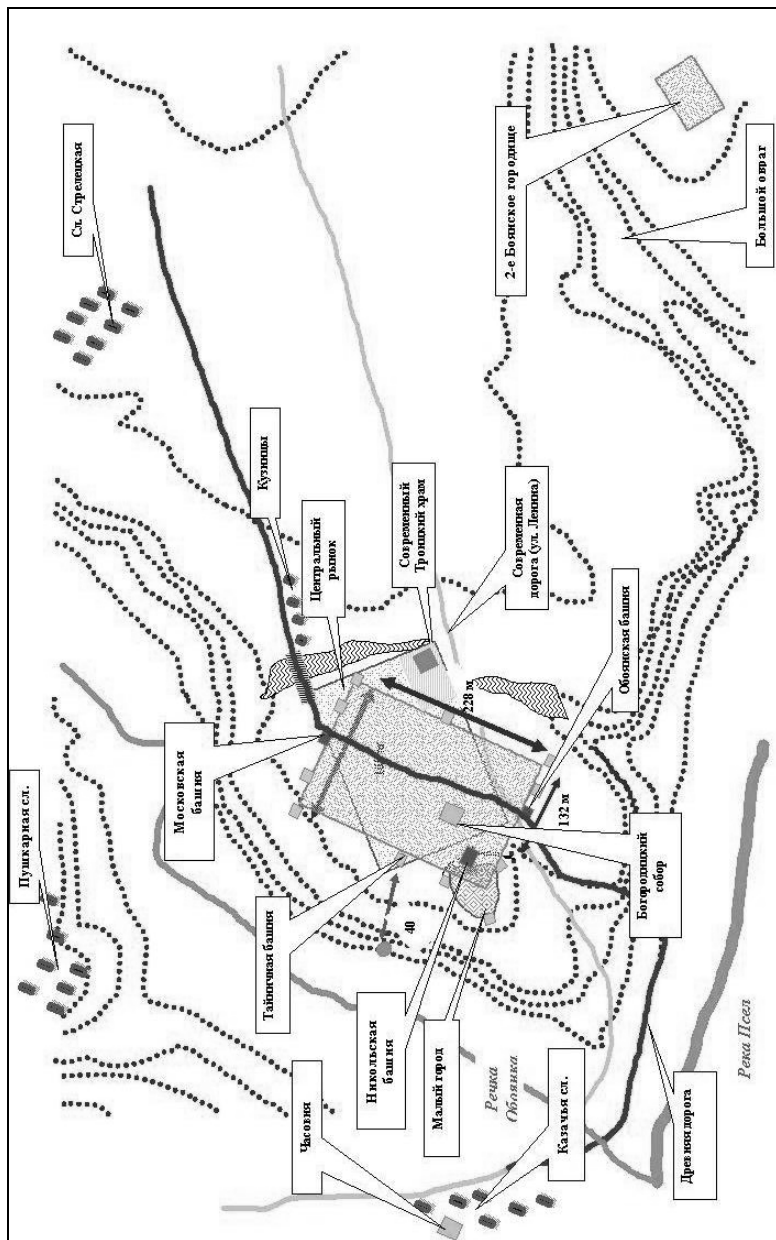

Рис. 4. Вариант расположения Обьянского острога с привязкой к рельефу местности

Если на современный генеральный план Обояни попытаться наложить контуры четырехугольника с размерами сторон, соответствующим размерам стен Большого города, то он впишется в центральную часть города таким образом, что один из его углов будет располагаться в районе автовокзала, второй — вблизи от «макета» части стены Обоянской крепости», третий — недалеко от пересечения улиц Красноармейской и Свердлова (на спуске к речке Обоянке), четвертый — в районе современного Троицкого собора, рядом со входом на Центральный рынок. Малый же город, как уже упоминалось выше, находился на выступающем западном мысу холма, на месте древнего Боянского городища.

В росписи Обояни 1651 г. указано, что стены крепости имели конструкцию стоячего острога с тарасами и обламами. Основой таких острожных стен были толстые, вертикально поставленные дубовые бревна, которые вкапывались в землю на одну сажень (2,13 м), а сама стена получалась высотой около 3,2 м¹⁰. Для устойчивости стены с ее внутренней стороны прирубались тарасы.

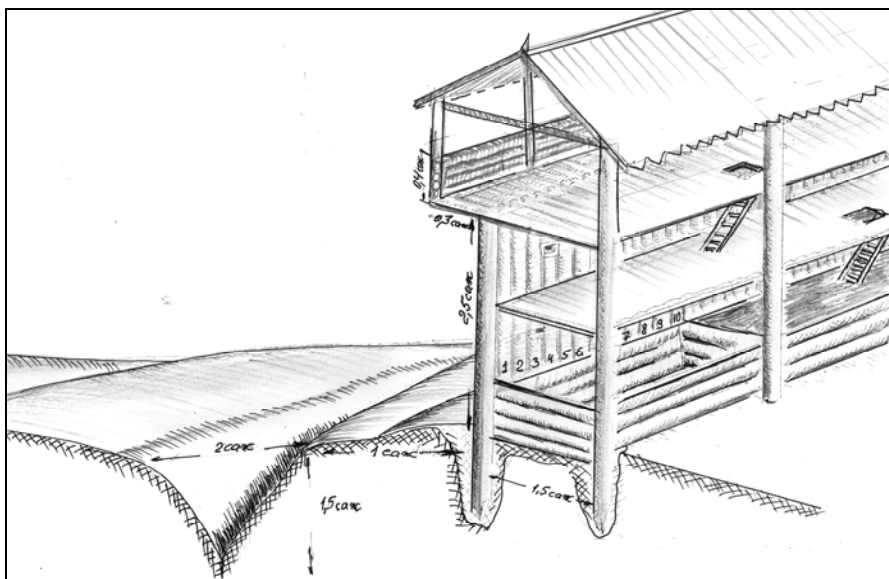

Рис. 5. Вариант конструкции стены Обоянского острога

При возведении Обоянского острога продольные и поперечные стенки тарас связывались между собой через каждые 6,4 м. Тарасы сооружались из тех же толстых бревен, что и основная стена. Клетки тарас засыпались землей, создавая дополнительную опору, основу жесткого каркаса, поверх настлал-

ся бревенчатый пол. Подобные тарасные конструкции использовались как в Малом, так и в Большом городе: «тарасы в Малом и Большом остроге зарублены в три бревна вверх, дубовые и засыпаны землею»¹¹. Из текста росписи следует, что тарасы в остроге были невысокими: в три наземных венца (1 венец — 0,27 м), т. е. около 81 см¹².

Для защиты обороняющихся от стрел, ядер и пуль неприятеля на стенах устраивались брустверы — «обламы»¹³. Бойницы в них делались со скосом вниз, чтобы увеличить площадь обстрела, а в полу устраивались стрельницы, через которые горячей смолой, кипятком и всеми другими доступными средствами поражали врагов, прорвавшихся к крепостным стенам. Обламы сооружались следующим образом. Против каждого десятого столба острожной стены на расстоянии трехсаженного бревна (6,4 м), к тарасам прирубались вертикальные столбы, соединившиеся со стеной в двух ярусах горизонтальными связями. Верхний ярус — обламная связь — представлял собой бревна, выпущенные за внешнюю сторону стены, которые служили для устройства на них обломов. Нижние связи — проушины — укладывались в отверстия основной стены и служили для устройства на них боевого хода — моста, связывавшего все боевые элементы крепости¹⁴. Первым подобную конструкцию крепостных стен описал в 1969 г. В. П. Загоровский в своем фундаментальном труде о Белгородской черте¹⁵.

Ниже приведен расчет высоты крепостной стены Обоянского острога (при диаметре бревен 27 см).

Табл. 1. Расчет высоты крепостной стены Обоянского острога

Наименование элемента крепости	Высота стены (без облама)		Высота облама		Общая высота стены с обламами	
	саж.	м	саж.	м	саж.	м
Крепостная стена	1,5	3,2	0,51	1,08	2,0	4,3

Высота обломов Обоянского острога была около 1,08 м: «Обламы круг всево Малово и Большово острогу в четыре ряда брусеные, дубовые, рубленные в замок»¹⁶. В обламах было оборудовано по четыре боя (по четыре ряда бойниц). По сравнению с рублеными стенами подобные острожные стены с обламами имели ряд преимуществ. Для их сооружения требовалось значительно меньше леса, чем при постройке рубленых стен. Защитники крепости могли легко подходить к бойницам. Недостатком же являлась небольшая прочность таких стен. В стенах из горизонтально уложенных бревен в отличие от стен, состоящих из бревен, врытых вертикально, после усыхания не образовывались щели.

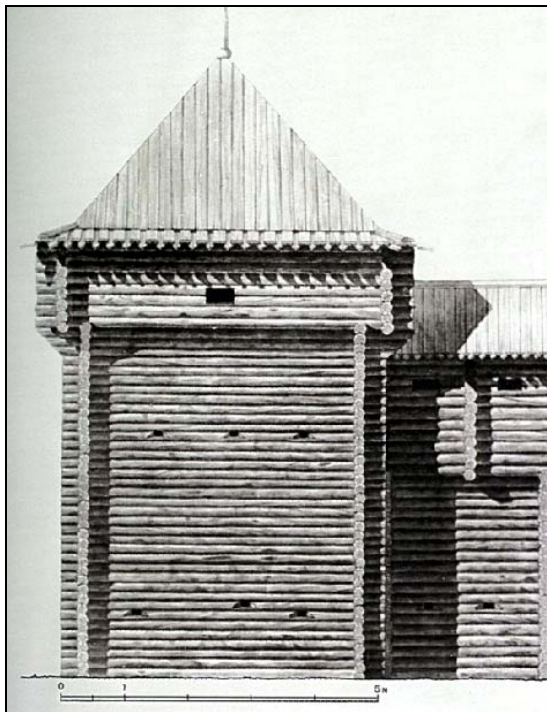

Рис. 6. Вариант башни Обоянского острога
(из кн.: Крадин Н. П. Русское деревянное оборонное зодчество. М., 1988. Рис. 103–106)

Основным элементом крепости были башни. По периметру стен Обоянского острога и внутри его располагалось 14 башен: три угловых (наугольных), три проезжих (в их проемах находились ворота) и восемь глухих¹⁷. Для сравнения: в Карпове было три проездные и семь глухих башен, в Хотмыжске — две проездные и восемь глухих. Острожные башни обычно ставились на углах, а если длина крепостной стены между углами превышала дальность полета стрелы (около 150 шагов), то и в промежутке между ними, т. е. в середине стены. С восточной стороны Большого города располагались две глухих и одна проезжая башни, с западной — одна глухая и одна проезжая, с северной и южной сторон — по одной глухой башне.

Башни были «рублены а четыре стены», т. е. представляли собой квадрат с обламами и шатровой четырехскатной крышей. Стены башен, также как и стены острога, «рубились» из дубовых бревен диаметром около 27 см. Конструкция башни состояла из четырехугольного сруба и нависающего над ним

облама — второго сруба, поддерживаемого верхними выступающими венцами бревен основы башни. Острожные башни были многоярусными сооружениями. Все башни Обоянского острога, за исключением одной (Никольской), были трехъярусными и имели по два моста. В росписи 1651 г. отмечено: «В башнях в Никольской семь мостов и с верхним. В тринадцати башнях по два моста и с лесницы»¹⁸. С одного яруса на другой в башне можно было подняться по внутренним лестницам, состоящим из двух плах («тетивы») с врезанными ступеньками. Башни выступали за линию острожных стен, что было удобно для организации обороны крепости: из бойниц башен можно было легко обстреливать неприятеля, подступившего вплотную к стенам.

Как уже упоминалось выше, в Большом городе было две проездные башни: Московская и Обоянская. С какой именно стороны острога располагалась Обоянская, а с какой Московская башни, в сохранившихся документах не сообщается. Можно только предположить, что Московская башня находилась с восточной стороны крепости на выезде в сторону Белгорода. Со стороны Московских ворот, согласно росписи 1651 г., располагалась Пушкарская слобода. Известно, что пушкари и воротники были поселены в слободу, находившуюся на противоположном от города правом берегу речки Обоянки. Слобода была построена выше города под Большим Боянским лесом: «От города, от стены, от Московских ворот через реку Обоянку до Пушкарские слободы да нижнего первого двора пятсот сажень»¹⁹. Эту версию подтверждает и описание места расположения Стрелецкой слободы: «за Большим острогом, за Московскими вороты, к речке Боянке, блиска города, теж стрельцы, что в остроге двory их, написаны пять человек дворами построились, четыре человека двory строят и живут за городом во дворех. Да против Московских ворот кручи, из города дорогою направо четыре кузницы»²⁰. Все эти обстоятельства позволяют предполагать, что Обоянские ворота располагались на юго-западной стороне Обоянского острога. Через них шла дорога, ведущая в Курск и далее в Москву.

Проезжие башни Большого города имели ворота из дубовых плах (брусьев), которые закрывались на засов и замок²¹. Ворота обязательно запирались на ночь, а ключи от них хранились лично у воеводы. Поутру ворота отмыкались «смотря по вестям». Охраняли ворота, а также открывали и закрывали их специальные люди, которые назывались «воротниками».

Общая высота башен Обоянского острога в росписи Михаила Маслова не указана. Приведена только высота их отдельных частей, например, высота до обломов. Указан также размер самих обломов, высота которых на всех башнях была в пять венцов. В росписи также не отмечена высота шатровых крыш башен. Но, зная высоту отдельных частей башен и их примерные пропорции, легко рассчитать общую высоту каждой из башен. Ниже в таблице 2 приведен расчет размеров отдельных элементов башен.

Табл. 2. Расчет размеров элементов башен Обоянского острога

№	Наименование башни	Высота башни (без облама)		Высота облама		Общая высота башни и стены с обламами		Ширина башни	
		саж.	м	саж.	м	саж.	м	саж.	м
Малый город									
1	Проезжая Никольская	6,3	13,5	0,63	1,35	7,0	14,9	-	-
2	Глухая	3,5	7,56	0,63	1,35	4,2	8,9	2,25	4,79
3	Глухая	3,5	7,56	0,63	1,35	4,2	8,9	2,25	4,79
4	Глухая	3,5	7,56	0,63	1,35	4,2	8,9	2,25	4,79
Большой город									
5	Проезжая Обоянская	4,6	9,72	0,63	1,35	5,2	11,1	3	6,39
6	Проезжая Московская	4,6	9,72	0,63	1,35	5,2	11,1	3,25	6,92
7	Угольная	4,6	9,72	0,63	1,35	5,2	11,1	3	6,39
8	Угольная	4,6	9,72	0,63	1,35	5,2	11,1	3	6,39
9	Угольная	4,6	9,72	0,63	1,35	5,2	11,1	3	6,39
10	Глухая (Тайничная)	4,4	9,5	0,63	1,35	5,1	10,8	3	6,39
11	Глухая	4,4	9,5	0,63	1,35	5,1	10,8	3	6,39
12	Глухая	4,2	8,9	0,63	1,35	4,8	10,3	3	6,39
13	Глухая	4,2	8,9	0,63	1,35	4,8	10,3	3	6,39
14	Глухая	4,2	8,9	0,63	1,35	4,8	10,3	3	6,39

В черновике одной из отписок обоянского воеводы Ивана Колтовского, подготовленной в то время, когда к возведению острога только приступали, приведены сведения о расстоянии между некоторыми строящимися башнями. Так, расстояние от Малого города через Большой старый ров, который остался от древнего городища, до Обоянских ворот составляло 42,4 м. От Обоянских ворот до глухой башни со стороны Псла в то время было поставлено 34,1 м крепостной стены.

На Никольской башне висел вестовой колокол весом 16 пудов, звон которого предупреждал жителей пригородных слобод о надвигающейся опасности, например, о возможном нападении татарских отрядов, и служил сигналом для сбора служилых людей.

В стенах Обоянской крепости были просечены небольшие отверстия-бойницы для стрельбы по неприятелю. Как правило, они соответствовали оружию, которым пользовались защитники. Размеры отверстий (почти квадратных по форме) были в пределах восьми-десяти сантиметров. Снаружи нижняя и боковые плоскости бойницы были скошенными для удобства стрельбы и увеличения фронта обзора и обстрела (см. рис. 7).

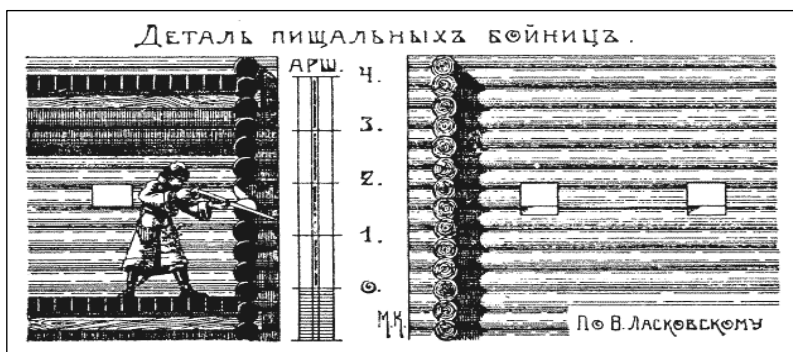

Рис. 7. Пищальные бойницы

(из кн.: Красовский М. В. Курс истории русской архитектуры. Ч. 1: Деревянное зодчество. Пг., 1916. Рис. 111)

Пищальные бойницы предназначались для стрельбы из легких пушек или тяжелых крепостных ружей (затинных пищалей). Для пушечной стрельбы прорубались бойницы большего размера, их габариты составляли обычно 30×40 см (см. рис. 8).

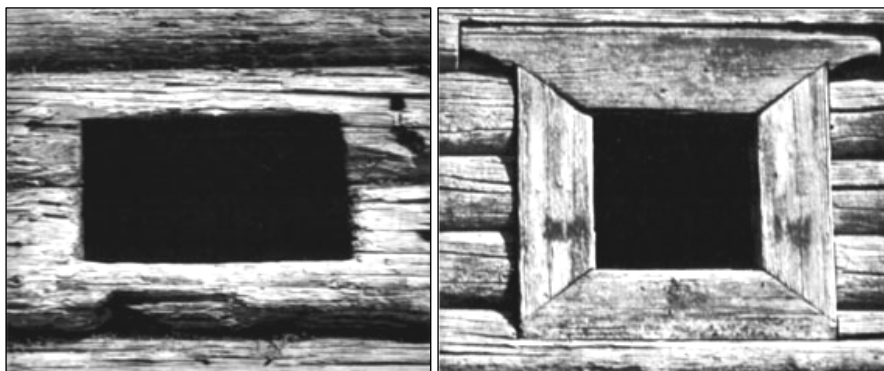

Рис. 8. Бойницы пушечного боя

(из кн.: Крадин Н. П. Русское деревянное оборонное зодчество. М., 1988. Рис. 28, 29)

Расположение бойниц в башнях и стенах было равномерным. Верхние, средние и нижние бои соответствовали ярусам башен. Только на Никольской башне, которая имела семь ярусов, было всего три боя, т. е. для стрельбы использовались только три яруса из семи имеющихся. В остальных 13 башнях количество боев и ярусов совпадало, все их ярусы (бои) были задействованы для стрельбы из пушек и пищалей. В 11 проезжих и глухих башнях на нижнем (наземном) ярусе было по четыре ряда бойниц: «в трех проезжих и глухих осми башнях из башни в поземном по четыре боя»²², на среднем и верхнем ярусах — по восемь пушечных бойниц. Пищальных бойниц было просечено по 36 на каждом ярусе. Отличия имели только три угловые башни, на каждом из трех ярусов которых было прорублено по 10 бойниц пушечных и 57 пищальных. В этих башнях имелись также дополнительные пищальные бойницы в облаках: «в обламы по бою»²³.

Всего в башнях Обоянского острога имелось более 310 пушечных бойниц и около 1700 пищальных (см. табл. 3), не считая бойниц, сооруженных в крепостных стенах: «да в Большом и Малом остроге на всех стенах и с обламы устроено по четыре боя»²⁴, т. е. пищальные бойницы располагались по всему периметру крепостных стен в четыре ряда. Помимо этого, во всех башнях «для береженья» было прорублено дополнительно по два окна во внутреннюю сторону острога (по-видимому, на тот случай, если противник прорвется в острог и необходимо будет занимать круговую оборону).

Табл. 3. Расчет числа башенных бойниц в Обоянском остроге *

№	Наименование башни	Кол-во ярусов в башнях / задействованных	Нижний (наземный) ярус		Средний ярус		Верхний ярус		Всего пушечных бойниц	Всего пищальных бойниц
			кол-во пушечных бойниц	кол-во пищальных бойниц	кол-во пушечных бойниц	кол-во пищальных бойниц	кол-во пушечных бойниц	кол-во пищальных бойниц		
Малый город										
1	Проезжая Никольская	7/3	4	36	8	36	8	36	20	108
2	Глухая	3/3	4	36	8	36	8	36	20	108
3	Глухая	3/3	4	36	8	36	8	36	20	108
4	Глухая	3/3	4	36	8	36	8	36	20	108
Большой город										
5	Проезжая Обоянская	3/3	4	36	8	36	8	36	20	108
6	Проезжая Московская	3/3	4	36	8	36	8	36	20	108

Табл. 3 (продолжение)

№	Наименование башни	Кол-во ярусов в башнях / заделываемых	Нижний (наземный) ярус		Средний ярус		Верхний ярус		Всего пушечных бойниц	Всего пещальных бойниц
			кол-во пушечных бойниц	кол-во пещальных бойниц	кол-во пушечных бойниц	кол-во пещальных бойниц	кол-во пушечных бойниц	кол-во пещальных бойниц		
7	Угольная	3/3	10	57	10	57	10	57	30	171
8	Угольная	3/3	10	57	10	57	10	57	30	171
9	Угольная	3/3	10	57	10	57	10	57	30	171
10	Глухая (Тайничная)	3/3	4	36	8	36	8	36	20	108
11	Глухая	3/3	4	36	8	36	8	36	20	108
12	Глухая	3/3	4	36	8	36	8	36	20	108
13	Глухая	3/3	4	36	8	36	8	36	20	108
14	Глухая	3/3	4	36	8	36	8	36	20	108
	ВСЕГО		74	567	118	567	118	567	310	1701

* Расчет сделан без учета бойниц прорубленных на обламах башен

От средней глухой башни стены Большого города, выходившей в сторону Обоянки, был сооружен тайный ход к колодцу, расположенному в нескольких метрах от речки. Он должен был в дни осады надежно снабжать обороняющихся питьевой водой. Тайник представлял собой вырытую наклонную галерею шириной 2,67 м и высотой 2,13 м, укрепленную дубовым срубом. Пол галереи шел скатом и поэтому был оборудован ступенями: «в тайнике впуск струб в воду и у тойника стены и потолок и ступени дубовые»²⁵. Сруб хода, прикрывающий колодец и наклонную галерею, был засыпан землей и замаскирован дерном. Расстояние от башни, названной Тайничной, до колодца составляло около 40 м. В галерее имелось пять специальных окон-амбразур.

От Обоянки вдоль крепостной стены к Тайничной башне был прокопан ров длиной около 373 м. «В глубину ров полуторы сажени [3,2 м], в ширину 2 сажени [4,3 м], да ото рву 6 сажень [12,8 м] поставлены надалбы дубовые, толстые, в два ряда о две кобылины 17 сажень [36,2 м]»²⁶.

Башни Обоянского острога были увенчаны низкими деревянными шатрами. Маковицы шатров были крыты белым железом, а на маковиче Московской башни был установлен «деревянный орел, двуглавной, воронен смолоу, на железном вертлугу»²⁷. Из документов известно, что к началу 1651 г. строители успели соорудить шатровые крыши только на двух башнях. Можно предположить, что это были Московская и Обоянская башни.

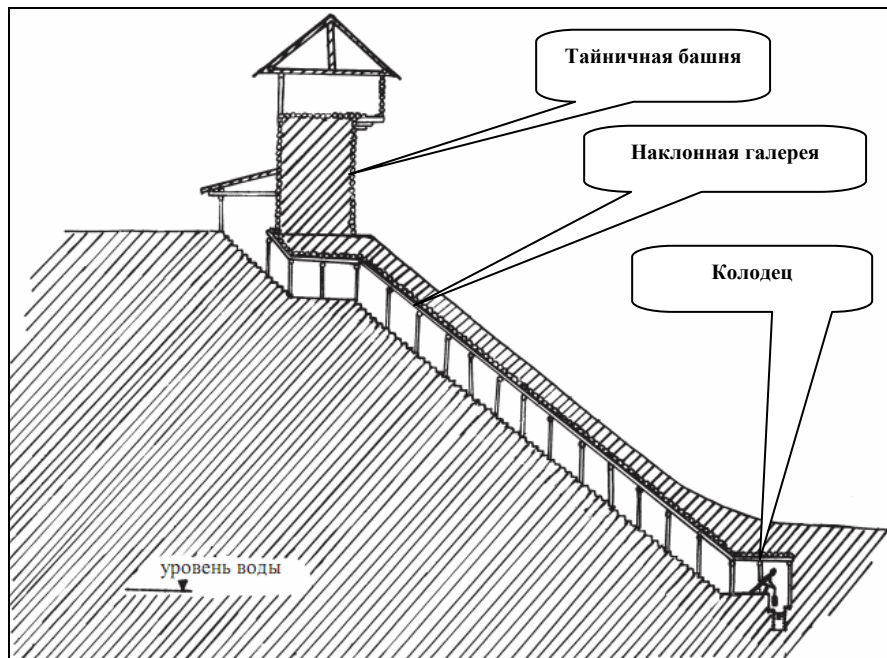

Рис. 9. Конструктивные особенности тайника

(из кн.: Носов К. С. Русские крепости и осадная техника, VIII–XVII вв. СПб., 2002. С. 53)

По указанию воеводы Колтовского на Никольских, Московских и Обо-
янских воротах были установлены по два киота с иконами: «а киеты, госу-
дарь, большие и зубцами, крыты в две тесницы и с подзоры, и образы в киеты
поставлены над вороты»²⁸.

В Малом городе были поставлены казенный погреб для оружия и воен-
ных припасов, житница для хранения хлеба и сухарей: «да на твой, государь,
хлеб житницу²⁹ ... делал трех сажень, липовую, подрублено пять венцов дуб-
ом». Казенные (пороховые погреба) представляли собой постройки высотой
более 3 м, большая часть которых была углублена в землю. Рядом с Николь-
скими воротами в Малом городе находилась караульная изба квадратной
формы: «ольховая изба, полутрети сажени [1,4 м], подрублена дубом, пять
венцов, покрыта лубьем»³⁰.

Функции Большого города были значительно шире. В нем размещались
соборный храм, торговые лавки, военно-административные учреждения и
двор воеводы. Имеется сообщение о ходе строительства воеводского двора:
«да в Большом же городе поставлены на время воеводских 2 избы, 10 сажень
[21,3 м] липовые, подрублены дубом, отделаны совсем, покрыты лубьем».

Известно, что воеводский двор своей северной стороной примыкал к Тайничной башне. По первоначальному плану он должен был располагаться в Малом городе, но по соображениям безопасности его построили в Большом городе³¹. Напротив воеводского двора находилась съезжая (приказная) изба — главное казенное учреждение в городе.

Постройки в Большом городе размещались по разные стороны от соборной церкви: «да в Большом ж остроге против соборные церкви к обоянской стороне устроен двор воеводам на приезде [съезжая изба]. А по другую сторону церкви от обоянских ворот подле городовую стену, что ото Псла реки, построены дворами и живут во дворах соборные церкви поп, да дьякон, съезжей избы подьячих три человека»³².

В остроге располагался и целый ряд хозяйственных построек и складских помещений. Недалеко от воеводского двора напротив Малого города находился так называемый казенный амбар, откуда служилым людям выдавали жалованье. Недалеко от Московских ворот были сооружены склады («магазины деревянные»).

Из текста росписи 1651 г. известно, что сразу за Московскими воротами с правой стороны от дороги на Белгород располагались четыре кузницы. В те времена их полагалось строить за городом во избежание пожара.

Одновременно с возведением острога в Большом городе шло выделение мест под строительство изб первых городских жителей, а также «для осадново времени и на приезд». Всего в остроге было выделено и отмерено земли на 124 двора служилых людей. Однако к концу 1651 г., согласно росписи, дворами построились не все: «Большом же остроге уездных людей детей боярских в 53 двора построены для осадново времени и на приезд».

В Обоянском остроге имелся и свой небольшой торг: в Большом городе по обе стороны Большой дороги было построено шесть торговых лавок.

В Большом городе напротив Никольских ворот Малого города еще в первый год строительства острога была устроена соборная церковь во имя Рождества Пречистой Богородицы с приделами³³ Николая Чудотворца и св. Дмитрия Солунского. . .»³⁴. В архивных документах сохранилось описание этого храма. Он был шатровый, имел три входа и три «красных» окна. Крылосы и паперть были забраны досками «с подзоры». Церковь и трапезная были отделаны липовым деревом, имели «стены мшенные, потолочки тесаные в брус»³⁵. Храм состоял из трех частей. Центральная часть была основной и представляла собой обширный четырехгранник, заканчивающийся вверху восьмигранной пирамидой в виде шатра. Шатер венчался небольшим куполом луковичной формы. Вторую и третью части составляли пристройки. С восточной стороны находился алтарь, с западной — трапезная. Подле церкви и около трапезной была устроена паперть. На ней имелось три лестницы. У лестниц были установлены «рундуки»³⁶. Центральная часть крыши храма держалась на точеных столбах. Сверху к стропилам крыши крепились

три шатровых купола: «верхи шетревые и маковы... ставлены»³⁷. Церковь, трапезная, паперть и «над рундуками верхи» были крыты «в две в тесницы железным гвоздем». Над тремя шатрами были установлены деревянные кресты. «Образы, и книги, и ризы, и сосуды церковные, и колокола, и всякое церковное строена» были присланы из Москвы³⁸.

В непосредственной близости от крепости был прокопан глубокий ров, который тянулся параллельно острожным стенам³⁹. Ров располагался на расстоянии одной сажени (2,13 м), как от башен, так и от стен, имел глубину более 3 м, а ширину 4,27 м.

Через рвы к Московским, Обоянским и Никольским воротам вели специальные мосты. Так, перед Московскими воротами был построен дубовый мост с перилами «с подборами крутчатыми и столбы такие же». Вероятно, эти мосты были устроены на столбовых опорах, которые легко разрушались («переметывались») в случае внезапного приближения врага.

В отписке от 2 июля 1650 г. обоянского воеводы Колтовского указано, что было сделано в городе его сыном Федором, который временно заменял отца: «да от Московских ворот через ров и за подолом зделал дубовой мост в ширину трех сажень [6,4 м], а в длину тринадцать сажень [27,7 м]»⁴⁰.

Важными элементами защиты острога являлись рогатки, частик (частокол)⁴¹ и надолбы, которые размещались за пределами земляных оборонительных сооружений. Они были весьма эффективным препятствием для конницы крымских татар и ногайцев. Надолбы⁴² часто устанавливались в качестве передовых укреплений за деревянной стеной, за земляным валом и за рвом. Впоследствии в Обояни они окружали не только город, но также и пригородные слободы: «около посадов крепостей с одной стороны города по Белгородской дороге от речки Псельца надолбы от городской стены на 400 саженьях [853,4 м], на посаде по улицам сделаны надолбы»⁴³.

В Большом остроге расстояние между рвом и частоколом составляло всего два метра. Частокол был набит в четыре ряда дубовыми колодами. Следом на расстоянии 8,53 м от частокола располагались дубовые надолбы, которые имели ширину более двух метров. Они были установлены в два ряда и в две кобылины. Их общая длина составляла 362,71 м.

Простейшая надолба в росписи Обоянского острога часто называется «надолбой в две кобылины». Это, как правило, была конструкция из двух бревен, вкопанных наклонно в землю, «наддолбленных» и соединенных крестом. Бревна для надолб использовались обычно такие же, как и для строительства острожной степы: дубовые, длиной по три сажени. В землю они вкапывались на одну сажень⁴⁴.

Кроме этого, дополнительно была усилена «приступная сторона» острога от Московских ворот. После завершения основных работ 24 августа 1650 г. Колтовский сообщал царю: «да с приступной же, государь, стороны поставил за надолобами бабки в три ряда толстые, дубовые, в длину на стене шестиде-

сят саженей [128,0 м], поперег на сажень, а ото рва до честика на сажень [2,13 м], от честика до надолобов четыре сажени [8,5 м], от надолобов до бабок⁴⁵ десять саженей [21,3 м]»⁴⁶.

Самой мощной защитой крепости служило огнестрельное оружие. Еще в конце 1649 г. для будущего острога воеводой Колтовским по наряду были получены пять пищалей и 500 железных ядер к ним⁴⁷. В сентябре 1650 г. по царскому указу воеводе было велено дополнительно получить в Туле еще пять пищалей, однако по непонятным причинам пищаль в три гривенки⁴⁸, две пищали по две гривенки и ядра из Тулы в Обоюнь в установленный срок не поступили⁴⁹. С задержкой с тульским стрелецким пятидесятником Карпом Стормашинным были переданы только три пищали⁵⁰. Таким образом, общее артиллерийское вооружение Обоюнского острога к концу 1651 г. составляло девять пищалей. Сведения о количестве артиллерийского вооружения и боеприпасов Обоюнской крепости в отдельные годы XVII–XVIII вв. приведены в таблице 4.

Табл. 4. Сведения о количестве артиллерийского вооружения и боеприпасов в Обоюнском остроге в 1649, 1651, 1678 и 1702 гг.

Год	Тип вооружения	Кол-во	Кол-во ядер	Вес ядра (в гривенках)	Вес ядра (в кг)	Общий вес ядер (в кг)
1649	пищаль	1	100	5	2,05	204,8
		1	100	4	1,64	163,8
		1	100	3	1,23	122,9
		1	100	2	0,82	81,9
		1	100	1	0,41	41,0
1651	пищаль	1	100	3	1,23	122,9
		2	200	2	0,82	163,8
	медный малый дробовой тюфяк	1	100	6	2,46	245,7
1678	медный тюфяк	1	100	6	2,46	245,7
	пищаль	2	200	4	1,64	327,6
		2	200	3	1,23	245,8
		4	400	2	0,82	327,6
		1	100	1 (?) *	0,41	40,95
1702	пищаль	1	200	5,5	2,46	491,4
		1	200	2,5	1,23	245,7
		1	200	4	1,64	327,6
		2	400	2	0,82	327,6

* В документе пропуск.

В таблице 5 показаны некоторые технические характеристики пищалей, находившихся на вооружении Обоянской крепости.

Табл. 5. Характеристики пищалей Обоянского острога

Год	Тип	Количество	Длина (аршин, вершков)	Вес (пудов)	Вес (кг)
1651	медный малый дробовой тюфяк	1	1,75 аршина	–	–
1702	пищаль	1	3,25 аршина	49,25	806,7
		1	2,5 аршина	28	458,7
		1	2 аршина 9 вершков	30,25	495,5
		1	2 аршина 6 вершков	26	425,9
		1	1 аршин 14 вершков	8,025	131,5

Распределение артиллерийского вооружения по стенам и башням крепости было неодинаковым. Так, при наличии в Обоянском остроге девяти орудий, как минимум пять башен оставались без артиллерийского прикрытия. Возможно, что на Никольской башне, как самой высокой в остроге, находилась «вестовая пищаль».

Четкого соответствия между количеством и типом орудий в остроге и числом обслуживавших их пушкарей и затинщиков также не существовало. Каждую пищаль и тюфяк обслуживали обычно два пушкаря, а затинную пищаль один затинщик. Таким образом, при расчете необходимого для крепости гарнизона численность затинщиков должна была равняться количеству пищалей, а численность пушкарей — превосходить количество пушек, тюфяков и прочих пищалей вдвое. В 1678 г. в Обоянском остроге числилось 50 пушкарей, следовательно, можно предположить, что штатом крепости того времени предусматривалось примерно 24 пушки. В действительности же крепостной артиллерии в то время было значительно меньше: всего 10 единиц⁵¹.

Гарнизон крепости должен был находиться в постоянной готовности к отражению внезапных нападений крымских татар и ногайцев, набеги которых на южнорусские земли не прекращались. Только в 1659 г. татары увели в полон почти 25 тыс. чел., в том числе 61 чел. из Обояни и ее уезда. В январе 1662 г. обоянскими служилыми людьми было отбито внезапное татарское нападение на уезд. Об этом говорится в челобитной тогдашнего обоянского воеводы Тихона Львова⁵². В то же время сведений о нападениях непосредственно на Обоянский острог или его осаде неприятелем в архивных документах не обнаружено.

Защитникам крепости — стрельцам, казакам и пушкарям — часто приходилось, временно сменив оружие на плотницкие топоры, укреплять подходы к башням, менять обветшавшие звенья на новые, засыпать их землей и устраивать новые настилы и лестницы к стенам. Ремонтные работы велись постоянно, в том числе и в зимнее время. Позднее их выполняли в основном посадские люди и уездные крестьяне.

С течением времени Обоянская крепость претерпевала перемены в своем облике, менялась конструкция городской стены и количество крепостных башен. В описи городов 1678 г. говорится: «Город Обоянь построен у реки Псла, в устье речки Обоянки, с русской стороны реки Псла. В городе малый городок, по городу и по малому городу 14 башен, в том числе 3 башни с проезжими воротами, 11 башен глухих. Вместо городской стены сделано земляного вала 12 сажен, да вылаз⁵³. По мере около всего города и с башенными стенами 400 сажен»⁵⁴. Из приведенной цитаты видно, что в Обоянском остроге в то время вместо части крепостной стены был сооружен земляной вал длиной около 25,6 м. При этом был укреплен городской посад и сооружены надолбы. По-видимому, на месте ранее существовавшего рва от речки Обоянки появилась объездная дорога из Пушкарской слободы. Возможно, именно по этой причине ров и был «заезжен». Вылаз и вал были устроены, по-видимому, рядом с новым, удаленным на 640 м, рвом.

В 1691 г. на одной из башен Обоянского острога и прилегающей к ней стене произошел сильный пожар. По данному факту, присланному из Белгорода майором Иваном Андреевичем Девсоном, был произведен сыск, а также выполнен осмотр башни и городской стены. Как выяснилось в ходе следствия, обоянский воевода И. Д. Яблочков перегородил от своего воеводского дома огородом часть острога прямо к Тайничной башне. Вблизи башни он поставил свою поварню, а в башне и на обламах хранил сено для лошадей, которое и загорелось. Кроме того, он вырубил часть городской стены у Московской башни, сделав здесь стойло для своих лошадей. В ходе следствия выяснились многочисленные злоупотребления воеводы. Однако свою вину он не признавал и винил в пожаре людей прежнего воеводы, стольника Авраама Богдановича Мантурова. Последствия пожара и вызванные им разрушения были быстро устранены. Башню и стену восстановили в том же году, а воеводу отдали под суд⁵⁵.

С годами военное значение обоянских фортификаций неуклонно уменьшалось. В результате в ходе одного из очередных ремонтов вокруг Малого города уже не стали возводить стоячий острог с обламами и довольно сложные и трудоемкие тарасные конструкции стен, а поставили только дубовый палисадник высотой 3,2 м. Были убраны и две крепостные башни: одна в Малом, а другая в Большом городе рядом с Московскими воротами.

Менялось и артиллерийское вооружение крепости. Так, в 1703 г. пушечный наряд включал только пять железных пищалей из десяти имевшихся ранее. Помимо них, в наличии имелось «1000 ядер железных, зелья ручного и пушечного 60 пуд 14 гривенок, свинцу 60 пуд, соли 1500 пуд, лопатен, просек, 60 копен пичных, безмен, 2 шина железа шведского [шведского], 10 знамен, в том числе 6 киндяшных, 4 крашенных ветхих, 6 подсветов железных»⁵⁶.

На плане городов Обоянской провинции 1712–1720 гг. внутри острога мы находим лишь соборный городской храм, ландратский двор, канцелярию, денежный погреб да «магазеи деревянные». В Малом городе по-прежнему значатся амбар, караульная изба и казенный погреб.

В первой трети XVIII в. крепость была еще в исправности. Согласно документу о передаче дел по городу Обояни от управителя Харлама Переверзева комиссару Дмитрию Петрову сыну Мелентьеву, состоявшейся 7 февраля 1723 г., крепость еще существовала (комиссару были переданы ключи от нее), но на территории Малого города уже был организован склад, где хранились «бесхозные» боеприпасы и амуниция от последнего крымского похода. В тексте документа встречается любопытное название Малого города: «Малый замок»⁵⁷.

Со временем многие пограничные крепости оказались в глубоком тылу и полностью утратили свое стратегическое значение. Вдобавок они безнадежно устарели с военной точки зрения. Все большее распространение получали крепости бастионного типа, отвечавшие новым методам ведения войны и возведенные по последнему слову европейской фортификационной науки.

В 1724 г. по указу Петра I был издан «анштальт» (штат) крепостей, в состав которого вошло всего 34 укрепленных пункта, разделенных на три разряда: остзейские (11), российские (18) и персидские (5). Вооружение и гарнизоны в мирное время надлежало иметь только в тех крепостях, которые вошли в «анштальт»⁵⁸. Согласно новой военной доктрине Петра I, оборона страны должна была зиждиться на армии и флоте, а крепости должны были служить только опорными пунктами для их действий. Встал вопрос: что делать со старыми крепостями, «крепостями» и острогами? В реестре крепостей 1729 г. старые фортификации были переведены в разряд иррегулярных⁵⁹. Постепенно старые и ненужные более крепости и остроги выводились из штата крепостей и передавались в ведение гражданских властей. Не избежала этой участи и Обоянская крепость, признанная неперспективной.

К середине XVIII в. существенно изменился и облик Обояни. Крепость пришла в ветхость, а восстанавливать ее в прежнем виде уже не было нужды. В академической анкете за 1760 г.⁶⁰ находим одно из последних дошедших до нашего времени упоминаний Обоянского острога: «Города Обояни городская крепость ограждена была полисадником дубовым. Оной полисадник от ветхости весь обвалился. В стенах было десять башен, дубовые, ветхие, на которых и верхи сгнили и обвалились же. В том числе имелось две башни

проезжих с воротами: первая Московская, вторая к реке Пслу. Оные две башни, да в стенах три башни в силе Правительствующего Сената указа за ветхостию разобраны и лес погнил. Кругом оной крепости с трех сторон рвы глубины по полторы сажени, в ширину дву сажени, а с четвертой стороны река Псел. Оная крепость по мере вокруг четыреста сажен, в ширину полисадник полтрети сажени. При крепости города Обояни малая крепость была ограждена полисадником дубовым. Оной полисадник весь от ветхости обвалился. В той крепости было ветхих дубовых две башни, в том числе одна с створчатыми вороты, верхи сгнили и обвалились. Оная башня с вороты в силе онаго Правительствующего Сената указа разобрана и лес погнил. Оная крепость кругом 88 сажен, в вышину полисадник полтрети сажени»⁶¹.

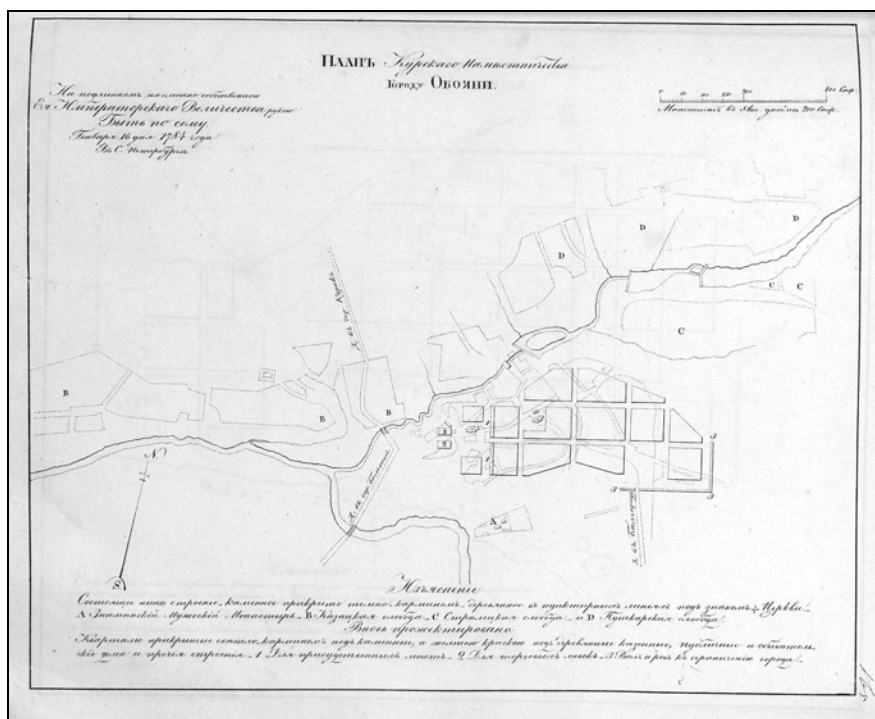

Рис. 10. Перспективный план города Обояни 1784 г.
 (РГАДА. Ф. 1356 (Картографический отдел МГАМИД). Оп. 1. Д. 2047)

На перспективном плане Обояни 1784 г. хорошо видно, как очередная перестройка города окончательно и безвозвратно скрывает последние следы старой крепости-ostroga. По этому плану намечалось распланировать в городе 5 кварталов с каменной застройкой и 29 с деревянной.

Примечания

¹ Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 1: Опыт исследования инженерного дела в России до XVIII столетия. СПб., 1858. С. 43.

² Багалей Д. И. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. Т. 1. М., 1887. С. 222.

³ Танков А. А. Историческая летопись курского дворянства. М., 1913. Т. 1. С. 3.

⁴ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Севского стола. Оп. 14, ч. 1. Д. 143. Л. 281–322.

⁵ РГВИА. Ф. 349 (Главное военно-техническое управление). Оп. 27. Т. 1. Д. 6 (Планы городов Белгородской черты: Обояни, Путивля, Суджи, Недригайлова, Мирополя и Яблонова).

⁶ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Севского стола. Оп. 14, ч. 1. Д. 143. Л. 287.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Столбцы Белгородского стола. Оп. 12, ч. 1. Д. 224. Л. 247.

⁹ При расчете периметра и размеров стен крепости не учитывались размеры самих башен, так как почти все они согласно плану 1712–1720 гг. были вынесены за пределы крепостных стен.

¹⁰ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Севского стола. Оп. 14, ч. 1. Д. 143, Л. 290. — «Острог и обламы в вышину полтретья сажени (3,2 м)».

¹¹ Там же.

¹² В наших расчетах диаметр бревен берется согласно приведенным в росписи 1651 г. размерам: «Никольская башня: стены полчетверть сажени [27 см]» (Там же. Л. 288).

¹³ Облам — нависающая в сторону противника площадка на деревянной крепостной стене или башне, имеющая в полу боевую щель для действий против осаждающих «подошвенного боя» в непосредственной близости к укреплению, которые из-за этого недоступны обстрелу из бойниц.

¹⁴ В 1981 г. ученые Воронежского инженерно-строительного института на основании подробных описаний Острогожской крепости и сведений из городской строельной книги сумели составить представление о подобной конструкции стен (см.: Каримов Г. А. Крепости Коротояк и Острогожск // Воронежский край на южных рубежах России (XVII–XVIII вв.). Воронеж, 1981. С. 33–34.

¹⁵ Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969.

¹⁶ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Севского стола. Оп. 14, ч. 1. Д. 143. Л. 290.

¹⁷ Глухая башня — закрытая, не имеющая входов с уровня земли в первый ярус.

¹⁸ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Севского стола. Оп. 14, ч. 1. Д. 143. Л. 289.

¹⁹ Там же. Л. 297.

²⁰ Там же. Л. 295.

²¹ Там же. Л. 287.

²² Там же. Л. 289.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 290.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Столбцы Белгородского стола. Оп. 12, ч. 1. Д. 293. Л. 81–86 (Черновик отписки обоянского воеводы Ивана Никитича Колтовского о постройке города Обояни).

²⁷ Там же. Столбцы Севского стола. Оп. 14, ч. 1. Д. 143. Л. 289.

²⁸ Там же. Столбцы Белгородского стола. Оп. 12, ч. 1. Д. 293. Л. 81–86.

²⁹ Житница — амбар, помещение для хранения обмолоченного зерна.

³⁰РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. Оп. 12, ч. 1. Д. 293. Л. 221 об. (Черновик отписки воеводы Ивана Никитича Колтовского о постройке города Обояни).

³¹Там же. Д. 328. Л. 423.

³²Там же. Столбцы Севского стола. Оп. 14, ч. 1. Д. 143. Л. 294.

³³Придел — пристройка к церкви со своим алтарем.

³⁴РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Севского стола. Оп. 14, ч. 1. Д. 143. Л. 292.

³⁵Там же. Л. 293.

³⁶Рундук — мощное возвышение с приступками; род ларя, крытой лавки с подъемной крышкой; прилавок.

³⁷РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. Оп. 12, ч. 1. Д. 293. Л. 221 об.

³⁸Там же. Столбцы Севского стола. Оп. 14, ч. 1. Д. 143. Л. 293.

³⁹Там же. Л. 291.

⁴⁰Там же. Столбцы Белгородского стола. Оп. 12, ч. 1. Д. 328. Л. 5.

⁴¹Честик — небольшие колья, вбитые близко один от другого в шахматном порядке между надолбами, перед тыном, около рва на перелазях и т. д.

⁴²Надолбы — невысокие части ствола дерева, поставленные вертикально за наружным краем рва в один, два или три ряда; они были иногда со связями и наметами, т. е. соединялись друг с другом.

⁴³ДАИ. Т. 9. СПб., 1875. № 106 (Опись городов 1678 г.).

⁴⁴См., например: РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. Оп. 12, ч. 1. Д. 85. Л. 659.

⁴⁵Бабки — незаостренные бревна (обрубки бревен), вкопанные (вбитые) в землю в определенном порядке.

⁴⁶РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. Оп. 12, ч. 1. Д. 293. Л. 81–86.

⁴⁷Там же. Столбцы Севского стола. Оп. 14, ч. 1. Д. 143. Л. 671.

⁴⁸С XVI в. гривенка (гривна) являлась мерой веса и денежной счетной единицей. Как мера веса гривенка соответствовала 409,5 г.

⁴⁹РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Севского стола. Оп. 14, ч. 1. Д. 143. Л. 567–570.

⁵⁰Там же. Л. 671.

⁵¹ДАИ. Т. 9. № 106.

⁵²РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. Д. 231. Л. 35–36.

⁵³Возможно, именно эта фраза дала повод Д. И. Багалею написать, что «Обоянь, например, состояла из небольшого острога и самого города, который был окружен только земляным валом» (*Багaley Д. И.* Очерки... С. 222).

⁵⁴ДАИ. Т. 9. № 106.

⁵⁵РГАДА. Ф. 396 (Оружейная палата). Оп. 3. Д. 75. Л. 139 об. (Описание городов Белгородского полка 1702 г. «с показанием в оных городах: воевод, меры городов, вестовых колоколов, наряду и всяких военных и других запасов, а так же сколько каких людей»); Д. 76. Л. 155 (Сметный список служилым людям: стольникам, стряпчим, дворянам московским, дякам и жильцам перечневый, разрядным подьячим именной 1703 г. и описание замосковских городов).

⁵⁶Там же. Д. 75. Л. 139 об.

⁵⁷Там же. Ф. 1028 (Обоянская ландратская канцелярия, канцелярия судных и розыскных дел). Оп. 1. Д. 286 (Дело по указу Белгородской провинции об отмене должности управителей 1723 г.).

⁵⁸ Яковлев В. В. История крепостей. М.; СПб., 2000. С. 117.

⁵⁹ Ласковский Ф. Ф. Материалы... Ч. 3: Опыт исследования инженерного искусства после императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб., 1865. С. 9–19.

⁶⁰ Академическая анкета 1760 г. была подготовлена при участии М. В. Ломоносова и разослана во все уездные города России. В данном случае использованы выписки из анкеты, любезно предоставленные нам главным хранителем фондов Курского государственного областного музея археологии А. В. Зориным. Оригинал анкеты хранится в АРАН (Ф. 3. Оп. 10-а. Д. 57).

⁶¹ ГАКО. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 74. Л. 83–84.

А. И. Раздорский

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ ОБОЯНИ С КУРСКОМ И БЕЛГОРОДОМ В XVII в. (по материалам курских и белгородских таможенных книг)

Основными источниками по истории торговли, купечества и таможенного дела России XVII — первой XVIII в. являются таможенные книги. В этих документах содержатся сведения о географии торговых связей, ассортименте, ценах и объемах поставок товаров, социальном и персональном составе торговцев¹. В РГАДА (по предварительным сведениям) сохранилось 11 обоянских таможенных книг 1650–1670-х гг.² Среди них особый интерес представляет наиболее ранняя книга 1653/54 г., в которой зафиксировано состояние местного рынка в начальный период его формирования: спустя всего три года после завершения строительства Обоянского острога. Этот источник проанализирован и опубликован автором настоящей статьи³. Материалы обоянских таможенных книг 1653/54 и 1655/56 гг. привлекались также Ю. А. Мизисом при подготовке монографии о рынке Центрального Черноземья во второй половине XVII — первой половине XVIII в. В данной работе приведены некоторые статистические показатели, характеризующие торговлю Обояни в середине 1650-х гг.⁴

При изучении торговли русских городов XVII столетия по материалам таможенных книг в отечественной историографии преобладает, как правило, «взгляд изнутри». Исследованию подвергаются таможенные книги одного отдельно взятого города, в результате чего формируется представление о том, каким образом развивался и функционировал местный рынок в изучаемый период, каковы были его обороты, торговцы из каких городов приезжали сюда торговать, какие товары они привозили и т. д. При таком подходе вне поле зрения историка оказывается внешняя торговая деятельность жителей изучаемого города. Для того, чтобы история торговли того или иного города оказалась в полной мере стереоско-

пичной, требуется привлечение не только таможенных книг данного населенного пункта, но и других мест, в которых торговали его жители.

Комплексное изучение всего корпуса таможенных книг Обояни пока что представляется делом будущего, хотя, может быть, и не столь отдаленного. Первым же шагом на пути исследования обоянской торговли XVII в. может стать изучение торговых связей Обояни по материалам таможенных книг других городов. В данной статье речь пойдет о торговых операциях обоянцев в двух ближайших к Обояни городах с севера и с юга — в Курске и Белгороде.

За XVII в. по Курску сохранилось 18 таможенных книг (с 1619 по 1678 г.)⁵, по Белгороду — 13 книг (с 1641 по 1678 г.)⁶. В настоящее время эти источники подробным образом изучены автором настоящей статьи⁷. Материалы курских памятников опубликованы в 2001 г. в форме регестов⁸, а белгородских подготовлены к изданию.

В курских и белгородских таможенных книгах имеются записи о регистрации предложенных к продаже или скупленных оптовых товарных партий, стоимостью свыше 1 руб. (для XVII в. это была весьма значительная сумма: дневной прожиточный минимум составлял 1–2 коп., крестьянская лошадь стоила 3–4 руб.) и о купле-продаже лошадей (независимо от их стоимости).

Жители Обояни упоминаются в восьми курских таможенных книгах 20 раз, в пяти белгородских — 6 раз. Первое упоминание, датируемое 25 ноября 1653 г., содержится в белгородской таможенной книге 1653/54 г. В этот день «богоявленский поп» Лаврентий⁹ продал мерина стрельцу г. Болховца Пимену Мохонину за 2 руб.

В курских таможенных книгах зафиксировано восемь таможенных явок обоянцами денег на покупку товаров. Явленные суммы составляли от 3 руб. 40 коп. до 20 руб. По одной явке отмечено в 1654/55 и 1661/62 гг., две — в 1657/58 г. и четыре — в 1677/78 г. К сожалению, нам неизвестен состав товаров, купавшихся на явленные деньги (в подавляющем большинстве таможенных книг XVII в., и не только курских и белгородских, он не раскрыт). Можно предположить, что обоянцы скупали в Курске прежде всего привозные товары, доставленные на южную окраину из Москвы. Эти товары, известные в таможенных книгах под названием «москательных», включали, помимо собственно «москатели», различные виды тканей, меха, кожи, предметы одежды, металлические изделия, ювелирные украшения, галантерею, писчую бумагу, пряности¹⁰. Следует особо отметить тот факт, что обоянские торговцы не привозили в Курск товары на продажу, а занимались только их скупкой. Надо полагать, что жителям молодого города, каким была в середине XVII в. Обоянь, было весьма непросто потеснить традиционных поставщиков значительного по южнорусским меркам курского рынка, функционировавшего к началу 1650-х гг. уже более полувека.

Иным образом складывалась ситуация в Белгороде. В этом городе, в отличие от Курска, обоянцы продавали товары, а их скупкой не занимались.

В белгородских таможенных книгах зарегистрированы четыре явки обоянцев: две в 1660/61 г. и по одной в 1661/62 и 1672/73 гг. В трех случаях ими была привезена на продажу рыба и в одном пригнан скот. Что это была за рыба и скот — неизвестно, поскольку в белгородских таможенных книгах (в отличие от курских) вместо детального перечисления состава товарных партий значатся только глухие формулировки «рыбная продажа» и «скотинная продажа». Стоимость товарных партий обоянских торговцев колебалась от 5 до 20 руб. Белгородский рынок существенно уступал курскому по масштабам торговли, а торговые операции белгородских купцов были значительно меньше, чем у курских. По-видимому, проникнуть на рынок Белгорода торговцам из вновь основанных городов было проще.

Почти все обоянские торговцы, отмеченные в курской и белгородской таможенных книгах в качестве продавцов или покупателей оптовых партий товаров, относились к категории служилых людей. В Курске среди покупателей товаров значатся пять обоянских пушкарей. Социальный статус еще двух человек не указан. В Белгороде среди продавцов товаров числится два обоянских сына боярских и один казак. Некоторые обоянские торговцы упоминаются в таможенных записях по несколько раз. Так, обоянский пушкарь Иван Каракулин (Каракулев) зафиксирован в курской таможене трижды: в 1657/58, 1661/62 и 1677/78 гг., то есть торговля для этого служилого человека являлась, судя по всему, постоянным занятием на протяжении значительного отрезка времени и не прерывалась даже в годы русско-польской войны 1654–1667 гг.

В целом жители Обояни занимали в оптовых торговых операциях, производившихся на курском и белгородском рынках, сравнительно скромное положение. Их поездки в Курск и Белгород по торговым делам не отличались частотой, а рыночные операции были сравнительно невелики по размерам. Внешние торговые связи Обояни с двумя крупнейшими соседними городскими рынками по крайней мере до конца 1670-х гг. осуществляли представители исключительно военно-служилого сословия.

Среди участников конского торгового дела в Курске обоянцы упоминаются 12 раз в шести таможенных книгах, причем в 11 случаях они выступали как продавцы лошадей и только в одном — как покупатели. Среди обоянских торговцев лошадьми значатся исключительно служилые люди: дети боярские, солдаты, пушкарь, казак; статус трех человек не указан.

На белгородской конской площадке обоянцы появлялись значительно реже, чем на курской. Помимо уже упоминавшегося попа Лаврентия, среди продавцов и покупателей лошадей в сохранившихся таможенных книгах Белгорода значится еще только один обоянец: сын боярский Родион Панков.

В приложении к статье в форме регестов представлены данные о торговых операциях обоянцев в Курске и Белгороде, извлеченные из таможенных книг этих городов (сведения по Белгороду публикуются впервые).

Приложение

Торговые операции обоянцев в Курске и Белгороде в XVII в.

КУРСК

Оптовые торговые операции

Год таможенной книги	Номер листа	Дата таможенной явки	Фамилия (прозвище), имя торговца	Социальный статус торговца	Торговая операция	Сумма денег, явленных на покупку (руб.)
1654/55	477 об.– 478	29.12. 1654	Чикин Левон	не указан	скупка товаров	20
1657/58	94 об.	18.11. 1657	Володимеров Самойла	не указан	скупка товаров	13
1657/58	111 об.	26.02. 1658	Каракулин* Иван	пушкарь	скупка товаров	5
1661/62	39 об.–40	25.09. 1661	Каракулев* Иван	пушкарь	скупка товаров	15
1677/78	965	23.12. 1677	Варваров Федор сын Михайлов	пушкарь	скупка товаров	7,2
1677/78	1013 об.	20.02. 1678	Коракулин* Иван; Варваров Федор	пушкари	скупка товаров	7
1677/78	1027 об.	08.03. 1678	Чикин Ерофей; Коракулин Архип; Со<...>ин** Филипп	пушкари	скупка товаров	8,5
1677/78	1075 об.	09.05. 1678	Варваров Федор	пушкарь	скупка товаров	3,4

* Так в ркп.

** Часть записи утрачена и не поддается прочтению.

Купля-продажа лошадей

Год таможенной книги	Номер листа	Дата торговой сделки	Фамилия (прозвище), имя участника торговой сделки	Социальный статус участника торговой сделки	Торговая операция, характеристика лошади	Стоимость лошади (руб.)
1653/54	112–112 об.	05.02.1654	Авхремов Яков	пушкарь	продажа (мерин, бурый, 9 лет)	2
1657/58	151–151 об.	08.08.1658	Сабельников Василий	сын боярский	продажа (мерин, в чале пегий, «летми сросл»*)	4,5
1658/59	84–84 об.	28.12.1658	Малышин Михаил	солдат	продажа (мерин, буланый, «летми сросл»)	7
1660/61	58–58 об.	16.11.1660	Тарасов Ларион	казак	продажа (кобыла, рыжая, «летми сросла»)	2
1672/73	206 об.	20.09.1672	Варавин Исай	не указан	продажа (мерин, чальный, 7 лет)	6
1672/73	280 об.	03.01.1673	Небытов Иван	не указан	продажа (мерин, гнедой, «летми сросл»)	3,3
1672/73	313	14.03.1673	Кофанов Иван	не указан	продажа (кобыла, гнедая, 6 лет)	3
1672/73	329	21.04.1673	Есипов Устин	сын боярский	продажа (мерин, рыжий, 4 лет)	3
1672/73	338 об.	12.05.1673	Мордвинов Федот	«Чемуцеива полка»	покупка (жеребец, гнедой, 2 года)	1
1677/78	906 об.	09.10.1677	Ражнов Лукьян сын Борисов	солдат полка московского выборного генерала и майора Агея Алексеевича Шепелева	продажа (кобыла, в буре гнедая, 8 лет)	2
1677/78	1002–1002 об.	06.02.1678	Лактионов Игнатий сын Герасимов	сын боярский	продажа (мерин, карий, 6 лет)	3,5
1677/78	1038–1038 об.	21.03	Ноздрин Павел сын Семенов	не указан	продажа (мерин, саврасый, 8 лет)	3,5

* Лошадь старше 10 лет.

БЕЛГОРОД

Оптовые торговые операции

Год таможенной книги	Номер листа	Дата таможенной явки	Фамилия (прозвище), имя торговца	Социальный статус торговца	Торговая операция	Совокупная стоимость партии (руб.)
1660/61	275	16.06.1661	Струков Григорий	сын боярский	«рыбная продажа»	20
1660/61	278 об. – 279	01.07.1661	Корягин Андрей	казак	«скотинная продажа»	10
1661/62	187–187 об.	07.09.1661	Струков Григорий	сын боярский	«рыбная продажа»	10
1672/73	41	11.11.1672	Лукиянов Макар	сын боярский	продажа (рыба, 1 бочка)	5

Купля-продажа лошадей

Год таможенной книги	Номер листа	Дата торговой сделки	Фамилия (прозвище), имя участника торговой сделки	Социальный статус участника торговой сделки	Торговая операция, характеристика лошади	Стоимость лошади (руб.)
1653/54	240	25.11.1653	Лаврентий	богоявленский поп	продажа (мерин, рыжий, «летми сросл»)	2
1666/67	153–153 об.	12.06.1667	Панков Родион	сын боярский	обмен лошадьми (конь, гнедой, 8 лет на кобылу, гнедую, 8 лет)	—

Примечания

¹ Об этих источниках см., например: *Базилевич К. В.* 1) Таможенные книги как источник экономической истории России // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1933. Сб. 1. С. 110–129; 2) К вопросу об изучении таможенных книг XVII в.: (Проблема внутренней критики источника) // Там же. М.; Л., 1936. Сб. 2. С. 71–90; *Мерзон А. Ц.* Таможенные книги XVII века: Учеб. пособие по источниковедению истории СССР. М., 1957; *Кафенгауз Б. Б.* Таможенные книги XVIII века // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 127–137.

² РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 6-ж (Денежный стол). Кн. 104. Л. 924–937 (1653/54 г.); Кн. 105. Л. 392–416 (1655/56 г.); Кн. 319. Л. 1766–1859 (1657/58 г.); Кн. 342. Л. 1407–1450 (1658/59 г.); Кн. 329. Л. 1351–1372 (1660/61 г.); Кн. 325. Л. 39–77 (1669/70 г.); Кн. 354. Л. 575–614 (1670/71 г.); Кн. 348. Л. 240–330 (1671/72 г.); Кн. 346. Л. 688–732 (1672/73 г.); Ф. 214 (Сибирский приказ). Кн. 405 (1656/57 г.); ОР РГБ. Ф. 178. Музейное собрание. Кн. 9988. Л. 851–869 (1661/62 г.).

³ См.: *Раздорский А. И.* Таможенная книга Обояни 1653/54 г. // Очерки феодальной России. Вып. 15. М.; СПб., 2012. С. 310–323.

⁴ *Мизис Ю. А.* Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII — первой половине XVIII вв. Тамбов, 2006. С. 651, 672, 697, 717. — В монографии Мизиса неверно приведена датировка самой ранней обоянской таможенной книги: 1651/52 г. вместо 1653/54 г. Указанный источник содержит записи начиная с 1 сентября по 1 марта 7162 г., т. е. с 1 сентября 1653 г. (7162–5509=1653) по 1 марта 1654 г. (7162–5508=1654). В табличных материалах, представленных к книге, имеются неточности. Например, бытовавшее в XVII в. в текстах великорусского происхождения название жителей Малороссии «черкасы» в таблице № 132, в которой перечислены города, жители которых торговали в Обояни, истолковано как название г. Черкассы (с. 697).

⁵ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Разрядные вязки. Вязка 1. Ч. 1. № 10. Л. 1–64 (февраль–июль 1619 г.); Вязка 1. Ч. 1. № 11. Л. 1–37 об. (июль–ноябрь 1619 г.); Оп. 6-ж (Денежный стол). Кн. 79. Л. 1–140 об. (1623/24 г.); Кн. 82. Л. 1–173 об. (1626/28 г.); Кн. 84. Л. 1–220 (1628/29 г.); Кн. 94. Л. 1–107 об. (1641/42 г.); Кн. 188. Л. 1–165 (1646/48 г.); Кн. 104. Л. 75–175 об. (1653/54 г.); Кн. 314. Л. 456–534 (1654/55 г.); Кн. 319. Л. 81–169 (1657/58 г.); Кн. 342. Л. 71–112 об. (1658/59 г.); Кн. 329. Л. 44–137 (1660/61 г.); Кн. 356. Л. 118–227 об. (1669/70 г.); Кн. 354. Л. 1–256 (1670/71 г.); Кн. 346. Л. 190–399 (1672/73 г.); Кн. 371. Л. 874–1168 об. (1677/78 г.); Ф. 214 (Сибирский приказ). Кн. 405. Л. 43–96 (1656/57 г.); ОР РГБ. Ф. 178. Музейное собрание. Кн. 9988. Л. 35–100 об. (1661/62 г.).

⁶ Там же. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 6-ж (Денежный стол). Кн. 94. Л. 125–142 (1641/42 г.); Кн. 188. Л. 251–331 об. (1646/47 г.); Кн. 104. Л. 214–313 (1653/54 г.); Кн. 319. Л. 293–413 об. (1657/58 г.); Кн. 342. Л. 206–324 (1658/59 г.); Кн. 329. Л. 242–395 об. (1660/61 г.); Кн. 189. Л. 123–222 об. (1666/67 г.); Кн. 356. Л. 5–72 об. (1669/70 г.); Кн. 346. Л. 3–188 об. (1672/73 г.); Кн. 371. Л. 526–688 (1677/78 г.); Белгородский стол. Кн. 29. Л. 1–58 об. (1651/52 г.); Ф. 214 (Сибирский приказ). Кн. 405. Л. 254–351 об. (1656/57 г.); ОР РГБ. Ф. 178. Музейное собрание. Кн. 9988. Л. 186–260 об. (1661/62 г.).

⁷ См.: *Раздорский А. И.* 1) Торговля Курска в XVII веке (по материалам таможенных и оброчных книг города). СПб., 2001; 2) Торговля Белгорода в 40-е гг. XVII в. (по материалам таможенных книг 1641/42 и 1646/47 гг.) // Черноземная степь — контактная зона: Проблемы археологии и истории. Белгород, 2001. С. 98–104; 3) Торговля Белгорода в 1650–1670-е гг. (по материалам таможенных книг) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 19. Вып. 20. С. 115–131.

⁸ См.: *Раздорский А. И.* Торговля Курска... С. 409–634 (указатели: с. 637–744).

⁹ По-видимому, имеется в виду священник с. Богоявленское (ныне Песелцеок).

¹⁰ См.: *Раздорский А. И.* Торговля Курска... С. 158–161.

**ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ ОБОЯНСКОГО БОГОРОДИЦКОГО
ЗНАМЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ В КОНЦЕ XVII в.
(по материалам грамот Коллегии экономии) ***

Грамоты Коллегии экономии традиционно привлекаются историками для изучения хозяйственных аспектов истории российских монастырей. Массив документов, который позволяет оценить землевладение Обоянского Богородицкого Знаменского монастыря в конце XVII в., невелик, но известен исследователям. Грамоты Коллегии экономии, относящиеся к этой обители, были введены в научный оборот в 1882 г. архимандритом Рыльского Николаевского монастыря Анатолием (Ключаревым)¹. В своей работе он указал десять документов, которые в настоящее время хранятся в РГАДА в фонде «Грамоты Коллегии экономии»². Упомянутый автор не использовал в своем исследовании только два документа из сохранившихся³. При этом в его публикации имеются отдельные неточности в датировке и прочтении документов. В связи с этим проведение повторного анализа указанной группы источников по истории землевладения Обоянского монастыря представляется вполне оправданным.

Согласно выписи из обоянских мерных и отказных книг воеводы Михаила Андреевича Спасителяева от 14 октября 1684 г. по челобитью строителя Обоянского монастыря Игнатия был произведен сыск о возможности наделения монастыря «Большим Черным лесом», находившимся в Ворожбенском стане Обоянского уезда между речками Стригосла и Долгий Колодезь. Воеводой были опрошены дети боярские, проживавшие в деревнях Бегичево, Долгий Колодезь и Стригослы. В результате было установлено, что упомянутый лес никому в поместье не отдавался и не является заповедным лесом. Согласно документам, предъявленным помещиками, им было разрешено заготавливать в Большом Черном лесу дрова и древесину для строительства. В итоге монастырь был наделен 10 десятинами леса и правом ловить рыбу в р. Стригосле напротив своих владений⁴. Аналогичная отказная выпись была выдана думным дьяком Василием Григорьевичем Семеновым 11 августа 1685 г.⁵ Схожий текст содержится в еще одной грамоте, однако он дополнен сведениями о сыске, который «по святей непорочной евангельской заповеди Господней Божией в правду» производил обоянец Воин Криволапов по челобитью того же строителя Обоянского монастыря Игнатия 30 августа 1685 г. Сыск преследовал цель уточнить действительно ли «в Обоянском уезде от межи деревни Афанасьевой река Псел, и Гнилушки, и псельские затоны, и забережные озера, и притоки до усть речки Трубежа и до рыбных ловель соборные церкви лежат порозжие угодыя и в дачах за кем не написаны ль и из

оброку тем плесом, и озерами, и затонами, и притоками хто не владел ли?» Криволапов опросил 52 чел., которые подтвердили факт незакрепленности угодий, в результате чего последние были отказаны (переданы) Обоянскому монастырю⁶.

1 августа 1691 г. в Курске площадным подьячим Алексеем Бобровым в присутствии девяти «послухов», таких же площадных подьячих, была оформлена поступная запись⁷. Из этого документа известно, что игумен Обоянского монастыря Варлаам уступил Курскому Богоявленскому Знаменскому монастырю треть мельничной запруды, находившейся на р. Стригосле в Каменском стане Обоянского уезда «со всем мельничным строеньем мельничным заводом», включая 10 десятин земли. Следует обратить внимание, что все уступленные владения были ранее пожалованы государством Обоянскому монастырю, а также на то, что условием «уступки» было получение от архимандрита Курского монастыря Самфона 40 руб. Деньги были использованы «на всякое монастырское строенье». В условиях запрета на приобретение монастырями земли такой способ фактического оформления купли-продажи владений был достаточно распространенным явлением. Меновая запись Макара Федоровича Лунева от 10 ноября 1693 г.⁸ оформляла схожую сделку, только в этом случае Лунев получал от Обоянского монастыря 50 руб. и уступал ему свое поместье в 50 четей с урочищами и угодьями в деревне Быкановой Залесского стана Обоянского уезда в верхнем течении р. Услонки (у архимандрита Анатолия документ назван «поступной записью» и ошибочно датирован 10 ноября 1694 г.)⁹

Выпись из обоянских писцовых и мерных книг, выданная 3 декабря 1691 г. стольником Авраамом Богдановичем Мантуровым и подьячим Григорием Жеребцовым¹⁰, оформляла переход в собственность Обоянского монастыря поместья Микиты Данилова сына Шокурова (20 четей земли с угодьями), находившегося в Рудаевском стане Обоянского уезда в селе Богоявленском, Пселецкое тож. Взамен Шокуров получал часть монастырской деревни на р. Услонке в Залесском стане Обоянского уезда. Выменянными угодьями монастырю полагалось владеть совместно с помещиками села Богоявленского Семеном Чернышевым, Макаром Проскурным, Силой Шалухиным с товарищами «через межу по дачам, древним граням и межам, и рыба ловить по речке, по Псельцу, в своих дачах» (у архимандрита Анатолия документ датирован 3 октября 1695 г.)¹¹ Спустя год, 17 декабря 1695 г., была выдана еще одна аналогичная выпись¹².

7 сентября 1696 г. архимандрит Обоянского монастыря Иосиф получил от писца А. Б. Мантурова и подьячего Г. Жеребцова выпись. Согласно этому документу, 10 июля 1696 г. архимандрит Иоасаф с братией подали челобитную, в которой утверждали, что ранее им были пожалованы «для пропитания» рыбные ловли в урочищах от устья р. Трубежа вверх по Пслу «з затоны и з забережные озера», а также поместная земля в деревне Афанасьевой.

Кроме того, в районе их рыбных ловель находилась поляна, размером в две десятины и десятина леса. Угодья были осмотрены (площадь леса оказалась несколько больше, чем указывалось в челобитной — 1,5 десятины), были опрошены священники обоянского собора протопоп Иван и поп Антон, а также еще 20 горожан. Никто не указал на наличие собственников у осматриваемых угодий. При этом было установлено, что в писцовой книге письма и меры писца Бехтеяра Мякина 1654/55 г. «поляна против вод, против грацкой выгонной земли и деревни Афанасьевой за обоянскими стрельцы, и казаки, и пушкари, и деревни Афанасьевой за помещики в даче ни за кем не написаны». В итоге угодья «для сенных покосов» были отданы монастырю¹³ (у архимандрита Анатолия документ ошибочно датирован 7 сентября 1697 г.)¹⁴

13 апреля 1699 г. была оформлена закладная грамота о получении обоянцем Степаном Алимпиевым сыном Толмачевым от игумена Обоянского монастыря Петра «з братьею» 50 руб. на несение государевой службы, уплату имеющихся долгов и на приобретение хлеба, так как «в нынешнюю голодную пору прокормиться нечем». Примечательно, что в этом же документе сразу же указывается: «и тех денег мне, Степану, ему, игумену з братьею, платить нечем». Толмачев поступался в пользу кредитора помещьем в Рудавском стане Обоянского уезда, пожалованным его отцу, размером в 15 четей, с усадьбой и гуменным местом. В поместье была как пашня, так и «дикое поле», «лесная дубрава», сенокос, рыбная ловля, дворовые и хозяйственные постройки, яблоневый и хмелевой сад¹⁵. И в этом случае речь фактически идет о купле-продаже земли.

Рассмотренные материалы не позволяют составить полное представление о землевладении Обоянского Богородицкого Знаменского монастыря в XVII в. Вместе с тем, они дают возможность утверждать, что данная обитель, как и большинство других южнорусских монастырей этого времени, была небогатой. Важно отметить, что, несмотря на официальное запрещение, монастырь производил операции по купле-продаже и обмену земель. Это обстоятельство заставляет задуматься о том, насколько адекватны представления об исторических реалиях, сформировавшиеся в отечественной историографии на основе сугубо буквального восприятия решений верховной власти без учета степени их исполнения.

Примечания

* Публикация подготовлена в рамках выполнения ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., проект № 14.В 37.21.0009 «Русский фронт XVI – XIX вв.: Северо-Запад и Юг Российского государства (сравнительный аспект)».

¹ Анатолий (Ключарев А.). Историко-статистическое описание Обоянского Богородицко-Знаменского монастыря. Белгород, 1882. С. 46–49.

² РГАДА. Ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии). № 8503–8506, 8509–8512, 8514, 8516.

³ Там же. № 8507, 8508.

⁴ Там же. № 8505. Л. 1–3.

⁵ Там же. № 8506. Л. 1–4.

⁶ Там же. № 8507. Л. 1–3.

⁷ Там же. № 8508. Л. 1–3.

⁸ Там же. № 8509. Л. 1–2.

⁹ *Анатолий (Ключарев А.)*. Историко-статистическое описание... С. 48.

¹⁰ РГАДА. Ф. 281. № 8510. Л. 1–3.

¹¹ *Анатолий (Ключарев А.)*. Историко-статистическое описание... С. 48.

¹² РГАДА. Ф. 281. № 8511. Л. 1–3.

¹³ Там же. № 8512. Л. 1–4.

¹⁴ *Анатолий (Ключарев А.)*. Историко-статистическое описание... С. 49.

¹⁵ РГАДА. Ф. 281. № 8514. Л. 1–2.

М. М. Озеров, И. П. Бабин

ПЕТРОВСКИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ В ОБОЯНСКОМ КРАЕ

После своего образования в августе 1649 г. Обоянский уезд являлся административно-территориальной единицей, напрямую подчинявшейся Москве и управлявшейся воеводой. В военно-административном отношении он состоял в ведении Белгородского стола Разрядного приказа. В 1658 г. уезд вошел в состав Белгородского разряда — особого военно-территориального и административного района, объединившего несколько южнорусских уездов. Центр Белгородского разряда изначально находился в Белгороде, а позднее был перенесен в Курск. Во главе Белгородского разряда стоял воевода Белгородского полка. В Обоянском уезде в XVII в. числилось свыше 40 населенных пунктов, входивших в состав трех станов: Солотинского, Рудавского и Залесского.

Во второй половине 1699 г. в Обоянь, как и в другие российские города, пришла первая петровская административная реформа: впервые состоялись выборы городского бурмистра. В ведение этих должностных лиц от городских воевод были переданы управление посадским населением, сбор рекрутов, надзор за выборами целовальников и счетчиков, отвод домов для постоя и ряд других вопросов. Первым выборным обоянским бурмистром стал Терентий Чикин. С 1699 по 1708 г. Обоянский уезд по-прежнему относился к Белгородскому разряду¹.

В декабре 1708 г. вышел указ Петра I «Об учреждении губерний и о росписании к ним городов», в соответствии с которым вся территория России

была разделена на восемь губерний². Обоянь, согласно этому указу, была отнесена к Киевской губернии.

В период с 1709 по 1719 г. в составе вновь образованных губерний возникли особые административно-территориальные единицы — провинции. В отличие от губерний они учреждались не на основании законов или указов, а чисто административным порядком, т. е. по усмотрению губернаторов. Отсутствие в фондах Сената и других высших правительственных учреждений документов, четко определяющих состав провинций указанного времени, привело некоторых исследователей к отрицанию факта существования таких ранее 1719 г., когда в стране была проведена провинциальная реформа. Так, известный историк М. М. Богословский писал, что в Киевской губернии в 1710–1715 гг. провинциального деления не было, поскольку «здесь сохранялось старинное деление на полки»³.

Однако П. Н. Мрочек-Дроздовский еще в 1876 г. отметил, что Обоянская провинция упоминается, наряду с другими провинциями Киевской губернии (Белгородской, Белевской, Брянской, Карачевской, Курской, Ливенской, Орловской, Севской и Старооскольской), в «Ведении из Киевской губернии от 1 августа 1718 года о жалованье»⁴. О том, что Обоянь в период между 1708 и 1719 гг. являлась центром Обоянской провинции Киевской губернии, указал также А. И. Раздорский⁵.

В ходе подготовки материалов по истории Обоянского края нами среди документов РГАДА были найдены многочисленные подтверждения существования Обоянской провинции. Так, например, упоминание о ней встречается в каждой преамбуле к сказкам однодворцев пушкарской, стрелецкой, казачьей, сторожевой, солдатской и рейтарской служб города Обояни, Рудавского, Зоринского, Реутского, Залесского, Воробженского, Каменского, Солотинского станов Обоянского уезда Обоянской провинции 1719 г.⁶

Сведения, подтверждающие существование этой административно-территориальной единицы, были обнаружены и в более ранних документах 1716 г., хранящихся в фонде Обоянской приказной избы⁷. В них, наряду с указами Киевской губернской канцелярии и с отписками воевод, содержатся данные о составлении ведомостей об окладных сборах за 1712–1715 гг. по Обоянской провинции.

Результаты дальнейших поисков позволили нам установить, что Обоянская провинция в рассматриваемый период включала не только населенные пункты перечисленных выше станов Обоянского уезда, но также ряд других уездов и городов. В частности, в РГАДА в фонде Обоянской ландратской канцелярии, канцелярии судных и розыскных дел хранится дело за 1716 г., которое содержит обширную переписку по вопросам рассылки различных указов в города Обоянской провинции. Из переписки следует, что в ее состав, помимо Обояни, входили города Путивль, Яблонь, Суджа, Мирополье, Недригайлов и Каменный⁸. В РГВИА нами были обнаружены планы всех вы-

шеперечисленных городов, размещенные на одном общем плане-карте, озаглавленном «Планы городов Обоянской провинции...». План ориентировочного выполнен в период с 1712 по 1719 г.⁹

Что же собой представляла Обоянская провинция Киевской губернии? Ее территория занимала почти все междуречье Сейма и Псла и тянулась узкой полосой с востока на запад, огибая г. Сумы с его уездом. На востоке она граничила с Оскольской провинцией, на западе — с Севской, на севере — с Курской, на юге — с Белгородской.

В состав Обоянской провинции входило (вместе с уездными городами) 204 населенных пункта, из которых 28 селений относились к Яблоновскому уезду, 12 — Миропольскому, 7 — Каменному, 21 — Суджанскому, 59 — Путивльскому, 76 — Обоянскому. Вне уездного деления состоял г. Недригайлов.

Общая протяженность провинции с востока на запад достигала почти 300 км (только расстояние между Путивлем и Яблоновом по прямой составляло 237 км, а по тогдашним дорогам более 500 км). Расстояние между северной и южной границами колебалось от 30 до 70 км.

Крепости Обоянской провинции имели многочисленные и хорошо вооруженные гарнизоны, общая численность которых превышала 4000 служилых людей. Из артиллерии на вооружении крепостей находилось 75 железных и медных пищалей, 26 затинных пищалей, 7600 пушечных и более 1200 гранатных ядер¹⁰.

Административно-территориальные изменения в эпоху правления Петра I происходили непрерывно, поэтому мы остановимся только на тех из них, которые непосредственно касались Обоянского края.

О начальном периоде существования Обоянской провинции и о должностных лицах, которые ее возглавляли, имеются только отрывочные сведения. Во вновь созданных губерниях вместо воевод были введены должности комендантов, а в провинциях — обер-комендантов. В ведении последних находились вопросы административного, военного, полицейского и финансового управления и суда. При обер-комендантах действовали канцелярии, выполнявшие посреднические функции между высшими (губернскими канцеляриями) и низшими (до 1715 г. комендантскими, а в 1715–1719 гг. ландратскими канцеляриями) местными учреждениями общего управления. Известно, что последним обоянским воеводой прежнего статуса был в с 1709 по 1711 г. стольник князь Яков Тимофеевич Мышецкий¹¹.

Недавно в ЦГИАУК Р. А. Сапелиным были найдены «Рекрутские списки Обоянского уезда 1711–1714 гг.» Среди документов, посвященных рекрутскому набору за 1711–1712 гг., имеется несколько доношений из Обояни киевскому губернатору Д. М. Голицыну, подписанных воеводой В. Кафтыревым. В одном из них упомянуто, что в 1711 г. за набор рекрутов в Обояни отвечал стольник Иван Михайлович Стремоухов¹².

Указанные материалы дают основание предположить, что в 1711 г. воеводой в Обояни (уже с полномочиями обер-коменданта) какое-то время был Стремоухов, а в 1712 г. его на этом посту сменил Кафтырев. Это предположение подтверждает черновик письма Кафтырева, в котором датой начала своей службы в Обояни он указывает 10 сентября 1712 г. (при этом свою должность в 1712 г. он не указал)¹³.

По именному указу от 28 января 1715 г. было введено разделение губерний на ландратские доли. Во главе долей были поставлены ландраты со своими канцеляриями, подчиненные губернскому ландратскому совету под председательством губернатора. Упомянутый указ предусматривал упразднение должностей гражданских обер-комендантов и ликвидацию провинций, но на деле этого не последовало¹⁴.

Нововведения 1715 г. существенным образом не затронули устройство Обоянской провинции. Ландратская доля, величина которой была определена в 5300–5800 тягловых дворов, соответствовала количеству дворов, уже состоявших в ней до этого. Должностными лицами, возглавлявшими Обоянскую провинцию в этот период были ландрат Василий Иванович Кафтырев и комиссар Григорий Афанасьевич Спешнев¹⁵.

Кафтырев (1665 — после 13.10.1727) состоял на службе с 1687 г. В 1687–1700 гг. он имел служилый чин жильца. С 1700 г. — поручик. В 1701–1704 гг. состоял при посольстве Д. М. Голицына в Турции, в 1704 г. был «у дел» в Новгороде. В 1712–1713 гг. занимал должность обоянского воеводы, а в 1713 г. — белгородского коменданта. С 7 января 1715 г. по 1719 г. являлся ландратом Обоянской провинции. С 22 августа 1719 г. по октябрь 1722 — воевода Владимирской провинции. В 1727 г. числился в стольниках, проживал в Москве. Был «уволен от дел, за старостью» 11 октября 1727 г.¹⁶. Быстрое продвижение Кафтырева по службе объяснялись просто: он был родственником всесильного князя Дмитрия Михайловича Голицына.

О Спешневе известно меньше: в 1677 г. он служил воеводой в Ефремо-ве, а до этого был дьяком.

Вполне вероятно, что Кафтырев и Спешнев с небольшими перерывами руководили Обоянской провинцией в течение всего рассматриваемого периода (с 1712 по 1719 г.).

Удалось выяснить, что собой представлял новый административно-управленческий аппарат Обоянской провинции. В состав канцелярии города Обояни в 1718 г. входили: комендант, провиантмейстер, два подъячих средней статьи. Содержание провинциального аппарата состояло из денежного жалования и хлебной дачи: комендант получал 120 руб. и 120 четвертей хлеба, провиантмейстер — 60 руб. и 60 четвертей, подъячий средней статьи — 20 руб. и 20 четвертей¹⁷.

Петровские административные реформы на местах проходили с большими трудностями. Созданию нового управленческого аппарата и его нор-

мальному функционированию мешало отсутствие подготовленных кадров, а порой и просто мало-мальски грамотных служилых людей. В письме киевскому губернатору Д. М. Голицыну о выборе комиссаров В. И. Кафтырев сообщал, что «у обоянских обывателей оное число выбрать не с кого»¹⁸. Существенно осложняли работу чиновников и проводимые в то время розыскные мероприятия о хищении денег в Киевской губернии, которые вел капитан майорской канцелярии А. Н. Головкин. К дознанию привлекались и длительное время (до полугода) находились в Курске с отрывом от своих служебных дел обоянские комиссары и бурмистр с подьячими¹⁹.

Организация и управление Обоянской провинции имели свои специфические особенности, отличавшие ее, например, от Курской провинции. В Сумах и примыкающей к ним западной части Обоянской провинции был расквартирован Сумской слободской казацкий полк. По две сотни этого полка квартировали в Судже и Мирополье и одна сотня — в Недригайлове. Еще одна сотня слободских казаков находилась в слободе Пене (в то время — Карповского уезда Белгородской провинции). С одной стороны, казацкий полковник в военном отношении подчинялся ландрату (воеводе), а с другой, имел практически никем не ограниченную власть в управлении своим полком. Противоречия между властными полномочиями воевод и полковников способствовали злоупотреблениям, как со стороны воевод, так и со стороны слободских полковников.

В первой четверти XVIII в. в Обоянской провинции проживало много черкас, как называли в те времена украинцев. В Обоянском уезде они селились компактно в отдельных слободах и селах. Черкасы были освобождены от тягла, воинской повинности и управлялись назначаемыми приказчиками и выборными атаманами. Согласно переписи 1720 г., на территории Обоянского уезда имелся ряд крупных селений, большинство населения которых составляли черкасы. Таковыми были, например, слобода Алексеевка на Медвяном Колодесе (современная Медвенка) и слобода Павловка. Всего в уезде в 1720 г. проживало 1872 «поданных черкаса» мужского пола²⁰. Присутствие на территории Обоянской провинции слободских полков и украинского населения до известной степени усложняло управление данной территорией.

Административно-территориальные реформы были продолжены и в конце 1710-х гг. Указом от 29 мая 1719 г. было введено новое деление государства: Россия подразделялась на 11 губерний, включавших, в свою очередь, 50 провинций. Бывшие провинциальные города Курск и Обоянь вошли в состав Белгородской провинции Киевской губернии. К ней же были отнесены Мирополье, Яблонов и Суджа. Путивльский и Каменный уезды, а также Недригайлов попали в Севскую провинцию.

В ходе провинциальной реформы 1719 г. были ликвидированы ландратские доли, а вместо них введены новые административно-территориальные единицы — дистрикты, возглавлявшиеся земскими комиссарами²¹. Обоянский дистрикт существовал, по-видимому, до 1727 г., когда дистрикты были

упразднены и вместо них вновь восстановлены уезды. В составе Обоянского дистрикта числились, вероятно, только Мирополье, Яблонов и Суджа. В 1723 г. Мирополье был выведен из состава Обоянского дистрикта.

Из документов Обоянской ландратской канцелярии удалось выяснить, что обоянским комиссаром с 1716 по 1720 г. был уже упоминавшийся Г. А. Спешнев, обоянский помещик, до этого не занимавший никаких должностей. Именно при нем состоялась передача Обояни в состав Белгородской провинции. Позже Спешнев являлся управителем Обоянского дистрикта вместо В. И. Кафтырева.

В 1721 г., когда Спешнева отозвали на смотр в Москву, его место занял Харлам Петрович Переверзев²². В 1722 г. земским комиссаром в Обоянь был определен Дмитрий Петрович Мелентьев, присланный сюда из Камер-коллегии²³.

По утвержденному в январе 1721 г. регламенту Главного магистрата в городах России было предписано создать городские магистраты. К 5-й категории, куда были отнесены «малые города и слободы» с числом дворов менее 250, была приписана и Обоянь. В ходе данной реформы прежние приказные палаты в провинциях были переименованы в канцелярии.

Время показало, что местные органы, созданные при Петре I, оказались нежизнеспособными. Россия не была готова к отделению суда от администрации, надзора от исполнения, финансового управления от полиции. Вновь созданные учреждения требовали огромных средств. Ни доли, ни дистрикты в итоге так и не смогли заменить собой уезда. Вскоре после смерти Петра I в 1727 г. в ходе очередной административно-территориальной реформы уезды были восстановлены, а дистрикты упразднены. Фактически страна вернулась к прежней веками испытанной системе уездного деления. Во главе уездов были вновь поставлены воеводы²⁴.

Обоянская провинция, учрежденная в годы петровских реформ, просуществовала всего девять неполных лет (с 1712 по 1720 г.), оставив неглубокий, почти незаметный след в истории этого края. Обоянский же уезд просуществовал без малого два века — по май 1924 г., когда по постановлению Президиума ВЦИК одна его часть вошла в состав Курского уезда, а другая — в состав вновь образованного Борисовского уезда Курской губернии. В июне 1928 г. после ликвидации Курской губернии и перехода на областное, окружное и районное деление был создан Обоянский район, вошедший в Курский округ Центрально-Черноземной области. С 1934 г. он находится в составе Курской области.

В данной публикации мы лишь частично затронули сложную и пока недостаточно изученную тему истории проведения петровских административно-территориальных реформ. Административный статус и территориальная принадлежность городов нынешних Курской, Белгородской и смежных с ними областей в переходный период 1708–1719 гг., а также структура и функции местных органов власти в этот период требуют дальнейшего, более углубленного изучения.

Примечания

- ¹ Описи архива Разрядного приказа XVII в. / Подгот. текста и вступ. ст. К. В. Петрова. СПб. 2001. С. 629.
- ² Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 166–169.
- ³ *Богословский М. М.* Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг. М., 1902. С. 68.
- ⁴ *Мрочек-Дроздовский П. Н.* Областное управление России XVIII века до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года. Ч. 1: Областное управление эпохи первого учреждения губерний (1708–1719 г.). М., 1876. С. 24.
- ⁵ *Раздорский А. И.* Из истории областной реформы Петра Великого: (Адм.-тер. статус Курска и Обояни в 1708–1719 гг.) // Государство и общество в России: XV — начала XX века: Сб. ст. памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 387–394.
- ⁶ РГАДА. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 2, ч. 2. Д. 2347. Л. 1–717.
- ⁷ Там же. Ф. 1147 (Обоянская приказная изба). Оп. 1. Д. 68.
- ⁸ Там же. Ф. 1028 (Обоянская ландратская канцелярия, канцелярия судебных и розыскных дел). Оп. 1. Д. 27. Л. 14 об.
- ⁹ РГВИА. Ф. 349 (Главное военно-техническое управление). Оп. 27. Т. 1. Д. 6.
- ¹⁰ Сведения по крепостям, вошедшим в состав провинции, приводятся по состоянию на 1678 г.
- ¹¹ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 21. Д. 1480.
- ¹² ЦГИАУК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 7 (Рекрутские списки Обоянского уезда 1711–1714 гг.). Л. 93–94, 100, 337–339, 340–342.
- ¹³ РГАДА. Ф. 1028. Оп. 1. Д. 3. Л. 12 об.–13.
- ¹⁴ *Бабич М. В.* Канцелярия обер-коменданта провинции // Государственность России: Гос. и церков. учреждения, сослов. органы и органы мест. самоуправления, единицы адм.-тер., церков. и ведомств. деления (конец XV века — февр. 1917 г.): Слов.-справ. Кн. 2: Д–К. М., 1999. С. 213.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 1028. Оп. 1. Д. 25 (О назначении В. И. Кафтырева ландратом Обоянской провинции и выборе им комиссаров 1716 г.). Л. 1.
- ¹⁶ Областные правители России, 1719–1739 гг. / Сост. М. В. Бабич, И. В. Бабич. М., 2008. С. 363–364.
- ¹⁷ Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Т. 3. М., 1876. С. 217–218.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 1028. Оп. 1. Д. 25. Л. 3.
- ¹⁹ Канцелярия гвардии капитана А. Н. Головкина работала в Курске со второй половины 1715 г. по июнь 1719 г. по «пунктам» фискала Киевской губернии И. О. Безобразова о присвоении чиновничеством губернии 700 тыс. рублей и укрывательстве в ней 17 тыс. беглых и дезертиров.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2, ч. 1. Д. 284 (Подлинная выписка по сказкам подданных черкас города Обояни и Обоянского уезда Белгородской провинции Киевской губернии доли управителя Ивана Кононова, взятые в черкасских слободах у прикащиков и атаманов 1720 г.). Л. 231–235.
- ²¹ *Богословский М. М.* Областная реформа... С. 140.
- ²² Х. П. Переверзев до конца 1719 г. был комиссаром в Каменном и Недригайлове, а затем комиссаром в Путивле.
- ²³ *Готье Ю. В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1: Реформа 1727 г. Областное деление и областные учреждения 1727–1775 гг. М., 1913. С. 27–30, 69, 103–105.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 1028. Оп. 1. Д. 275, 276, 291, 292.

КНИГА ПРИЗЫВА РЕКРУТОВ ПО ОБОЯНСКОЙ ОКРУГЕ КИЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ НАЧАЛА XVIII в.

С 1708 по 1727 г. Обоянская округа входила в состав Киевской губернии. К этому времени относится книга призыва рекрутов Киевской губернии, хранящаяся в Центральном государственном архиве Украины в Киеве¹. Это весьма ценный источник, дающий представление о широком комплексе исторических фактов, полезных для лиц, изучающих военную и социальную историю, историческую географию и генеалогию.

Будет нелишним напомнить значение некоторых терминов, встречающихся в тексте указанного документа:

ре́крут (от фр. *recruter* — набирать войско) — лицо, принятое на военную службу по воинской повинности или найму;

рекрутская повинность — способ комплектования вооруженных сил России (Русской императорской армии и флота) до 1874 г. Рекрутская повинность была введена Петром I в 1699 г., когда, перед Северной войной со Швецией, повелено было произвести первый набор 32 тыс. солдат на новых началах. В первое время люди, собираемые по рекрутской повинности, назывались по-прежнему даточными людьми. В России термин рекрут был узаконен в 1705 г.

После введения рекрутской системы комплектования вооруженных сил все полки были разделены на полевые и гарнизонные. Гарнизонные полки были учебными, а для пополнения полевых частей — резервными.

Петр I разработал систему, при которой каждый рекрут должен был пройти через полевые полки, гарнизонные полки (с 1764 г. — гарнизонные батальоны), службу в гражданских ведомствах (сторож, рассыльный, с 1764 г. — в инвалидной команде), поселение, увольнение на собственное содержание, или в монастырь или богадельню. Цель рекрутской системы — максимально полное использование человеческого ресурса.

Первоначально рекрутская повинность заключалась в следующем:

- рекрутской повинности подлежали все сословия и все классы населения;
- для дворян она являлась повинностью личной и поголовной, для податных сословий — общинной, т. е. правительство предъявляло свои требования не к лицу, а к обществу, указывая лишь число подлежащих сдаче рекрутов в возрасте от 20 до 35 лет и предоставляя самим обществам право определять, кто и на каких основаниях должен быть сдан в рекруты;
- срок службы — пожизненный;
- размер повинности, время набора и порядок раскладки определялись особо перед каждым набором.

К месту службы полагалось передвигаться «прямыми трактами», в хорошую погоду полагалось проходить 20-30 верст в день. В плохую погоду переходы сокращались наполовину. Каждый третий день отводился для отдыха. Два раза в день проводилась перекличка. Для предотвращения побегов Сенат в 1738 г. ввел в практику стрижку лбов на уездных пунктах сбора рекрутов. По прибытии на место проводилось медицинское освидетельствование. До 10 % набранных рекрутов оказывались не пригодными к службе из-за болезней или малого возраста (известны случаи набора 14-летних).

Раскладка рекрутской повинности первоначально делалась по числу дворов, а после первой ревизии 1722 г. была установлена по числу душ. Рекрутский набор объявлялся по высочайшему указу «в виде манифестов исходящих». По числу взимаемых рекрутов различались: обыкновенные наборы — менее 7 чел. с тысячи, усиленные — от 7 до 10 и чрезвычайные — свыше 10 чел. с тысячи.

Призывной возраст четко определен не был. До Крымской войны сохранялись пределы от 20 до 35 лет, затем высший предел был понижен до 30 лет. После введения жеребьевой системы возраст привлекавшихся к жребию был установлен в 21 год, а в Архангельской и Олонецкой губерниях — в 22 года.

В 1793 г. вместо пожизненного срока был установлен срок службы в 25 лет. Формально этот срок сохранял свою силу вплоть до Крымской войны, но фактически еще в 1834 г. он был сокращен до 20 лет.

В рекруты набирали, как правило, холостых, но женам рекрутов разрешалось следовать за мужем к месту службы. Во время службы солдат мог жениться с разрешения полкового начальства. Так, в 1798 г. в Иркутском гарнизонном полку семьи имели 29 % солдат. Солдатские дети с 2 до 6 лет получали казенное содержание. Мальчикам его выплачивали до 7-летнего возраста, девочкам — до 12 лет. С 1764 г. вдовы солдат получали пенсию 2 руб. в год и по 3 руб. на ребенка.

Люди, попавшие в солдаты, утрачивали связь со своим прежним сословием, переходили в состав военного сословия и свой статус передавали жене и детям. Военная служба для этого сословия являлась наследственной обязанностью, освобождавшей его от платежа всех государственных податей и выполнения казенных повинностей. Вышедшие в отставку нижние чины считались лично свободными людьми, имели право владеть землей (из податных сословий это допускалось только для определенных категорий лиц по специальному разрешению).

В рекрутской системе допускалась замена лица, сдаваемого в рекруты, другим лицом. Еще Петром I был издан указ, разрешающий лицам всякого сословия (даже крепостным) отдавать вместо себя в рекруты купленных людей. Наиболее распространенным способом замены был наем добровольцев.

История создания рассматриваемой нами книги призывает рекрутов такова. В указе от 19 ноября 1714 г., который получил в Обояни воевода В. И. Кафтырев, ему поручалось «учинить складные именные книги всякого набору порознь» с детальной росписью по каждому году и по сословию с указанием складчиков. Требовалось также указать, со скольких дворов какие суммы денег собраны на мундир, провиант и за рекрута².

Аналогичные указы, судя по всему, получили воеводы и других городов Киевской губернии. Из их ответных доношений и была составлена рассматриваемая книга.

Как и везде в России, раскладки рекрутов в Обоянской округе по крепостным крестьянам и по лицам свободных сословий проводились отдельно. И если по лицам свободных сословий основой обложения рекрутской повинностью являлись дворы, то по крепостным крестьянам — их владельцы. Следует отметить, что в тот же набор набирали и с посада (с 50 дворов) и с 5 дворов крестьянских. Здесь мы видим смешение свободных и несвободных сословных групп в складке.

В книге, например, говорится:

«В 1711 году. По набору переписчика стольника Ивана Михайлова сына Стремаухова. В 1 набор с 55-ти дворов. С крестьянских: Никифоров крестьянин Кривцова рекрут Павел Максимов сын Сычов. Ему складка: ево Микифара Кривцова – 2 двора; Никана Чертова – 2; Федора Болотникова – 2; Терентия Кривцова – 1; Назария Лутовинова – 2; Максима Григорьева – 1; Микифара Гринева – 1; Евтифея Алисова – 1; Петра Передельского – 1; Ивана Струкова – 4; Гаврилы Протасова – 1; Алексея Волкова – 1; Федора Лукина – 1; Харлама Переверзева – 2; Федора Извекова – 5; Василия Кривцова – 2; Артемия Лукина – 1; Петра Болотникова – 1; Трифона Лукина – 1; Ивана Лукина – 1; Акима Болотникова – 1; Иева Передельского – 1; Власа Мохортнина – 1; Константина Логвинова – 1; Авраама Гамова – 1; Ильи Волкова – 1; Анофрея Тетерева – 1; Михайлы Коракулина – 2; Осипа Козанцова – 1; Андрея Ушакова – 1 двор. Почему оному рекруту подмоги и других того дела отправления денег обошлось, тому в Приказной избе ведения нет. А оной Никифор Кривцов по многим посылкам не явился и о том ведение взять не с кого»³.

В рассматриваемом документе отмечено: «По ведомости бурмистра Григория Анфилева кроме крестьянских денег на наем рекрута и за мундир, и провиант, и в казну рублевых денег, и в путь до Киева подводчику, и на харчи, всего денег мирских двадцать шесть рублей шестнадцать алтын и четыре деньги».

В рекруты попадали и приписные люди, как это произошло, например, в д. Долженково: «Рекрут Ефим Лукьянов сын Кондратьев, из приписных, взят складки деревни Долженково. Складчики: Петр Асеев, Андриян Шевелев, Михайла Долженак, Лазарь Гальцов, Григорий Ванин, Самсон Корелой, Иг-

нат Туробаров, Клим Мелехов, Михайла Асеев, Мина Шевелев, Сергей Комов, Терентей Комов, Гаврила Суханов, Сава Асеев, Алексей Комов, Алексей Долженак, Наум Гнездилов, Сергей Беляев, Антон Лукин, Дементей Асеев, Филип Русанов, Микифор Долженак, Мина Шевелев же, Микифор Комов, Филип Долженак, Трофим Брянцов, Илья Звягинцов, Леон Комов, Андрей Яшин, Федор Ванин, Кирила Русанов, Аким Лукин, Герасим Малыхин, Сава Комов, Павел Лубенцов, Алимпей Гнездилов, Василей Турубаров, Ларион Комов, Данила Долженак, Конон Долженак. С оных дворов денег по расположению, в том числе с двадцати шести дворов денег по двадцати по шести алтын по четыре деньги. С трех дворов по двадцати по три алтына по две деньги. С двух дворов по двадцати алтын. С двух же по полтине. С четырех дворов по тринадцати алтын по две деньги с двора взято. Итого денег двадцать шесть рублей двадцать три алтына две деньги. А с трех дворов за пустою и за скудостью не взято. Оные деньги в расходе на наем рекрута, за мундир 2 рубля 5 денег, на харч, на платья и в путь на запас оному рекруту. И мундир, и рубль в казну и провиант принят. И в приеме оным складчикам дана отпись»⁴.

Для понимания того, что собой представляла категория приписных людей, следует обратиться к материалам четвертого набора 1714 г. по Обояни и ее округе⁵. Из этих данных видно, что при наборе с посада Обояни складку делали на 46 обоянских посадских дворов и на 4 приписных. Эти четыре двора принадлежали белевским посадским людям. Они остались «лишними» после складки дворов на рекрутов в Белеве.

Ответственным за четвертый набор был бурмистр Обояни Григорий Анфилов. Были выбраны два рекрута: Семен Агеев сын Демин и Данила Иванов сын Есаулов. Первый на приемный пункт в г. Прилуки не явился вообще, а вместо второго прибыл Алексей Иванов сын Папков, при себе имея «указной мундир и рубль в казну, да провианту муки осьмина и круп гарнец»⁶.

Смысл термина «приписные» раскрывает и указание в рекрутской книге Нежегольского уезда: «Да с приписных с миропольских с шести дворов, а кого имяны, такого ведения воевода Иван Кривцов имена их росписи не прислал»⁷.

Особенно интересен набор 1713 г., проведенный стольником и воеводой Василием Ивановичем Кафтыревым из расчета один рекрут с 40 дворов уездных однодворцев. Из ведомостей этого набора видно, что зачастую складка проводилась не в рамках одного населенного пункта, а путем объединения жителей разных населенных пунктов.

Довольно часто вместо своего жителя нанимали рекрута из гулящих людей, в том числе и из украинцев. Так, складчиками с. Рудавец и д. Малые Крюки был нанят «рекрут Сергей Мартинов сын Перков, из гулящих людей»⁸.

Еще одним интересным фактом является то, что в Обояни «грацкие казачи» выступали отдельной группой, поставлявшей своего рекрута: «рекрут

Евстрат Иванов сын Кочетов взят складки з градских казаков. Складчики: Евдоким Сергеев, Марка Изотов, Михайла Фостов, Антип Косяков, Роман Телешев, Мокар Свечников, Козьма Дроздов, Сазон Першин, Лука Русанов, Иван Воронов, Иван Хорванов, Сидар Заплатин, Осип Каменской, Василий Смоляков, Григорий Сомов, Василей Поворов, Павел Телешев, Нифонт Соколов, Никита Щигорев, Алфим Климов, Иван Лапин, Прокофий Исаев, Иван большой Тотаринов, Иван Рышков, Иван Калугин, Василей Обрамов, Павел Разумов, Савва Замораев, Семен Воронцов, Мокар Климов, Леон Шельгин, Изот Звягин, Наум Величков, Игнат Климов, Алексей Лавров, Лорион Грибакин, Иван Чистиков»⁹.

В заключение приведем еще один фрагмент текста рассматриваемого документа, раскрывающий его предназначение: «Доношение в Киевскую губернию. В указе из Киева ко мне в Обоянь ноября в 19 день сего 1714 году написано: велено мне с определения губерний учинить набором рекрут складные именные книги всякого набору порознь и с посаду, и с крестьян, и с однодворцев, в которой набор взяты и кто с кем в складке и с какого дворов числа поскольку складчику рублевых и за мундир, и за провиант, и за рекрута дано денег каждого набора расписать порознь по наборам именно. И оные рекруты по тем складным книгам взяты сполна ль, и зачем не взяты и в платеже тех рекрут давать отписи, буде не даны. И под именами их подписывать именно. И по оному указу по справке на Обояни в приказной избе рекрутским наборам с состояния губерний по наборам как с посаду и крестьян, так и с однодворцев, кто именно взяты рекруты и в отдаче и кто зачем не в отдаче, тому учиняя именные книги по наборам и по годам. При сем послал к его сиятельству в Киев сего декабря 21 дня 1714 году. О сем доносит в небытность воеводы господина Кафтырева выборной Мокей Сотников. Обоянь»¹⁰.

Можно утверждать, что книга призыва рекрут Киевской губернии является ценным историческим источником, достойным более детального изучения, а возможно и полного издания.

Примечания

¹ ЦГИАУК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 7.

² Там же. Л. 93.

³ Там же. Л. 94.

⁴ Там же. Л. 117.

⁵ Там же. Л. 97 об.

⁶ Там же. Л. 98.

⁷ Там же. Л. 140.

⁸ Там же. Л. 100.

⁹ Там же. Л. 126.

¹⁰ Там же. Л. 93.

РАЗВИТИЕ ТОРГОВЛИ В ОБОЯНСКОМ УЕЗДЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Для характеристики состояния местного (регионального) товарного рынка можно использовать такие показатели, как сочетание основных форм товарообмена и уровень их развития, ассортимент и географическое происхождение предлагаемых товаров, товарооборот в денежном выражении, участники торговых операций и др. Рассмотрим степень эволюции всех этих показателей на примере Обоянского уезда.

Простейшей формой товарообмена исследуемого периода являлась непериодическая (развозно-разносная) форма торговли. На местном рынке действовало множество мелких торговых посредников. К их числу относились прасолы. Прасольством назывался сбор на местах от крестьян-производителей таких однородных предметов, которые будучи рассеяны по рукам не имели особого значения, а приобретали определенную ценность лишь собранные вместе. Прасолы, скупая такой товар иногда в самых малых количествах, составляли из него значительные партии и перепродавали затем крупным торговцам. Один из современников, рассказывая о торговле Обояни, писал: «Большая часть обоянских жителей с наступлением весны отправляются партиями на Украину и Новороссийский край, где занимаются преимущественно прасольским промыслом, скупая у тамошних жителей щетину, вошину, холст, пух, перья и тому подобный мелкий прасольский товар, который и перепродают крупным торговцам»¹.

Во второй половине XIX в. важным звеном посредничества между производством и потреблением оставалась периодическая (ярмарочная и базарная) торговля. В 1850 г. в городах Курской губернии было проведено 53 ярмарки². В административном центре изучаемого нами уезда устраивалось 5 ярмарок в год, что составляло 9,4 % от их общего числа по губернии. В этом отношении Обоянь вместе с Грайвороном уступала лишь Короче, где проводилось 6 ярмарочных торгов ежегодно. Меньше всего ярмарок проводилось в Рыльске: всего одна. В городской ярмарочной торговле в губернии в 1850 г. приняло участие 88 340 чел. В Обоянь на ярмарки прибыло 5600 продавцов и покупателей (6,3 % от общего числа участников городской ярмарочной торговли по губернии). По этому показателю Обоянь заняла 4-е место в губернии. Наибольшее число участников прибыло на ярмарки в Старый Оскол — 25 000 чел. (28,3 %), наименьшее в Рыльск — 350 чел. (0,4 %). Для продажи на городские ярмарки было привезено товаров на сумму 2 160 710 руб. Привоз обоянских ярмарок составил 115 000 руб. (5,3 % от общей стоимости товаров городских ярмарок), что поставило город на 7-е место по губернии.

Наибольший привоз товаров был на ярмарки Старого Оскола — 926 630 руб. (42,9 %), наименьший на ярмарки Рыльска — 1800 руб. (0,08 %). Однако о размерах ярмарочной торговли говорит не столько сумма привезенных товаров, сколько проданных. В «Военно-статистическом обозрении Российской империи» в графе «Продано» указана лишь сумма реализованного товара «на одной из значительных ярмарок». По этому показателю оборот одной из обоянских ярмарок составил 9000 руб. (78,3 % от суммы поступивших для продажи товаров). Внутри уездов это был самый высокий показатель. Наименьшая степень реализации товаров наблюдалась в Старом Осколе — 68 000 руб. (7,3 %). На городских ярмарках продавался «товар разного рода и вида».

В 1850 г. в Курской губернии действовало 196 сельских ярмарок. Больше всего их проводилось в Обоянском и Новооскольском уездах — по 36 (18,4 % от общего количества по губернии). В Щигровском уезде действовала только одна сельская ярмарка. Сельские ярмарки собрали по губернии 107 170 чел. Больше всего участников прибыло на ярмарки Обоянского уезда — 30 980 чел. (28,8 % продавцов и покупателей сельских ярмарок по губернии), меньше всего на ярмарки Щигровского уезда — 1000 чел. (0,9 %). Для продажи на сельские ярмарки губернии было привезено товаров на сумму 22 534 550 руб. Больше всего товара поступило на ярмарки Курского уезда — на сумму 21 401 633 руб. (95,0 % сельского привоза по губернии). Здесь следует отметить, что такой высокий показатель уезд дал за счет Коренной ярмарки, имевшей не местное, а всероссийское значение. После Курского уезда следует Обоянский уезд с показателем 325 100 руб. (1,4 % суммарной стоимости сельских ярмарочных товаров). Замыкает список Путивльский уезд — 5000 руб. (0,02 %). Продано на сельских ярмарках Курской губернии было 41,4 % товаров, привезенных на продажу. В Обоянском уезде был отмечен самый низкий показатель в губернии — 60 000 руб. (18,4 %), самый высокий в Фатежском уезде — 5100 руб. (77,8 %). Основную массу товаров сельских ярмарок составляли «крестьянские изделия разных родов, скот, овечья шерсть, щетина».

С течением времени картина торговли изменилась незначительно. В связи с невысокой степенью репрезентативности источника («Списка существующих ярмарок в Курской губернии») дадим лишь общую картину ярмарочной торговли региона в конце XIX в. В 1898 г. в городах губернии действовала 71 ярмарка³. В изучаемом нами уездном центре собиралось 5 торгов, что составляло 7,0 % от их общего числа по губернии. Среди уездных городов лидировала Короча — 7 ярмарок (9,8 %), замыкали список Щигры — 3 ярмарки (4,2 %). Сельских ярмарок насчитывалось 538. По числу торжищ первым значится Корочанский уезд — 75 ярмарок (13,9 % от общего количества сельских ярмарочных торгов по губернии), последним идет Щигровский уезд — 6 ярмарок (1,1 %). Обоянский уезд занимал 5-е место —

41 ярмарка (7,6 %). Почти за 50 лет в Обоянском уезде возникло всего 5 новых ярмарочных торгов. За этот же период в Корочанском уезде, например, появилось 62 новые ярмарки. В Суджанском уезде их количество осталось неизменным — 18.

Между проведением ярмарок одной из активных форм товарообмена являлись базары. В 1850 г. в городах Курской губернии действовало 1508 базаров⁴. В Обояни проводилось 104 базара. В уездных городах Курской губернии, а также в губернском центре они устраивались дважды в неделю. Лишь в Дмитриеве был один базарный день. В городской базарной торговле в 1850 г. приняло участие 11 960 чел. Базары Обояни собрали 300 продавцов и покупателей (2,5 % участников городских торжищ по губернии). Наибольшее число людей собрали базары Старого Оскола — 2700 чел. (22,6 %), наименьшее Щигров — 150 чел. (1,2 %). Главными участниками базарной торговли являлись крестьяне и мелкие купцы. Основными товарами городских базаров являлись «жизненные припасы, деревянная и глиняная посуда». На долю городской базарной торговли пришлось 19 190 руб. В уездных центрах наиболее крупный оборот был у базаров Старого Оскола — 8070 руб. (42,0 % товарооборота городских базаров по губернии), наименьший у базаров Щигров — 200 руб. (1,0 %). Обоянь занимала 8-е место — 500 руб. (2,6 %).

В 1850 г. в Курской губернии действовало 2808 сельских базаров. Базары действовали во всех уездах, кроме Курского. Сельская базарная торговля велась по понедельникам. Лишь в Фатежском уезде они устраивались «иногда в некоторые приходские праздники». По количеству базаров впереди шел Новооскольский уезд — 728 торжищ (25,9 % сельских базаров по губернии). Замыкали список Тимский и Щигровский уезды — по 52 базара (по 1,8 %). Обоянский уезд, где действовало 572 базара (20,4 %), занимал 2-е место. При этом базарная торговля в нем охватывала шесть населенных пунктов (в Новооскольском уезде — семь, в Белгородском, Тимском и Щигровском — по одному). Сельские базары собрали 3560 чел. Больше всего участников отмечено на торжищах Обоянского уезда — 650 чел. (18,2 % участников сельских базаров по губернии), меньше всего на торжищах Новооскольского и Щигровского уездов — по 100 чел. (по 2,8 %). На долю сельской базарной торговли пришлось 9380 руб. Самый крупный товарооборот отмечен у базаров Обоянского уезда — 2600 руб. (27,7 % товарооборота сельских базаров по губернии), наименьший у базаров Новооскольского уезда — 210 руб. (2,2 %). Основную массу товаров на сельских базарах составляли «некоторые крестьянские изделия» и «жизненные припасы». Торговля на сельских торжищах носила «меновой» характер: деньги, выручаемые от продажи одних товаров, обращались тут же на покупку других, а участники базарной торговли являлись в одно и то же время и продавцами, и покупателями.

Социально-экономические изменения пореформенного времени оживили базарную торговлю. К 1880 г. количество сельских базаров в Курской губернии достигло 4265, увеличившись по сравнению с 1850 г. в 1,5 раза. При этом рост сети базарной торговли происходил непропорционально: если в Щигровском уезде количество базаров увеличилось в 25 (!) раз, то в Дмитриевском уезде их число, наоборот, сократилось почти в два раза. Количество базаров в Обоянском уезде снизилось в 1,4 раза⁵.

Дальнейшее экономическое развитие страны привело к появлению и распространению постоянной (стационарной) торговли. Она характеризуется деятельностью целого комплекса специально оборудованных предприятий и специально приспособленных заведений и направлена только на реализацию продукции, произведенной в различных отраслях производства. Стационарная торговля функционировала круглогодично и осуществляла на местном рынке постоянную связь между производством и потреблением.

В середине XIX в. география стационарной торговли была довольно ограниченной: почти вся она размещалась в городах. В 1850 г. в городах Курской губернии насчитывалось 965 лавок⁶. По количеству этих торговых заведений лидировал губернский центр: в нем действовала 291 лавка, что составляло 30,1 % всех стационарных заведений губернии. На последнем месте по этому показателю значился Грайворон — 15 лавок (1,5 %). Обоянь, где была 71 лавка (7,3 %), находилась на 4-м месте.

Во всех лавках на тот период состояло товаров на сумму 14 408 800 руб., продано же было на 12 889 060 руб. или 89,4 % от имевшегося для реализации. Лучше всего торговля шла в Щиграх: там было продано 98,8 % от общей стоимости завезенного товара, слабее всего — в Новом Осколе (40,0 %). Показатель Обояни (68,4 %) обеспечил ей 12-е место по губернии. Почти вся торговля была смешанной. Как отмечали курские статистики, «...в большей части городских лавок у здешних торговцев имеются товары самые разнообразные и без всякой системы — так что в иных лавках вместе с красным товаром находятся и вещи галантерейные, и обувь, и другие материалы»⁷.

К середине XIX в. стационарные торговые заведения начинают появляться и в сельской местности. Этому способствовал целый ряд факторов: рост товарности сельского хозяйства, увеличение потребностей крестьянского населения в промышленных товарах, открытие в ряде сел промышленных предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции, где работали постоянные и сезонные рабочие. В 1852 г. в четырех селениях Обоянского уезда насчитывалось 35 лавок, в которых состояло товара на сумму 5800 руб. (продано было на 3850 руб.)⁸ Крестьянам не надо было ждать открытия ярмарочных или базарных торгов, чтобы приобрести необходимые продукты и изделия, так как местные лавочники предлагали эти товары в своих торговых заведениях, где купить их можно было почти в любое время.

К 1880 г. количество стационарных торговых заведений в Курской губернии достигло 1198. Больше всего лавок насчитывалось в Грайворонском уезде — 166 (13,8 % сельских стационарных заведений в губернии), меньше всего в Дмитриевском уезде — 33 (2,7 %). Обоянский уезд, где было 58 лавок (4,8 %), занимал 8-е место⁹.

Ассортимент продукции сельских лавок был скудным. В «Журналах генеральных поверок торговых и промышленных заведений» дан перечень тех товаров, которыми торговали сельские стационарные заведения. Например, в мелочной лавке покупателям предлагали чай, сахар, рыбу, соль, керосин, спички, бублики; в «черной» лавке — соль, деготь, табак, керосин, мыло, спички; в винной — вино «русского приготовления», наливку, бублики, табак, сельдь¹⁰. Причинами небольшого выбора следует назвать как правовые ограничения (до 1863 г. лавочный торг в сельской местности городским жителям был запрещен), так и условия экономической жизни курской деревни (большую часть изделий и предметов, необходимых в хозяйстве, крестьянин либо производил сам, либо покупал на базарах и ярмарках).

В последней четверти XIX в. появились стационарные торговые заведения, в основе которых лежали новые организационные формы: товарищеские ассоциации или торговые дома. В Обоянском уезде в 1897 г. действовало Товарищество Переверзевского свекло-сахарного завода, реализовывавшее свою продукцию на более высоком уровне организации¹¹.

Таким образом, в исследуемый период обоянская торговля успешно развивалась, выполняя свою главную задачу по обеспечению товарного обмена между производителями и потребителями. В ней практиковались все известные формы товарообмена, присущие данному уровню развития производительных сил. Несмотря на их разнообразие, им была присуща тесная взаимосвязь. Между ними не существовало объективных противоречий, поскольку они не подавляли, а дополняли друг друга, что позволяло рынку нормально функционировать.

Примечания

¹ ГАКО. Ф. 1555. Оп. 5. Д. 11. Л. 21.

² Здесь и далее подсчитано по: Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 13, ч. 3: Курская губерния. СПб., 1850. Табл. 31, 32.

³ Подсчитано по: Список существующих ярмарок в Курской губернии. Курск, 1898. С. 1–66.

⁴ Здесь и далее подсчитано по: Военно-статистическое обозрение... Табл. 31, 32.

⁵ Подсчитано по: Волости и важнейшие селения Европейской России. СПб., 1880. С. 264–287.

⁶ Здесь и далее подсчитано по: Военно-статистическое обозрение... Табл. 28.

⁷ РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 236. Л. 13, 13 об.

⁸ ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 18. Л. 57.

⁹ Подсчитано по: Волости и важнейшие селения... С. 264–287.

¹⁰ См., например: ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 567.

¹¹ ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 8197. Л. 23.

ТРАДИЦИОННЫЕ ПРОМЫСЛЫ И РЕМЕСЛА В ОБОЯНСКОМ УЕЗДЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

По утверждению земских статистиков, проводивших в 1882 г. обследование Курской губернии, «природа щедрой рукою рассыпала над... губернией все свои дары: прекрасная черноземная почва почти без всякого перерыва залегает на всем пространстве, давая возможность всякий клочок земли обработать в пашню, умеренный климат без особенно резких переходов от стужи к теплу, достаточное количество влаги, распределяемой в году довольно благоприятно, множество мелких рек, не пересыхающих в летнюю пору»¹. Обоянский уезд, расположенный в центральной части губернии, вполне соответствовал этой характеристике. Почвы представляли собой плодородный чернозем, способствовавший развитию сельского хозяйства. Уезд пересекала крупная по местным меркам река Псел. Она не являлась судоходной, зато в окрестностях Обояни в Псле ловили раков (составители «Памятной книжки Курской губернии на 1860 год» сочли их «самыми вкусными в губернии»²), а также «окуней в один фунт, и карасей в два фунта весу»³. В 1869 г. через восточную часть Обоянского уезда прошла железнодорожная линия Курск — Харьков, а в 1882 г. узкоколейная железная дорога соединила Обоянь со станцией Марьино (ныне Ржава).

По площади Обоянский уезд был самым большим в Курской губернии — 3394,4 кв. версты. В 1897 г. его население составило 181 052 чел. Из них в уездном центре проживали 11 832 чел., в заштатном городе Богатый — 455 чел. По численности населения Обоянский уезд уступал только Курскому (222 808 чел.), а Обоянь находилась среди городов губернии на четвертом месте после Курска (75 721 чел.), Белгорода (26 654) и Старого Оскола (15 617). Плотность населения в уезде (53,33 чел. на кв. версту) была несколько ниже среднего показателя по губернии (58,08 чел. на кв. версту)⁴.

Как и в остальных уездах Курской губернии, наиболее распространенными занятиями местных жителей являлись земледелие и связанное с ним животноводство. Обоянский уезд отличался большой площадью крестьянских наделов: в 1880-е гг. на один двор приходилось 11,5 десятин наделной земли. По этому показателю Обоянский уезд отставал только от Тимского (средний размер надела — 11,7 десятины)⁵. В начале XX в. Обоянский уезд по-прежнему занимал второе место, хотя средний размер надела сократился до 10,1 десятины (в Тимском уезде этот показатель также сократился и составлял теперь 11 десятин). В то же время в большинстве уездов губернии площадь надела колебалась от 7 до 8,5 десятин, а наименьшие наделы были отмечены в уездах Рыльском (4,4 десятины) и Путивльском (4,2 десятины)⁶.

Местные крестьяне сеяли типичный для Курской губернии набор сельскохозяйственных культур: зерновые (рожь, пшеницу, овес, ячмень, просо), гречиху, горох, картофель, лен, коноплю. Повсеместно преобладал трехпольный севооборот с паром без использования удобрений⁷. По урожайности Обоянский уезд далеко не лидировал. Составители «Военно-статистического обозрения Курской губернии», анализируя урожайность и плодородие почв, поместили уезд на 13-е место из 15 (хуже дела обстояли только в Старооскольском и Новооскольском уездах)⁸.

На рубеже 1870–1880-х гг. средний урожай основных зерновых культур озимой пшеницы составлял сам 8,3, ржи — сам 7,1, овса — сам 5,5⁹. Урожай в значительной степени зависели от погодных условий и потому могли изменяться из года в год. Урожай 1890 г., который был вполне средним, составил: ржи — сам 5,5, озимой пшеницы — сам 6, ячменя — сам 3,5, овса — сам 3,5, гречихи — сам 4, проса — сам 14, картофеля — сам 7¹⁰.

Земская статистики критично относились к крестьянским способам ведения земледельческого хозяйства, обращая внимание на приверженность к экстенсивному пути развития и наивную веру в иррациональные средства: «земледелец хлопочет об одном: как бы побольше запахать, а в урожаях надеется на Бога и, вместо того, чтобы усовершенствованием культуры, ослаблять вредные климатические влияния на его поле, служит на нем ежегодно молебны и устраивает водочные орошения»¹¹.

Недостаточный доход от занятий земледелием приводил к необходимости развития промыслов. В начале 1880-х гг. из 22 512 крестьянских хозяйств Обоянского уезда 13 288 занимались неземледельческими промыслами. В местные (т. е. не требовавшими ухода из места проживания) промыслы были вовлечены 9367 чел. Наиболее распространенным занятием в то время был найм в поденщики (1872 чел.), батраки (1638 чел.) и чернорабочие (1231 чел.). Извозчиками работали 818 чел. (имеется в виду доставка грузов — хлеба в города и на железнодорожные станции, навоза на поля, свеклы на сахарные заводы), плотниками и столярами — 767 чел., на мельницах трудились 717 чел.¹² Типичными кустарными промыслами Обоянского уезда в конце XIX в. являлись тележное, столярное, бондарное, плотницкое, изготовление саней и дуг. Однако численность лиц, связанных с этой деятельностью, сильно менялась из года в год. Например, в 1890 г. перечисленными промыслами занимались 490 чел. (общий доход — 14 953 руб.), а в 1891 г. — 171 чел. (общий доход — 3666 руб.)¹³.

Большое распространение приобрели отхожие промыслы. Так, населенные пункты с недостаточным количеством пахотной земли (в качестве примера приводились селения Рудавец, Зорино, Троицкое) «с апреля до страдной поры уборки полей оставались с одними слабыми стариками и детьми, а на рабочую пору молодые работники возвращались лишь для уборки своих полей и снова уходили на юг до поздней осени»¹⁴. Отходники направлялись в

южные губернии (на территории современной Украины). Обращает внимание, что среди отхожих промыслов (ими в начале 1880-х гг. занимались 8543 чел.) преобладали занятия, не требовавшие особой квалификации: косарями работали 3100 чел., грабарями — 1943, чернорабочими — 1361, пильщиками — 822, тогда как колесниками — 411, плотниками и столярами — 240, каменщиками и печниками — 193, извозчиками — 126, дворниками и кучерами — 68, половыми и приказчиками — 55. Крестьяне не рассматривали промыслы как самостоятельные занятия, а лишь как подспорье для традиционного земледелия: практически все средства, получаемые от промыслов, уходили на уплату государственных податей и аренду земель сельскохозяйственного назначения¹⁵.

Поэтому сельские жители предпочитали промыслы, предоставлявшие возможность принимать участие в сезонных работах в собственном хозяйстве. Именно так организовывался грабарский промысел, который заключался в проведении землеустроительных работ: «прорытии канав, выкапывании ставков, сооружении плотин, гребель [земляных насыпей — А. Ч.] и окопов», а также в перевозке навоза на поля. Грабари уходили на работы в Харьковскую, Полтавскую, Таврическую губернии. Сезон промысла длился с 13 апреля (здесь и далее все даты приводятся по старому стилю), когда завершали посев ячменя, до дня Казанской иконы Божьей Матери (8 июля), когда начинали уборку озимых, и продолжался с августа до поздней осени. Тем самым грабари успевали провести весенний сев и жатву озимых в родной деревне. Косари, занимавшиеся косьбой травы и уборкой зерновых, уходили на срок от полутора до четырех месяцев в Таврическую и Екатеринославскую губернии и уже не всегда имели возможность прибыть домой на период жатвы¹⁶.

Следует отметить, что в отходники уходили и специалисты. Так, из Обоянского и Суджанского уездов выходили профессиональные плотники, направлявшиеся в южные губернии. Сам город Обоянь выделялся столярами (наряду с Курском)¹⁷.

К 1890-м гг. численность отходников из Обоянского уезда несколько выросла: в 1890 г. таковых отмечено 9649 чел. (общий заработок — 143 073 руб.), в 1891 г. — 9419 чел. (общий заработок — 83 241 руб.)¹⁸.

В конце XVIII в. ни в Обояни, ни в ее округе еще не существовало фабрик и заводов¹⁹. На 1860 г. в городе отмечены 6 салотопенных заводов, 4 кожевенных, 2 маслобойных и 2 кирпичных²⁰. И тогда, и позднее все эти заводы являлись небольшими предприятиями. Так, в 1890 г. на двух мыловаренных заводах трудились 5 рабочих, на трех кожевенных — 6, двух свечно-восковых — 4, одном восковом — 3, трех овчарных — 6, трех крупорушных — 10, одном водочно-перегонном — 10²¹.

Для Обояни в большей степени было характерно ремесленное производство. В середине XIX в. в городе трудились 5 плотников, 6 бондарей, 5 столяров, 10 повозников, 3 колесника, 6 каменщиков, 2 штукатура, 2 печника,

9 кузнецов, 1 слесарь, 1 медник, 1 жестянщик, 3 живописца, 2 маляра, 40 голличников (они занимались производством рукавиц), 9 сапожников, 8 портных, 8 кожевников, 2 цирюльника²².

Во второй половине XIX в. численность городских жителей, занимавшихся ремесленной деятельностью, многократно возросла. В 1891 г. в Обояни работали 2085 ремесленников. Больше их было только во Льгове (2759 ремесленников, 1432 работника, 465 учеников). Даже в губернском центре Курске отмечены всего 1463 ремесленника, 1442 работника, 781 ученик. Распределялись обоянские ремесленники следующим образом: 205 портных, 173 сапожника, 205 кузнецов, 196 печников, 127 столяров, 85 колесников, 714 плотников, 172 бондаря, 110 кирпичников, 18 кожевников, 41 каменщик, 9 штукатуров, 14 медников, 11 слесарей, 3 часовщика, 2 золотых и серебряных дел мастера. В остальных поселениях Обоянского уезда работал 481 ремесленник, в т. ч. 140 портных, 130 сапожников, 5 шубников, 20 слесарей, 91 кузнец, 30 столяров, 5 медников, 11 шорников, 15 штукатуров, 25 бондарей, 9 маляров²³.

Обоянь являлась и важным торговым центром. В XIX в. в городе проходили пять однодневных ярмарок: Сырная (в пятницу Сырной недели), Преполовенская (в день Преполовения Господня, через 25 дней после Пасхи), Маккавеевская (1 августа), Рождество-Богородицкая (8 сентября), Никольская (6 декабря). Торговыми центрами в уезде являлись также г. Богатый (5 ярмарок), с. Прохоровка (4 ярмарки), слободы Павловка, Пены, Медвенка, Рыбинские Буды (по 5 ярмарок) и Долгие Буды (7 ярмарок). На ярмарках торговали рогатым скотом, лошадьми, различными кустарными изделиями²⁴.

Таким образом, во второй половине XIX в. экономика Обоянского уезда оставалась ориентированной на сельское хозяйство. Крестьянские промыслы и ремесла в основном были дополнением к земледелию, которое зачастую не предоставляло достаточных средств к существованию. Промышленное производство также было слабо развито, что отчасти восполнялось большим количеством городских ремесленников.

Примечания

¹ Курская губерния: Итоги статистического исследования. Курск, 1887. С. 107.

² Памятная книжка Курской губернии на 1860 год. Курск, 1860. С. 14.

³ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 13, ч. 3: Курская губерния. СПб., 1850. С. 97.

⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Наличное население в губерниях, уездах, городах Российской империи (без Финляндии) // Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_gub_97.php?reg=20. (30.05.2012).

⁵ Курская губерния: Итоги... С. 97.

- ⁶ [Златоверховников Н. И.]. Землевладение в Курской губернии (1905 г.) / Н. 3-ов // Курский сборник. Вып. 6. Курск, 1907. С. 73.
- ⁷ Сборник статистических сведений по Обоянскому уезду (Курской губернии). Ч. 2: Крестьянское сельское хозяйство. М., 1883–84. С. 17.
- ⁸ Военно-статистическое обозрение... С. 82.
- ⁹ Сборник статистических сведений по Обоянскому уезду (Курской губернии). Ч. 1: Частновладельческое хозяйство Обоянского уезда. М., 1883–84. С. 109.
- ¹⁰ Памятная книжка Курской губернии на 1892 год. Курск, 1892. Отд. 3. С. 7.
- ¹¹ Сборник статистических сведений... Ч. 2. С. 16.
- ¹² Там же. С. 32–37.
- ¹³ Памятная книжка Курской губернии на 1892 год. Отд. 3. С. 18; Памятная книжка Курской губернии на 1893 г. [Курск, 1893]. Отд. 3. С. 75.
- ¹⁴ Сборник статистических сведений... Ч. 1. С. 107.
- ¹⁵ Там же. Ч. 2. С. 32–37, 46.
- ¹⁶ Там же. С. 47–49.
- ¹⁷ Военно-статистическое обозрение... С. 107.
- ¹⁸ Памятная книжка Курской губернии на 1892 год. Отд. 3. С. 18; Памятная книжка Курской губернии на 1893 г. Отд. 3. С. 75.
- ¹⁹ Ларионов С. И. Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нем известий вкратце собранное Сергеем Ларионовым, того наместничества Верхней расправы прокурором. М., 1786. С. 103.
- ²⁰ Памятная книжка Курской губернии на 1860 год. С. 153.
- ²¹ Памятная книжка Курской губернии на 1892 год. Отд. 3. С. 10–11.
- ²² Военно-статистическое обозрение... Табл. 25.
- ²³ Памятная книжка Курской губернии на 1893 г. Отд. 3. С. 15–16.
- ²⁴ Календарь и памятная книжка Курской губернии на 1884 год. Курск, 1883. Отд. местных сведений. С. [5–26].

И. А. Долженков

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОСЛОВНЫХ МЕЩАНСКИХ СТАРОСТ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. (на примере Обояни)

Вторая половина XIX в. была богата различными формами местного самоуправления, функционировавшими в российской провинции. Одной из них было сословное мещанское управление, унаследованное динамично развивающейся буржуазной пореформенной эпохой от дореформенного феодального времени. Возглавляли структуру мещанского корпоративного управления сословные старосты, избираемые на собрании всех членов мещанского общества, владевших правом голоса. Им в помощь избирали также мещанские управы.

Обязанности мещанских старост были довольно разнообразны. В частности, важным направлением их деятельности было рассмотрение дел о причислении лиц в мещанское сословие. Так, в 1876 г. мещанский староста Обояни Т. В. Варваров решил вопрос о записи в мещанское сословие граждан А. П. Щеглова и А. И. Соколова. В том же году был принят в мещанское сословие отслуживший срок своей службы рядовой Олег Лосинский¹. В 1884 г. проживавшая до замужества в Обояни и уехавшая с мужем в Павлоград Екатеринославской губ. мещанка М. Г. Бочарова в связи со смертью мужа подала прошение о возвращении в обоянское мещанское общество вместе с малолетним сыном. Тогда же по причине долгого проживания в Обояни подал прошение на вступление в мещанское общество мещанин С. В. Кручинин². В 1894 г. к обоянскому мещанскому обществу причислилась солдатская вдова А. М. Борбашева³ и т. д.

Вообще следует отметить, что мещанские управы предпочитали принимать тех, кто имел в городе недвижимую собственность и занимался ремеслом, соответствующим мещанскому званию. Как правило, ходатайства на прием удовлетворялись. Мещанские управы даже старались привлекать к себе новых членов льготами в платежах.

Следует отметить тот факт, что в мещане могли записываться лица и из других сословий. В частности, в 1882 г. зафиксировано прошение бывшего дворового человека А. Колинова с увольнительным свидетельством Казацкого волостного старшины о выдаче ему «приписного приговора» на причисление к обоянскому мещанству⁴. В том же году зафиксирован интересный случай о причислении к обоянскому мещанскому обществу отставного писаря И. И. Булгакова. Случай необычен тем, что Булгаков был причислен к вышеуказанному обществу исключительно по причине отсутствия квалифицированного секретаря для работы в мещанской управе⁵.

Большую роль в повседневной работе старост занимала выдача мещанам документов на проживание в других населенных пунктах Российской империи. Эти документы были двух видов: билеты, выдаваемые на срок от 1 до 6 месяцев и паспорта, выдаваемые на срок от 6 месяцев до 5 лет. Для того чтобы получить документ на проживание, мещанам приходилось платить определенную сумму. В частности, билет на 1 месяц стоил 5 коп., паспорт на 6 месяцев — 85 коп., на год — 1 руб. 45 коп. В подобных документах обязательно указывалась следующая информация: возраст, семейное положение, образование, внешность и т. д. Приведем несколько примеров билетов и паспортов, выданных Обоянской мещанской управой в 1877 г.:

«Билет мещанину Михаилу Михайловичу Захарьину: женат, на один месяц — 5 коп. Приметы: лета 32, рост 2 ар[шина] 4 вер[шка]. Волосы, брови темно-русые; глаза карие; нос, рот умеренные; подбородок крутой, лицо чистое; особых примет не имеет. Грамотный»;

«Паспорт мещанину Николаю Ивановичу Григорьеву, при нем жена его Варвара Андреевна 17 лет, на шесть месяцев — 85 коп. Приметы: лета 23, 2 ар[шина] 8 вер[шков]. Волосы, брови темно-русые, глаза карие, нос, рот умеренные, подбородок крутой, лицо чистое, особые приметы не имеет. Грамотный, является к отбытию воинской повинности»;

«Паспорт мещанину Павлу Ивановичу Токареву: холост, на красной бумаге на один год — 1 руб. 45 коп. Приметы: лета 20, роста 2 ар[шина] 3 вер[шка]. Волосы, брови темно-русые, глаза серые, нос, рот умеренные, подбородок крутой, лицо чистое. Особые приметы не имеет. Грамотный, является к отбытию воинской повинности»⁶.

Мещанские старосты выдавали разрешения на открытие различных торговых заведений. Так, в 1876 г. обоянский староста выдал аттестат на открытие трактирного заведения мещанину И. С. Стебакову⁷. Получить подобное разрешение могли лишь лица, не имеющие судимости и иных проступков. В частности, в 1882 г. мещанину З. И. Федоренкову был выдан обоянским мещанским старостой аттестат о «поведении и неподсудности» для предоставления его в городскую управу в целях получения разрешения на открытие трактира в Обояни⁸. При этом отметим, что трактиры могли держать и женщины. Так, в 1884 г. обоянской мещанке А. Г. Комашиной был выдан подобный аттестат⁹.

У многих мещан возникало желание избежать разорительных налоговых выплат. Некоторые лица для того, чтобы не платить налоги, числились в одном городе, а сами переезжали на жительство в другие населенные пункты и открывали там свое дело. Так, в 1896 г. обоянский мещанский староста потребовал с пристава 4-го стана Обоянского уезда взыскать с мещанина Д. Д. Петельгузова, проживавшего в слободе Рыбинские Буды, и с мещан Н. М. Батурина, А. П. и Г. П. Мартаковых, проживавших в с. Быканово, недоимку за общественные денежные повинности в размере: с Петельгузова — 6 руб., с Батурина — 4 руб. и с братьев Мартаковых — 17 руб. При этом было установлено, что Петельгузов занимался сапожным ремеслом, Батурин имел кузницу, а братья Мартаковы — водяную мельницу, т. е. все они имели постоянный доход. Однако по словам мещанского старосты они «не являлись в мещанскую управу для уплаты налогов и не брали паспортов на проживание»¹⁰.

Были зафиксированы случаи, когда мещане переселялись даже в другие губернии, лишь бы уклониться от уплаты налогов. Так, за период 1896–1897 гг. было взыскано с проживавших в Харькове обоянских мещан Г. А. и Ф. А. Дмитриевых повинностей и недоимок на сумму 16 руб., а с В. Я. Удовенкова, также принадлежавшего к обоянскому мещанскому обществу, но проживавшего в Киеве — 20 руб.¹¹

Довольно часто мещане сознательно уклонялись от уплаты за лечение в больницах, уезжая в другие населенные пункты. Так, 21 сентября 1877 г. Обоянская уездная земская управа попросила городскую управу взыскать с

мещанина Афанасия Григорьева сумму в размере 1 руб. 78 коп. за лечение в обоянской земской больнице в июле 1875 г. После того, как выяснилось, что он проживает не в Обояни, а в с. Любач, обоянский мещанский староста попросил полицейское управление взыскать с него деньги напрямую. В том же году после требования полицейского управления о взыскании 3 руб. 85 коп. с мещанина М. П. Петрова мещанский староста сообщил, что тот уехал в м. Гуляй-поле Екатеринославской губ. и, следовательно, с него невозможно взыскать указанную сумму¹².

Ввиду ограниченности бюджета мещанских управ мещанские старосты часто отказывались платить недоимки за разорившихся представителей своего сословия. Так, 19 октября 1877 г. обоянский полицейский надзиратель 2-й части потребовал от обоянского мещанского старосты взыскать с мещанского общества недоимки за лечение в больнице мещан П. Картамышева (4 руб. 80 коп.), Е. Сурунина, А. Суракова (33 руб. 60 коп.), Д. А. Неваброва (4 руб. 80 коп.). Однако мещанский староста отказался платить: за Картамышева и Сурукова потому, что в отношении земской управы не было указано их отчество (Суруковых, к примеру, оказалось двое), а Неваброва вообще не оказалось в списках мещан Обояни¹³.

Мещанские старосты часто отказывались платить по причине незаконности признания несостоятельности некоторых мещан. Так, по указанной причине в том же 1877 г. обоянский мещанский староста отказался платить за мещан А. Картамышева и Г. Жигальцова. Проведенное дознание показало, что Картамышев находится в услужении у другого мещанина и тем самым имеет доход. Что же касается Жигальцова, то было выявлено, что он имеет денежные средства, так как «каждый день проводит в питейном заведении»¹⁴.

Мещане находились на лечении и в больницах других городов. К примеру, в 1883 г. земская больница Павлограда обратилась в Обоянское полицейское управление с просьбой о взыскании 5 руб. 88 коп. с родственников мещанина В. Курцева за его лечение и погребение и 11 руб. 23 коп. за лечение мещанина Ф. Варварова. В том же году больница Ростова потребовала от Обоянской мещанской управы сумму в размере 7 руб. 50 коп. за лечение мещанина М. М. Зиборова и столько же за лечение В. Г. Огурцова¹⁵. В 1888 г. Обоянская мещанская управа рассматривала дело об уплате 9 руб. за лечение мещанина М. Ф. Шатохина в ростовской больнице, так как сам он не мог уплатить за свое лечение. Эти деньги было решено собрать с его родственников по причине тяжелого финансового состояния мещанской управы, задолженность которой за лечение бедных мещан в больницах составляла 700 руб.¹⁶ При этом никакой помощи со стороны государства мещанское самоуправление не получило. Более того, решением губернского правления от 19 декабря 1887 г. на мещанскую управу Обояни была возложена обязанность погасить имеющийся долг добровольными взносами, что, несомненно, ложилось тяжким бременем на плечи самоуправления¹⁷.

Таким образом, анализ деятельности обоянских мещанских старост показывает, что они являлись своего рода связующим звеном между мещанским обществом и властными вышестоящими инстанциями. Однако их статус был невысок: на старосту можно было налагать штрафы за упущения по должности и злоупотребления. Функции старосты можно рассматривать скорее не как службу мещанскому обществу, а как организацию выполнения сословных обязанностей государству (выплаты податей и исполнение повинностей). Их исполнение требовало постоянного пребывания на служебном месте и отвлекало старосту от собственных занятий торговлей или ремеслом.

Примечания

¹ ГАКО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 10. Л. 2–34.

² Там же. Д. 15. Л. 2–6.

³ Там же. Д. 22. Л. 2–28.

⁴ Там же. Д. 13. Л. 3–7.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Д. 11. Л. 21–60.

⁷ Там же. Д. 10. Л. 2–34.

⁸ Там же. Д. 13. Л. 3–4.

⁹ Там же. Д. 15. Л. 32.

¹⁰ Там же. Д. 25. Л. 3–7.

¹¹ Там же. Д. 10. Л. 2–34.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Д. 14. Л. 3–6.

¹⁶ Там же. Д. 18. Л. 2–71.

¹⁷ Там же.

Е. С. Кравцова

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБОЯНСКОГО ПОДАТНОГО УЧАСТКА КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1885 г.

Реформы министра финансов России Н. Х. Бунге 1880-х гг. интенсифицировали деятельность губернских казенных палат. Был учрежден ряд новых налогов. Поэтому в 1884 г. Министерство финансов обратилось в Государственный совет с предложением, «чтобы в уездах и городах были такие агенты финансового управления, которые близко бы стояли бы к населению и были бы хорошо знакомы бы с местными налогами и бытом»¹. У этой идеи имелись не только сторонники, но и противники. Первые возлагали на инспекцию большие надежды. Действия инспекторов с самого начала должны были

иметь не канцелярский характер. Им следовало находиться в непосредственных отношениях с людьми, сталкиваться с жизнью в различных ее проявлениях. Вместе с тем, как отмечал один из современников этих преобразований Н. Д. Маслов, на нарождавшуюся податную инспекцию «сыпались порицания и насмешки, говорили, что эта затея мертворожденная и не принесет никаких результатов», а вызовет только финансовый крах из-за вложенных в нее средств. Говорили также, что она внесет смуту в провинциальную жизнь, так как дает предлог одному ведомству вмешиваться в дела другого².

30 апреля 1885 г. был принят закон об учреждении должности податных инспекторов при Казенных палатах³. При этом действие закона не распространялось на территории Восточной Сибири, Приамурья, Урала, Туркестана, Дагестана, Закавказья. На первых порах количество служащих по данному закону для всей страны равнялось пятистам, что, конечно же, не могло в полной мере удовлетворить потребностям Министерства финансов. Исключительное право назначать, распределять, переводить податных инспекторов по каждому из участков в губерниях предоставлялось Министерству финансов.

Податные инспекторы должны были постоянно наблюдать за правилами торговли в назначенных им участках, причем они обязаны были проверять наличие разрешения на право торговли, выборку свидетельств, правильность оформления документации. Участие в качестве чиновников Казенных палат в генеральных поверках торговых предприятий всех рангов также было обязанностью фискальных агентов. Они должны были участвовать в целом ряде присутствий либо как председатели, либо как члены. Новым должностным лицам по закону присваивалось ежегодное содержание 1500 руб., из которых 900 руб. составляло непосредственно жалование, а оставшаяся часть распределялась поровну на столовые и квартирные деньги.

Разделением податных участков в губерниях, а также подбором кадров занимались управляющие казенными палатами. Давая характеристику Обоянскому уезду, управляющий Курской казенной палатой указывал, что это был самый крупный по количеству десятин уезд. Он включал 324,1 тыс. десятин плодороднейшей земли, на которой располагались 242 отдельных частновладельческих хозяйства, 75 сел, 86 деревень, 22 тыс. крестьянских дворов. Уезд был разделен на четыре стана, в состав которых входило 11 волостей. В судебном отношении уезд был разделен на два следственных и четыре мировых участка. Ежегодно по территории уезда рассылалось 884 окладных листа⁴.

В результате долгой дискуссии с Министерством финансов было принято решение объединить по два уезда Курской губернии в один податной участок. Губернию разделили на восемь податных участков: первый — Курский, второй — Белгород-Грайворонский, третий — Рыльско-Путивльский, четвертый — Щигровско-Фатежский, пятый — Новооскольско-Короchanский,

шестой — Тимско-Старооскольский, седьмой — Льговско-Дмитриевский, восьмой — Обоянско-Суджанский⁵. Все участки были огромными по территории, количеству проживающих на них налогоплательщиков и различными по экономическому положению.

Особое место было отведено подбору кадров. По Обоянско-Суджанскому участку на должность податного инспектора была предложена кандидатура Иосифа Кирилловича Попова — кандидата на судебные должности при Курском окружном суде. Он окончил курс в Харьковском университете со званием действительного студента по юридическому факультету. По собранным о нем сведениям, Иосиф Кириллович обладал всеми необходимыми качествами, чтобы стать надежным фискальным агентом. «Трудолюбив, деятелен, отличных нравственных качеств и достаточно практически подготовлен к будущей службе». Кроме того, помимо основных занятий в суде, он был привлечен для ознакомления с деятельностью Казенной палаты во втором ее отделении⁶.

Уже спустя пять месяцев после назначения ряды податных инспекторов понесли первые потери: 18 октября 1885 г. умер И. К. Попов. Управляющий Казенной палатой вновь должен был искать кандидатуру для назначения на вакантную должность и рекомендовал на нее кандидата прав Московского университета Н. И. Благовещенского. «Будучи студентом Московского университета, Благовещенский усердно работал в земском статистическом бюро Курской губернии. В течение трех с половиной лет он произвел описание местных крестьянских и помещичьих хозяйств в семи уездах Курской губернии. Участвовал не только в переписи, но и в обработке статистического материала». Благовещенский также сотрудничал с прессой. Известный резонанс вызывали его статьи, напечатанные в газете «Русь» в 1884 и 1885 гг.⁷ Предложенный управляющим Казенной палатой кандидат был назначен фискальным агентом на Щигровско-Фатежский участок, а служивший там инспектор Постников был переведен на Обоянско-Суджанский участок⁸.

Алексей Иванович Постников окончил курсы С.-Петербургской медико-хирургической академии. До назначения на должность податного инспектора Курской губернии служил при костромском губернаторе, занимая должность старшего чиновника по особым поручениям. Как отмечал управляющий Курской казенной палатой, по полученной им конфиденциальной информации от костромского и казанского губернаторов, у Алексея Ивановича имелись все данные для того, чтобы стать отличным фискальным агентом. По частным сведениям, Постников был известен как весьма добросовестный и трудолюбивый человек. До своего назначения он был привлечен в качестве чиновника по особым поручениям сверх штата во второе отделение палаты с целью его ознакомления с делами⁹.

Примечания

¹ Департамент окладных сборов. 1863 – 15/IV – 1913. СПб., 1913. С. 100–101, 189–193.

² *Маслов Н. Д.* Очерк деятельности и положения податных инспекторов // Сборник «Нивы» на 1891 г.: Ежемес. прил. к журн. «Нива». Ноябрь. СПб., 1891. С. 454.

³ См.: ПСЗ. Собр. 3. Т. 5. СПб., 1887. С. 179–181.

⁴ См.: РГИА. Ф. 573. Оп. 20. Д. 183. Л. 13–16 об.

⁵ Там же. Л. 1 об.

⁶ Там же. Л. 5 об.–6.

⁷ Там же. Л. 57.

⁸ Там же. Л. 50–56.

⁹ Там же. Л. 4–4 об.

А. Н. Курцев

УПАДОК ЭКОНОМИКИ И БЕГСТВО НАСЕЛЕНИЯ МАЛОГО ГОРОДА РОССИИ В 1861–1917 гг. (на примере Обояни)

Россия в 1861–1917 гг. переживала стадию медленного перехода от аграрного общества к индустриальной цивилизации. Малый город в этот период необратимо терял свою былую значимость. К середине XIX столетия Обоянь была типичнейшим детищем позднего средневековья: она являлась административным центром земледельческого уезда, в котором велась торговля продукцией сельского хозяйства, частично перерабатываемой местными промышленниками. Жителям города и уезда был предоставлен минимальный набор ремесленных услуг. В уезде функционировал лавочный, базарный и ярмарочный торг.

На 1861 г. в Обояни проживало всего 5,5 тыс. чел., причем социальную основу города составляли коренные горожане: мещанство (2,5 тыс.) и купечество (1,9 тыс.), на долю которых приходилось 80 % населения. Остальные жители относились к военному сословию, дворянству, разночинцам, представителям духовенства. Среди них числилось 159 крестьян (менее 3 %).

Основным занятием купцов-мужчин и большей части местных мещан выступала оптовая и розничная торговля. Преобладающими предметами «торговой промышленности» в Обояни (главным образом на пяти ежегодных ярмарках) были «хлебная ссыпка и торг скотом и привозимая с крымских озер соль». Однако в 1862 г. из 200 обоянских купцов-оптовиков только 73 (37 %) торговали «на месте», а остальные — вне города. В совокупности с мещанами это выглядит уже массовым оттоком жителей: «Весьма многие обыватели г. Обояни отлучаются для торговли в другие места, преимущественно в малороссийские губернии. В 1862 г. (с 1 января по 1 сентября) выда-

но было купцам и мещанам паспортов и билетов 863» (т. е. почти всем мужчинам этих сословий в трудовом возрасте, так как всех купцов и мещан мужского пола от младенцев до стариков насчитывалось 2,2 тыс.; в отношении к ним 863 чел. с паспортами дают 39 %) ¹.

Согласно первичным документам, за полный 1861 г. купцам было выдано 359 временных паспортов по 7 руб. 25 коп. серебром, что составило 38 % мужского контингента купечества (947 душ). Обращают внимание отсутствие самостоятельной выборки увольнительных бланков женщинами и резко выраженная зимняя сезонность выдач их мужчинам из-за операций солью из Крыма (за декабрь–февраль их получили 236 обоянцев, или 66 %).

Больше разнообразия имели межсезонные выдачи. Покажем их на примере получения чередой 10 годовых паспортов в Обояни с 18 июля по 1 декабря 1861 г.: возраст владельцев паспортных бланков был от 15 (купеческого внука) до 44 (гильдейского купца) лет, более всего в пределах тридцати; восемь купцов относились к «грамотным».

В одиночку пошли шесть обоянцев, включая тех трех, что были холостыми. Среди них был «купеческий племянник» Д. Н. Мартаков 32 лет (его паспорт заверен «городским головой Мартаковым»). Семейным порядком провести отлучку захотели четверо, вписав родных в именной паспорт: «...при нем...» жена и дети. Типичную фигуру подобного отхода являл И. П. Чикин. Будучи номинально лишь «купеческим братом», ему пришлось в 41 год с супругой и пятью детьми покинуть Обоянь ².

У оседлого городского населения, прежде всего, его женской части, главным ремеслом в 1861 г. являлось шитье рукавиц (голиц). На одном рукавичном заведении купца Осмолова производство простиралось на сумму до 2,5 тыс. руб. Изделия сбывались частью на месте, частью в соседних городах, что показывает зарождение крупного специализированного промысла.

Местное значение имел универсальный круг ремесленников в составе 71 мастера (помимо них, насчиталось 120 подручных): 12 мясников, 8 хлебников с булочниками и пряничником, 12 кузнецов, 1 слесарь, 3 столяра, 1 плотник, 2 штукатура, 1 печник, 1 маляр и т. п.; 6 обувщиков, 5 портных, 1 модистка, 2 цирюльника, 1 часовщик.

Наиболее перспективными могли стать перерабатывающие заводики, которых в городе насчитывалось 18. Годовая сумма их изделий составляла более 25 тыс. руб.: «7 салотопенных, производство которых простирается в год на сумму до 18,5 тыс. руб., 1 пивоваренный — до 2,5 тыс. руб., 5 кожевенных — до 3 тыс. руб., 2 маслобойных — до 1,5 тыс. руб. и 3 воскобойных, ценность производства которых не определены. Произведения этих заводов сбываются большею частью на месте, за исключением сала, которое отправляется для продажи в Белгород и другие города».

Продажа разнообразных товаров осуществлялась в 6 лавочных корпусах, 49 мелких заведениях при домах обывателей и дважды в неделю на базаре Обояни.

Поскольку у населения города отсутствовала возможность вести полноценное земледелие, кроме приусадебных огородов с разведением домашнего скота (здесь помогало общее пастбище), то его благосостояние зиждилось уже на внеаграрной занятости³.

Первым ударом по занятиям обоянцев стала постройка в 1868–1874 гг. железных дорог с севера к Курску и далее до Крыма. Это постепенно подорвало их южную торговлю гужевой тягой и даже внутренний торг агросырьем. Особенно большое значение имело сооружение в начале 1880-х гг. 30-верстной ветки от оставшейся было в захолустье Обояни с Ржавой, где проходила центральная транспортная магистраль⁴.

Курская администрация с тревогой констатировала, что «при развитии железнодорожных путей сообщения в губернию каждую осень наезжают скупщики от оптовых торговцев других местностей и скупают сельскохозяйственные продукты непосредственно у производителей, причем отправляют свой товар прямо на железнодорожные станции... подрывая торговлю местных торговцев, вынужденных таким образом, за недостатком дела, закрывать свои заведения»⁵.

Результатом этого стал рост числа отходников. В частности, в обоянской «книге записи купцов и мещан, получивших паспорта», содержащей сведения со 2 января по 3 декабря 1890 г., отмечено 1370 выдач, в том числе 1071 выдача к 1 сентября, что по сравнению с 1862 г. (836 видов на жительство) показывает их увеличение на 208 единиц, или на 24 % (в половину больше общего прироста городского населения). Качественные изменения отражают развитие женских отлучек и вынужденная всесезонность: в январе было выдано 126 видов для ухода, феврале — 206, марте — 122, апреле — 167, мае — 130, июне — 117, июле — 108, августе — 95, сентябре — 108, октябре — 95, ноябре — 86, в течение трех дней декабря — 10. Налицо смещение отхода обоянцев на канун весны, включая февраль (206) с учетом месячной дороги в места стороннего труда, при двух позднейших апогеях: апрельском (167) и майском (130) — чтобы приступить к заработкам летом⁶.

Источник не содержит указаний относительно сословной принадлежности получателей. Виды же на жительство подразделены по их стоимости: 1 руб. 45 коп. (годовые), 85 коп. (полугодовые) и 10 коп. (месячные билеты, которые обычно выдавали мещанам и крестьянам). Все виды имели право отсрочки полицией в местах отхода, например, полугодовой — минимум на 6 месяцев⁷. По местным отзывам, «работники, берущие паспорта на один месяц, пребывают на заработках не менее 2–3 месяцев, ибо они всегда пользуются еще одним льготным месяцем, а часто кроме того просрочивают несколько недель»⁸.

Уход на лето покажем по 10 выдачам, произведенным с 1 по 3 июня (№ 752–761): все они достались мужчинам, их средний возраст — 46 лет, грамотных меньшинство. Годовых бланков — два (у лиц 42 и 28 лет), остальные только месячные билеты, т. е. 80 % мужчин пошли лишь на летний сезон.

Иную картину дает выборка 10 бланков с 1 по 3 октября (№ 1180–1189), где на семь мужчин приходится уже три женщины. Первым — от 27 до 69 лет, в среднем — 39 лет, большинство грамотные. Они получили 2 годовых паспорта, 1 — на полгода и 4 — по месяцу, т. е. краткосрочных увольнительных имелось только 57 %, а считая и женщин — всего 40 % видов (в данном случае для работы осенью), поскольку горожанки уходили в отлучку по 1 годовому (21-летняя, грамотная) и 2 полугодовым документам (59 и 40 лет, обе неграмотные). В общей массе видов чисто женских паспортов оказалось немного (до 13 %), причем большинство из них было получено незамужними женщинами среднего возраста. Встречались также вдовы преклонных годов. Молодые же девушки практически полностью отсутствовали.

Остается добавить, что выборка годовых и полугодовых документов в основном осуществлялась постоянно отсутствовавшими жителями Обояни, причем не лично, а по почте (обычно с высылкой паспортов родственниками или доверенными лицами). Месячные виды получали сами мигранты накануне очередного отправления на временные заработки⁹.

Вторым фактором «упадка торговли» и развития миграций стала длительная череда неурожайных годов: с конца 1870-х по начало 1890-х гг., особенно в 1892 г. — с «закрытием торговых и промышленных заведений», преимущественно городских¹⁰.

С 1861 по 1881 г. количество промышленных объектов в Обояни не изменилось. Однако перестала функционировать фабрика по изготовлению рукавиц с внешним сбытом товаров, которая ранее подпитывала ремесленное шитье горожан. Исчезла также целая отрасль местной промышленности — салотопенная — с иногородними рынками спроса на данный продукт. В 1881 г. 19 городских заведений имели всего 70 наемных рабочих, главным образом на трех маслобойнях (24 чел.) и трех спиртзаводах (21 чел.). К 1893 г. промышленность резко регрессировала, сократившись до 12 предприятий при 27 чел. Среди них имелось новое заведение — кирпичный завод с 6 рабочими. Годовой выпуск продукции составил всего 3 тыс. руб., поскольку работали предприятия в основном только осенью.

Зато на селе в условиях близости к поставкам агросырья и особо дешевого труда крестьян перерабатывающая промышленность устояла и окрепла. За 1881–1892 гг. в Обоянском уезде число заведений всех отраслей возросло с 83 до 226, а количество их работников с 1,1 тыс. до 1,5 тыс. (все данные без города). В 1892 г. только на трех сахарных заводах было занято 1,1 тыс. сезонных рабочих из окрестных поселений, второе место по объему найма занимали

86 сельских объектов по выделке кирпича при 239 рабочих¹¹. Сравнение показывает, что сельская промышленность в условиях децентрализации оказалась эффективнее и масштабнее городской, закрыв для Обояни возможность превращения в индустриальный центр земледельческого уезда.

Одновременно шел повсеместный процесс окрестьянивания городов посредством причисления к таковым многолюдных пригородных селений, что размывало городской образ жизни их коренного населения. Первая всеобщая перепись 1897 г. выявила 11,8 тыс. жителей Обояни, но с включением ее пригородных слобод: Казацкой (2,9 тыс.), Стрелецкой (1,5 тыс.) и Пушкарской (1 тыс.). Кроме того, в Обояни проживало приблизительно 1,2 тыс. пореформенных мигрантов, относящихся к крестьянству, а также 200 потомков тех 159 крестьян-горожан, что были упомянуты в 1861 г. В результате общая масса «крестьян» в Обояни составляла уже большинство — 6,8 тыс. чел., или 58 %¹².

Из коренных обоянцев до минимума сократилось купеческое сословие. В 1861 г. данное звание имели 1888 чел. из 5492 (34,3 % населения), а в 1891 г. лишь 160 из 11 832 (1,4 %), в том числе 74 лица мужского пола всех возрастов (что означает наличие всего около 40 трудоспособных мужчин)¹³.

Главная причина такой резкой убыли купцов состоит в падении их торговли с утратой купеческого статуса и переходом в мещанство, что, соответственно, распространялось и на их семьи. Так, 15 апреля 1885 г. три обоянских купца стали мещанами: Курская казенная палата уведомила Обоянскую городскую управу, что она «причислила их с 1885 г. в мещане по городу Обояни. А из числа купцов по тому же городу исключила», как «лиц, не возобновивших на 1885 год купеческое свидетельство на торговлю по городу Обояни»¹⁴.

Именно с этим фактором связано полуторное увеличение числа мещан в городе: с 2508 в 1861 г. до 4064 к 1891 г. Рост этой группы на 1556 чел. фактически равноценен сокращению купечества на 1728 душ. Недобор же последних в 172 чел. отражает их остаток в 160 лиц. При этом удельный вес мещанского сословия в составе горожан упал с 45,7 % в 1861 г. до 34,4 % к 1897 г. Это произошло даже несмотря на то, что мещанское сословие подпитывалось за счет крестьян, переходивших в мещанство 15. Например, в течение 1885 г. Казенная палата дважды выносила вердикты по данному поводу. Согласно прошению, вдова с сыном, жившие «в подгородной слоб. Стрелецкой, а там в дер. Журавлевой», были причислены «в обоянское мещанство по званию рабочих людей». Селянин с супругой, родиной которых была дальняя деревня, также получили подобный ответ как прочно живущие в уездном центре¹⁶.

В 1885 г. более значителен был мещанский отток, в том числе бывших купцов, на постоянное жительство в другие города с официальным переходом в иногороднее мещанство: менее на север (от Курска до Москвы), а главным образом на юг, особенно в Николаев, частью в Темрюк, портовый Бердянск, промышленный Никополь Екатеринославской губернии и т. п.¹⁷

Из «постоянного населения» Обояни во «временном отсутствии» на 28 января 1897 г. было учтено 111 душ разных званий. Косвенным свидетельством такого миграционного отсутствия служит половая структура наличных жителей, больше всего по группе мещан. В 1861 г. ее дисбаланс был мизерным: 1252 лица мужского и 1256 женского пола (разница в 4 мужчины, или 0,3 %). К 1897 г. неравенство полов стало разительным: на 1872 мужчины пришлось 2192 женщины (разница в 320 мужчин, или 14,6 %, что дает рост к процентным показателям в 49 раз за 36 лет)¹⁸.

Рассмотрим занятость городского населения в 1897 г. относительно самих работников (без семейных иждивенцев). Это 3779 чел. (в том числе 966 женщин). В городской экономике самым архаичным занятием стало «земледелие». Им занималось 765 чел. (в том числе 84 женщины), или 20,2 %. Это объясняется причислением к Обояни вышеуказанных крестьянских слобод и соответственно агроризацией города. Описание же 1861 г. отметило: «Сельскими промыслами обоянские жители не занимаются».

Первое место заняла сфера промышленности с ремеслом, дополняемая крестьянами в строительстве и чернорабочими (с учетом отхода за пределы региона, в том числе десятков рабочих в новейшую отрасль — «обработку металлов»). В ней было занято 848 чел. (в том числе 131 женщина), или 22,4 %.

«Торговля» горожан сошла на третье место, собравши 711 чел. (в том числе 101 женщину), или 18,8 %. Частично она включала и отхожих торговцев. В 1861 г. она еще безраздельно господствовала. К 1897 г. особенно сократилась традиционная торговля сельскохозяйственными товарами, а соляная вовсе пропала¹⁹.

Уникальное значение имеет относящееся к 1911 г. свидетельство очевидца, обеспокоенного пореформенной убылью количества прихожан обоянской Смоленской церкви. Она была обязана своей перестройкой в середине XIX столетия городскому купцу И. Д. Чикину, одновременно состоявшему в московском купечестве, а позднее стараниям ее церковного старосты обоянского купца А. П. Мартакова. Автор констатировал, что «в экономической жизни (города вообще. — А. К.) незаметно оживления. Есть только: 2 мыловаренных, 2 кожевенных, 3 восковых небольших завода; 3 крупорушки. Несмотря на то, что Обоянь находится в центре чрезвычайно плодородной местности, торговля хлебом и скотом невелика». Из города железнодорожной веткой ежегодно вывозили всего 16 тыс. пудов разных сельскохозяйственных грузов, что неизмеримо уступало ближайшим станциям при собственно магистрали: «на станции Солнцево грузится 900 тыс. пудов, в Прохоровке — 1 600 000 пудов, а в Белгороде — 6 800 000 пудов». По Смоленскому приходу за 1850–1900 гг. имело место «понижение как в приросте, так и в браках и, разумеется, в смерти». К 1911 г. из прихожан в городе имелось налицо 340 мужчин и 734 женщины, т. е. мужской недобор составил 394 чел. (53,7 %).

Причины этого виделись в том, что «земледелием занимаются только прихожане в слободе Стрелецкой. Находится земля в подворном владении. Ввиду того, что она недостаточно обеспечивает, почти вся слобода уходит с весны на заработки, больше на юг, мужчины по каменной части, женщины и девушки на огороды, в портовые города. В этом отношении они близки гражданам (горожанам. — *А. К.*), кои тоже всегда в разъездах», поскольку «промышленности в самом городе, можно сказать, никакой», а «подвоз из деревни разных продуктов незначительный», так как «гораздо выгодней торговцам и покупателям иметь дело с более удобными пунктами сбыта» при железнодорожных станциях общероссийского значения в Белгороде, Прохоровке и др. «Отсюда ясно, почему жизнь в городе умирает из года в год. Люди, ищущие дела, уходят в другие места. Вот почему в Смоленском приходе вместо прибавления числа населения замечается значительное его уменьшение». Общее состояние городской жизни свидетелем оценено следующим образом: «Обоянь, как многие др. города, переживает тяжелое экономическое истощение, что заставляет бежать из города в место, где труд оплачивается выше, где средства дают возможность жить лучше примитивных, патриархальных обоянских условий»²⁰.

По предвоенному периоду имеются только разрозненные сведения о выдаче паспортов в середине 1914 г. Зато на 10 июля сплошным порядком указаны места миграций людей (от № 551 по № 560). Всего зафиксировано 10 выдач, все паспорта «годовые» и все взамен старых, получение новых видов произошло через почту на основании личного письменного запроса. География обитания мигрантов такова: в Харькове — Н. Ф. Чикин, 16 лет, «торговец» и отдельно живущая 17-летняя девушка, ее занятие не указано; в Николаеве — 55-летний «торговец» с супругой и 44-летний холостяк, без занятия. Еще четверо обоянцев пребывали по одиночке по южнороссийским городам и на железнодорожных станциях: двое 18-летних юношей (один из них «торговец»), а также вдова 72 лет и 25-летняя «девица» без занятий. В зауральский Курган Тобольской губернии было отослано два паспорта: 43-летнему торговцу, который жил там с женой и сыном, и замужней 32-летней женщине. Из остальных мест, в которые производилась пересылка паспортов для обоянцев, выделяется Петербург. 28 июля туда выписали документ под № 612 для 25-летнего мужчины без занятий (что характерно для мигрантов), холостого и грамотного, причем взамен истекшего вида на отсутствие лица в родном городе, который столичная полиция прописала в 1913 г.

Обращают внимание отметки о таком занятии, как «профессия чернорабочий» для городского крестьянства, а также выборка многими людьми (особенно живущих в отлучках семейно с женами и детьми) «бессрочных паспортных книжек» (все паспортные документы уже выдавались бесплатно с мизерными ценами за стоимость бланка)²¹.

В тяжелое время Первой мировой войны у мужчин Обояни трудовые миграции сменились воинскими, а женское отходничество оказалось неспособно компенсировать мужское. В 1917 г. вообще началось возвращение даже предвоенных работниц из отхода на родину²².

В итоге можно заключить, что малый город как управляющий придаток аграрной цивилизации для прилегающих территорий (включая функцию торгового посредника с сельской округой) оказался вне индустриального развития и современного общества с мегаполисными центрами. По Обояни данный процесс уже в 1861–1917 гг. проявился в упадке экономики и оттоке населения, что было типично для подобных городов русской глубинки.

Примечания

¹ [Раевский М. Н.] Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–62 г. Т. 1. СПб., [1864]. Разд. 18. С. 21–22.

² ГАКО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 611. Л. 1 об.–65 об.

³ Экономическое состояние... С. 22–23.

⁴ Приложение ко всеподданнейшему отчету о состоянии Курской губернии за 1881 год. Курск, 1882. С. 28.

⁵ Приложение ко всеподданнейшему отчету о состоянии Курской губернии за 1892 год. Курск, 1893. С. 23.

⁶ ГАКО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 804. Л. 1 об.–157 об.

⁷ Там же; РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 310. Л. 7 об.–8 об., 29.

⁸ Сборник статистических сведений по Обоянскому уезду (Курской губернии). Земская сельскохозяйственная статистика. М., 1883. С. 46.

⁹ ГАКО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 804. Л. 1 об.–157 об.

¹⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 70. Д. 175. Л. 15 об.; Приложение ко всеподданнейшему отчету... за 1892 год. С. 23.

¹¹ Приложение ко всеподданнейшему отчету... за 1881 год. Ведомость № 2; Приложение ко всеподданнейшему отчету... за 1892 год. Ведомость № 2.

¹² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 20: Курская губ. СПб., 1904. С. 1–2, прил.

¹³ Там же. С. 1, 60, 81; Экономическое состояние... С. 21.

¹⁴ ГАКО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 57. Л. 27–27 об.

¹⁵ Экономическое состояние... С. 21; Первая всеобщая перепись... С. 1, 60.

¹⁶ ГАКО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 57. Л. 12–12 об., 54–54 об.

¹⁷ Там же. Л. 10, 20–21 об., 31–31 об., 39–39 об., 53.

¹⁸ Экономическое состояние... С. 21; Первая всеобщая перепись... С. 60.

¹⁹ Первая всеобщая перепись... С. 22, 180.

²⁰ КЕВ. 1911. № 47. Ч. неофиц. С. 465; № 48. С. 483–485.

²¹ ГАКО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 198. Л. 1–32 (датировка по описи — 1915 г., на обложке дела — 1917 г.; правильно — 1914 г.).

²² Там же. Ф. 184. Оп. 1. Д. 13318. Л. 18–19 об.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОМОЩИ СОЛДАТСКИМ СЕМЬЯМ В ОБОЯНИ И ЕЕ ОКРУГЕ В 1914–1917 гг.

Согласно указу Сената от 12 августа 1914 г. в Москве была образована центральная организация Комитета ее императорского величества по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, с открытием местных отделений во всех губерниях (областях) и последующим созданием сети более мелких структурных подразделений. За помощью туда могли обратиться не только жена и дети, но отец и мать, бабушка и бабушка, братья и сестры призванного при условии, что они содержались его трудом. Главным видом попечения являлся так называемый продовольственный паек, выдаваемый деньгами из следующего расчета: не менее 1 пуда 28 фунтов муки, 10 фунтов крупы, 4 фунтов соли и 1 фунта постного масла в месяц на взрослую душу¹. Дети до 5 лет получали пособие в половинном размере².

После начала Первой мировой войны первостепенной задачей, стоящей перед уездами Курской губернии, стала помощь в оборудовании госпиталей в Курске, под которые губернский город первоначально отвел три казармы на 750 коек. При этом постельных принадлежностей имелось лишь на 200 кроватей³. Поэтому губернатор Н. П. Муратов просил уездных исправников помочь в обустройстве лечебниц, выслав излишек холста, крайне необходимого для оборудования госпиталей⁴. Из Обояни было прислано 2924 аршина полотна и 74 аршина байки⁵. Отправленная ткань была добровольно пожертвована обоянцами, в том числе 176 аршин было передано еврейской общиной города⁶.

Одновременно в Обоянском уезде было решено организовать сбор вещей для снабжения раненых, выходящих из медицинских учреждений. После оповещения населения в полицейское управление и к станovým приставам начался приток пожертвований в виде старой одежды и обуви, а также деньгами на покупку таковой. К примеру, в г. Богатом, помимо одеяний, на облачение раненых воинов собрали 22 руб.⁷ Председатель Медвенского волостного попечительства по призрению семейств нижних чинов запаса священник Виктор Соловьев сообщал, что по волостному участку был произведен сбор пожертвований для больных и раненых солдат. Помимо зернового хлеба и денег, был жертвован и холст. Для переработки его на белье и постельные принадлежности в сл. Медвенке под руководством жены местного учителя организовался кружок лиц, пожелавших принять участие в заготовке белья для раненых. Часть материала уже была ими переработана⁸. Одежду, собранную в ходе данной акции, отправили по железной дороге в Курск⁹.

Помимо этого, в уезде начался сбор денежных средств на нужды семьям солдат. Так, Дамский комитет города Обояни по изысканию средств на вспомоществование семьям, оставшимся после ушедших на войну ратников ополчения и запасных, 31 августа 1914 г. произвел соби́рание милости с одновременной продажей союзных флагов. Суммарный доход от данной акции составил 897 руб.¹⁰ Председатель попечительского совета Смоленской церкви Обояни протоиерей Александр Сахаров просил у губернатора разрешение устроить 6 декабря 1914 г. однодневный кружечный сбор, направленный на вспомоществование бедным семьям прихода, родственники которых призваны из запаса в ряды действующей армии¹¹. Его разрешили, но при условии соблюдения определенных правил: сборщикам и сборщицам пожертвований запрещалось приставать к прохожим, загораживать им проход на тротуарах, останавливать проезжающие экипажи. Правительственные или общественные учреждения разрешалось посещать только с разрешения их руководства¹².

Обоянский уездный комитет во главе с П. М. Прибытковым, несмотря на некоторые сложности, связанные с канцелярскими расходами, смог предоставить в Курск отчет о деятельности организации за февраль 1915 г., из которого мы можем почерпнуть информацию об оказании помощи на местах. Были, в частности, рассмотрены прошения жены нижнего чина действительной службы М. И. Казанской о назначении ей пособия деньгами или провиантом и супруги призванного из запаса А. И. Бобрышевой о назначении пособия на приемную дочь Татьяну 8 лет. Обследовав имущественное и семейное положение просительниц, комиссия постановила: Казанской единовременно выплатить 15 руб. и назначить ежемесячное пособие 5 руб., Бобрышевой выдать единовременное пособие в размере 5 руб.¹³

Обоянка Е. И. Захарова просила о назначении пособия за призванных племянников Василия и Михаила Похомовых. По результатам осмотра ей было решено единовременно выплатить 10 руб., так как призванные воспитывались тетей с раннего возраста и с их призывом она лишилась единственных кормильцев¹⁴.

Обследование положения семейств призванных Емельяна Башкатова и Сергея Волобуева, произведенное Казацким волостным попечительством, признало таковые не нуждающимися в немедленной помощи¹⁵.

Отметим также коллективное ходатайство жен призванных М. П. Разиньковой, Е. Д. Лаврентьевой, П. И. Конаревой, А. С., О. Л. и П. Г. Выскребенцевых о выдаче им леса на отопление. Освидетельствование постановило отпустить по удешевленной цене дрова А. С. и П. Г. Выскребенцевым, Савенковой и Разиньковой, а О. Л. Выскребенцевой и Конаревой в прошении отказать¹⁶.

Комиссия не располагала достаточными средствами для непосредственного оказания помощи сиротам, рассчитывая на то, что дети павших и увечных воинов могут быть помещены в Романовском приюте, который предполагалось открыть в Обояни в течение 1915 г.¹⁷ По сведениям 1916 г., был

открыт приют лишь на 12 малолетних сирот и полусирот воинов. За детей-сирот, находившихся на попечении родственников, выдавались пособия на воспитание. Пособия назначались также на приобретение теплой одежды детям, которые посещали школы¹⁸.

Семействам призванных на войну, а также семьям убитых и увечных воинов со стороны земства в 1915–1916 гг. оказывалась помощь в обсеменении, обработке и уборке хлебов, причем для этих целей иногда использовали ученические дружины. Одна из таких дружин, работавшая летом 1916 г. под руководством учителя эвакуированной в Курск Сандомирской мужской гимназии П. М. Зиньковского, оказала помощь по уборке хлеба 28 семьям запасных в деревне Шелковка Обоянского уезда 19. Кроме того, в Курское отделение было направлено предложение о возможно большем отпуске военнопленных для производства сельскохозяйственных работ в весеннюю посевную компанию 1917 г. ввиду заметного недостатка рабочих сил 20. Согласно данным на 1 ноября 1916 г., на аграрных работах в крестьянских хозяйствах было занято всего 27 военнопленных, в то время как их общее число в Обоянском уезде составляло 917. По состоянию на 15 августа 1917 г. пленных, трудившихся на полях крестьян, было уже 415 при общем их сокращении до 895²¹.

После Февральской революции многие уездные комитеты Курской губернии свернули свою работу, но Обоянская организация продолжила свою деятельность. В это время была нарушена связь между центром и местами, что затрудняло координацию действий. Москва через губернских комиссаров Временного правительства просила местные отделения сообщить ей их точный адрес²². Обоянь в ответ на данную просьбу обозначила местонахождения 11 волостных попечительств, а именно: Бобрышовского, Долженковского, Казацкого, Краснянского, Курасовского, Медвенского, Ольшанского, Павловского, Пенского, Рыбинского и Сухосолотинского²³.

Сведений о деятельности организации на территории Обояни и ее округи за лето 1917 г. практически не сохранилось. Известно лишь, что новым председателем Обоянской уездной комиссии стал В. И. Гуров, одновременно возглавлявший земскую уездную управу²⁴.

Интерес представляют сохранившиеся раздаточные ведомости на получение продовольственного пособия. Так, Курасовской волости по ассигновке от 2 августа 1917 г. на 81 семью нижних чинов предполагалось выдать 10 986 руб., но по разным причинам за полагающимися деньгами явились не все. В итоге 325 руб. было возвращено в казначейство уезда²⁵. Особо примечателен раздаточный лист Медвенской волости, в котором отражены 157 чел., которым полагался продовольственный паек от казны. Все лица, представленные в данном списке, это дети, родившиеся в период 1915–1917 гг. Согласно закону они получали половину пособия, полагающуюся взрослому человеку²⁶.

Исторический опыт осуществления государственной и общественной помощи солдатским семьям в условиях Первой мировой войны имеет важное значение для современной организации благотворительных начинаний.

Примечания

- ¹ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10708. Л. 2.
- ² Там же. Ф. 320. Оп. 1. Д. 640. Л. 347.
- ³ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10709. Л. 2.
- ⁴ Там же. Л. 5.
- ⁵ Там же. Л. 60.
- ⁶ Там же. 61 об.
- ⁷ Там же. Л. 342 об.
- ⁸ Там же. Л. 325.
- ⁹ Там же. Л. 412.
- ¹⁰ Там же. Д. 10708. Л. 240.
- ¹¹ Там же. Л. 336.
- ¹² Там же. Л. 337–337 об.
- ¹³ Там же. Ф. 171. Оп. 1. Д. 86. Л. 98–98 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 98 об.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. Л. 99.
- ¹⁷ Там же. Л. 100.
- ¹⁸ Там же. Л. 135.
- ¹⁹ Там же. Ф. 185. Оп. 1. Д. 496. Л. 2-а.
- ²⁰ Там же. Ф. 171. Оп. 1. Д. 86. Л. 135 об.
- ²¹ Там же. Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 3. Л. 13, 592.
- ²² Там же. Ф. 171. Оп. 1. Д. 86. Л. 220.
- ²³ Там же. Л. 229.
- ²⁴ Там же. Л. 214.
- ²⁵ Там же. Ф. 125. Оп. 1. Д. 253. Л. 15 об.–16.
- ²⁶ Там же. Д. 254. Л. 23 об.–24.

П. А. Кравцов

ОБОЯНЬ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИЙ, ПЕРВОЙ МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН

По площади Обоянский уезд был самым большим в Курской губернии (3394,4 кв. версты). В нем насчитывалось 198 населенных пунктов, в которых значилось 22 888 крестьянских дворов. Население уезда (не считая города) на 1 января 1896 г. составляло 183 381 чел. Крестьян из этого числа было 170 887 чел., дворян — 556, духовенства — 511, купцов — 205, мещан — 984 чел. Население Обояни (без пригородных слобод Пушкарной и Казацкой) составляло 6995 чел., в том числе: мещан — 5126, купцов и почетных граждан — 318, дворян — 182, духовенства — 189, военных — 310, крестьян — 849, прочих сословий — 21). В городе было 428 каменных и 1107 деревянных домов¹.

В 1905 г. дворянам в уезде принадлежало 65 % земли, духовенству — 1,3 %, купцам — 6 %, мещанам — 6,1 % и только 9,9 % — огромной массе крестьянства. Положение крестьян было тяжелым. Обездоленные люди в поисках лучшей жизни отправлялись в промышленные центры и в другие места Российской империи. Возвращаясь из промышленных городов домой, отходники способствовали развитию крестьянского движения. Революционная волна, охватившая промышленные центры России, докатилась и сюда. В 1904 г. в уезде уже существовала социал-демократическая группа. 1 сентября 1905 г. на улицах с. Верхопенье были обнаружены две листовки Курского комитета РСДРП. Из Брянска в Обоянь поступали листовки, брошюры и даже газета «Искра». В одном из ее ноябрьских номеров за 1901 г. сообщалось о революционном настроении крестьян Обоянского уезда. С апреля по сентябрь 1905 г. происходили отдельные крестьянские волнения. В ноябре уезд был охвачен крестьянским движением. Происходили порубки леса, потравы скотом сахарной свеклы. С 10 ноября начались поджоги помещичьих имений, продолжавшиеся неделю. 17 ноября обоянский исправник Полетика в своей телеграмме сообщал, что произведены поджоги и грабежи в имениях Бровцина, Дженеева, Гамалея, Мороховца, Богаевских, Ногес, Горяйнова и других. За это время было разграблено и сожжено 14 имений. 19 ноября Полетика писал курскому губернатору «я бессилен спасти уезд от охватившего его волнения и беспорядков» и просил дать ему отставку. Всего в 1905 г. в уезде отмечено 22 крестьянских выступления.

В других регионах Российской империи проводили революционную работу уроженцы Обоянского уезда. За активное участие в Кронштадтском восстании в ночь с 31 июля на 1 августа 1906 г. уроженец слободы Казацкой матрос В. И. Корягин был приговорен к 10 годам каторжных работ с последующим пожизненным поселением в Восточной Сибири. Активными участниками революционного движения были братья Иван Петрович и Георгий Петрович Косухины из слободы Рыбинские Буды. Поручик И. П. Косухин за участие в революции 1905 г. был заключен в крепость в Тифлисе. Ему грозила каторга, но он бежал и продолжил борьбу с самодержавием. В 1910 г. по приговору военного трибунала он был сослан на вечное поселение в Сибирь. Г. П. Косухин вел революционную работу в Харькове.

В 1906 г. в Обояни телеграфист железнодорожной станции А. Ф. Непиющий, учительница А. И. Сойникова, А. Г. Яковлев и М. Ф. Полякова организовали подпольную группу РСДРП. Они поддерживали связь с А. А. Аристарховым, возглавлявшим социал-демократическую организацию в Курске. В группу входил Лев Сосновский, впоследствии один из соредкторов газеты «Правда», редактор крестьянской газеты «Беднота», автор политических фельетонов. Подпольщики собирались на выгоне, в осиновой роще на реке Псел, на Садовской даче, читали запрещенную литературу, митинговали, проводили маевки, печатали на гектографе революционные листовки. В

одной из них говорилось: «Мы, социал-демократы, не верим в царскую конституцию. Не исправлять надо царское самодержавие, а с корнем стремиться уничтожить его». Группа вела революционную пропаганду среди крестьян уезда. Подпольщики провели во вторую Государственную думу двух депутатов от крестьян: долженковского волостного старшину эсера А. И. Русанова и столяра из слободы Павловка трудовика А. Е. Афанасьева.

В октябре 1907 г. подпольщиков по доносу разгромили. Организаторам подпольной группы предъявили обвинения в том, что они «вступили в преступное сообщество и поставили целью насильственное изменение установленного законом правления». Два года длилось следствие. В 1910 г. Непиющего сослали в Иркутскую губернию на реку Лену. Туда же отправили Яковлева и Полякову. Сойникову (Грибову) сослали в Тамбовскую губернию².

Летом 1914 г. Российская империя вступила в Первую мировую войну в союзе с Францией и Великобританией против Германии и Австро-Венгрии. Война вызвала расстройство экономики. Уже в 1915 г. обоянская полиция доносила губернатору о том, что крестьяне на сходе «довольно открыто ругали царя и министров и в самой гуще бродила мысль о невыносимости войны и ее прекращения какой угодно ценой».

Население Обояни к началу 1916 г. составило 13 426 жителей. В городе действовал маслобойный паровой завод, четыре ветряных мукомольных мельницы, три синильных завода, два кожевенных, медоваренный, восковой, салотопный заводы, на которых было занято 36 наемных рабочих. Годовая продукция предприятий составляла 28 800 руб. В городе функционировали женская прогимназия (с 1910 г. гимназия), духовное училище, земская практическая школа садоводства, четырехклассное училище, три одноклассных училища, библиотека (с 1912 г.), кинотеатр, общественный сад. Имелись земская больница (с 1882 г.), аптека (с 1883 г.), приют (с 1904 г.), женская (с 1835 г.) и мужская (с 1890 г.) богадельни³.

Первые вести о февральских событиях 1917 г. в Петрограде были получены в Обояни через телеграф железнодорожной станции. В связи со свержением самодержавия председатель земской управы М. Прибытков был назначен Курским губернским народным советом, где ведущую роль играли эсеры, временным комиссаром уезда. 18 марта 1917 г. был избран исполнительный комитет под началом уездного воинского начальника полковника М. Х. Харкевича. Комитет состоял из 38 человек и по составу был преимущественно буржуазно-помещичьим. Царская полиция была заменена буржуазной милицией. Городская и земская управы были реорганизованы, но у власти фактически остались прежние земские заправилы. Полковник Харкевич был назначен уездным комиссаром Временного правительства, он подчинялся не уездному исполнительному комитету, а губернскому комиссару Временного правительства. Февральская революция не принесла коренных изменений. Организованный уездный земельный комитет не удовлетворил требований

крестьянства. Крестьяне, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, сами установили размер и срок оплаты за арендованную у помещиков землю.

Наряду с буржуазными органами власти, 6 августа образовался совет крестьянских депутатов, однако в нем доминировали эсеры и меньшевики. Вернувшиеся в Обоянь после Февральской революции, большевики А. Ф. Непиющий, В. И. Корягин, И. П. Косухин и другие вновь включились в политическую борьбу. В конце августа из Твери в Обоянь был переброшен «за неблагонадежностью» 5-й тяжелый гаубичный дивизион, который способствовал переходу других воинских частей на сторону революционно настроенных масс. В ходе выступления генерала Корнилова гарнизон выступил против него. 14 сентября в Петрограде открылось Демократическое совещание с целью сохранить за собой руководство массами и поддержать Временное правительство. В ответ на это 27 сентября объединенное собрание всех революционных организаций Обояни постановило: «довести до сведения Всероссийского Демократического совещания о недопустимости к власти кадетов». Всё чаще проявлялось недовольство новой буржуазной властью. В деревнях начался самовольный захват помещичьей земли, сена, порубки леса. Местные власти бездействовали, не имея сил справиться с выступлениями. 3 октября в селах уезда были организованы сельские советы крестьянских депутатов.

О смене власти в Петрограде жители Обояни узнали в первых числах ноября 1917 г. После ликвидации Ставки верховного главнокомандующего (СВГ) генерал-лейтенанта Н. Н. Духонина в Могилеве «ударные» корниловские батальоны шестью эшелонами при двухстах пулеметах по железной дороге Бахмач — Конотоп — Сумы намеревались прорваться на Дон к атаману А. М. Каледину, поднявшему мятеж против советской власти. Потерпев 25 ноября поражение у ж. д. ст. Томаровка (в 28 км северо-западнее Белгорода), они, выгрузившись из эшелонов, пытались обходным путем прорваться на Купянск и Обоянь. На юго-западе Обоянского уезда произошли одни из первых сражений начинающейся гражданской войны. В результате боев у деревни Ольховатка, сел Крапивное, Верхопенье, Богатое, Драгунское, слободы Белая, ж. д. ст. Псел революционные части разбили корниловцев. Местная буржуазная власть препятствовала установлению советской власти. Однако прибывший в Обоянь красногвардейский отряд Лазарева, посланный председателем Курского губернского революционного совета Е. Н. Забицким, провозгласил советскую власть. Был организован временный революционный совет. 15 января 1918 г. уездное собрание крестьянских представителей выбрало постоянный революционный совет. Однако он оказался в руках левых эсеров и меньшевиков. Был сформирован первый обоянский добровольческий красногвардейский полк. В феврале дома буржуазии и помещиков были заняты под учреждения и жилища.

Воспользовавшись позицией Украинской Центральной рады, Германия и Австро-Венгрия вероломно нарушили Брест-Литовский мирный договор от

3 марта 1918 г. и ввели свои войска на Украину. Они вторглись и в пределы Курской губернии, где было много сахарных заводов, запасов хлеба и других продуктов. Вместе с германскими захватчиками двигались и отряды гайдамаков. Центральная рада под лозунгом «воссоединения украинских земель» предъявило к Курской губернии территориальные притязания, в том числе и на некоторые волости Обоянского уезда, населенные украинцами (в 1897 г. 11 % населения уезда составляли украинцы).

Военный комиссар М. Е. Трунов, возглавивший оборону Белгорода и его уезда, был назначен Курским советом командующим белгородским участком фронта. Но силы были слишком неравны. 10 апреля враг занял Белгород, советские отряды отошли к ж. д. ст. Беленихино и Прохоровка. В Обоянском уезде действовало пять партизанских отрядов. Покидая незащищенный город, местные власти подожгли деревянный мост на реке Псел. 17 апреля со стороны с. Горайново в Обоянь вступил отряд немцев численностью в 150 чел. при двух орудиях и пяти пулеметах. Местная буржуазия устроила им торжественную встречу. Вскоре возникла угроза захвата немцами Курска. 19 апреля с ж. д. ст. Ржава прибыл красногвардейский отряд Громова. Артиллерия, израсходовав 1000 снарядов, выбила немцев из Обояни. В разгроме врага сыграли большую роль и партизанские отряды. Полностью был уничтожен и отряд гайдамаков у с. Красное. Противник был отброшен до ж. д. ст. Сажное Корочанского уезда и под с. Яковлево Белгородского уезда. Организаторы встречи немцев были расстреляны, представителями местной буржуазии в принудительном порядке был восстановлен разрушенный мост через Псел. В мае в результате переговоров было заключено перемирие и установлена (по этническому признаку) демаркационная линия, проходившая по железной дороге Рылск — Коренево — Суджа. По Обоянскому уезду демаркационная линия прошла через Долгие Буды — р. Пену — Пены — Богатый⁴.

На съезде представителей сел был избран Обоянский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Уездный исполнительный комитет был сформирован преимущественно из большевиков. 5 мая большевики города избрали свой первый уездный партийный комитет во главе с Г. П. Косухиным. 22 июня 1918 г. была создана уездная партийная организация РКП (б). На собрании присутствовало 30 чел. И. П. Косухин был отозван в Москву к председателю Высшей военной инспекции Н. И. Подвойскому. Председатель Обоянского уисполкома С. И. Исаков был избран делегатом на V Всероссийский съезд советов. Он принял участие в подавлении мятежа левых эсеров в Москве в июле 1918 г.

Летом 1918 г. из Обояни на Восточный фронт добровольно ушло 772 чел. Сформированный М. Е. Труновым из партизанских красногвардейских отрядов Обоянского и Белгородского уездов 5-й Курский советский пехотный полк в сентябре был направлен на Восточный фронт против чехословаков и белогвардейцев. Он участвовал во взятии Симбирска, Самары и

других городов среднего Поволжья. В конце 1918 г. полк был переброшен на Южный фронт под Воронеж против донских белоказаков атамана П. Н. Краснова, с боями прошел путь до Луганска и участвовал в его взятии. 13 ноября 1918 г. советское правительство аннулировало Брестский договор. Началось освобождение захваченной врагом территории. В составе 2-й Украинской советской пехотной дивизии находился 8-й Обоянский полк, принимавший участие в освобождении Украины от немецко-гайдамацких войск. В марте-апреле 1919 г. на Восточном фронте армия верховного правителя России адмирала А. В. Колчака перешла в наступление и овладела Уфой. Из Обояни на восток был отправлен добровольческий отряд (200 чел.) и маршевые роты из 5-го запасного батальона. 3 мая 1919 г. городское заседание РКП (б) приняло постановление об отправке на Восточный фронт 52 чел. из 105 членов партии. 5 мая уездное заседание РКП (б) постановило отправить на фронт половину членов партии⁵.

Летом 1919 г. на Южном фронте развернулось наступление Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) во главе с генерал-лейтенантом А. И. Деникиным. Добровольческая армия генерал-лейтенанта В. З. Май-Маевского, состоящая в значительной степени из офицерских и унтер-офицерских кадров, заняла Донбасс, большую часть Харьковской губернии и подошла к Курской губернии. 20 июня Курский губком объявил губернию на чрезвычайном положении. 1-й армейский корпус генерал-лейтенанта А. П. Кутепова, обойдя Харьков с севера и северо-запада, перерезал сообщение с Брянском. От Волчанска с юго-востока белые внезапным налетом 24 июня захватили Белгород. На следующий день после пятидневных боев пал Харьковский укрепрайон. Командующим белгородским участком фронта был назначен комбриг М. Е. Трунов, затем он возглавил левый боевой участок курского направления.

В Обояни был создан оперативный штаб обороны города и уезда, который возглавили увоенком С. И. Исаков, председатель укома РКП (б) П. П. Афанасьев, председатель уисполкома И. Ф. Дубровский, а также представитель губкома Г. П. Косухин. В направлении Белгорода и Прохоровки был направлен отряд из 500 чел. Охрана города и уезда возлагалась на коммунистический отряд и милицию, была образована комендантская часть при увоенкомате. Было объявлено о мобилизации мужского населения в возрасте от 18 до 40 лет. Обоянский увоенкомат только с 1 по 15 июля направил в воинские части 3274 чел. Обоянское шоссе и прилегающий к нему участок оборонял 134-й Обоянский полк К. С. Солдатова. Слева от него до ж. д. ст. Беленихино и далее находились 135-й и 380-й полки, справа фронт проходил до ж. д. ст. Юсупово.

3 июля главнокомандующий ВСЮР Деникин издал декрет о походе на Москву. Натиск деникинских частей в районе Обояни сдерживали 7-я и 9-я стрелковые дивизии 13-й армии, возглавляемой А. И. Геккером — бывшим штаб-ротмистром. Деникинцы не смогли здесь добиться решительного успеха.

Воспользовавшись прорывом от Новохоперска 4-го Донского конного корпуса генерал-лейтенанта К. К. Мамонтова и его рейда по тылам Южного фронта, Кутепов отбросил 13-ю и 14-ю армию РККА. 17 августа 2-й корниловский ударный полк занял Обоянь. Ударные группы 13-й и 8-й армий РККА перешли в наступление против правого крыла Добровольческой армии и левого крыла Донской армии генерал-лейтенанта В. И. Сидорина. Местами они продвинулись на 150 км и приблизились к Харькову. 30 августа красные заняли Обоянь. Но в ходе этого наступления нарушилось взаимодействие между частями и группами Южного фронта. Этим воспользовались деникинцы. Последовал мощный контрудар Добровольческой армии, насчитывавшей 40 тыс. человек, в результате чего деникинцы вновь подошли к Обояни.

12 сентября Деникин отдал новый приказ о наступлении на Москву. Наступление велось вдоль железной и шоссейных дорог на узком участке фронта Обоянь — Ржава в направлении Курск — Орел. Деникинцы прорвали фронт и 13 сентября вновь заняли Обоянь. Бои за город и слободы завершились рукопашной схваткой на Казацком шоссе. 14 сентября деникинцы захватили слободу Медвенка, 20 сентября — Курск. К концу сентября вся губерния оказалась под властью белых, восстановивших дореволюционные порядки.

Добровольческая армия, растянутая по фронту от Чернигова к Орлу и до Дона (у г. Задонска), утратила наступательную силу. Южный фронт во главе с А. И. Егоровым, имея на орловско-курском направлении 46 400 штыков против 18 600 у белых, перешел в наступление. Ударная группа фронта 15 октября овладела Кромами, 20 октября заняла Орел. Конный корпус С. М. Буденного нанес поражение кавалерийским частям Шкуро и Мамонтова и 24 октября занял Воронеж. Началось общее решительное наступление Красной армии. 19 ноября ею был взят Курск.

После этого части корниловской ударной дивизии отошли к Обояни. 24 ноября полки 2-й и 3-й бригад латышской дивизии Ф. К. Калныньша вели бой за Обоянь и ж. д. ст. Ржава, однако занять город наступлением с востока им не удалось. 26 ноября 3-я бригада К. А. Стуцки по дороге из Курска ворвалась в Обоянь и заняла ее. Корниловцы понесли потери у с. Вознесенского, д. Орловки, с. Сухой Солотины и Верхопенье.

Перед отступлением белогвардейцами около моста через Псел были расстреляны сторонники советской власти. Их трупы были сброшены под лед. После занятия города красными было извлечено 28 обезображенных тел. Казненные были захоронены в северо-восточном углу пл. Свободы (до революции — Сенная пл., с 1924 г. — парк Юных пионеров). В 1923 г. там им был установлен памятник, а в 1972 г. еще один памятный знак появился на южной окраине города у реки Псел. Всего в Обоянском уезде деникинцами было уничтожено 144 чел., сотни подверглись телесным наказаниям.

20 января 1921 г. границы Курской губернии перешли отряды «батьки» Н. И. Махно. Захватывая продуктовые запасы, расстреливая коммунистов, совслужащих, милиционеров, красноармейцев, они прошли Грайворонский, Белгородский и Корочанский уезды. Захватив сл. Белая Суджанского уезда, махновцы 22 января вошли в Обоянский уезд. Пройдя между Пенами, Богатым и Верхопеньем и уничтожив в уезде 51 чел., они ушли в Белгородский уезд. Так закончился последний всполох Гражданской войны в Обоянском уезде⁶.

Многие обоянцы сражались на фронтах Гражданской войны за советскую власть. В сентябре 1919 г. погиб комбриг Ф. Н. Кузнецов — один из командиров партизанских отрядов, защищавших Обоянский уезд от немецко-гайдамацких оккупантов в 1918 г. Г. П. Косухин — председатель Обоянского укома РКП (б) и уисполкома — погиб осенью 1919 г. под Пермью. Осенью 1920 г. в бою с поляками под Коростенем погиб орденоносец, политком 7-й дивизии П. Б. Луханин — член первого Обоянского укома РКП (б). В ночь на 21 июля 1921 г. в Средней Азии от ран, полученных в боях с басмачами, скончался комиссар кавалерийской дивизии, организатор союза молодежи в Обояни Н. И. Винокуров. А. И. Непиющий в феврале 1921 г. был избран во Льгове делегатом на X съезд РКП (б). В дни работы съезда в числе 300 делегатов он участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа. Здесь он и погиб. Его именем названа одна из улиц Льгова. А. И. Сойникова (Грибова-Решетник) в 1922 г. была избрана делегатом XI съезда РКП (б), затем работала редактором трех еженедельных центральных журналов, в аппарате ВЦИК редактировала журнал «Советский активист». Умерла в 1970 г. Уроженец сл. Рыбинские Буды А. А. Косухин в марте 1920 г. был назначен старшим ответственным уполномоченным особого отдела ВЧК при 5-й армии для сопровождения золотого запаса РСФСР из Иркутска в Казань. Это золото пошло на восстановление и развитие народного хозяйства. Именем Косухина названа одна из новых улиц Обояни, а в сл. Рыбинские Буды ему установлен памятник⁷.

Примечания

¹ Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 21-а. СПб., 1897. С. 557–558.

² 1917–1957 г. Статьи, воспоминания, очерки. Курск, 1957.

³ Обзор Курской губернии за 1915 год. Курск, 1916.

⁴ Летопись революционной борьбы в Курской губернии: Материалы Кур. истпарта. Курск, 1923. С. 22–28.

⁵ Борьба за установление и упрочение советской власти в Курской губернии: Сб. док. и материалов. Курск, 1957.

⁶ Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920): Сб. док. Воронеж, 1967.

⁷ *Кравцов П. А.* Борцы за власть Советов // Красное знамя. 1985. 5 янв.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ И ЧАСТЕЙ ЮЖНОГО ФРОНТА НА ОБОЯНСКОМ ОПЕРАТИВНОМ НАПРАВЛЕНИИ ЛЕТОМ–ОСЕНЬЮ 1919 г.

После успешных операций в Донецком угольном бассейне и под Харьковом 20 июня 1919 г. (все даты по старому стилю) Верховный главнокомандующий ВСЮР генерал А. И. Деникин отдал директиву № 08878 — оперативно-стратегическое целеуказание белогвардейским войскам, которая получила неофициальное название «Московской». В ней говорилось: «Имея конечной целью захват сердца России — Москвы, приказываю: ... 3. Генералу Май-Маевскому наступать на Москву в направлении Курск, Орел, Тула...»¹

Главное командование РККА так оценивало сложившееся положение: «В настоящее время обстановка на Южном фронте для нас должна быть признана тяжелой, но, судя по данным последних дней, наши армии начинают мало-помалу уменьшать откат назад перед теми незначительными группами конного противника, который до сих пор неотвязно их преследовал. Замечается местами стремление к переходу в контратаки»². По мнению советского командования, против Добровольческой армии следовало сконцентрировать действия 13-й армии, группировка которой сосредотачивалась в районе Курска — Старого Оскола — Суджи. Директивами № 3106/оп. и № 3231/оп. главком И. И. Вацетис и член РВСР С. И. Гусев потребовали от командования Южного фронта действенных мер по восстановлению положения под Белгородом. Одним из способов повышения устойчивости красноармейцев стала рекомендация использования в арьергардных боях личного состава штабов и начальствующих лиц советских частей³.

На обоянском направлении с середины июня до конца июля 1919 г. происходили бои местного значения. В конце 20-х чисел июля на этом участке фронта наступило некоторое затишье: и белые и красные приступили к перегруппировке, готовясь к активным наступательным действиям. В губернской газете «Волна» была помещена заметка, описывающая положение в Обояни: «Во время наступления деникинцев город пережил тревожные дни. С одной стороны, он подвергся опасности занятия белыми, а с другой — деревенские кулаки начали распускать самые нелепые провокационные слухи. Уездный исполком выпустил воззвание, в котором призывал граждан сохранить полное спокойствие и не поддаваться панике. Наряду с этим, исполкомом был издан приказ, которым воспрещены были всякие сходки, скопища и гулянья в общественном саду. Открывшаяся запись добровольцев в Красную армию дала хорошие результаты. Была объявлена также мобилизация мужского населения от 18 до 40 лет, которая прошла чрезвычайно дружно и успешно.

Явились все без исключения. Уездная партийная организация мобилизовала всех своих членов. Теперь советские учреждения, часть которых была эвакуирована, вновь ведут свою работу, как и прежде. Жизнь города начала понемногу входить в нормальную колею»⁴.

Историограф марковцев — участник Первого и Второго Кубанских походов, временно исполняющий обязанности командира 1-го офицерского генерала Маркова полка, подполковник В. Е. Павлов отмечает, что наступление красных, ожидаемое белыми в начале августа 1919 г., генерал Кутепов решил предупредить ударом по 14-й армии с «нанесением ей серьезных потерь»⁵. 1 августа 1-й корпус Добровольческой армии перешел в наступление. Белые части продвинулись на линию: р. Сейм — ст. Ржава — Обоянь. Левый фланг 1-й дивизии — ударная сила 1-го корпуса, осуществившая прорыв к указанному рубежу, вышла к Пслу. В период с 1 по 4 августа на курском направлении шли бои с переменным успехом, носившие встречный характер: кабардинцы (части Кабардинского конного полка) и рота корниловцев добились успеха в направлении на Троицкое (Ивня), а командование Южного фронта, используя свежие крупные силы, добилось успеха под Обоянью. Южнее города корниловцы вынуждены были даже временно отступить. Успешные действия красных частей под Обоянью, упорные бои, которые приходилось вести дроздовцам в направлении на Ворожбу, не дают оснований соглашаться с утверждением Деникина о разгроме 13-й и 14-й армий в первых числах августа⁶. С другой стороны, сводки белых штабов свидетельствуют о большом количестве пленных, захваченных добровольцами на курском направлении.

На некоторое время Обоянь стала эпицентром основных событий, происходивших на курском направлении. О характере и масштабе боев под Обоянью есть достаточно много свидетельств в эмигрантской мемуарной литературе. Так, например, командир батальона 1-го Корниловского полка поручик Левитов пишет об упорных боях в районе Обояни, которую корниловцы не смогли взять с ходу в начале августа. Наступление добровольцев развивалось по следующей схеме. 1 августа 2-й Корниловский ударный полк выступил двумя колоннами: правая — 2-й и 3-й батальоны, офицерская рота и команды с 5-й и тяжелой батареей; левая — 1-й батальон и 1-й взвод 7-й батареи. Правая колонна должна была наступать по линии Михайловское (Верхопенье) — Сухая Солотина — Кочетовка — Богдановка и Курасовка. Левая колонна выступила через Меловое — Новоселовка — Богатый на Ивню (Троицкое). Правой колонне корниловцев противник оказал сопротивление только в Михайловском (Верхопенье) и Сухой Солотине. Потери полка составили 10 человек ранеными. Левая колонна (1-й батальон) встретила и разбила красноармейцев у Мелового. Затем, ворвавшись на плечах отступающих в окопы у Новоселовки, корниловцы легко ликвидировали обход своего правого фланга от Новенького. Рассеяв обходившие их цепи красноармейцев

артиллерийским и пулеметным огнем, белые выбили противника из Богатого. 1-й батальон корниловцев через Новенькое продолжил наступление на Ивню и, взяв ее с боем, отбросил оставшиеся части красных на Курасовку.

Наступавший на Обоянь 2-й Корниловский полк в Троицком (Ивне) захватил пленных, а также ряд документов, из которых командование полка узнало, что в Пенах находятся значительные силы большевиков. Более того, 3 августа разведка белых зафиксировала группировку красных к северо-западу от Обояни, угрожавшую левому флангу корниловцев⁷.

3 августа после относительного затишья наступление 2-го Корниловского ударного полка на Обоянь продолжилось. 2-й батальон корниловцев должен был наступать на Обоянь с северо-востока, через Шипы на ст. Кривцово (по линии железной дороги Ржава — Обоянь) — Бобрышево. Офицерская рота — по шоссе на дороге, а остальные части полка с северо-запада, через Павловку, Усланку, Трубеж и Казацкую Слободу. 2-й батальон дошел с боем до Бобрышево, но из-за отсутствия связи с полком продолжить движение на Обоянь не смог. Офицерская рота подошла к окраине города и обнаружила, что мост через Псел разрушен. 1-й и 3-й батальоны корниловцев встретили противника в Павловке около моста через Псел. 1-й батальон сходу атаковал противника и сбил охранявшие мост части. При поддержке своей артиллерии, но под огнем пулеметов противника белогвардейцы быстро пробежали через мост, заняв вторую половину Павловки. Оставив 2-ю роту около переправы для прикрытия движения полка на запад, 1-й батальон продолжал наступление на Обоянь через Усланку. Этот населенный пункт занимал полк сибирских стрелков. При поддержке артиллерии, выехавшей прямо на открытые позиции, корниловцы легко сбили сибиряков с окраин Усланки, но в самом селе и по огородам завязался рукопашный бой. Красноармейцы приспособили для обороны в качестве долговременных укреплений церкви, большие кирпичные дома и каменные ограды. У наступающих ручных гранат не было, потому каждое такое укрепление приходилось брать штыковой атакой. Бой был настолько жестоким, что в одном только дворе после атаки было насчитано 39 трупов красноармейцев и четырех корниловцев. К слову сказать, в этом бою отличились пулеметчики-махновцы, большие специалисты этого рода оружия, в то время воевавшие на стороне белых.

Цепи 1-го батальона без выстрелов вошли в Казацкую Слободу — пригород Обояни. Дозоры белых дошли до пл. Свободы, но при дальнейшем продвижении к Курскому шоссе и по городу наткнулись на засевшего противника. Разгорелись уличные бои с применением укрепленных пунктов из церковных оград и крепких построек. В это время артиллерия белых обстреливала уходивший на Курск обоз, а левый фланг цепи перешел Курское шоссе севернее Обояни, отрезав санитарный обоз советской дивизии. Из первых баррикад и укрытий за заборами обороняющиеся красноармейцы были выбиты с большими для них потерями, но дальнейшее продвижение белых к

центру города было затруднено глубокими оврагами с крутыми берегами, которые шли как раз параллельно фронту корниловцев.

Командование полка приняло решение атаковать город с севера, но перед корниловцами встала новая преграда: довольно широкая речушка с одним большим мостом и с крутым, высоким противоположным берегом. Мост был хорошо укреплен и с упорством оборонялся советскими частями, поэтому потери белых резко возросли. В последних атаках были ранены: командир 1-го батальона поручик Левитов, командир 1-й роты поручик Казанский, командир 3-й роты поручик Мирзаханов и командир 4-й роты поручик Лелеков, а также около 150 ударников. Наступила ночь, и стало ясно, что Обоянь белыми не может быть взята. Командованием корниловцев было принято решение отступить под покровом темноты. Но и противник был настолько измотан тяжелыми боями, что не предпринял попыток преследования отходящих частей белых⁸.

Общие потери 2-го Корниловского полка в бою за Обоянь 3 августа составили 40 чел. убитыми и 250 ранеными. Трофеи: 300 чел. пленных, 11 пулеметов, много телефонных аппаратов, санитарный обоз советской дивизии и большое число винтовок. Среди многочисленных пленных, захваченных белыми в течение дня 3 августа, обращали на себя внимание лучше других одетые солдаты Сибирской дивизии: «Все они были с красными звездами на фуражках, у многих были жетоны с портретами Маркса. Некоторые из них держали себя победоносно и вообще не были похожи на встречавшихся раньше обтрепанных красноармейцев»⁹. В этот же день 3 августа 1919 г. корниловцы заняли Богородицкое (Прохоровку), Кочетовку, Владимировку, Богатый. 4 августа они заняли Ольховатку, Чуево, Ржаву, Белую, Малое Солдатское, Вишнево, Озерки. Однако, несмотря на достигнутые успехи, взять с ходу Обоянь белым не удалось.

Второе наступление деникинцев на Обоянь началось 8 августа. На рассвете 2-й Корниловский ударный полк, оставив небольшой отряд у переправы в Павловке и около шоссе моста, с боем заняв Бобрышево и Красниково, перешел в наступление на Обоянь через Знобиловку, Спасское и Горяиново. Лишь в Горяинове красные части оказали сопротивление. Вытесненные корниловцами из самого населенного пункта, они заняли высоты к северу от него. Завязался огневой бой. Взвод гаубиц стал на позицию в Горяинове. Корниловцы заняли северную окраину Обояни, но продвинуться дальше не могли. Им пришлось ожидать результата обхода города двумя батальонами 2-го полка. Часа три шла перестрелка, и, наконец, на левом берегу Псла, недалеко от Обояни, показались цепи. Красноармейцы начали отступать, и скоро их отход превратился в настоящее паническое бегство. Преследовавшие их по пятам корниловцы заняли неповрежденный большой деревянный мост через Псел. Однако при вступлении в город белые первоначально были остановлены, и 7-й гаубичной батарее было приказано

обстрелять Обоянь. После артподготовки в город вошли корниловцы. В этот раз советские части быстро оставили город, поэтому обошлось без уличных боев. Ввиду наличия опасности ночного нападения большевиков весь отряд корниловцев, пройдя город, расположился по квартирам в предместье Казацкая Слобода. Одна рота была послана как сторожевая на хутор Нагорный. В свою очередь 2-й батальон корниловцев сделал ночной набег на Трубеж, где были захвачены батарея и пленные. На площади города 9 августа был отслужен благодарственный молебен по случаю занятия Обояни. На молебен были выведены корниловские части, присутствовало много местных жителей¹⁰.

9 августа корниловцы с боем заняли Малые Крюки (в 15 верстах северо-восточнее Обояни). На следующий день части 73-го и 74-го советских полков перешли в контрнаступление в направлении Двоелучное — ст. Сараевка, но контратакой корниловцев были отброшены на исходное положение¹¹. Корниловцы, преследуя противника, заняли населенные пункты Прилепы и Дурновка. В ночь на 9 августа отряд полковника Пешни, командира 1-го Корниловского ударного полка (2-й и 3-й батальоны, 2-я Марковская батарея, 2-й взвод генерала Маркова батареи, два легких танка и один тяжелый) при поддержке бронепоезда «Офицер» заняли задолго до рассвета исходное положение перед Нагольным. Коротким ударом противник был выбит из села еще до восхода солнца. Продолжая преследование, отряд занял сходу Пसेлецкое, окончательно разгромив советские части и захватив около 700 пленных. Затем, повернув на восток через Ржаву (Марьевку), они расположились на ночлег возле Марьевской роши. 10 августа 1-й и 2-й батальоны 2-го Корниловского ударного полка с 5-й и 2-й тяжелой батареями выступили по шоссе на Курск. Произошел встречный бой у Быканово. 3-й батальон со взводом 7-й гаубичной батареи двинулся через Трубеж, Усланку, Шевелево и Башкатово. Последний населенный пункт был занят после упорного боя.

Так завершилась новая фаза наступления на курском направлении (8–12 августа), в ходе которого Обоянь была занята Добровольческой армией. Но советское командование предприняло попытку лишить деникинцев инициативы. Утром 13 августа части Южного фронта начали наступление на обоянском направлении. Разведкой белых было установлено, что советские войска двумя колоннами и одним ударным батальоном ведут наступление северо-западнее Обояни на Башкатово и Рыбинские Буды. Завязался упорный бой. Рота корниловцев была выведена в обход левого фланга противника, и он, не выдержав, поспешно отступил по всему фронту. С 14 августа в оперативных сводках командования Добровольческой армии курское направление стало именоваться «Северный фронт». В этот день советское наступление было продолжено. Красноармейцы потеснили 80-й пехотный Кабардинский полк с 6-й батареей и угрожали правому флангу 2-го Корниловского ударного полка. С 16 по 21 августа красные несколько раз пытались наступать на Павловку, где концентрировались основные силы корниловцев. Бои шли еже-

дневно. 17 августа после упорных боев белые отступили на линию Чуево, Верхняя Ольшанка, Шипы, южный берег Псла и около трех часов пополудни оставили Обоянь¹².

Одновременно с боями под Обоянью 15 августа в районе Ржавы красные пытались наступать на фронте 1-го Корниловского ударного полка, оперировавшего на курском направлении. 23 августа части 13-й армии перешли в наступление на ст. Ельники, предпринимая попытки окружить 1-й Корниловский ударный полк. В тот же день, наступая от Обояни, советские части заняли Ольшанку. Вполне определенно можно утверждать: если бы советские войска добились под Ржавой успеха, то они имели бы реальную возможность ударить в левый фланг добровольцев, дислоцированных в районе Белгорода и Корочи.

Третье наступление деникинцев на Обоянь было предпринято 23 августа. 1-й батальон 3-го Корниловского ударного полка был послан на ликвидацию группы красных, прорвавшихся от Обояни, для чего 1-я и 2-я роты с бронепоездом вступили в бой у разъезда Ельники. 3-я и 4-я роты, посланные к Верхней Ольшанке, встретили отходящего противника и довершили его разгром. Около 800 пленных красноармейцев, пулеметы и другое военное имущество стали трофеями этого дня¹³. 24 августа при ликвидации прорыва у ст. Ржава корниловцы и алексеевцы (партизаны) взяли в плен еще до 500 пленных красноармейцев, два зарядных ящика и один пулемет¹⁴.

Анализ оперативных сводок штабов Добровольческой армии и Главнокомандующего ВСЮР дают следующую картину боевых действий на курско-льговском направлениях во второй половине августа 1919 г. К юго-востоку и востоку от Белгорода четко обозначился успех добровольческих частей, который и констатирует Деникин, когда говорит об ударах, заставивших группу Селивачева отходить на северо-восток. При этом на курском направлении белым не удалось добиться существенных успехов и, по сути, они были принуждены перейти к обороне и даже отступлению. Обращает на себя внимание тот факт, что ни Деникин, ни советские военные историки в своих работах не уделяют достаточного внимания фактору наступления РККА на обоянском направлении, где у белых были слабые заслоны и которое могло вывести советские войска во фланг добровольцев, оперировавших на белгородском направлении. Командующий 13-й армией Южного фронта, ставя своим дивизиям 28 августа 1919 г. боевые задачи, приказал развить 7-й и 9-й дивизиями и частями курского гарнизона энергичное наступление на юг от Обояни¹⁵. Это еще раз подчеркивает значимость данного оперативного направления. В подтверждение вышесказанного приведем слова поручика Марковской артиллерийской бригады В. А. Ларионова. Он писал: «В дни боев под Белгородом и Корочей другая группа большевиков под командованием бывшего царского генерала Гутора... наступала на Корниловский полк в районе Ржавы. Колбасовку, которая находится в нескольких кило-

метрах от ст. Ржава, пришлось оборонять почти целый месяц в ожидании общего наступления на Курск»¹⁶.

Третье наступление добровольцев на Обоянь пришлось на последние числа месяца. 28 августа с наступлением темноты корниловцы заняли Шипы, где 29 августа собрался отряд в составе 2-го Корниловского ударного полка, двух батальонов кабардинцев, 5-й батареи и взводов от 6-й, 7-й и 8-й батарей. Утром 30 августа отряд перешел в наступление. В 6 часов артиллерия выехала на позицию и открыла огонь по Красникову. Получилось эффектное зрелище массированного огня десяти орудий — зрелище почти невиданное до сего времени. Советские войска не выдержали артиллерийского удара и спешно отступили. Корниловцы продвигались настолько быстро, что скоро была утеряна связь пехоты не только с артиллерией, но и с начальником отряда, командиром 2-го Корниловского ударного полка капитаном Пашкевичем. Результатом этого было то, что когда на подступах к городу были замечены цепи, то начальник отряда приказал открыть по ним огонь. Вскоре выяснилось, что это свои, и огонь был прекращен. 30 августа Обоянь был вновь занята белыми.

Части войск, пройдя через город, стали располагаться по квартирам в Стрелецкой Слободе, но вскоре 3-му батальону 2-го Корниловского ударного полка со взводом гаубичной батареи был отдан приказ перейти в Усланку. Было уже совершенно темно. По пути пришлось пройти через Трубеж, расположенный на скате глубокого, с крутыми склонами, оврага, по дну которого протекала речка. По имевшимся сведениям, Трубеж занят противником не был. Но едва только охранение корниловцев подошло к оврагу, со дна его раздались крики. Не разобрав, кто и что кричал, охранение открыло огонь. На поддержку ему были высланы две роты. Взвод 7-й гаубичной батареи остановился на краю оврага. Вскоре стало понятно, что в овраге находятся красноармейцы (около батальона), которые кричали, что они сдаются. Из расспросов пленных выяснилось, что в Трубеже помещается штаб красной бригады, который охраняется ротой латышей с пулеметами. Как бы в подтверждение слов пленных с окраины населенного пункта на противоположном скате оврага послышался сначала ружейный, а потом и пулеметный огонь. Командир батальона приказал батарее обстрелять Трубеж. Эффект от разрыва гранат с замедлителем был необычайным и сказался немедленно. Ружейный и пулеметный огонь с противоположной стороны прекратился. До 2 часов 31 августа корниловцы очищали Трубеж от красных. Трофеями этого ночного столкновения стали два легких орудия, девять пулеметов и 300 чел. пленных¹⁷.

31 августа 1-й армейский корпус Добровольческой армии перешел в наступление по всему фронту и после успешных боев занял линию Ржава, Пселецкое, Обоянь, Корочка, Воробжа. Жестокие бои на фронте 1-й пехотной дивизии у Корочи, Вязового, ст. Ржава и Обояни закончились. Следующим этапом реализации «Московской директивы» стало наступление, как писала советская пресса, на «красную крепость» Курск.

Примечания

- ¹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Кн. 3. М., 2006. С. 487.
- ² Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920): Сб. док. М., 1969. С. 431.
- ³ Там же. С. 435.
- ⁴ Волна. 1919. 1 авг.
- ⁵ Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов / Сост. В. Е. Павлов. Кн. 2: 1919–1920 гг. Наступление на Москву. Отступление. Крымская эпопея. Уход за пределы Родины. Париж, 1964. С. 59.
- ⁶ Деникин А. И. Очерки... Кн. 3. С. 502.
- ⁷ Левитов М. Корниловцы в боях летом-осенью 1919 года // Поход на Москву / Сост., науч. ред., предисл. и коммент. С. В. Волкова. М., 2004. С. 37, 38, 43.
- ⁸ Там же. С. 41–43.
- ⁹ Там же. С. 44.
- ¹⁰ Там же. С. 45–46.
- ¹¹ Приазовский край. 1919. 13 авг.
- ¹² Левитов М. Корниловцы... С. 46–47.
- ¹³ Там же. С. 49.
- ¹⁴ Приазовский край. 1919. 27 авг.
- ¹⁵ Егоров А. И. Разгром Деникина // Гражданская война в России: Разгром Деникина. М., СПб., 2003. С. 198.
- ¹⁶ Ларионов В. А. Последние юнкера. Frankfurt a/M, 1984. С. 140
- ¹⁷ Левитов М. Корниловцы... С. 54–55.

В. В. Коровин

ИЗ ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИЗАНСКОЙ БОРЬБЫ НА ТЕРРИТОРИИ ОБОЯНСКОГО РАЙОНА (1941–1943 гг.)

Летом 1941 г. в соответствии с директивными указаниями руководства страны на территории Курской области началось формирование партизанских отрядов и подпольной разведывательно-диверсионной сети для ведения борьбы с противником в случае временной оккупации региона. К тому времени Курская область была отнесена к числу прифронтовых, и в ней активно проводился комплекс мероприятий, направленных на мобилизацию населения для организации сопротивления врагу.

Создание партизанских отрядов планировалась во всех 66 сельских районах Курской области. Отряды формировались из числа представителей советско-партийного актива районов, как правило, уже зачисленных в истребительные батальоны. Отбором кадров для партизанской борьбы занимались сотрудники районных отделов НКВД совместно с руководством райкомов партии.

В партизанском отряде заблаговременно определялся командный состав: командир, комиссар и начальник штаба. Их кандидатуры утверждались на заседании бюро РК ВКП (б). Так, в октябре 1941 г. командиром Обоянского партизанского отряда был назначен директор детского дома И. Т. Ильин, комиссаром — второй секретарь райкома партии Ф. Д. Переверзев, начальником штаба — начальник военно-учетного стола А. Н. Харламов. Каждый из 53 отобранных бойцов давал письменную клятву честно сражаться с врагом. В Башкатовском лесу была заложена база отряда, где в землянках резервировался запас продовольствия и боеприпасов.

Основная часть бойцов во главе с начальником штаба прибыла к месту дислокации 22 октября 1941 г., разместившись в домах жителей с. Башкатово. С началом оккупации района вечером 8 ноября 1941 г. командир И. Т. Ильин и комиссар Ф. Д. Переверзев явились в штаб отряда, располагавшийся на квартире семьи Кот. Было проведено собрание личного состава, на котором присутствовало 12 бойцов и командиров. Переверзев отдал устное распоряжение: «Приказываю разойтись по домам и знакомым квартирам, оружие попрятать и спасай себя, кто как может. По части сбора, когда нужно, я вам сообщу, остальным я сам объявлю. В Обояни находится немецкая разведка в количестве 15 человек»¹. Командир и комиссар покинули отряд, не сообщив о своем дальнейшем местонахождении.

Оставшиеся на явочной квартире бойцы под руководством начальника штаба обсудили сложившуюся ситуацию и приняли решение продолжить боевые действия на местах мелкими группами. Когда закончились продукты питания, партизаны вскрыли одну из точек закладки продовольствия. Обнаружилось, что спирт пропал, а в земляной яме остались только сало и крупа. Эти продукты распределили на весь личный состав и разошлись по домам. Уже после освобождения района удалось выяснить, что спирт с базы отряда забрали командир и комиссар, а выдал им место закладки боец, впоследствии работавший председателем райпотребсоюза².

Таким образом, уже в ноябре 1941 г. Обоянский партизанский отряд прекратил свое существование как боевая единица. На начальном этапе оккупации командир и комиссар скрывались в районном центре у местного жителя, служившего у немцев заведующим мельницей. Через несколько недель они исчезли, появившись на территории района в период декабрьского 1941 г. наступления советских войск на Обоянь³.

16 ноября 1941 г. бюро Курского обкома ВКП (б), рассмотрев ситуацию с организацией сопротивления оккупантам, признало работу по руководству партизанским движением неудовлетворительной. Для исправления сложившегося положения в кратчайшие сроки необходимо было отработать механизм оперативного управления партизанскими силами. Бюро обкома предложило начальнику УНКВД области капитану госбезопасности П. М. Аксенову наладить связь со всеми отрядами, находящимися в районах, занятых врагом⁴.

23 декабря 1941 г. в Обоянский район прибыл связной обкома партии А. С. Грагуленко. Он доставил предписание об активизации борьбы в тылу немецко-фашистских войск, передав его начальнику штаба отряда А. Н. Харламову. Командир и комиссар отряда в январе 1942 г. явились в распоряжение Курского обкома ВКП (б), находившегося в тот момент в Старом Осколе.

Подводя промежуточные итоги проведенной организационной работы, бюро Курского обкома ВКП (б) 10 января 1942 г. рассмотрело вопрос о ходе реализации постановления от 16 ноября 1941 г. «О партизанском движении и диверсионной работе в тылу врага». В постановлении по этому вопросу отмечалось, что ряд отрядов длительное время отсиживается на базах и не ведет активной борьбы с врагом. Бюро обкома расценивало такое поведение руководителей партизанских отрядов как «проявление трусости и фактическое дезертирство, ибо бойцы этих отрядов лишь потому не мобилизованы в армию, что им поручена борьба с врагом в тылу»⁵. От руководства были отстранены командиры отрядов Дмитровского А. К. Кузнецов и Обоянского И. Т. Ильин.

Продолжая принимать меры, направленные на активизацию партизанской борьбы в регионе, 31 марта 1942 г. бюро Курского обкома ВКП (б) приняло постановления, касавшиеся работы Львовского и Обоянского партизанских отрядов. Командир Львовского отряда И. К. Гусев «за необеспечение боевой деятельности» был снят с должности, комиссару Обоянского отряда Ф. Д. Переверзеву предлагалось перейти с отрядом в тыл и обеспечить выполнение боевых заданий⁶.

В апреле 1942 г. Курский обком партии своим решением снова организовал Обоянский партизанский отряд численностью 23 чел., утвердил его командиром председателя райсовета Н. И. Козлова, комиссаром Ф. Д. Переверзева, начальником штаба П. П. Кондакова. Перед командованием и отрядом была поставлена задача перейти линию фронта в районе ст. Ржава.

Для активизации деятельности партизан была предпринята попытка объединить усилия областных органов власти и армейского командования. Так, план боевой деятельности партизан и диверсионных групп на участке 40-й армии в период с 15 мая по 1 июня предусматривал: нарушение железнодорожной перевозки войск, боеприпасов и материальной части по важнейшим магистралям области; срыв переброски войск по автомобильным дорогам; уничтожение складов горючего, боеприпасов; нападение на штабы противника с целью уничтожения лиц офицерского состава и захвата оперативно-боевых документов; сбор разведанных о противнике. В плане указывались населенные пункты, в которых находились вражеские штабы и базы снабжения (Курск, Льгов, Обоянь, и др.) и где должны были проводиться в намеченные сроки операции курских партизан. К 14–15 мая 1942 г. в числе других планировалось перебросить в тыл противника личный состав Обоянского партизанского отряда. Самый важный пункт плана касался обеспечения партизанских отрядов материальными средствами, документами, боеприпа-

сами, средствами связи, которое возлагалось на штаб 40-й армии. Организовать пункты переправы и провод партизан через линию фронта должен был разведотдел штаба армии. Для переброски людей, боеприпасов, вооружения и продовольствия в глубокий тыл противника привлекались самолеты 206-й авиационной дивизии. Подготовленный план боевых действий 13 мая 1942 г. был утвержден командующим 40-й армии генерал-лейтенантом артиллерии М. А. Парсеговым⁷.

14 мая 1942 г. в прифронтовые районы Курской области для организации переброски в тыл противника партизанских отрядов выехали первый секретарь обкома ВКП (б) П. И. Доронин, заведующая спецотделом обкома Н. А. Масленникова и два работника областного управления НКВД. В Пристенском районе ими было проведено собрание с партизанами Обоянского и Кривцовского отрядов. С командиром 62-й стрелковой дивизии полковником П. А. Навроцким была достигнута договоренность об оказании помощи в переходе линии фронта указанными отрядами. Для осуществления плана переброски в отрядах был оставлен начальник отделения 4-го отдела УНКВД старший лейтенант госбезопасности К. О. Бедик⁸. Но попытки обоянских партизан переправиться в тыл противника не увенчались успехом. В результате они вынуждены были вернуться в расположение 62-й стрелковой дивизии 40-й армии.

В конце июня 1942 г. при наступлении немецких войск на Старый Оскол личный состав Обоянского партизанского отряда начал отступление с частями Красной Армии. В Атамановских лесах Старооскольского района отряд попал в окружение. Командир Н. И. Козлов, комиссар Ф. Д. Переверзев и другие бойцы были взяты в плен и посажены в лагерь. При конвоировании часть бойцов бежала. Переверзев оставался в лагере в Короче, откуда впоследствии сбежал. После побега он скрывался у родственников в районе Обояни до прихода советских войск в феврале 1943 г.⁹ Козлов содержался в лагерях Старого Оскола и Курска, предпринял попытку бежать из лагеря, но был пойман и посажен в тюрьму. Позже его снова перевели в лагерь. В январе 1943 г. он бежал и проживал в с. Леоновка Большесолдатского района, не проводя борьбы с оккупантами¹⁰.

Избежать плена в июне 1942 г. и продолжить впоследствии борьбу против захватчиков удалось лишь двум обоянским партизанам, командированным для получения продуктов в Старый Оскол. Подробности произошедших с ними событий изложены в объяснительной записке бывшего директора МТС, старшины отряда В. И. Пожидаева: «Получив 30 июня продукты от 4 отдела УНКВД, мы должны были отправиться в отряд, но оказались отрезаны. Во время отступления с частями 21-й и 40-й армий, находясь в старооскольских лесах под непрерывным обстрелом противника, я был ранен, направлен в госпиталь. Вместе с Кондаковым оказался на ст. Поворино, где пролежал до 3 августа, прибыв в обком, был послан в УНКВД для посылки в тыл противника. В числе 15 чел. нас отправили в особый отдел 6-й армии для

переброски в тыл. До сентября 1942 г. пробыл на передовой. По приказу члена Военного совета Мехлиса нас передали в 1-й армейский заградотряд 6-й армии для задержки неустойчивых дивизий фронта в районе Коротояка. Там мы пробыли до 8 ноября 1942 г., затем по приказу штаба фронта нас отправили на ст. Хреновая, где нас принял секретарь обкома Легасов, облпрокурор Коновалов и секретарь обкома комсомола Ивашура. Через некоторое время нас направили в спецшколу в с. Тишанка Воронежской обл., а позже в с. Садовая для спецподготовки. В январе 1943 г. спецгруппа из 13 чел. была перебросена в район Скородное Курской области. От представителя штаба партизанского движения Воронежского фронта Дубкова получили приказ двигаться в район Прохоровка — Ржава, нарушать коммуникации, создать панику, что нами было сделано. После этого достичь Обояни, соединиться с частями Красной Армии. Совместно с ними 17 февраля 1943 г. мы вступили в Обоянь. По пути наша группа увеличилась до 35 чел. за счет окруженцев. После освобождения мы занялись очисткой района от предателей. Их было уничтожено 78. 19–20 февраля в Обоянь прибыл нач. РО НКВД Петров, и мы занимались выявлением предателей под его руководством. В марте меня направили работать нач. Обоянского райзо. С 10 по 14 февраля совместно с нач. штаба Кондаковым, нач. разведки Шеховцовым нашей группой были освобождены 5 населенных пунктов Прохоровского и Пристенского районов, уничтожено и взято в плен 139 чел., захвачено 87 винтовок, 5 пулеметов, 5 лошадей, много боеприпасов. Все это было передано 38-й армии»¹¹.

Сведения, предоставленные Пожидаевым, подтверждает и дополняет объяснительная записка начальника штаба отряда П. П. Кондакова: «Прибыли в Старый Оскол 29 июня, на следующий день получили все необходимое и должны были отправиться в отряд, но в это время немецкие войска перешли в наступление. Нашему отряду по приказу командования 21-й армии было дано указание выдвигаться в район Старого Оскола. Автомашину ожидали до 1 июля, после чего началась эвакуация из Старого Оскола. Сотрудник 4-го отдела Клыков дал команду направляться в старооскольские леса и связываться с партизанами, что и было сделано. Пока находились в Анатольевских лесах вместе с частями 40-й и 21-й армии, нас регулярно обстреливала артиллерия и бомбили самолеты противника. Я был контужен от взрыва снаряда, а при выходе из лесов 15 июля 1942 г. был ранен в бою. Меня направили в полевой госпиталь, а затем в госпиталь на ст. Поворино, где пролежал до 7 августа. Выписавшись из госпиталя, был направлен в распоряжение обкома партии, а оттуда — в 4-е отделение областного управления УНКВД для посылки в тыл противника. 16 августа 1942 г. я с группой 14 чел. был отправлен в распоряжение особого отдела 6-й армии Воронежского фронта. Там мне выдали документы на имя механика Береговской МТС Прохоровского района»¹².

После обучения в спецшколе Воронежского УНКВД П. П. Кондаков был назначен командиром отряда «Ворон», сформированного для направления через линию фронта. Информация о нем сохранилась в документах Воронежского штаба партизанского движения: «Партизанский отряд “Ворон” 2 февраля 1943 г. был переброшен из Воронежской области в тыл противника, действовал на территории Скороднянского района Курской области. 17 февраля 1943 г. вместе с частями 253-й стрелковой бригады полковника А. П. Кутихина и 303-й стрелковой дивизии генерал-майора И. И. Ладыгина участвовал в боях за районный центр Обоянь. После освобождения города отряд занимался уничтожением предателей»¹³.

23 февраля 1943 г. в Обоянь вернулся секретарь РК ВКП (б) Ф. Д. Переверзев. В короткие сроки он подготовил отчет о боевых действиях партизанского отряда с октября 1941 по февраль 1943 г. Объективность изложенных в документе фактов борьбы с оккупантами была поставлена под сомнение районным отделом НКВД: «Руководством Обоянского партизанского отряда 27 марта 1943 г. направлен отчет обкому партии о боевой деятельности отряда. В отчете просят ряд лиц представить к правительственной награде. Прошу этот вопрос пока оставить открытым вследствие того, что их сведения весьма сомнительны и подлежат проверке. Дополнительно более полно я Вам сообщу. 19.05.1943. Начальник Обоянского РО НКВД ст. лейтенант госбезопасности Петров»¹⁴.

После проведения тщательной проверки и опроса ряда свидетелей районным отделом НКГБ была подготовлена справка, опровергающая целый ряд сведений о результатах партизанской борьбы несуществующего отряда. Так, не подтвердились факты уничтожения немецких подвод 7 февраля 1942 г. на участке Обоянь — Солнцево, а также автомашин противника 19 февраля и 10 сентября 1942 г. на дороге Обоянь — Медвенка, 3 октября и 6 ноября того же года на участке Обоянь — Белгород. Эти случаи не были зарегистрированы в немецкой комендатуре Обояни. 22 декабря 1941 г. на шоссе Обоянь — Белгород советским самолетом была уничтожена легковая немецкая автомашина, при этом был убит немецкий комендант Обояни и сопровождавшие его лица. К уничтожению этой автомашины и ее пассажиров комиссар отряда Переверзев, приписавший эту диверсию на собственный боевой счет, также никакого отношения не имел.

Не подтвердились и факты взрыва партизанами мостов через реку Псел. 12 декабря 1941 г. на участке Обоянь — Бавыкино мост был взорван отступающими бойцами Красной Армии. Железнодорожный мост на участке Обоянь — Ржава в 1941 г. был также взорван частями РККА при отходе. 16 февраля 1943 г. мост был взорван вторично немецкими войсками при отступлении. Проверкой удалось установить, что в Обояни и селах, окружающих его, в период оккупации деятельность партизан не отличалась активностью. Это подтверждалось и тем обстоятельством, что в декабре 1941 г.

на собрании граждан немецкий военный комендант Обояни высказал благодарность за благополучие в районе и выразил уверенность, что такая ситуация продлится и в дальнейшем. Деятельность партизан немецкие оккупанты ощущали в некоторой степени на стыке Обоянского, Ивнянского и Беловского районов. В эти места высылались отряды по розыску партизан¹⁵.

Таким образом, планы по развертыванию организованного сопротивления немецко-фашистским оккупантам на территории Обоянского района не были реализованы. В декабре 1944 г. бюро райкома ВКП (б) рассмотрело вопрос о деятельности коммунистов, оставленных для выполнения специальных заданий в тылу врага. Как выяснилось в результате проверки, значительная их часть проявила полную пассивность по отношению к поставленным перед ними в условиях военного времени задачам. Многие открыто проживали на оккупированной территории, не проводя никакой борьбы с врагом. После освобождения района эти люди смогли даже занять руководящие партийные и административно-хозяйственные должности. Решением бюро РК ВКП (б) они были исключены из партии и сняты с работы.

Несмотря на достаточно скромные результаты работы органов власти по организации массового партизанского движения, истории региона известны эпизоды, когда на борьбу с врагом местные жители поднимались по собственной инициативе. Так, в с. Долженково Обоянского района молодые патриоты Василий Долженков, Михаил Звягинцев и Василий Холявкин создали подпольную группу «Спартак». Подпольщики поддерживали связь с отдельными партизанскими группами, снабжали их интересующими сведениями, расклеивали листовки и сводки Совинформбюро. Как вспоминала мать В. Ф. Долженкова Дарья Григорьевна, «часто Васю ночью вызывали незнакомые люди, он уходил с ними, отсутствовал по нескольку дней, а вскоре в окрестных селах появлялись листовки, написанные ученическим почерком». Местные полицейские выследили подпольщиков. 19 июня 1942 г. они были казнены¹⁶.

Примечания

¹ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 186. Л. 23.

² Там же. Л. 23 об.

³ Там же. Л. 6.

⁴ Там же. Д. 25. Л. 87.

⁵ Там же. Л. 90–91.

⁶ Там же. Л. 92–93.

⁷ Там же. Д. 15. Л. 74–76.

⁸ Там же. Л. 58–60.

⁹ Там же. Д. 186. Л. 7.

¹⁰ Там же. Л. 15.

¹¹ Там же. Л. 30–31.

¹² Там же. Л. 32–33.

¹³ ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4560. Л. 22.

¹⁴ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 186. Л. 22.

¹⁵ Там же. Л. 37–37 об.

¹⁶ Там же. Д. 381; Книга Памяти. Т. 11. Курск, 1997. С. 123. — Посмертно 30 апреля 1966 г. казненные подпольщики были награждены медалями «За боевые заслуги».

А. Н. Манжосов, А. Д. Немцев

КУРСКО-ОБОЯНСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ (январь 1942 г.)

Январь 1942 г. был ознаменован жестокими боями, развернувшимися в южных районах Курской области. «После разгрома вражеской группировки под Ельцом Военный совет Юго-Западного направления решил провести реализацию плана освобождения Донбасса и Харьковского промышленного района, — вспоминал Маршал Советского Союза К. С. Москаленко. — Первую наступательную операцию должны были провести 21-я и 38-я армии. Маршал С. К. Тимошенко приказал в ночь на 5 января 1942 г. овладеть Белгородом»¹.

Основную задачу по наступлению на Обоянь решали 169-я стрелковая дивизия полковника С. М. Рогачевского и 10-я отдельная танковая бригада полковника В. А. Бунтмана-Дорошкевича. 227-я (командир — полковник Г. А. Тер-Гаспарян) и 297-я (командир — полковник Г. А. Афанасьев) стрелковые дивизии непосредственно действовали против Ольшанско-Прохоровской группировки противника. 227-й стрелковой дивизии предстояло ликвидировать немецкие гарнизоны, расположенные в Верхней, Средней и Нижней Ольшанках, содействуя левому флангу наступающих на Обоянь. 297-я стрелковая дивизия должна была окружить противника, находящегося в поселке Александровский (ст. Прохоровка).

Для осуществления наступления на Обоянь в 21-ю армию генерал-майора В. Н. Гордова из 38-й армии 26 декабря 1941 г. была переброшена 169-я стрелковая дивизия полковника Рогачевского. Совершив 90-километровый марш от ст. Старый Оскол (28–30 декабря 1941 г.), полки 169-й дивизии сосредоточились в Сазановке и на х. Владимировка Пристенского района. 31 декабря 1941 г. дивизия личным составом в 5536 чел.² получила боевой приказ: совместно с 794-м стрелковым полком 227-й дивизии и 10-й танковой бригадой под командованием полковника Бунтмана-Дорошкевича прорвать оборону противника у ст. Ржава и Марьино, развивать наступление в направлении сел Нагольное, Шлях, Пселец с быстрым выходом к Обояни.

В первом эшелоне дивизии наступали 556-й и 680-й полки (командиры — майоры А. И. Мальчевский и М. М. Александров), во втором — 434-й полк (майор Н. А. Георгиенко). На этом участке фронта гитлеровцы занимали усиленную оборону. Вокруг населенных пунктов они создали цепь мощных узлов обороны.

1 января 1942 г. батальоны 556-го стрелкового полка, поддержанного танкистами 10-й танковой бригады, перешли в наступление на укрепления противника в селах Морозовка, Ржава, Луч. К исходу дня советские пехотинцы овладели сахарным заводом «Спартак», с. Колбасовка, вышли на восточную окраину с. Пселец³. 680-й стрелковый полк сражался на восточной окраине с. Марьино, но сломить сопротивление противника не смог. Полковник Рогачевский ввел в бой второй эшелон — 434-й стрелковый полк. Во взаимодействии со 2-м батальоном 680-го стрелкового полка, 10-й танковой бригадой с севера он обошел Марьино и ст. Ржава и продвигался по направлению к с. Нагольное. Из глубины обороны противник выдвинул резервы. Их встретил огнем батальон Героя Советского Союза старшего лейтенанта М. С. Шамрая. Во взаимодействии с танкистами 2-го танкового батальона под командованием капитана Н. К. Паниваги из 10-й танковой бригады гитлеровский резерв южнее ст. Нагольное был разгромлен⁴.

297-й стрелковой дивизии удалось блокировать противника в поселке Александровский. Немецкий гарнизон оказал сильное организованное сопротивление наступающим советским частям. Противником использовались не только ДЗОТы, но и кирпичные постройки, оборудованные под опорные пункты⁵.

«Для противника, оборонявшегося в пос[елке] Марьино и на станции Ржава, уже в первый день нашего наступления создалось критическое положение, — вспоминал бывший комиссар 434-го стрелкового полка полковник П. В. Качур. — 2 января под Марьино появилось 5 транспортных самолетов «Ю-52», которые сбросили боеприпасы и продовольствие Марьинскому гарнизону»⁶.

В результате обходного маневра, совершенного 434-м стрелковым полком, в тылу дивизии оказались гитлеровские гарнизоны в Марьино и на ст. Ржава. Они были окружены двумя батальонами 680-го стрелкового полка, 1-м мотострелковым и 1-м танковым батальоном 10-й танковой бригады и 794-м стрелковым полком 227-й стрелковой дивизии. 2 января гитлеровская авиация сбрасывала продовольствие и боеприпасы окруженному гарнизону и бомбила боевые порядки 680-го стрелкового полка и мотострелкового батальона майора М. М. Александрова.

К исходу дня нашим войскам удалось овладеть северной частью Марьино. Было обнаружено несколько вражеских дотов, находившихся на водокачке ст. Ржава, в ремонтном депо, в станционных помещениях. Для их уничтожения были созданы специальные штурмовые группы. Гитлеровцы упорно обороняли ст. Ржава и западную окраину поселка Марьино. Лишь на рассвете 4 января 1942 г. первый и третий батальоны 680-го стрелкового полка захва-

тили Марьино. Гитлеровцы потеряли убитыми более 200 чел. 434-й полк освободил села Нагольное и Бобрышево (центр Кривцовского района). После взятия с. Бобрышево командование 169-й стрелковой дивизии получило приказ наступать на Обоянь с северо-востока, где были сосредоточены несколько дивизионов противотанковых пушек и бригада штурмовых орудий.

В эти дни стояли тридцатиградусные морозы, а высота снежного покрова достигала полутора метров. Советские пехотинцы наступали по пояс в снегу, под ураганным огнем противника. Одновременно 227-я стрелковая дивизия блокировала в Нижней Ольшанке гарнизон гитлеровцев и частично выдвинулась на рубеж реки Псел. Один из ее батальонов перерезал в районе Зоринских Дворов шоссе на дорогу Белгород — Курск. Это вынудило 227-ю дивизию, как отмечалось в отчете штабу Юго-Западного фронта, замедлить темп продвижения, в результате чего левый фланг 169-й дивизии оказался открытым. 5 января 1942 г. она достигла пригородных сел Казацкое, Пушкарное, Стрелецкое⁷.

Развернулись ожесточенные затяжные бои. Так, в журнале боевых действий 556-го полка 169-й стрелковой дивизии за 6 января 1942 г. отмечалось: «Полк ведет бой за овладение г. Обоянь. Противник, усиленно укрепившись, оказывает упорное сопротивление. Батальоны в ночь на 7.1.1942 г. попытались несколько раз ворваться в город. 1-й батальон зашел на улицу Урицкого, но от ураганного огня противника был вынужден занять прежнее положение, понеся потери»⁸.

Командование 21-й армии усилило группировку, штурмовавшую Обоянь. В соответствии с приказом командующего 21-й армии № 022 части 8-й мотострелковой дивизии НКВД (командир дивизии — полковник В. Ф. Крылов) вводились в бой с задачей овладеть Обоянью. 8 января 1942 г. с большим опозданием в район с. Казацкого подошел 6-й мотострелковый полк. Во взаимодействии с частями 169-й стрелковой дивизии он овладел северо-западной окраиной с. Казацкое и восточной окраиной Обояни.

556-й полк 169-й стрелковой дивизии занял восточную половину города. 9 января части 8-й мотострелковой дивизии НКВД достигли центра Обояни. Но в связи с создавшейся угрозой окружения превосходящими силами противника со стороны Зорино, Большая Псинка, Нагольное и отсутствием боеприпасов и горючего они были отведены из Обояни в район с. Пселец⁹. По приказу командарма 21-й армии была поставлена новая задача: закрепиться и продолжать блокировать город. Выполняя этот приказ, 169-я дивизия заняла оборону на рубеже, откуда началось наступление. Справа оборонялась 293-я, слева 227-я стрелковые дивизии, которые вели тяжелые оборонительные бои вплоть до 3 февраля 1942 г.¹⁰

В ходе этих боев советские воины показывали образцы мужества и героизма. Дерзкий 40-километровый бросок по тылам противника совершил батальон 777-го стрелкового полка 227-й дивизии лейтенанта Х. Б. Меликяна.

Батальон разгромил гарнизоны врага в с. Орловка, хуторах Зоринские Дворы, Веселый Ивнянского района и Пересыпь Обоянского района. 8 января 1942 г. командир героического батальона погиб. 6 ноября ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

В историческом формуляре 52-й гвардейской (в январе 1942 г. — 8-й мотострелковой НКВД) дивизии значится: «С 8.01.42 по 31.01.42 частями дивизии уничтожено до 3000 солдат и офицеров, 13 танков, 19 орудий разного калибра, 4 станковых и 17 ручных пулеметов, рассеяно огнем артиллерии и минометов до полка пехоты противника, трофеи: 2 санитарных машины, 10 повозок с разным военно-хозяйственным имуществом, 122 противогаза, 50 касок, 20 ранцев, 3 пулемета, 1 миномет, 100 мин, 7 автоматов, одно 37 мм орудие, 1 передков к орудиям, 80 снарядов, 8 км телефонного кабеля, 25 велосипедов, 2 тонны цветного металла. Части дивизии потеряли: убитыми — 711, ранеными — 1478, обмороженными — 199 человек, пропавшими без вести — 589 и попавшими в плен — 7 человек; винтовок — 2303, станковых пулеметов — 23, ручных пулеметов — 156, пистолетов и револьверов — 354, автоматов — 81, ружей ПТР — 2, минометов — 82, 50-мм орудий — 9, 76-мм орудий — 6, 45-мм [орудий] — 3, автомашин легковых — 2, грузовых — 53, спецмашина — 1, тракторов — 2, танков — 6, бронемашин — 2»¹¹.

10 января 1942 г. красноармейская газета 21-й армии «Боевой натиск» отмечала, что «...уже несколько дней на подступах к городу О. [Обоянь — Авт.] идут ожесточенные бои. Враг, не считаясь с потерями, отчаянно сопротивляется. Улицы, дома в центре города превратил в крепкие узлы сопротивления... Доблестные красные воины в исключительно сложной обстановке штурмуют сильно укрепившегося противника... Экипаж танка лейтенанта Грязного, ворвавшись в О., уничтожил 10 противотанковых орудий».

10 января 1942 г. гитлеровское командование сосредоточило в районе Обояни со стороны Курска и Белгорода значительные силы и отбросило 169-ю стрелковую дивизию и 10-ю танковую бригаду в район с. Рудаец (556-й стрелковый полк), Афанасьево (794-й полк). Танкисты 10-й отдельной бригады отразили десятки атак фашистов, стремившихся как можно быстрее овладеть ст. Ржава, восстановить сообщение по железнодорожной линии Курск — Белгород¹².

Наступательные действия противника заставили дивизию 21-й армии отойти в район с. Красниково¹³. 11 января 1942 г. для усиления боеспособности полков 8-й дивизии войск НКВД ее командиром был назначен полковник С. М. Рогачевский. В командование 169-й стрелковой дивизией вступил генерал-майор К. И. Горюнов¹⁴.

В отчете штаба Юго-Западного фронта о проведении Обоянской операции причины этой неудачи оценивались так: «Бой за город, начиная с 4 по 10 января, не привел к успеху потому, что должной разведки системы обороны города не было произведено. 8 января была попытка овладеть городом ноч-

ной атакой, но вследствие того, что план атаки не был достаточно серьезно продуман, попытка эта не увенчалась успехом. Так, например, 2-й батальон 566-го стрелкового полка 169-й дивизии и батальон 16-го стрелкового полка 8-й мотострелковой дивизии в 23.00 8 января ворвались в город с севера и продвинулись почти до центра, причем атака была настолько неожиданной и стремительной, что немцы даже не успели открыть огонь, и только в центре города части были встречены огнем из домов. Ворвавшиеся в город батальоны управления не имели, действовали без всякого плана, поэтому, попав в сложную обстановку и не имея руководства свыше, вынуждены были отойти»¹⁵.

Согласно указаниям штаба Юго-Западного фронта, план захвата Белгорода сводился к тому, что пехотинцы 76-й и 226-й стрелковых дивизий сковывали врага на подступах к Белгороду фронтальными атаками, а 133-я танковая бригада полковника В. М. Полякова (имевшая не более 10 исправных танков) наносила удар гитлеровцам в тыл. Но Белгород был хорошо укреплен, имел многочисленный гарнизон, вблизи располагались резервы.

«Всего один день, 4 января, мы спешно готовились к удару. Главная надежда возлагалась на внезапность и наступательный порыв воинов. Наш комиссар Кудинов и Кулинич выехали в части 76-й и 226-й дивизий... — вспоминал начальник штаба 38-й армии генерал армии С. П. Иванов. — Атаку удалось начать лишь в 10 часов утра, до этого видимость была крайне ограничена. Погода стояла пасмурная, с низкой облачностью, снегопадами и дождями. При поддержке небольшого количества орудий и станковых пулеметов воины дивизий Воронина и Горбатова [76-я и 226-я — *Авт.*] пошли вперед по раскисшей почве. Их встретил плотный прицельный огонь вражеской артиллерии. Вскоре показались и немецкие танки, а наша 133-я танковая бригада к назначенному сроку не успела выйти на исходный рубеж. Во избежание потерь было решено приостановить наступление. Штаб Юго-Западного направления посчитал, что в неудачном ударе на Белгород повинен генерал Маслов. Он-де замешкался и упустил выгодный момент. Мне же, как непосредственному участнику событий, думается, что решение взять Белгород без надлежащей подготовки, с оптимистической оценкой общей обстановки на советско-германском фронте, объяснялось и особенностями стиля руководства войсками со стороны маршала С. К. Тимошенко ... В данном случае мы не имели практически подвижных войск, чтобы осуществить молниеносный налет на город...»¹⁶.

В отчете штаба Юго-Западного фронта давалась оценка и боевых действий 38-й армии при овладении Белгородом: «В связи с успешным продвижением правофланговых частей 21-й армии на Обоянь, 3 января главнокомандующий Юго-Западным направлением приказал силами 226-й стрелковой дивизии 21-й армии и 76-й стрелковой дивизии 38-й армии подготовить удар в направлении Белгорода и в ночь на 5 января налетом овладеть городом. Общее руководство этой операцией возложено на командующего 38-й армией генерал-майора Мас-

лова ... Генерал Маслов не сумел перегруппировать дивизии и подготовить внезапный налет на Белгород, и только 5 января начал осуществлять эту задачу. Удобный момент был упущен, а противник, видимо, разгадав готовящийся удар, изготовился к его отражению, и удар успеха не имел»¹⁷.

Эта оценка позднее перекечевала в работы военных историков. «Главное заключалось в том, что нарушался принцип последовательного сосредоточения сил: трем армиям, которые по составу едва равнялись стрелковым корпусам без средств усиления, были поставлены задачи одновременно овладеть Курском, Обоянью, Белгородом — и это при существенном превосходстве противника, наличии у него организованной обороны, системы артиллерийского огня и, наконец, при самых неблагоприятных условиях погоды» — вспоминал С. П. Иванов¹⁸.

Примечания

¹ Москаленко К. С. На Юго-Западном направлении, 1941–1943: Воспоминания командарма. 3-е изд. Кн. 1. М., 1979. С. 137.

² ЦАМО РФ. Ф. 1610. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.

³ Там же. Ф. 556-го СП. Оп. 165215. Д. 4. Л. 6.

⁴ Архипов В. С. Время танковых атак. М., 1981. С. 95–99; Качур В. П., Никольский В. В. Под знаменем сивашцев: Боевой путь 169-й стрелковой Рогачев. Краснознам., орденов Суворова II степени и Кутузова II степени дивизии (1941–1945). М., 1989. С. 42.

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 1599. Оп. 1. Д. 11. Л. 11; Курский край. 2006. № 5/6. С. 65.

⁶ Непобедимые сыны Отечества: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 55-летию победы на Курской дуге. Курск, 25–27 июня 1998 г. Курск, 2000. С. 44.

⁷ Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной Армии. Т. 3: «Через новые испытания»: 1 янв. — 30 июня 1942 г. М., 2008. С. 21.

⁸ ЦАМО РФ. Ф. 556-го СП. Оп. 165215. Д. 4. Л. 7.

⁹ Там же. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 2. Л. 2; Д. 3. Л. 2-об.; Пантюхов Г. Г. Люди одной дивизии: Боевой путь 52-й гвардейской орденов Ленина, Кутузова и Суворова стрелковой дивизии, 1941–1945 гг. М., 1977. С. 18.

¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 18. Карта; Д. 19. Л. 59; Ф. 556-го СП. Оп. 165215. Д. 4. Л. 8; Боевой натиск. 1942. 1–2 янв.

¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

¹² Жилин В. А. Звезды Маршала Лосика: Докум. повесть. М., 2002. С. 120–121.

¹³ ЦАМО РФ. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 19. Л. 60; Ф. 556-го СП. Оп. 165215. Д. 4. Л. 8.

¹⁴ Там же. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 6. Л. 34–35. — Генерал-майор Кузьма Ильич Горюнов, 1892 г. р., командир 81-й стрелковой и 8-й мотострелковой дивизий, арестован 10 мая 1942 г. Особым отделом НКВД ЮЗФ. Осужден 28 июня 1942 г. военным трибуналом ЮЗФ к 10 годам лишения свободы за антисоветскую агитацию. Реабилитирован в августе 1962 г. ВК Верховного Суда СССР (АУД № ОФ-19574 ЦА ФСБ РФ).

¹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 1. Л. 31.

¹⁶ Иванов С. П. Штаб армейский, штаб фронтовой. М., 1990. С. 195.

¹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 1. Л. 39; Иванов С. П. Штаб армейский... С. 196–197.

¹⁸ Иванов С. П. Штаб армейский... С. 197.

ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ ОБОЯНИ И ОБОЯНСКОГО РАЙОНА

В современной цивилизации на первый план выходит сфера услуг и, соответственно, получает новый смысл само понятие электрификации. В советской историографии таковая определялась как широкое внедрение в народное хозяйство электрической энергии, вырабатываемой централизованно на электростанциях, объединенных линиями электропередач в энергосистемы. В сервисной цивилизации обслуживающего характера электрификацию принято рассматривать как процесс крупномасштабного производства электрической энергии в виде услуги с последующей ее доставкой посредством линий электропередач к потребителям. Этот процесс проходит через несколько стадий:

- 1) строительство электростанций, их эксплуатация и модернизация: техническая (замена устаревшего оборудования) и технологическая (переход от дизельного топлива к ядерному);
- 2) сооружение сети понижающих трансформаторных подстанций и проведение линий электропередач, несущих электричество к потребителям;
- 3) создание государственных организаций, в ведении которых находится эксплуатация электростанций, трансформаторов, линий электропередач и их ремонт, а также слежение за оплатой населения за потребляемую электроэнергию.

Рассмотрим стадии этого процесса на примере Обояни и ее сельской округи, где завершающий этап электрификации связан с пуском 1-го энергоблока Курской АЭС в 1976 г.

Итоги исходного этапа развития электрификации состояли в следующем. На 1964 г. Обоянская городская электростанция располагала дизельным двигателем «Шкода-6с-350» и двумя генераторами «Пильзень Н 5831/16» и «Магдебург ДФ-151-16» с полезным отпуском электроэнергии 1267 тыс. кВт/ч по плану, фактически — 2371 тыс. кВт/ч¹. С ростом потребления электроэнергии мощности станции стало не хватать, поэтому приходилось вести дополнительные линии от мощной ТЭЦ-1 из Курска.

В самой Обояни на 1964 г. уже были электрифицированы улицы Ленина, Луначарского, Комсомольская, Заводская, Дзержинского; планировалось провести электричество по улицам Московской, Мичурина, Кирова².

Проведение электричества в села Курской области началось с постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 21 февраля 1961 г. «Об электрификации сельского хозяйства». Был составлен план, согласно которому в период с 1961 по 1965 г. в данном регионе соорудили 23 питательных подстанций 35/10 кВ и 27 понижающих трансформаторов для последующего потребления электроэнергии. Это позволило электрифицировать в Обоянском районе первые 12 колхозов³.

В качестве отделения «Курскэнерго» были образованы «Обоянские электрические сети», которые имели в своем составе 5 районных отделов (РЭС):

1. Обоянские РЭС.
  - а) Обоянский энергоучасток;
  - б) Медвенский энергоучасток;
2. Суджанские РЭС.
  - а) Суджанский энергоучасток;
  - б) Большесолдатский энергоучасток;
3. Солнцевские РЭС.
  - а) Солнцевский энергоучасток;
  - б) Воробьевский энергоучасток;
4. Беловские РЭС.
5. Пристенские РЭС.
  - а) Пристенский энергоучасток;
  - б) Сазановский энергоучасток.

Уже к 1971 г. в ведении Обоянских электросетей находилось 3 подстанции 110/35/10 кВ мощностью 60 тыс. кВт, 6 подстанций 35/10 кВ мощностью 16,1 кВт, 743 трансформаторных пункта⁴; линий электропередач: на 110кВ — 116 км, 35 кВ — 136 км, 10 кВ — 2297 км, 0,4 кВ — 2804 км, из которых последние 392 км относились к Обоянской зоне⁵.

В 1973 г. Обоянские электрические сети преобразовали в Южные электрические сети. На их базе имелось уже 6 РЭС со следующими энергоучастками:

1. Обоянские: Обоянский и Рыбино-Будский энергоучастки;
2. Суджанские: Суджанский, Большесолдатский и Малолокнянский энергоучастки;
3. Беловские: Беловский и Кондратовский энергоучастки;
4. Пристенские: Ржавский, Сазановский и Бобрышевский энергоучастки;
5. Медвенские: Медвенский, Воробьевский и Гаховский энергоучастки;
6. Солнцевские: Солнцевский и Афанасьевский энергоучастки.

К 1974 г. ввели в эксплуатацию ряд новых подстанций: Медвенскую (110/35/10 кВ), Бобрышевскую (35/10 кВ), Афанасьевскую (35/10 кВ), Гаховскую (35/10 кВ), Гуевскую (35/10 кВ), Дарьинскую (35/10 кВ), Туровецкую (35/10 кВ). В 1973 г. в ведении Южных электрических сетей находилось ЛЭП: на 10 кВ — 2429 км (из них проведено новых 132 км), на 0,4 кВ — 2765 км (новых 160 км)⁶.

Перечисленные данные свидетельствуют не только о масштабах проведенных строительных работ, но и о возросшем количестве потребляемой электроэнергии, что, в свою очередь, требовало ввода в эксплуатацию новой электростанции огромной мощности, которой стала Курская АЭС. После запуска ее 1-го энергоблока электрификация Обояни и Обоянского района пошла еще более высокими темпами.

К 1977 г. Южные электрические сети построили и ввели в эксплуатацию следующие подстанции: Шумаковскую (110/35/10 кВ), Белицкую (35/10 кВ), Верхне-Реутецкую (35/10 кВ), Любимовскую (35/10 кВ), «Горайново» (35/10 кВ), «Черемошное» (35/10 кВ), «Ивница» (35/10 кВ). В 1977 г. в эксплуатации Южных электрических сетей находилось ЛЭП: на 10 кВ — 2643 км из них проведено новых 127 км), 0,4 кВ — 3107 км (новых 140 км)⁷.

К 1980 г. в составе Южных электросетей находилось уже 7 РЭС со следующими энергоучастками:

1. Обоянские: Обоянский и Рыбино-Будский энергоучастки;
2. Суджанские: Суджанский и Малолокнянский энергоучастки;
3. Беловские: Беловский и Кондратовский энергоучастки;
4. Пристенские: Ржавский, Сазановский и Бобрышевский энергоучастки;
5. Медвенские: Медвенский, Воробьевский и Гаховский энергоучастки;
6. Солнцевские: Солнцевский и Афанасьевский энергоучастки;
7. Большесолдатские: Большесолдатский и Любимовский энергоучастки.

В 1979 г. были введены в строй следующие подстанции: «Китаевка» (35/10 кВ), «Поречное» (35/10 кВ), «Любостань» (35/10 кВ). В том же году в распоряжении Южных электрических сетей находилось ЛЭП: на 10 кВ — 2808 км (из них проведено новых 130 км), 0,4 кВ — 3201 км (новых 133 км)⁸.

Завершающая часть электрификации Обояни и ее района происходила с 1976 по 1980 г.: с момента запуска Курской АЭС до последующей организации доставки электроэнергии потребителям.

Примечания

¹ ГАКО. Ф. Р-863. Оп. 1. Д. 177. Л. 4–6.

² Там же. Д. 177. Л. 16.

³ Там же. Д. 114. Л. 1–9.

⁴ Там же. Д. 609. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 69.

⁶ Там же. Д. 779. Л. 1–74.

⁷ Там же. Д. 1047. Л. 1–66.

⁸ Там же. Д. 1167. Л. 1–112.

И. В. Пинаева

ИЗ ИСТОРИИ ХРАМОВ ОБОЯНИ И ОБОЯНСКОГО УЕЗДА

На территории Обояни и Обоянского уезда в начале XX в. действовало 39 церквей¹. До нашего времени сохранилась и функционирует лишь часть из них. Интересна история каждой церкви, но нам хотелось бы подробнее рассмотреть в данной статье судьбу трех храмов: Смоленской и Георгиевской кладбищенской церквей Обояни и Архангельской (Михаило-Архангельской) церкви с. Быканово Обоянского уезда.

Согласно сведениям, содержащимся в клировой ведомости 1915 г., **Смоленская церковь** Обояни действовала уже в 80-е гг. XVIII в. Старанием прихожан в 1845 г. к церкви были пристроены два каменных придела, а в 1849 г. сооружена колокольня. По штату при церкви были положены два священника, дьякон и два псаломщика².

В 1915 г. Смоленская церковь представляла собой прочное каменное здание с колокольней, снаружи оштукатуренное, покрытое железом. На колокольне имелось 10 колоколов. Церковь была трехпрестольной: главный престол — во имя иконы Смоленской Богоматери, правый придел во имя Иоанна Блаженного Устюжского Чудотворца, левый — во имя великомученицы Параскевы. При храме имелась каменная часовня. Церковная территория была обнесена каменной оградой с железными воротами. Храм освещался трехъярусными и одноярусными люстрами. В церкви было три иконостаса: главный — шестиярусный, два других — четырехъярусные, деревянные, вызолоченные. Царские врата были украшены шестью иконами в серебряных позолоченных ризах. На территории церковной усадьбы, помимо здания церкви, были устроены по углам два каменных флигеля: один для церковно-приходской школы и церковной сторожки, другой сдавался с разрешения епархиального начальства под квартиру.

Церкви принадлежало 11 десятин усадебной земли вместе с церковным погостом, 4 десятины пахотной земли, 22 десятины сенокосной земли, 18 десятин лесной. Земля сдавалась в аренду за 700 руб. в год. Церковь имела и другие источники дохода: кружечные сборы (1450 руб. в год) и проценты, получаемые от вкладов «на вечное время» — по 3000 руб. в год. Всего же церковные доходы составляли: в 1912 г. — 4477 руб. 61 коп., в 1913 г. — 4900 руб. 74 коп., в 1914 г. — 5804 руб. 75 коп.³ Деньги хранились у церковного старосты, пост которого в январе 1915 г. занял мещанин Петр Иванович Захарьин.

В приход церкви входило 245 домохозяйств в Обояни и 267 домохозяйств в слободе Стрелецкой, в том числе 9 домов духовенства и 24 дворянских домовладения. Численность прихожан церкви составляло 3267 чел.

Также на территории прихода находилось 9 домохозяйств иноверцев (евреев и магометан (мусульман)), всего 31 чел., 20 домов раскольников австрийского согласия и 8 домов раскольников-беглопоповцев, всего 107 чел.

При церкви действовала мужская двухкомплектная церковно-приходская школа. На ее содержание из Земской управы отпускалось 285 руб. в год, от городской управы — 120 руб. и местных — 168 руб. В 1915 г. в школе проходил обучение 141 мальчик. Церковно- и священнослужители, состоящие при храме, исполняли обязанности учителей церковно-приходской школы. С 1911 г. заведующим Смоленской церковно-приходской школой стал протоиерей Александр Алексеевич Сахаров, преподававший ранее арифметику и географию в Обоянском духовном училище и имевший среди наград орден св. Анны 3-й степени. В мае 1913 г. он был награжден Библией от Синода, выданной «за особые труды, усердие и ревность по благоустройству церковных школ Обоянского уезда»⁴. В декабре 1913 г. Сахаров был назначен членом Ревизионного комитета при Обоянском духовном училище. Не менее ревностно относился к развитию образования протоиерей Федор Алексеевич Косминский, по инициативе которого в храме проводились религиозно-нравственные чтения, касавшиеся семейных и общественных отношений. За свои труды Косминский был награжден в 1908 г. орденом св. Владимира 4-й степени. Обязанности наблюдателя церковно-приходской школы исполнял Павел Федорович Косминский, с 1911 г. состоявший одновременно законоучителем. Дьякон Смоленского храма Василий Гаврилович Снопков также состоял в должности учителя.

Церковь занималась не только просвещением, но и благотворительностью. Так, в 1915 г. на попечении храма находились 5 вдов священно- и церковнослужителей. Одна из вдов, оставшаяся с восемью детьми, получала на содержание из государственного казначейства и из попечительства о бедных духовного звания по 100 руб. в год. Другие вдовы получали по 26–30 руб. в год из попечительства о бедных духовного звания⁵.

После революции Смоленский храм продолжал действовать до 1929 г., когда он был закрыт. В 1933 г. здание церкви было изъято (без соблюдения требований законодательства о культах) и передано под склад Заготзерна. В октябре 1935 г. культовая комиссия президиума Облисполкома приняла решение о возвращении храма верующим. Однако на практике это решение не было выполнено. На заседании исполкома Курского областного Совета депутатов трудящихся 3 июня 1940 г. было принято окончательное решение о закрытии Смоленской церкви⁶. В дальнейшем здание храма использовалось как склад товаров. Такое положение сохранялось до конца 1980-х гг. Приход Смоленского храма был воссоздан в 1991 г.

Не менее примечательна история *Георгиевской (кладбищенской) церкви* Обояни, построенной в 1842 г. Здание церкви и пристроенная к ней колокольня были каменными, крыты железом. Единственный престол храма освящен во имя святого великомученика Георгия Победоносца. В 1881 г. стараниями церковного старосты Николая Стебакова и граждан Обояни была открыта теплая церковь в верхнем, втором этаже храма с двумя престоломи: один — во имя Покрова Пресвятой Богородицы, другой — во имя преподобного Петра Афонского. Площадь церковной усадьбы вместе с кладбищем составляла 8 десятин. В штате церкви состояли священник и псаломщик⁷.

Причту было положено казенное жалование в размере 392 руб. в год и жалование от города — 300 руб. в год. Кроме того, храм получал деньги на существование от кружечных доходов (420 руб. в год) и процент от «вечного вклада» (98 руб. 65 коп. в год). Всего же церковные доходы составляли: в 1909 г. — 4189 руб. 44 коп., в 1910 г. — 4684 руб. 5 коп., в 1911 г. — 1207 руб. 14 коп., в 1912 г. — 1131 руб. 15 коп., в 1913 г. — 1812 руб., в 1914 г. — 1167 руб. 52 коп. Георгиевская кладбищенская церковь осуществляла разнообразные сборы и пожертвования: на призрение бедных духовного звания, на восстановление православия на Кавказе, на содержание православных церквей и школ в западных губерниях России, на улучшение быта православных паломников в Палестине и на распространение православия между язычниками в империи⁸.

Церковная казна находилась в руках церковного старосты — купца 2-й гильдии Иоакима Александровича Филиппенко, занимавшего этот пост с 1897 по 1906 г. и вновь приступившего к исполнению своих обязанностей в 1912 г. Староста не только распоряжался церковной казной, но и пополнял ее за счет личных пожертвований. Так, на украшение и ремонт храма Филиппенко было пожертвовано в 1897 г. 250 руб., в 1902 г. — 470 руб., в 1905 г. — 174 руб., в 1913 г. — 300 руб. Пожертвований им было собрано: в 1897 г. — 185 руб. 20 коп., в 1902 г. — 140 руб., в 1905 г. — 143 руб. 71 коп. Усердные труды церковного старосты были отмечены наградами: в 1901 г. он был награжден похвальным листом от местного епископа, в 1907 г. получил сразу две значимые награды: большую серебряную медаль на Станиславской ленте и медаль Красного Креста в память участия в деятельности общества во время русско-японской войны. В 1912 г. по представлению ведомства императрицы Марии «о детский приютах» староста Георгиевской церкви был награжден серебряной медалью на Владимирской ленте⁹.

Священник церкви Александр Васильевич Барбицкий, возглавивший приход в 1901 г., получал ежегодное содержание из казны в размере 294 руб. и 225 руб. от города. Также он имел доход от кружечных сборов и владел половиной мукомольной водяной мельницы. Помимо отправления служб в Георгиевском храме, Барбицкий исполнял богослужения также в Обоянской земской больнице и в городской богадельне. С 1905 г. он состоял членом ка-

значейства Обоянского отделения епархиального училищного Совета, а в 1912 г. на епархиальном съезде был избран депутатом от духовенства 1-го Обоянского округа.

После Октябрьской революции Георгиевская кладбищенская церковь продолжала действовать довольно долго. По данным культуровой комиссии Облисполкома, на 1 августа 1937 г. храм посещали до 500 чел. в месяц, богослужения отправлял священник¹⁰. Но здание церкви постепенно начинало ветшать и разрушаться. В декабре 1938 г. община верующих распалась, церковь была признана бездействующей. В апреле 1939 г. была создана комиссия для технического обследования храма и решения его дальнейшей судьбы. В ее состав вошли инженер Обоянского райдоротдела П. А. Нагорный, техник горсовета К. А. Кривonosов и техник Обоянского районного исполнительного комитета Т. В. Жигольцов. Комиссия провела детальное обследование здания и пришла к выводу, что сгнившие чердачные перекрытия, трещины, проходящие через стены и свод храма, обветшавшие стропила и крыша колокольни грозят обвалом. Было выявлено 52 % износа здания. В июле 1939 г. Президиум облисполкома, основываясь на выводах комиссии, постановил закрыть Георгиевскую кладбищенскую церковь как бездействующую, и, ввиду аварийного состояния здания, передать его под слом¹¹. Так закончилась история Георгиевской кладбищенской церкви Обояни.

Похожая участь постигла *Архангельскую (Михаило-Архангельскую) церковь с. Быканово* Обоянского уезда. Первые упоминания о ней относятся к 1818 г. Из клировой ведомости 1915 г. известно, что Архангельская церковь представляла собой деревянное здание на каменном фундаменте, в одной связи с колокольней, крытое железом. В церкви был один престол — во имя Архангела Михаила. По штату были положены священник, дьякон и псаломщик. Церковь получала содержание от казны по 391 руб. в год, а также имела доход от кружечных и свечных сборов (по 600 руб. в год). Кроме того, причт получал процент с билетов вечного вклада в размере 195 руб. в год. Казной храма ведал церковный староста Дмитрий Константинович Родионов¹².

Храму принадлежали 3 дес. усадебной земли с расположенными на ней домом священника и сторожкой и 36 дес. пахотной земли, приносившей 300 руб. годового дохода. При церкви находились церковно-приходская школа, помещавшаяся в церковном доме, и церковная библиотека, насчитывавшая 80 томов книг. Обоянское уездное отделение ежегодно выделяло 210 руб. на содержание школы. По данным клировой ведомости, в 1915 г. в школе обучались 25 мальчиков и 9 девочек. Обязанности учителей исполняли священник Михаил Григорьевич Попов, член Обоянского уездного отделения, являвшийся одновременно законоучителем, и дьякон Фома Васильевич Лукьянчиков.

В приход церкви, помимо с. Быканово, входила д. Знаменка, расположенная в 1 версте от приходского центра. Общая численность прихожан составляла 2828 чел., в том числе 13 чел. лиц духовного сословия¹³.

Церковь продолжала действовать до 1928 г. По данным Обоянского райсовета депутатов трудящихся, в 1928 г. община верующих распалась, храм был закрыт. Здание долгое время использовалось под склад. Решением исполкома Курского областного Совета депутатов трудящихся № 28 от 20.09.1940 Архангельская церковь с. Быканово была официально признана бездействующей и закрыта. Здание церкви было передано исполкому Райсовета «для использования на культурные цели»¹⁴.

В настоящее время из трех названных церквей сохранилась и действует только одна — Смоленская церковь в Обояни. Георгиевскую кладбищенскую церковь Обояни и Архангельскую церковь с. Быканово постигла участь многих храмов России. Они были преданы забвению и со временем разрушены.

Примечания

¹ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Д. 9. Л. 31.

² Там же. Ф. 483. Оп. 1. Д. 21. Л. 9.

³ Там же. Л. 9 об., 26 об.

⁴ Там же. Л. 13 об.

⁵ Там же. Л. 24 об.

⁶ Там же. Ф. Р-3322. Оп. 4. Д. 53. Л. 6–11.

⁷ Там же. Ф. 483. Оп. 1. Д. 21. Л. 29.

⁸ Там же. Ф. 217. Оп. 1. Д. 2685-а. Л. 2.

⁹ Там же. Ф. 483. Оп. 1. Д. 21. Л. 37.

¹⁰ Там же. Ф. Р-3322. Оп. 4. Д. 8. Л. 5.

¹¹ Там же. Д. 53. Л. 1–4.

¹² Там же. Ф. 483. Оп. 1. Д. 21. Л. 39, 46 об.

¹³ Там же. Л. 44.

¹⁴ Там же. Ф. Р-3322. Оп. 4. Д. 53. Л. 33–34.

Ю. Н. Гуров

СОЗИДАНИЕ ХРАМОВ ОБОЯНИ И ОКРУГИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

В середине XVII в. почти одновременно друг с другом на южных рубежах страны были возведены крепости Обоянь и Суджа. В новых городах и примыкающих к ним слободах стали строиться православные храмы, вначале деревянные, а затем и каменные. Сведения о них содержатся в писцовых и переписных книгах, церковных летописях, ревизских сказках. Описания Курского наместничества И. Ф. Башилова и С. И. Ларионова, «Историческая летопись курского дворянства» А. А. Танкова, «Памятники старины и нового времени» Н. И. Златоверховникова — вот далеко не полный перечень источ-

ников и исследований по истории Курского края и Обоянской округи, в частности. Ценные сведения по рассматриваемой теме содержатся в документах РГАДА, РГИА, а также ИИМК РАН, в котором имеются метрики разных храмов России. Но большая часть источников по курской (и обоянской) церковной истории сосредоточена в ГАКО. Некоторые документы по истории Обояни имеются в архивах Белгорода и Киева.

Большим подспорьем в изучении истории церкви и православия в Курском крае являются «Курские епархиальные ведомости», выходившие с 1871 г. сначала в Белгороде, а затем в Курске. В 1990-е гг. их выпуск был возобновлен. Важные сведения содержатся и в «Справочной книге о церквях, приходах и причтах Курской епархии за 1908 год», в которой указаны названия и даты основания храмов епархии, а также имена священноцерковнослужителей.

Однако, несмотря на кажущееся изобилие источников и литературы по данной теме, ее изучение сопряжено с дефицитом основополагающих документов. Так, среди материалов ГАКО большинство храмов епархии представлены клировыми ведомостями только за 1915–1916 гг. Сохранились лишь немногие метрики, заполненные в 1887 г., когда настоятелям храмов всех епархий России было дано задание ответить на 72 вопроса о внешнем и внутреннем облике церкви и ее исторической ценности. Эти сведения предназначались для Императорской Академии художеств.

В писцовой книге Обоянского уезда стольника Авраама Мантурова и подьячего Григория Жеребцова указаны имена священников, названия храмов, а также даны краткие описания церковной земли.

В плане Генерального межевого деления 1782–1784 гг. приведены размеры и описание церковных земель, а также их краткое экономическое обозрение. Данные о церквях и приходах имеются в топографических описаниях Курского наместничества (губернии) 1780-х гг.

Документы советского периода 1920–1940-х гг. повествуют о декретах и постановлениях губисполкомов и райисполкомов в отношении объектов церковного культа, о реквизициях церковных ценностей в 1920-е гг., о деятельности церковных общин и о закрытии храмов по распоряжению властей.

В архиве Курской епархии есть документальные материалы об обоянских церквях, а также о храмах, ранее относившихся к Обоянскому району, за 1940–1980-е гг. Сведения о деятельности церковных общин уцелевших храмов за 1990–2000-е гг. отражены в современных «Курских епархиальных ведомостях» и в различных СМИ.

При изучении церковной истории края не обойтись без книг и статей Ю. А. Бугрова, В. Л. Юрковецкого, Т. Н. Арцыбашевой, И. В. Токмаковой, Е. В. Холодовой, а также сборника «Из истории храмов Курской епархии» — ключевой на сегодняшний день публикации по храмам Обоянского уезда.

Храмы Обояни и ее уезда в XVII–XIX вв. История обоянских храмов берет свое начало в середине XVII в., когда был построен город Обоянь. По данным за 1654 г., в Курской десятине, куда входили и обоянские храмы, имелось 64 церкви и 2 часовни. В 1692 г. в Обоянском уезде насчитывалось 24 храма¹. В «Исторической летописи курского дворянства» А. А. Танкова указывается, что «в царствование Алексея Михайловича, при деятельном участии дворян и детей боярских было устроено в городах и уездах Курского края много церквей и два монастыря — Богородицко-Знаменский в Обояни и Николаевский Белогорский в Суджанском уезде»². В той же книге в перечне дворян и детей боярских Обоянского уезда³ отмечено 15 сел, в которых были храмы. В настоящее время только в двух селах, упомянутых в этом списке, сохранились храмы: в Косиново (деревянный, 1909 г. постройки) и в Любостани (каменный, возведенный в 1900 г.).

Храм Михаила Архангела в с. Любостань. 1900 г.

В описании Курской губернии А. Н. Зубова (1784 г.)⁴ имеются такие свидетельства об Обояни и ее храмах: «Уездный город Курского наместничества... лежит по течению реки Псла по правой стороне... В нем: каменных церквей 1, деревянных 3, при них священно- и церковнослужителей: протопоп 1, священников 7, диаконов 4, дьячков 14, пономарей 7, за штатом и безместных 37 человек, домов священноцерковнослужителей 18. Испокон в городе и в уезде суть православного восточного греко-кафолического

исповедания: исправляются Белоградскою консисториею»⁵. «В 200 саженьях от города есть упраздненный монастырь, в котором находятся 3 иеромонаха и 1 сторож, питающийся подаванием. В прилегающих ко городу слободах Казацкой и Пушкарской 2 деревянные церкви при коих священников 3, диаконов 2, церковных жителей 9». В том же документе отмечено, что «в Обоянской округе церквей: 2 каменные, 43 деревянные, итого 45, священноцерковнослужителей домов 138»⁶.

В указанном описании, помимо сведений о количестве однодворческих, владельческих и малороссийских дворов и числа проживающих в них душ, указаны и названия храмов, а также количество и населенность дворов священноцерковнослужителей. Так, в селе Бабино было 136 дворов и 268 душ в них, имелась деревянная церковь во имя Афанасия и Кирилла, при ней состояло 7 священнослужительских дворов с 28 душами⁷. В Бобрышево числилось 146 однодворческих дворов с 420 душами, имелась деревянная церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы, при которой состояло 3 священноцерковнослужительских двора с 8 душами⁸. В Бушмино насчитывалось 57 однодворческих дворов с 215 душами, была деревянная церковь во имя Николая Чудотворца, 4 священно- и церковнослужительских двора с 23 душами⁹. В с. Белом было 46 однодворческих дворов с 139 душами, находилась деревянная церковь во имя Николая Чудотворца, при которой имелось 3 двора священноцерковнослужителей с 23 душами⁹. В Гахово значилось 147 дворов однодворцев и их крестьян с 421 душой, 4 малороссийских двора с 24 душами, 490 дес. дровяного лесу, 10 дес. «селидебного» (строевого) лесу, действовала каменная церковь во имя Сретения Господня, при которой состояло 2 священноцерковнослужительских двора с 7 душами¹⁰. Деревянные церкви упоминаются в Казачьей слободке, селах Пселецком, Троицком и Филатове.

Из каменных храмов Обоянского уезда наиболее древними были ныне не существующие обоянская Троицкая церковь, основанная в первой половине XVIII в. (она запечатлена на одной из фотографий нынешнего Свято-Троицкого соборного храма), Знаменская и Предтеченская церкви Обоянского Знаменского монастыря, а также сохранившаяся обоянская Смоленская церковь, построенная в 1790 г. Есть предположение, не подкрепленное, впрочем, документами и исследованиями, что на месте теперешней Смоленской церкви стояла Георгиевская церковь, основанная вновь на месте обоянского кладбища.

В 1845 г. Смоленская церковь была «возобновлена» пристройкой двух каменных приделов. Имена храмоустроителей, к сожалению, остались неизвестны. Подробного описания церкви не имеется, но об ее облике и состоянии свидетельствует составленная в 1920 г. опись: «храм теплый, одноэтажный, с одной главой, покрытый железом, крест на главе железный прорезной, наружная поверхность оштукатурена... На колокольне 10 колоколов...»¹¹. «Главный престол во имя Смоленской Богоматери, правый во имя Иоанна Блаженного Устюжского Чудотворца, левый Великомученицы Параскевы.

Жалования двум священникам, диакону и двум псаломщикам не положено»¹². «Земли церковной вместе с погостом 11 десятин 11 квадратных сажень, пахотной 45 десятин, сенокосной 22 десятины. Дома для священноцерковнослужителей как такового нет». В фасаде ограды были устроены два каменных флигеля: один для приходской школы и церковной сторожки, другой с разрешения епархиального начальства отдавался под квартиру, а вырученные средства шли на содержание школы¹³. Школа была мужская, двухкомплектная, на ее содержание отпускалось 285 руб.¹⁴

Церковь Смоленской иконы Божией Матери в Обояни. 1790 г.

При церкви накануне революции служили протоиерей Александр Алексеевич Сахаров, член Обоянского отделения епархиального училищного совета, заведующий (с 1911 г.) церковно-приходскими школами Обояни¹⁵, псаломщик Леонид Иульянов Алтунин, выходец из крестьян, находившийся с 1915 г. в действующей армии по мобилизации¹⁶, исполняющий обязанности псаломщика Василий Михайлов Дудкин, также выходец из крестьян и также мобилизованный в 1914 г. в действующую армию¹⁷. При церкви проживала вдова священника с. Заломного Суджанского уезда Мария Георгиевна Истомина и вдова дьякона с. Верхопенья Мария Фомина дочь Булгакова.

Существует легенда, что Смоленский храм навещала и молилась в нем возвращавшаяся из Крыма в Москву Екатерина II. Достоверным же фактом является пребывание ночью в храме гроба с телом умершего императора Александра I по дороге в Москву же.

В писцовых книгах Обоянского уезда конца XVII в. есть сведения о сельских храмах. Например: «Село Стретенское, Гахово тож..., у той церкви поп Иоанн Леонтьев..., к той церкви на кладбище намерено земли, где погребаются усопшие... 30 сажен. Против церкви и кладбища дано стретенскому попу Иоанну Леонтьеву с церковники под усадьбы и гуменники к колодезю Гахову... земли до крутого вражка 3 десятины, ...на пашню земли 20 четей в поле, а в дву по тому ж, а лес ему, попу, с причетники сечь в Гаховых лесах и по дубравам в вобче с помещики...»¹⁸

Строительство храмов инициировалось либо однодворцами, что характерно для первых церквей, в большинстве своем деревянных (в конце XVII — начале XVIII в.), либо состоятельными землевладельцами, такими как графы Клейнмихели, князья Юсуповы и Долгорукие, а также богатыми купцами, которые, как правило, выделяли свою землю под строительство храма.

В 1772 г. однодворцы д. Липовец Обоянской округи обратились с ходатайством о строительстве церкви. Свою инициативу они обосновывали и естественным стремлением верующих иметь в родной деревне храм, и препятствиями на пути к ближайшей церкви в виде болотистой местности и половодья, и неспособностью храма Сретения соседнего с. Гахова вместить даже прихожан своего села, и самодостаточностью при решении вопроса о финансировании задуманного ими строительства. Воронежский епископ Тихон писал по этому поводу, что «хотя де поуказанная деревня Липовец от села Гахова и не в дальнем расстоянии состоит, но как де по свидетельству Обоянского Знаменского монастыря игумена Сильвестра оказалось затруднительными переправами оной деревни жители в слышании божественного пения и нужных христианских треб, а во святые четыредесятицы исповеди и с того причастия подлинно лишаются. К тому же у помяненного села в Стретенскую церковь, кроме деревни Липовца, гаховские жители с немалой теснотою поместиться могут и с чего де открывается, хотя оной деревни Липовца некоторые ко оной церкви дойдут, но по таковой тесноте едва ль слышания божественного пения достаиваются: по какой крайней необходимой нужде в обоянской деревне вновь церкви будет потребно, на сооружение которой материалов приготовлено и денег собрано довольное число и в построении той никакого недостатка не предвидится, а о довольствии священника с причетники о получении по всегдашнему священнослужению потребного утверждение ко намерению их оказывается несумнительное»¹⁹. История строительства церкви в Липовце, законченное к 1779 г., является примером тщательно продуманного и достаточно быстро реализованного проекта, устроившего своей экономичностью и государству, и местных жителей.

Примером иного рода может служить история с храмом в с. Сухая Солотина Обоянского уезда. В 1826 г. однодворцы этого села обратились к епархиальному начальству с инициативой возведения вместо обветшавшей деревянной церкви каменной. Проект был согласован в разных инстанциях, но на стадии его рассмотрения Синодом произошла заминка. Ober-прокурор Синода кн. П. С. Мещерский запросил мнение о проекте председателя Строительного комитета В. С. Ланского, который принял решение о составлении плана, фасада и сметы заново. Строительство этого храма с измененным первоначальным проектом было завершено в 1833 г.

Церковь Успения Пресвятой Богородицы в с. Рыбинские Буды. 1896 г.

Освящение храмов проходило всегда празднично и многолюдно. 29 октября 1909 г. освящен был вновь устроенный храм Казанской Богоматери в д. Череновой Обоянского уезда. Совершал его местный священник Андрей Чефранов при участии шести священников. 1 ноября того же года был освящен новоустроенный храм взамен сгоревшего в с. Спасском того же уезда. Производил освящение протоиерей обоянской Смоленской церкви Феодор Косминский при участии местного благочинного священника Михаила Четверикова и трех соседних священников²⁰.

Согласно справочной книге Курской епархии 1908 г., в Обоянском уезде действовало свыше 90 церквей. До нашего же времени из них сохранилось лишь несколько, причем некоторые пребывают в ветхом и запущенном состоянии. После 1917 г. храмы претерпели забвение, унижение и разорение и стали возрождаться лишь в 1990-е гг.

Большинство храмов Обоянской округи просты по своему архитектурному устройству и внутреннему убранству. Лишь церковь Космы и Дамиана в Косиново (1909 г.) включена в «Список выявленных объектов культурного наследия, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность»²¹.

О строителях первых деревянных храмов Обоянского уезда упоминаний в источниках не найдено, но очевидно, что это были курские, белгородские или харьковские мастера, имеющие опыт возведения церквей в городах.

Имена многих храмостроителей не дошли до нас. Известны лишь некоторые из них. Так, Троицкий храм в Ивне (1859 г.) построен Клейнмихелями, Успенский храм в Рыбинских Будах (1896 г.) — князем Юсуповым. Некоторые церкви сооружены по инициативе помещиков и купцов, о чем мы узнаем из метрик храмов. В метрике 1887 г. строителем церкви Михаила Архангела в Гостомле (1868 г.) назван суджанский купец Иван Степанов Ванеев. Преображенская церковь в с. Долгий Колодезь выстроена помещиком Григорием Петровым Шагаровым в 1871 г.²²

Храм Георгия Победоносца в с. Филатово. Конец XIX в.

Священник Николаевской церкви с. Бушмино (основана в 1856 г.), заполняя метрику 1887 г., писал о храме так: «Церковь деревянная, простой топорной, притом грубой работы; дерева не отесаны, на многих можно найти кору, углы неправильные, дерева лежат одно на другом также неправильно. О главном мастере тоже никаких известий. Говорят, что строитель был священником, который строил церковь из общественных дубов»²³.

Архитектор Курской казенной палаты П. С. Грознов строил храмы в начале XIX в., в том числе проектировал храм в Сухой Солотине. Губернский архитектор А. Н. Еремеев участвовал во второй половине XIX в. в строительстве храма Михаила Архангела в Гостомле и реконструировал храмы Обоянского Знаменского монастыря. В архитектурной мастерской Б. Г. Перепятковича был разработан проект храма в с. Березовое Обоянского уезда. Гражданский инженер, а затем курский епархиальный архитектор В. Г. Слесарев известен как автор проектов церквей в селах Обоянского уезда Быканово, Покровское, Ново-Ильинское, Белица и Филатово. Сохранились проектные чертежи этих храмов.

Храмы Обоянского Знаменско-Богородицкого монастыря. В описании обители, составленном архимандритом Анатолием (Ключаревым), говорится: «нужно полагать, что построение Обоянского монастыря последовало в 1663–1664 г., когда и сам город из сторожевого преобразован был в уездный. По выписи из межевых книг писца Абрама Мантурова 1691–1697 г., выданной в 1752 г. по челобитью Обоянского монастыря наместника иеромонаха Августина “...в Обоянском городе на посаде построен монастырь во имя Знамения Пресвятыя Богородицы, а в приделе святых преподобных отец Зосимы и Савватия Соловецких, по реке Пслу, в вышнюю сторону Обоянского города за большим врагом, что с леском, на старинном городище, дано к монастырю под монастырский двор, и под дворы, и под огороды всяких монастырских слуг и служебников земли 8 десятин...”²⁴ «По выписи из межевых книг 1691–1697 г. в новопостроенном Обоянском монастыре показана была одна церковь “во имя Знамения Пресвятыя Богородицы с приделом святых преподобных отец Зосимы и Савватия Соловецких”. Конечно и эта единственная церковь была деревянная, ... и ей суждено было сделаться жертвою пламени в 1700 г., истребившего тогда все без остатка. Но с 1730 г., как показывают нам документы сего монастыря, было здесь уже две церкви каменных, долгое время оставшихся с деревянною кровлею (по описи в монастыре в 1764 г. при архимандрите Наркиссе)²⁵.

Здесь уместно привести фрагмент метрики Обоянского Знаменского монастыря 1887 г., в которой архимандрит Вонифатий сообщает, что «обе церкви построены в 18-м столетии, позднее 1700 г., потому что по сказанию монастырских документов церковь со всеми постройками была истреблена пожаром 1700 года»²⁶.

Вопрос о времени сооружения каменных храмов Знаменского монастыря актуален еще и потому, что на старой открытке с изображением обоянского Свято-Троицкого собора указано, что каменная Троицкая церковь постройки 1743 г. самая древняя в Обояни.

К сожалению, архимандритом Анатолием не названы документы, свидетельствующие о наличии двух каменных церквей в Знаменском монастыре, но он, видимо, ими располагал. В «Описании» архимандрит пишет, что по

ведомости 1764 г., представленной Обоянским монастырем в Казенный приказ, «настоящая церковь Божия во Знамение Пресвятой Богородицы значилась каменною как внутри, так и крышкою состоит не ветхая, построена христоролюбивым подаянием»²⁷. Шатер колокольни Знаменской церкви до 1850 г. был увенчан не крестом, а короной с небольшим крестиком. По мнению архимандрита Анатолия, эта корона, возможно, «напоминала собою о ктиторах сей обители или, по крайней мере, о щедротах из царского дома при воссоздании или же при возобновлении оной»²⁸. В 1850 г. сильная буря сорвала корону и она была заменена восьмиконечным крестом.

21 июня 1853 г. был утвержден «проект на перестройку и распространение церкви во имя Знамения Пресвятой Богородицы при монастыре в городе Обояни». Согласно этому проекту, церковь приобрела две пристройки и стала трехпрестольной: главный престол остался «в честь и славу иконы Знамения Пресвятыя Богородицы Курския», с северной стороны появился престол во имя св. Николая Чудотворца, с южной — Зачатия св. Анны. Перестройка была осуществлена на средства обоянской помещицы Варвары Николаевны Крыловой.

В 1877 г. архимандрит Вонифатий писал курскому епископу Сергию о необходимости замены обветшавшего купола храма. По резолюции епископа переделка купола была поручена епархиальному архитектору А. Н. Еремееву. 14 марта того же года харьковский купец К. Е. Гринвальд по контракту обязался сделать новые полы и двери, заменить купол и возвести еще четыре главы, а также оштукатурить и покрасить стены водяными красками, что и было им сделано.

Колоколов было шесть, самый большой из них был установлен при архимандрите Тихоне и ризничем и иеромонахе Пимене в 1851 г. В северном приделе церкви находился список с чудотворной иконы Богоматери Толгской.

Точное время постройки Предтечиевской (Предтеченской) церкви, находившейся к северо-востоку от Знаменской, неизвестно. Есть только сведения о том, что она была возведена «ижданием помещика Харлампия Перверзева»²⁹. До 1859 г. храм оставался однопрестольным. «Проект пристройки к существующей каменной церкви во имя Иоанна Крестителя при Знаменском монастыре в городе Обояни теплой церкви» был утвержден 10 февраля 1859 г. Предполагалось добавить к церкви два придела, а также пристроить с западной стороны галерею с входными крыльцами. Работа была возложена на орловского однодворца Я. А. Галактионова, который обязался пробить в здании восемь арок и устроить придел во имя Ильи Пророка на южной стороне церкви и придел в честь трех вселенских святителей на северной.

Следующее обновление Предтеченской церкви состоялось в 1871 г.: были сделаны три иконостаса, написаны иконы, церковь изнутри покрашена, в куполе написан «Бог Отец с херувимами», в главном алтаре — «Святой Дух», арки и окна расписаны под мрамор.

В алтаре церкви находилась икона Ченстоховской Божьей Матери. На окладе ее имелась надпись: «Изображение чудотворныя Ченстоховския иконы Пресвятой Богородицы, обретенная царицею Еленою в Иерусалиме, перенесенная в 1382 г. из Красной Руси в Польшу, где и до днесь»³⁰. Икона была пожертвована в Обоянский монастырь врачом, коллежским асессором Дмитрием Ивановичем Розовым в 1855 г.

В 1869 г. в перестроенном жилом двухэтажном корпусе монастыря был открыт еще один храм: «В честь и славу Нерукотворенного образа Спасова».

Судьба храмов в 1920–1970-е гг. 18 декабря 1917 г. был принят декрет, согласно которому записи актов гражданского состояния переходили к гражданским органам (ЗАГСам), а метрические книги храмов предписывалось передать в архивы различного уровня. Вследствие нестабильности работы этих учреждений, гражданской войны и др. многие документы были потеряны.

Постановление ВЦИК от 23 февраля 1922 г. «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих» подорвало и без того шаткую материальную базу храмов и приходов. Обоянский Знаменский монастырь, переживший несколько пожаров, вынужденное переселение в Белгород, угрозу разжалования в приходскую церковь, в один миг был закрыт по надуманным мотивам. Начало этому было положено на заседании Президиума Курского губисполкома 4 сентября 1923 г. Вот выписка из журнала Президиума Обоянского уисполкома от 13 ноября 1923 г.: «Слушали: Выписку из журнала заседания Президиума Курского ГИК № 64 п. 6 по вопросу о закрытии Знаменского монастыря. Постановили: в виду того, что во время регистрации религиозных обществ Знаменский монастырь не был зарегистрирован, как община верующих, почему таковой считать закрытым, предложив общему отделу принять все имущество монастыря»³¹.

В 1930–1940-е гг. происходило массовое закрытие храмов по постановлению Курского губисполкома. Основанием для большинства из них, как считали власти, было малое число прихожан и неспособность общин содержать приход.

В годы Великой Отечественной войны на оккупированной территории с разрешения германских властей были вновь открыты приходы при храмах, поскольку оккупанты полагали, что это будет способствовать умиротворению населения.

После войны количество действующих храмов оставалось по-прежнему незначительным. Многие святыни были перепрофилированы под клубы и зернохранилища.

Общины старались всеми силами сохранить приход. Священник Успенской церкви Рыбинских Буд Абрисимов сообщал курскому епископу Леониду (Полякову) телеграммой от 9 марта 1962 г.: «Доношу Вашему Преосвя-

щенству о том, что когда я был у Вас, Вы приказали мне забрать престола святые дары, мира и антимины и привезти Вам. Антимины находятся у меня, хотел везти Вам, церковная община возражает, прошу Вашего благословения оставить на месте или привезти Вам. Дайте ответ сегодня»³².

Храм Покрова Богородицы в с. Каменка. 1894 г.

Сохранилось и письмо-ходатайство прихожан с. Гридасова о возобновлении работы молитвенного дома, датированное 1960 г. (орфография сохранена): «Святейший епископ Леонид, просим мы, верующие села Гридасова Обоянского района. А Вы уже об этом знаете, что нас лишили молитвенного дома, мы остаемся сиротами, притом усю святыню от нас забрали и передали у собор Обояни. Отец Михаил заявляет нам, верующим, чтобы мы узяли крест похоронный, говорит, как вы хороните мертвецов без священника и без креста, приетте и возьмите, есть, вот как раз послали и меня за крестом, обратился к отцу Михаилу, он посоветовал обратица к благочинному Ивану молодому...»³³. На это письмо был получен ответ: «Церковному совету и верующим молитвенного дома села Гридасово Обоянского района. На вашей жалобе на имя святейшего патриарха об открытии молитвенного дома в селе Гридасово преосвященнейший Леонид, епископ Курский и Белгородский,

положил резолюцию: “По вопросу открытия молитвенного дома вам необходимо обратиться к уполномоченному Совету по делам Русской православной церкви по Курской области”»³⁴.

Руины церкви Космы и Дамиана в с. Любач. 1810 г.

Во всех документах фигурируют списки так называемых «двадцаток», т. е. церковных советов, куда входили священники, церковные старосты, члены ревизионной комиссии и т. д. Органы эти были по своей сути демократичными, но в силу своей многочисленности и частых выборов и перевыборов между прихожанами возникали острые дискуссии о персональном составе советов и выполнении их членами своих служебных функций, как это было, например, в Свято-Троицком храме Обояни и Успенском храме Рыбинских Буд.

Подводя итоги этому грустному периоду в истории храмов, следует все же отметить, что духовная жизнь полностью не прекращалась: прихожане пытались отстоять свои святыни, а при невозможности это сделать посещали ближайшие церкви.

Возрождение церковной жизни в новейшее время. Из 18 ныне существующих приходов Обоянского района лишь в немногих идет постоянная служба, а в некоторых священники приезжают служить из других храмов. Попытку возрождения разрушенных церквей на основе найденных в архивах документов предпринимают многие, как, например, в Зорино, где на месте

храма поставили памятный знак. Однако, как правило, дальше согласования с благочинными и попыток найти меценатов дело не идет.

Жители Обояни и Обоянского района ведут организационную работу по возможности восстановления Обоянского Знаменского монастыря, но дело это деликатное и хлопотное, поскольку на территории обители теперь расположена коррекционная школа.

В с. Долженково инициативу по восстановлению храма взяли на себя уроженцы села, живущие в Москве. О храме Косьмы и Дамиана в Косиново пекутся потомки церковнослужителей, живущие в Америке. В с. Любач теперешнего Медвенского района священник Бережной пытался организовать прихожан на ремонт храма, завезли дубовые балки, договаривались о стройматериалах, но со смертью батюшки дело заглохло. В Медвенке меценаты подняли на колокольню Успенского храма колокола, отлитые в Воронеже, а энтузиасты — последователи казачьих традиций поставили на въезде в поселок поклонный крест. В Медвенском районе создан фонд в поддержку возрождения храмов, руководит которым глава администрации.

Обоянская Смоленская церковь, старейшая из ныне существующих в районе, долгое время вела тяжбу с администрацией Обояни за прилегающую к храму землю: растущий приход и большие расходы на реставрацию храма требуют средств и земельных ресурсов.

Памятный знак Сретенской церкви в с. Гахово.

27 сентября 2010 г. в канун престольного праздника св. Никиты в с. Гахово нынешнего Медвенского района у места, где находился Сретенский храм с приделом великомученика Никиты, возведенный в 1745 г., был поставлен памятный знак. В его основе три массивных бутовых камня, олицетворяющих символ Троицы. На основном камне весом свыше 5 тонн прикреплены керамические доски с памятной надписью и образом св. Никиты. На двух других камнях установлены образ Сретения Господня и гранитная плита с высеченными именами священнослужителей Сретенской церкви, выявленных по архивным источникам. Памятный знак установлен у входа на кладбище и выполняет ритуальные функции. Художниками-керамистами выступили Лев и Лидия Резцовы, потомки известной поэтессы Лидии Шелест и писателя Бориса Башилова. В настоящее время архитектором М. Ошкиным разработан проект восстановления храма Сретения.

*Проект восстановления Сретенской церкви с. Гахово
архитектора М. Ошкина (южный фасад)*

Примечания

¹ Из истории храмов Курской епархии: Обоянский и Суджанский районы / Под ред. В.Л. Богданова, М.М. Литвиновой. Курск, 2008.

² Танков А. А. Историческая летопись курского дворянства. М., 1913. Т. 1. С. 21.

³ Там же. С. 30.

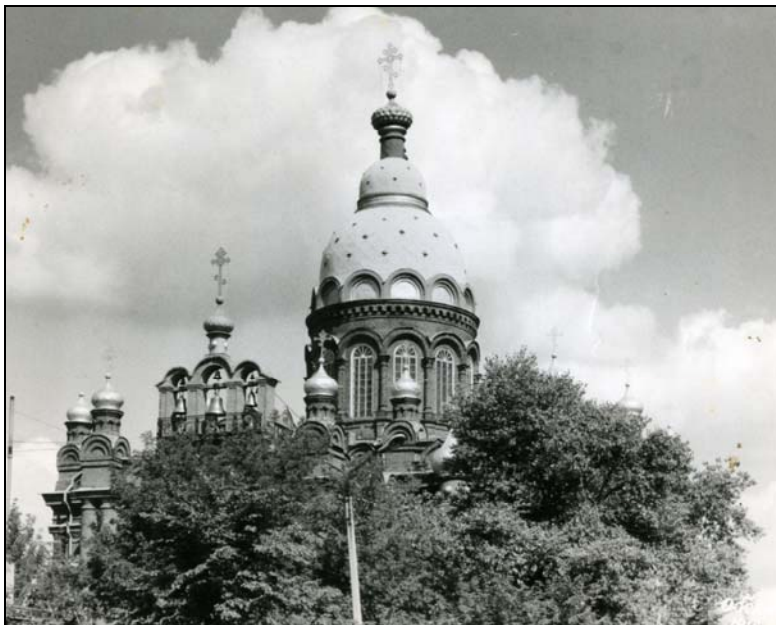
- ⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18800.
⁵ Там же. Ч. 1. Л. 163 об.
⁶ Там же. Л. 168.
⁷ Там же. Л. 172.
⁸ Там же. Л. 174.
⁹ Там же. Л. 178.
¹⁰ Там же. Л. 179.
¹¹ Из истории храмов Курской епархии. С. 20.
¹² ГАКО. Ф. 481. Оп. 1. Д. 21. Л. 9.
¹³ Там же. Л. 9 об.
¹⁴ Там же. Л. 11.
¹⁵ Там же. Л. 13 об.
¹⁶ Там же. Л. 19.
¹⁷ Там же. Л. 20.
¹⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 326. Л. 93.
¹⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 54. Д. 211. Л. 1.
²⁰ КЕВ. 1909. № 42. Ч. неофиц. С. 437.
²¹ Из истории храмов Курской епархии. С. 39.
²² ИИМК РАН. Ф. Р-3. Д. 2885. Л. 1 об.
²³ Там же. Д. 2686. Л. 2.
²⁴ *Анатолий (Ключарев А.). Историко-статистическое описание Обоянского Богородицко-Знаменского монастыря. Белгород, 1882. С. 15.*
²⁵ Там же. С. 20.
²⁶ ИИМК РАН. Ф. Р-3. Д. 2679.
²⁷ *Анатолий (Ключарев А.). Историко-статистическое описание... С. 21.*
²⁸ Там же. С. 22.
²⁹ Там же. С. 31.
³⁰ Там же. С. 36.
³¹ ГАКО. Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 1.
³² Архив Курской епархии. Дела Обоянского благочиния. Д. Успенской церкви Рыбинских Буд.
³³ Там же. Д. церкви с. Гридасово. Л. 12.
³⁴ Там же.

И. А. Росийченкова

ЦЕРКОВНЫЙ РАСКОЛ В ОБОЯНИ В 1990-е гг.

Соборный Свято-Троицкий храм Обояни был построен на средства прихожан и освящен в 1898 г. Площадь храма составляет 768 кв. м., он считается одним из самых больших в Курской области. После выхода декрета СНК РСФСР от 23 января 1918 г. Свято-Троицкий храм продолжал функционировать на основании устава и договора с Обоянским уездным исполкомом.

Обоянский Троицкий собор. 1898 г.

К началу Великой Отечественной войны, когда в Курской области действовали всего три храма, обоянский собор не функционировал. 19 декабря 1941 г. богослужения в нем возобновились. Священником стал Михаил Иванович Антонов. Сын священника, с духовным образованием, он до 1930 г. священствовал в с. Красниково, в 1931–1934 и 1936–1939 гг. был осужден по статье 58-10 («Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений»), отбывал ссылку, а во время оккупации Обояни немецко-фашистскими войсками был приглашен общиной верующих Троицкого собора на должность священника.

В августе 1944 г. был возобновлен договор о бесплатном и бессрочном использовании храма общиной верующих Свято-Троицкого прихода. М. И. Антонов еще долго оставался здесь священником. Службы в церкви стали проводиться ежедневно. Прихожанами храма были жители Обояни и пригородных сл. Казацкой и с. Стрелецкого, а также ближайших к городу селений. В 1950 г. возникла угроза закрытия храма: Обоянский райисполком обратился к епископу Нестору с предложением дать согласие на передачу церкви для засыпки зерна. Сохранить соборную церковь удалось ценой согласия на передачу под зерносклады церковей в селах Нижнее Солотино и Трубезж¹.

14 августа 1962 г. исполком Обоянского районного Совета депутатов трудящихся и религиозное общество Троицкой православной церкви заключили охранный договор по безвозмездному пользованию храмом и имуществом, которое было передано двадцати конкретным гражданам («двадцатке»), подписавшим договор. Согласно этому документу, райисполком передал религиозному обществу Троицкой церкви каменное здание в Обояни по ул. Ленина, 19, культовое имущество по описи, а также помещение, специально служащее для жилья сторожа².

В соответствии с Законом РСФСР «О свободе вероисповеданий» от 25 октября 1990 г. Троицкая община РПЦ (МП) подала соответствующие документы в отдел юстиции Курского облисполкома и 16 октября 1991 г. была зарегистрирована как религиозное объединение «Свято-Троицкий храм Курско-Белгородской епархии Русской православной церкви (Московский патриархат)» по адресу: Курская область, Обоянь, ул. Ленина, 19. Отделом юстиции было выдано свидетельство о регистрации устава религиозного объединения № 100 от 16 октября 1991 г.³

В данный период настоятелем Свято-Троицкого собора являлся игумен Иоасаф (в миру Валентин Владимирович Шибаев)⁴, назначенный на эту должность в 1985 г. архиепископом Курским и Белгородским Ювеналием. В 1991 г. Иоасаф был назначен игуменом Рыльского Свято-Никольского мужского монастыря⁵, но, пробыв в монастыре недолгое время, самовольно возвратился на служение в Обоянь.

В документах архивного фонда «Обоянский районный Совет народных депутатов и его исполнительный комитет Курской области» о решении конфликта о принадлежности здания Свято-Троицкого собора Обояни между прихожанами РПЦ (МП) и Свободной Русской православной церкви за границей (далее — СРПЦЗ) и в судебных решениях по данному делу, находящихся в архивном фонде «Обоянский районный суд Курской области», датой начала конфликта значится 19 августа 1991 г.⁶ Эта дата в ряде документов именуется днем захвата Иоасафом и его группой храма, а также двух жилых домов по ул. Ленина, 19 и по ул. Красноармейской, 51⁷.

На приходском собрании Свято-Троицкого храма, состоявшемся 8 сентября 1991 г., прихожане изъявили желание перейти в ведение СРПЦЗ и образовали приход Свято-Троицкого храма в Обояни. Устав вновь образованной религиозной общины зарегистрирован решением отдела юстиции Курского облисполкома № 103 от 25 октября 1991 г.⁸

1 октября 1991 г. группа прихожан в количестве 2663 чел. обратилась с заявлением в Обоянский райисполком о передаче в пользование культового здания Свято-Троицкого храма в Обояни. На основании данного заявления решением Обоянского райисполкома № 186 от 14 ноября 1991 г. «О передаче культового здания Свято-Троицкого храма в г. Обояни в пользование общины Свободной Русской православной церкви за границей» договор от 14 ав-

густа 1962 г., заключенный Обоянским райисполкомом и группой граждан общины о передаче в пользование культового здания Свято-Троицкого храма, был признан утратившим силу. Данным решением здание Свято-Троицкого храма и находящееся в нем культовое имущество было передано в безвозмездное пользование общине СРПЦЗ⁹.

С этого момента в Верховный Совет Российской Федерации, Курский облизполком, Обоянский районный Совет народных депутатов и его исполнительный комитет, Обоянский горсовет, администрацию Обоянского района, судебные органы, правозащитные организации были направлены десятки писем с тысячами подписей прихожан Обояни, относивших себя как к сторонникам игумена Иоасафа, так и к его противникам. В письме членов двадцатки в Обоянский горсовет говорится: «мы были в Троицком храме несколько лет до захвата Иоасафом..., всегда поминали в обедне курского епископа и московского патриарха. А теперь в обедне поминают французского патриарха и тамбовского епископа-самозванца. Иоасаф пусть едет за рубеж, а в Троицком храме будут другие священнослужители и служба будет как раньше христианская православная вера, все мы христиане, у нас католиков в Обояни нет и не будет» (16 подписей)¹⁰.

Непонимание происходящей ситуации в церковной жизни города было в головах не только рядовых прихожан, но, как видно из данного письма, даже членов двадцатки Троицкого храма, твердо убежденных, что храм захватили католики.

Комитетом защиты прав верующих Российской православной церкви — Ассоциированного члена Международного общества прав человека во Франкфурте-на-Майне в адрес председателя Обоянского райсовета народных депутатов 23 января 1992 г. было направлено письмо о недопустимости попыток вытеснения из Троицкого собора верующих, перешедших под юрисдикцию СРПЦЗ. Комитет предупредил, что данная ситуация находится на контроле в Международном обществе прав человека¹¹.

Курско-Белгородская епархия РПЦ (МП), ссылаясь на то, что Троицкий храм является принадлежностью РПЦ и находится в распоряжении Курско-Белгородской епархии, обратилась в Обоянский районный суд с заявлением об устранении препятствий в пользовании зданием храма и двумя жилыми домами в Обояни, построенными на церковные средства, так как добровольно В. В. Шibaев возвращать недвижимое и движимое имущество отказывается. Обоянский районный суд 10 марта 1992 г. определил, что решение Обоянского райисполкома № 186 от 14 ноября 1991 г. является незаконным и обязал администрацию Обоянского района в десятидневный срок привести в соответствие с законом решение о передаче здания Свято-Троицкого собора религиозному обществу. Решение было признано незаконным по причине нарушения норм гражданского законодательства, в частности, незаконным признано действие райисполкома по расторжению договора от 14 августа 1962 г. в одностороннем порядке.

Шибает, а также группа прихожан обратились с частной жалобой на вышеуказанное определение Обоянского райсуда в судебную коллегия по гражданским делам Курского областного суда. Судебная коллегия 14 апреля 1992 г. определила, что право передачи здания Свято-Троицкого собора кому-либо из религиозных организаций входит в компетенцию местных органов власти и отменила определение Обоянского районного суда.

Обоянский районный суд 12 мая 1992 г. определил, что, поскольку истцом и ответчиком в данном деле являются юридические лица, вышеуказанная тяжба не является подведомственной районному суду, и данный спор подлежит рассмотрению в Курском арбитражном суде. Шибает лично от себя направил кассационную жалобу на данное определение в судебную коллегия по гражданским делам Курского областного суда, но затем телеграммой отказался от жалобы¹².

В период между судебными тяжбами глава администрации Обоянского района вынес постановление № 69 от 12 марта 1992 г. «Об отмене решения исполкома Обоянского райсовета народных депутатов от 14.11.91 № 186». В постановлении говорится, что передача здания собора верующим общины СРПЦЗ принято без учета прав прежнего пользователя и в нарушение установленного порядка расторжения договоров. Это повлекло ущемление прав верующих Троицкой общины РПЦ (МП). Кроме того, в декабре 1991 г. устав и свидетельство о регистрации устава Троицкого прихода СРПЦЗ Обояни были аннулированы отделом юстиции облисполкома, так как религиозной общиной Зарубежной церкви Обояни и Братством преподобного Иова Почаевского при оформлении документов были незаконно использованы официальные бланки СРПЦЗ. Фактически Братство преподобного Иова Почаевского является автономным религиозным объединением, не находящимся в чьей-либо юрисдикции. Охранный договор, заключенный 29 ноября 1991 г. между Обоянским райисполкомом и церковным советом приходского собрания Свято-Троицкой общины СРПЦЗ был признан недействительным¹³. Но буквально через день областным отделом юстиции было выдано свидетельство о регистрации устава Свято-Троицкого прихода СРПЦЗ от 13 марта 1992 г. № 124¹⁴.

7 июля 1992 г. архимандрит Иоасаф, возведенный в этот сан СРПЦЗ, и члены приходского совета направили в адрес депутатов Обоянского районного Совета народных депутатов письмо с просьбой об отмене постановления главы администрации Обоянского района № 69 от 12 марта 1992 г. и заключении с общиной двух договоров: о безвозмездном пользовании храмом и имуществом и охранного. В письме указано, что к просьбе приложено 2200 подписей¹⁵.

25 августа 1992 г. на 13-й сессии 21-го созыва депутаты Обоянского районного Совета народных депутатов рассмотрели данную просьбу. На сессии от верующих СРПЦЗ выступил адвокат Ю. М. Боровков, заместитель

председателя Московской коллегии адвокатов, от депутатского корпуса выступили депутаты М. А. Гриднев, В. Н. Бычихин, В. М. Дмитриев. В выступлениях депутатов отмечалось, что нет конфликта между верующими, а есть конфликт между архимандритом Иоасафом и архиепископом Курским и Белгородским Ювеналием, в который втянули и прихожан. Слово было дано и архимандриту Иоасафу, который обвинил депутатов в том, что они не отстаивали интересы верующих. Он отметил, что его терроризируют представители Ювеналия, которые перед новым годом в храме сбили замки. Иоасаф напомнил, что люди объявляли голодовку, чтобы отстоять свой храм. Он резко высказался в адрес Ювеналия и патриарха Алексия и объявил, что не вернется в Курско-Белгородскую епархию до тех пор, пока над ними не свершится «суд Божий».

Депутаты приняли решение о принятии к сведению обращений верующих приходов Свято-Троицкого собора СРПЦЗ и Курско-Белгородской епархии РПЦ (МП), оставлении в силе постановления главы администрации района № 69 от 12 марта 1992 г., разрешении дела об имущественных взаимоотношениях сторон в Курском арбитражном суде в установленном закононами порядке (за — 39 депутатов, против — 3, воздержался — 1)¹⁶.

В то же время по поручению 13-й сессии Обоянского районного Совета председатель райсовета В. Д. Шахов обратился с письмом к председателю Курского арбитражного суда. В письме указывалось, что сессия решила обратиться в частном порядке к епископу Курскому и Белгородскому Ювеналию, чтобы он пошел навстречу большинству верующих в Обояни и чтобы Курско-Белгородская епархия добровольно передала в пользование обоянского прихода СРПЦЗ Свято-Троицкий храм. Автор письма просил при принятии решения арбитражным судом учесть это обстоятельство¹⁷.

Решением Арбитражного суда Курской области от 7 сентября 1992 г. право пользования храмом и принадлежащими ему зданиями было установлено за Свято-Троицким приходом РПЦ (МП).

2 октября 1992 г. в Арбитражный суд Курской области с иском о признании недействительным решения Совета от 25 августа 1992 г. обратился Свято-Троицкий приход СРПЦЗ, ссылаясь на то, что прежний пользователь имуществом храма (Троицкий приход Московского патриархата) самоликвидировался, а вновь зарегистрированной общине Московского патриархата, состоящей из 10–15 чел., передан храм Александра Невского в Обояни.

Решением Арбитражного суда Курской области от 28 октября 1992 г. доводы истца о самоликвидации Троицкой общины РПЦ (МП) были признаны не соответствующими фактическим обстоятельствам дела. Переход части верующих под духовное окормление СРПЦЗ суд счел недостаточным основанием для подтверждения права пользования имуществом храма. В решении указано, что 13 марта 1992 г. администрацией Обояни с Курско-

Белгородским епархиальным управлением, Свято-Троицкой общиной епархии перезаключен охранный договор на передачу в бессрочное пользование приходу Свято-Троицкой общины здания Свято-Троицкого собора и другого имущества. По указанным обстоятельствам требования истца были отклонены¹⁸.

В это же время в адрес Верховного Совета Российской Федерации были направлены телеграммы архиепископа Курского и Белгородского Ювеналия об оказании помощи в освобождении Свято-Троицкого храма, а также прихожан, перешедших в СРПЦЗ, с просьбой передать храм общине и привлечь к уголовной ответственности архиепископа Ювеналия. Прихожане Свято-Троицкого храма, духовным пастырем которых являлся Иоасаф, с 3 марта 1992 г. объявили бессрочную голодовку.

Комиссия Верховного Совета в составе заместителя председателя Комитета по свободе совести, вероисповедованиям, милосердию и благотворительности ламы Э. Цыбыкжапова, народного депутата М. Г. Астафьева и ведущего специалиста А. М. Залесского выезжала в Курскую область, встречалась с прихожанами обеих общин, знакомилась с официальными документами, статьями по данному вопросу, опубликованными в местной прессе. Комиссия пришла к выводу, что причина конфликта не в самих прихожанах (все они последователи одной веры), но в отношении Иоасафа к архиепископу Курскому и Белгородскому Ювеналию, которые переросли в конфликт, в который были втянуты прихожане. Никаких нарушений прав человека со стороны администрации Обоянского района и Курской области в отношении верующих СРПЦЗ комиссия не обнаружила. Нарушения прав человека были допущены в отношении верующих РПЦ (МП), так как вход в Свято-Троицкий храм был им запрещен и настоятель их общины Николай Гашпаренко был насильственно выдворен из храма. Комиссия заключила, что требования участников голодовки подлежат решению на законодательном уровне, а внутриконфессиональные проблемы должны решаться главами РПЦ (МП) и СРПЦЗ самостоятельно¹⁹.

В адрес архимандрита Иоасафа (Шибяева) было направлено открытое письмо Э. Цыбыкжапова, в котором говорится: «Только великая вера могла руководить людьми, не боявшимся никаких трудностей на выбранном пути... Мужественные ученики Христовы все переносили, и их вера распространялась на земле. Но вот настало время, когда Вам дана свобода не только верить и совершать богослужения, но и проповедовать учение, строить и восстанавливать храмы. Но в своем ослеплении пастырь забывает, какую великую милость оказала ему так называемая Московская патриархия, что без нее он не смог бы получить духовного образования, и, самое главное, приобщиться к священническому сану. Он, как грубый язычник, думает только о себе и говорит: “Это Мой приход, Мое создание, Я — говорю, Я — заявляю”. И это в адрес той Церкви, которая приютила и обог-

рела его до настоящего времени, дав ему место, избранное Богом для столь высокого служения, как проповедь учения Христа. Батюшка, Вы пришли спасать, а не губить! Где же ангельское незлобие? Где же любовь к ближнему? Зачем разделять людей на своих и чужих? И как можно спокойно взирать на людей, умирающих от голода и холода? Ты укрепи их пищей и питьем. А когда несчастные согреться и укрепятся, приведи их под сень храма. Только тогда ты станешь достойным Божественной благодати. Бог гордым противится, а смиренным дает благодать. Как истинный священник, я не стал бы на Вашем месте строго судить Московскую патриархию, работников отдела юстиции, прессу, местное радио и телевидение, а, самое главное, свою Родину и народ и просил бы о своих обидчиках: “Господи, не вмени им греха сего, ибо они не ведают, что творят”. Высокая жизнь в храме требует от Вас служения — трудолюбия, смирения и послушания, а не интриг и политических страстей»²⁰.

Руководство СРПЦЗ не стояло в стороне от данного вопроса. Весной 1992 г. в Обоянь прибыл управляющий делами СРПЦЗ, архиепископ Тамбовский и Обоянский Лазарь²¹. 25 мая 1992 г. в рапорте на имя митрополита Восточно-Американского и Нью-Йоркского, первоиерарха СРПЦЗ Виталия он докладывал, что события в Обояни очень тревожные. Свято-Троицкий собор управляется кучкой бунтарей, именующих себя церковным советом, спаянных с Иоасафом. Это люди, отмечал архиепископ, церковно-невежественные, грубые, требующие, чтобы архиерей слушался и подчинялся их воле, позволяющие себе вмешиваться в церковные дела архиерейской власти, ведущие себя по отношению к архиерею дерзко, по-хамски. Далее архиепископ Лазарь пишет: «Отец архимандрит Иоасаф не рассеивает это напряжение, а еще больше нагнетает его, отсутствуя на всех главных праздниках (Благовещение, Вербное Воскресение, вся Страстная Седмица, Пасха и т. д.). В день Победы 9 мая они требовали возложить венки к вечному огню и отслужить там панихиду. Я категорически отказался. О. архимандрит в этот тревожный день на приходе опять отсутствовал. Он своих обязанностей настоятеля не выполняет. Паству не успокаивает, проповеди в защиту нашей Церкви и меня не говорит. Три раза на меня делались открытые нападки от церковного совета. Были угрожающие звонки, анонимные письма с угрозами... Архимандрит их защищает и мои распоряжения игнорирует. Сорвали две архиерейские службы. Церковный совет угрожает сдать храм в Московскую патриархию. Чтобы избежать травли, я вынужден был покинуть дом в церковной ограде. Остальная паства относится благожелательно, но ее разжигают и настраивают против меня. Обстановка очень трудная, похожая на западную. У меня доверия к о. Иоасафу, его клирикам и церковному совету теперь нет. Живем каждый день под угрозой. П. С.: Дорогой владыка Лавр, прошу срочно передать это сообщение владыке митрополиту»²².

Архиепископ Лазарь (Журбенко).

16 июня 1992 г. архиепископ Лазарь составил обширный доклад митрополиту Виталию, председателю архиерейского синода и членам священного синода СРПЦЗ, подготовленный «из наблюдений нашей церковной жизни за время открытого существования в России». Архиепископ указывал, что открытие приходов СРПЦЗ в России — это игра, или точнее западня, что возникают трудности и в регистрации епархии, дома невозможно дороги, землю в собственность не дают, в аренду брать опасно, старые храмы брать нет смысла, так как они все равно патриархийные. Единственная возможность — построить свой молитвенный дом, но для этого нужны люди, а «интеллигенция советская для этого не способна, а рабочий класс весь спившись... На перифериях в храмах одни старухи, да и те совдеповцы, бывшие комсомолки 30-х годов. У них советская власть вошла в плоть и кровь, мышления все советские, они агрессивны настроены к западным странам, и даже к Русской зарубежной церкви относятся с недоверием и настороженно. А если есть настоящие православные, то их мало и живут в разных местах страны».

Далее в докладе архиепископ Лазарь характеризует церковный совет Обояни как сборище типичных совдеповцев, упорных, злых, на все способных людей. Он пишет: «Они не подчинялись в Московской патриархии и никакого архиерея нашей церкви не собираются ни в чем слушаться... против меня началась агрессивная война и травля, чтобы выжить меня из Обояни, ...забросали оскорбительными анонимками, по телефону угрожали мне и близким сломать шею и переломать кости, потом трижды были групповые нападения, а затем они написали открытое письмо с подписями церковного совета с требованиями мне покинуть Обоянь, что я развалил приход, с угрозой уйти в Московскую патриархию. После этого я указом вернул о. Иоасафа в Обоянь, говорил с ним, но он всецело стоит на стороне церковного совета, оправдывая все их поступки и поддерживая их... Я прожил в Обояни почти под домашним арестом, почти никуда не выходил из церковной сторожки, где меня охраняли три верные мне человека. Выходил только в воскресные и праздничные дни для службы. С Благовещения о. Иоасаф отсутствовал на всех главных службах. Пасху с трудом отпраздновали, и то вызвали кубанских казаков, которые несли охрану, ибо, как стало известно, готовилась провокация. Кубанские казаки почти всю неделю от Страстного Вторника до Светлого Понедельника дежурили в церковной сторожке, во дворе, на колокольне и в храме... Я в Обояни оказался в треугольнике. Из всех моих наблюдений следует, что все эти игры с переходом к нам есть просто спектакли, и разыгрываются они не только в Обояни, но и в других местах. Бабушки, которые голодали 11 суток, толком не знали, ради чего они голодают. И не ради того, чтобы храмы передали Свободной Российской церкви, а потому, что архиерей Ювеналий обидел о. Иоасафа. Старухи не знают, что такое Русская зарубежная церковь, да и сам о. Иоасаф тоже особо не хочет о ней знать».

Далее в докладе содержится предположение о вербовке о. Иоасафа органами КГБ и о его замысле сделаться епископом СРПЦЗ в Обояни. В отчаянии архимандрит Лазарь пишет, у него остался один выход — уйти или в катакомбы, или на покой, но он ждет из зарубежья отеческого совета и благословения, как в дальнейшем быть, может ли он оставаться Тамбовским и Обоянским или нужно сменить титул²³. В начале 1993 г. архиерейский синод СРПЦЗ почислил архиепископа Лазаря на покой с освобождением его от управления епархией²⁴.

В постановлении главы администрации Обояни № 138 от 6 октября 1993 г. отмечено, что в соответствии с охранным договором Свято-Троицкий храм находится в пользовании прихожан общины РПЦ (МП) после выселения в судебном порядке из него религиозной общины Свято-Троицкого прихода СРПЦЗ. При этом архиепископ Курский и Белгородский Ювеналий был вынужден обратиться за помощью к ОМОН, так как и после решения суда храм Шибаевым добровольно возвращен не был.

*Курский ОМОН и «иосафовские бабушки».
Принудительное выселение из незаконно удерживаемого храма. 1993 г*

Не имея места для проведения богослужений, религиозных обрядов и церемоний, отдельные прихожане, являвшиеся сторонниками Иоасафа, расположились для осуществления религиозных обрядов и церемоний около Свято-Троицкого храма, на тротуаре центральной улицы Обояни вдоль автомагистрали Москва — Харьков, т. е. на территории, находящейся в распоряжении городской администрации. Тем самым были грубо нарушены требования ст. 23 Закона о свободе вероисповеданий. Глава города постановил запретить проведение богослужений в общественном месте, о чем уведомил заинтересованных лиц, в том числе председателя приходского совета Шибаева. Начальнику местной милиции было поручено принять меры к охране общественного порядка и пресечению противоправных действий со стороны сторонников Шибаева. Глава Обояни А. М. Шумаков обратился к главе администрации Обоянского района И. А. Воронову с ходатайством об оказании содействия членам Свято-Троицкого прихода СРПЦЗ в обеспечении реализации их прав на свободу вероисповедования путем изыскания возможности выделения отдельного помещения для богослужений²⁵.

Верующие у храма. 1993 г.

*Богослужение у стен обоянского Троицкого собора.
В центре о. Иоасаф (Шибяев). 1993 г.*

Распоряжением главы администрации Обоянского района № 65-р от 19 апреля 1994 г. религиозному объединению СРПЦЗ было передано в долгосрочную аренду сроком на 15 лет бывшее помещение комбината бытового обслуживания по ул. Луначарского, 24/91-а с последующим переоборудованием его для молитвенных целей²⁶. Другим распоряжением главы администрации Обоянского района № 184-р от 5 октября 1994 г. было признано целесообразным передать данное здание религиозному объединению СРПЦЗ в собственность²⁷.

Здание Свято-Троицкого прихода Украинской православной церкви Киевского патриархата в Обояни. 2010 г.

В конце 1994 г. архимандрит Иоасаф вместе со своим приходом перешел в Украинскую православную церковь Киевского патриархата (УПЦ (КП)), а в феврале 1995 г. был рукоположен в епископа Белгородского и Обоянского УПЦ (КП). Определением архиерейского собора РПЦ от 19 декабря 1997 г. запрещенный в священнослужении игумен Иоасаф (Шибачев) был извержен из священного сана. Оставаясь в составе УПЦ (КП), он в январе 2000 г. был наделен титулом «архиепископа», а впоследствии назначен постоянным членом священного синода УПЦ (КП)²⁸.

Постановлением главы Обояни № 117 от 22 декабря 1999 г. за Свято-Троицким приходом УПЦ (КП) Обояни закреплен в постоянное (бессрочное) пользование земельный участок общей площадью 370 кв. м²⁹.

В период с 2000 по 2011 гг. изменений в структуре, функциях и подчиненности Свято-Троицкого прихода УПЦ (КП) не произошло. Старинное же здание Свято-Троицкого храма Обояни принадлежит Свято-Троицкому приходу Курской и Рыльской епархии Московской патриархии.

Примечания

- ¹ Из истории храмов Курской епархии: Обоянский и Суджанский районы / Под ред. В. Л. Богданова, М. М. Литвиновой. Курск, 2008. С. 14–16.
- ² АО АОРКО. Ф. Р-11. Оп. 3. Д. 1628. Л. 37; Д. 1667. Л. 38.
- ³ Там же. Д. 1667. Л. 5.
- ⁴ Иоасаф (Валентин Владимирович Шибает), родился 2 января 1954 г. в с. Пристань Шебекинского района Курской области (см. о нем справку в Википедии).
- ⁵ АО АОРКО. Ф. Р-11. Оп. 3. Д. 1667. Л. 34.
- ⁶ Там же. Л. 1.
- ⁷ Там же. Ф. Р-417. Оп. 1. Д. 1090. Л. 149.
- ⁸ Там же. Ф. Р-11. Оп. 3. Д. 1628. Л. 37.
- ⁹ Там же. Л. 37–38.
- ¹⁰ Там же. Д. 1667. Л. 1–2.
- ¹¹ Там же. Л. 7.
- ¹² Там же. Ф. Р-417. Оп. 1. Д. 1090. Л. 149–165.
- ¹³ Там же. Ф. Р-11. Оп. 3. Д. 1667. Л. 8–9.
- ¹⁴ Там же. Л. 10.
- ¹⁵ Там же. Л. 14–15.
- ¹⁶ Там же. Д. 1649. Л. 5–9, 65–66.
- ¹⁷ Там же. Д. 1667. Л. 21.
- ¹⁸ Там же. Л. 29–30.
- ¹⁹ Там же. Л. 34–35.
- ²⁰ Там же. Л. 37.
- ²¹ Лазарь (Федор Иосифович Журбенко) (10.02.1931–30.06.2005), деятель Катакомбной церкви, основатель Русской истинно-православной церкви («лазаревская» ветвь Российской катакомбной церкви) (см. справку о нем в Википедии).
- ²² АО АОРКО. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 1667. Л. 57.
- ²³ Там же. Л. 58–65.
- ²⁴ Церковный листок [Электронный ресурс]. URL: <http://www.listok.com/images/sobor2141.jpg> (29.10.2012).
- ²⁵ АО АОРКО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 12. Л. 14–15.
- ²⁶ Там же. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 70. Л. 95.
- ²⁷ Там же. Д. 71. Л. 96.
- ²⁸ Антираскол: Информационно-справочный портал по расколоведению [Электронный ресурс]. URL: <http://www.anti-raskol.ru/pages/1200/> (29.10.2012).
- ²⁹ АО АОРКО. Ф. Р-28. Оп. 3. Д. 11. Л. 311.

Е. С. Карнук

ОБОЯНСКИЕ КОРНИ ИЗВЕСТНЫХ ЛЮДЕЙ

К родословной Буцинских. В правление императрицы Екатерины Великой служил в Георгиевской церкви сл. Берёзовки (в то время Богатенской округи Курского наместничества) священник Никита Михайлович Буцинский. Он имел двух сыновей: Ивана и Алексея, потомки которых оставили заметный след в российской истории¹.

Иван в 1793 г. получил место дьячка во вновь построенной Богородицкой церкви сл. Красной Богатенской округи, вошедшей вскоре в Обоянский уезд, а Алексей с 1787 г. состоял пономарем в Дмитриевской церкви с. Дмитриевки той же округи. Оба служили в этих приходах до конца жизни.

В 1805 г. Иван умер, а его единственный сын Петр вернулся в Берёзовку в приход деда на пономарскую должность².

Трое сыновей Алексея Никитича подвизались на причетнических должностях в приходе отца в Дмитриевской церкви с. Дмитриевки Обоянского уезда. У дьячка Стефана Алексеевича было пятеро сыновей и две дочери. Старший, Иван, ушел в Обоянский Знаменский монастырь, Андрей стал наставником Афанасьевского сельского училища. Никита Стефанович Буцинский прослужил священником в Крестовоздвиженской церкви с. Никольского Щигровского уезда и затем в Георгиевской церкви с. Донецкой Семицы Тимского уезда. В 1896 г. «Курские епархиальные ведомости» оставили его словесный портрет: «маститый старец», «благообразный и совершенно убеленный сединами старец», «еще сравнительно бодрый телом и духом»³. По свидетельству официального источника, отец Никита был «достатка по многосемейности бедного», рано овдовел, но «не пал духом; свято выполнял свой нравственный долг, с истинно отеческой любовью заботился о счастье своих детей»⁴. Надо заметить, заботился отец Никита не только о собственных детях, но и о родителе и незамужней сестре, проживавших с ним после выхода Стефана Алексеевича за штат.

Сыновья Никиты Стефановича не посрамили чести отца, по окончании духовной семинарии получили высшее образование. Первый, Николай Никитич, статский советник, преподавал латинский и немецкий языки в Полтавской духовной семинарии; второй, Петр Никитич, избрал научную стезю, стал доктором русской истории, профессором Императорского Харьковского университета.

В 1904 г. ученый составил автобиографический очерк, вошедший в книгу «Историко-филологический факультет Харьковского университета...»

Из этого источника следует: «Буцинский Петр Никитич, сын священника Курской губернии... родился в 1853 году. Первоначальное образование получил в Обоянском духовном училище, среднее — в Белгородской духовной семинарии и высшее — в Харьковском университете на историко-филологическом факультете. По окончании курса в 1879 году оставлен стипендиатом для приготовления к профессорской кафедре по русской истории. ... В 1881 году он держал магистерский экзамен по предметам русской истории, всеобщей истории и политической экономии; факультет единогласно признал экзамен удовлетворительным, и он получил звание магистранта русской истории. В том же году факультет единогласно постановил командировать его в Москву для научных занятий в тамошних книгохранилищах и архивах»⁵.

Результатом этой командировки явилась научная работа «О Богдане Хмельницком», получившая высокие оценки в рецензиях Н. И. Костомарова и В. Б. Антоновича⁶. Предложением министра народного просвещения от 20 февраля 1884 г. П. Н. Буцинскому было поручено «исполнение вакантной профессорской должности по кафедре русской истории в Харьковском университете».

Тогда же Петр Никитич принялся за подготовку докторской диссертации по теме о заселении Сибири. Для этой цели он много работал в Москве в архивах Министерства иностранных дел и Министерства юстиции. В 1889 г. его работа «Заселение Сибири и быт первых ее насельников» вышла в свет. В следующем году состоялась публичная защита, и университет св. Владимира в Киеве удостоил Буцинского высшей ученой степени — доктора русской истории. Труд «Заселение Сибири...» отметила своим вниманием и Академия наук, увенчав автора премией Серебрякова в размере 1500 руб.

В 1890 г. Петр Никитич был назначен экстраординарным профессором, а в 1893 г. — ординарным профессором русской истории.

В тот период революционные либеральные настроения проникли во все сферы российской жизни. Профессор осознавал, насколько они опасны для русского общества. Убежденный монархист и русофил, Петр Никитич Буцинский видел «в сознательном служении творческим началам Православия, Самодержавия и Народности основу благоденствия и развития России, залог избавления от внешних и внутренних опасностей»⁷. В 1907 г. в журнале «Мирный труд» была опубликована его статья «Забытые уроки истории» на злободневную тему о работе Государственной Думы⁸. Монархические взгляды профессора раздражали либералов. Петр Никитич испытал на себе некий пресс «прогрессивных» коллег по университету.

Скончался П. Н. Буцинский 31 октября 1916 г. под Харьковом. Газета «Южный край» опубликовала такие строки его ученика, профессора Е. П. Трифильева: «Петр Никитич был человеком редких душевных качеств, прямой... никогда не скрывавший своих убеждений, как бы они ни шли вразрез иногда с существовавшими обстоятельствами, но всегда их высказывав-

ший с такой прямоотой и искренностью, что невольно подкупал даже людей противоположного образа мыслей и заставлял их уважать эти убеждения. Сам не способный ни на малейшую кривизну по отношению к другим, Петр Никитич и по отношению к себе никогда не подозревал ее со стороны других, отсюда его доверчивость к окружающим, за которую ему нередко приходилось дорого платиться. Сердце у него было золотое: доброе, отзывчивое на людскую беду, всегда готовое откликнуться, помочь чем можно»⁹.

Имя профессора Буцинского, убежденного монархиста, не вписывалось в ряд новоиспеченных ученых, по-новому толковавших историю «государства рабочих и крестьян». «Прогрессивные» ученики и бывшие оппоненты профессора сотрудничали с революционными властями и, заделавшись «советскими» историками, всячески затирали труды Буцинского. Но исследования Петра Никитича по истории Сибири снискали в ученом мире единодушное признание и обойти столь значимый труд было невозможно. Имя его сохранила «Сибирская советская энциклопедия». В современной России переиздание трудов П. Н. Буцинского было осуществлено в Москве и в Тюмени.

Вернемся к ветке Ивана Буцинского. У его сына Петра Ивановича было шесть дочерей и сын Тимофей. Из десятирех его детей один сын — Дмитрий Тимофеевич — отличился особо¹⁰.

Учился Дмитрий на медицинском факультете Харьковского университета, где вошел в политический кружок, а после изгнания из университета стал агентом исполнительного комитета «Народной воли», организации, сыгравшей зловещую роль в истории России. Объяснял Дмитрий свои взгляды так: «Я бы хотел мирного, но постепенного прогресса России, но я предпочитаю революционный переворот... Молодежь не жалеет, что она должна оставить столько жертв...».

Как известно из отечественной истории, 9 февраля 1879 г. в Харькове было совершено дерзкое преступление. На подножку кареты местного губернатора Д. Н. Кропоткина вскочил человек и в упор разрядил в него револьвер. Убийца скрылся (губернатор ездил по городу без охраны). Через неделю Кропоткин скончался в больнице, а Харьков наводнили угрожающие листовки «Народной воли», в которых утверждалось, что «политическое убийство — один из лучших агитационных приемов...». Наглость и безнаказанность убийства потрясли все российское общество. Известная писательница Александра Богданович отметила: «Горсть людей действует безнаказанно, тревожит целое государство — и нельзя ее накрыть. Она же смеется над правительством, печатает брошюры, выпускает прокламации, судит своим кровавым судом...».

Безнаказанность была временной и только кажущейся. Исполнителя преступления Г. Д. Гольденберга вскоре арестовали, а с ним и его соучастни-

ков. В их числе оказался Д. Т. Буцинский (четвероюродный брат ученого). В 1880 г. Дмитрия приговорили к 20 годам каторги и через одиннадцать лет он умер от чахотки, бесславно закончив свой жизненный путь в Шлиссельбургской крепости.

Два человека из одного корня, и две такие разные судьбы... Один создавал и созидал, другой, став на путь террора, разрушал и сеял страх. Время всё расставило по местам. Несколько последующих поколений Буцинских явили России династии, преуспевшие в науках. Сегодня плодотворно трудится в Институте русского языка РАН научный сотрудник, кандидат филологических наук Ирина Алексеевна Корнилаева. Она из рода Буцинских, по ее просьбе мы и проводили исследование этого рода. Она занимается историей русского языка, участвовала в редактировании нового перевода «Слова о полку Игореве». Троюродная племянница Петра Никитича Антонина Дмитриевна Четверикова (1910–2006) была удостоена звания Заслуженной учительницы Литовской ССР, является автором учебников по русскому языку и литературе для литовских и польских школ. Созидательное, просветительское начало сохранили в себе и многие другие потомки этого рода.

Родословная Буцинских

I

1. **Михаил БУЦИНСКИЙ** *около 1715

Ж — NN

II

2-1. **Никита Михайлов БУЦИНСКИЙ** *1737

Священник Георгиевской церкви с. Березовки Богатенской окр.

Ж — Мария Петрова *1743

III

3-2. **Иван Никитин БУЦИНСКИЙ** *1765 †1805

С 1793 г. дьячок Рождество-Богородицкой церкви сл. Красной Богатенской окр.

Ж — Фекла Елиферьева *1767 †1831

4-2. Татьяна Никитина БУЦИНСКАЯ *1769

М (1787) — Иван СПИЦИН, однодворец с. Березовки

5-2. **Алексей Никитин БУЦИНСКИЙ** *1771 †1809

С 1787 г. пономарь Димитриевской церкви с. Дмитриевки Богатенской окр.

Ж (1786) — Анна Кузьмина ЖЕЛЯБОВСКАЯ *1771 †1833

Дочь однодворца с. Михайловского Богатенской окр.

IV

6-3. Марфа Иванова БУЦИНСКАЯ *1785

7-3. **Петр Иванов БУЦИНСКИЙ** *1788

С 1805 г. пономарь Георгиевской церкви с. Березовки Обоянского у.

Ж — Анна Васильева *1787

8-3. Елена Иванова БУЦИНСКАЯ *1790

9-5. Григорий Алексеев БУЦИНСКИЙ *1789 †1831

С 1809 г. дьячок Дмитриевской церкви с. Дмитриевки Обоянского у.; дьякон Георгиевской церкви с. Березовки Обоянского у.

Ж — Мария Михайлова †1827

10-5. Стефан Алексеев БУЦИНСКИЙ *1791

С 1810 г. пономарь; с 1817 г. дьячок Дмитриевской церкви с. Дмитриевки Обоянского у.

Ж — Анна Гаврилова *1793

11-5. Фекла Алексеева БУЦИНСКАЯ *1793

12-5. Никанор Алексеев БУЦИНСКИЙ *1795 †1795

13-5. Михаил Алексеев БУЦИНСКИЙ *1808 † после 1879

Пономарь, дьячок Дмитриевской церкви с. Дмитриевки Обоянского у.

Ж — Елена Иванова *1805 †03.02.1879

14-5. Евдокия Алексеева БУЦИНСКАЯ

М (1817) — Афанасий ХОЛОДКОВ, крестьянин с. Дмитриевки

15-5. Агафья Алексеева БУЦИНСКАЯ

М (1820) — Макар ЛУХАНИН, однодворец д. Луханиной

V

16-7. Тимофей Петров БУЦИНСКИЙ *1815 †18.09.1888

На службе с 08.11.1837. С 1859 г. священник Рождество-Богородицкой церкви с. Шахова Фатежского у.; с 1866 г. священник Васильевской церкви с. Гнездилова Фатежского у. За 50-летнюю отлично-усердную службу получил орден св. Владимира 4-й ст.

Ж — Дарья Герасимова *1819

17-7. Евдокия Петрова БУЦИНСКАЯ

М (1830) — Егор ДУДКИН, однодворец с. Березовки

18-7. Матрена Петрова БУЦИНСКАЯ

М (1833) — Иван Пантелеймонов ПОЛЯНИЦЫН, однодворец с. Михайловского

19-7. Дарья Петрова БУЦИНСКАЯ *1817

20-7. Елена Петрова БУЦИНСКАЯ *1822

21-7. Мария Петрова БУЦИНСКАЯ *1824

22-7. Пелагея Петрова БУЦИНСКАЯ *1832

23-9. Даниил Григорьев БУЦИНСКИЙ *1811, по разбору с 1831 г. в военной службе

24-9. Петр Григорьев БУЦИНСКИЙ *1818, воспитанник Обоянского духовного училища

25-10. Иван Стефанов БУЦИНСКИЙ

Выбыл в Обоянский Знаменский монастырь в послушники в 1833 г.

26-10. Агафья Стефанова БУЦИНСКАЯ *1816

27-10. Василий Стефанов БУЦИНСКИЙ *1820

Воспитанник Обоянского духовного училища

28-10. Никита Стефанов БУЦИНСКИЙ *1822 † после 03.11.1896

Воспитанник Обоянского приходского училища; студент семинарии; священник с. Никольского Щигровского у. (1846–1858) и с. Донецкой Семицы Тимского у. (с 1858).

Ж — Хиония Александрова *1826

29-10. Ипполит Стефанов БУЦИНСКИЙ *1825

30-10. Марина Стефанова БУЦИНСКАЯ

М (1832) — Федор Федоров НАУБЕР, курский мещанин

- 31-10. Андрей Стефанов БУЦИНСКИЙ *1834
Наставник Афанасьевского сельского училища
Ж — Александра Федорова АФАНАСЬЕВА *1835
Дочь священника Покровской церкви с. Шумакова Тимского у.
- 32-13. Семен Михайлов БУЦИНСКИЙ *1827
- 33-13. Матрена Михайлова БУЦИНСКАЯ *1832
- 34-13. Пелагея Михайлова БУЦИНСКАЯ *10.05.1845 †09.09.1933
М — Иван Николаев ЧЕТВЕРИКОВ *1848 †13.03.1928
Воспитанник Обоянского духовного училища; пономарь, псаломщик Дмитриевской церкви с. Дмитриевки Обоянского у.

VI

- 35-16. Александра Тимофеева БУЦИНСКАЯ *1841
- 36-16. Варвара Тимофеева БУЦИНСКАЯ *1842 †1925
М — Азарий БЕСЕДИН
- 37-16. Любовь Тимофеева БУЦИНСКАЯ *1844
- 38-16. Мария Тимофеева БУЦИНСКАЯ *1847 †1909
М — Федор КОНДРАТЕНКО † до 1895
- 39-16. Иван Тимофеев БУЦИНСКИЙ *1848
- 40-16. Вера Тимофеева БУЦИНСКАЯ *1852 †1930
М — Иван Ефимов АНДРОСОВ
- 41-16. Федор Тимофеев БУЦИНСКИЙ *1853
- 42-16. **Дмитрий Тимофеев БУЦИНСКИЙ** *09.01.1855 †04.07.1891
Агент исполнительного комитета «Народной Воли»
- 43-16. Евдокия Тимофеева БУЦИНСКАЯ *1860 †1941
М — Стефан БОЕВСКИЙ †1893
Священник с. Гнездилова (на месте тестя) с 16.06.1888, ранее служил в с. Кошкине Дмитриевского у.
- 44-16. Александр Тимофеев БУЦИНСКИЙ *1862 †1864
- 45-28. Ольга Никитина БУЦИНСКАЯ *1847
- 46-28. Николай Никитин БУЦИНСКИЙ *1849
- 47-28. **Петр Никитин БУЦИНСКИЙ** *24.12.1853 †31.10.1916
Действительный статский советник, профессор Харьковского университета, соучредитель Харьковского отдела Русского собрания
Ж — Евгения Венедиктова
- 48-28. Дмитрий Никитин БУЦИНСКИЙ *1854 †1870-е
- 49-28. Александра Никитина БУЦИНСКАЯ *1856¹¹

К родословной Петровых. Фамилия Петров весьма распространена как в Российской империи, так и в постимперской России. Сегодня это третья фамилия по «цитируемости», т. е. однофамильцев в стране довольно много. В связи с этим многие ее носители, имеющие обоянские корни и прочие, причисляют себя к роду Владимира Петрова — отца известного ученого. Как таковая, фамилия Петров происходит в прямом смысле от соответствующего отчеству словосочетания «Петров сын», трансформировавшегося в прозвище

«Петров», а после — в фамилию. Офамиливание русского населения происходило вплоть до XX столетия, поэтому предполагать, что все потомки отцов с именем Петр происходят из одного корня, мягко говоря, некорректно.

Только в Обоянской округе во второй половине XVIII в. и только среди священнослужителей проживали следующие персоны с фамилией Петров: Прокофий Иванов сын; Владимир Петров сын; Федор Васильев сын; Михаил Иванов сын; Макарий Васильев сын. Повторюсь, все они со своими немалыми семьями носили фамилию Петров, но не имели меж собой родственных связей.

По просьбе архиепископа (ныне митрополита — прим. ред.-сост.) Курского и Рыльского Германа, переданной мне через настоятельницу Курского Свято-Троицкого женского монастыря, было проведено генеалогическое исследование обоянского рода ученого В. В. Петрова. По предположению зарубежного исследователя Д. М. Нудельмана, псковский «шахматный мастер» Александр Дмитриевич Петров (1794–1867) приходился родственником ученому Василию Владимировичу Петрову. Такое предание бытует среди ныне живущих потомков Александра Дмитриевича, хотя, скорее всего, строилось оно только на совпадении фамилий. Вызывает сомнения в родстве и удаленность родовых гнезд указанных персон (где Псков, а где Обоянь). Если же подразумевается двоюродное или троюродное родство, то это более глубокая связь, которая не могла дойти (сохраниться) в преданиях до наших дней. Большинство людей не знают имен своих прадедов, не говоря уже о прапрапраотцах, тем более о родственных их связях.

Секретарь Курского историко-родословного общества Татьяна Николаевна Карпук проделала огромную работу, установив полное имя отца ученого и состав его семейства. Этот документ публикуется впервые: «...города Обояни Казачей слободы Ильинской церкви... Во оной слободе Казачей личные действительные не положенные в подушный оклад священно и церковно служители... Священник Владимир Петров сын Петров 49 лет; жена его Татьяна Иродионова дочь 48 лет; дети их: сын Василий 20 лет, в харьковских училищах находится и трактует философию; дочери: Варвара 12 лет; Пелагея 9. Диакон Иоанн Владимиров сын Петров 27 лет; жена его Анисия Федотова дочь 26 лет; сын их Василий 1 года»¹².

Дальнейшие исследования показали, что, закончив семинарию, Иван Владимирович служил дьяконом, а после священником в приходе отца вплоть до своей кончины в 1820 г. Затем это место занял его сын Василий. Брат Ивана Василий Владимирович Петров преуспел в науке, стал выдающимся физиком, академиком Петербургской академии наук.

Выявленные Т. Н. Карпук архивные документы сохранили записи, документально опровергающие родственные связи псковского А. Д. Петрова с ученым В. В. Петровым. Среди всех действительных потомков Владимира Петровича Петрова нет персоны с именем Дмитрий. Фрагмент родословной росписи прилагается.

Фрагмент родословной Петровых

I

1. **Петр** * около 1700
Ж — NN

II

- 2-1. **Владимир Петров сын ПЕТРОВ** *1732
Священник Ильинской церкви сл. Казачьей г. Обояни
Ж — Татьяна Родионова *1733

III

- 3-2. Иван Владимиров сын ПЕТРОВ *1754 †1820
Дьякон, затем священник Ильинской церкви сл. Казачьей г. Обояни
Ж — Анисья Федотова *1755 †1828
- 4-2. **Василий Владимиров сын ПЕТРОВ** *1761 сл. Казачья г. Обояни †1834 г. Санкт-Петербург.
Русский физик-экспериментатор, электротехник-самоучка, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1802), академик (1809)
- 5-2. Варвара Владимировна дочь ПЕТРОВА *1769
- 6-2. Пелагея Владимировна дочь ПЕТРОВА *1772

IV

- 7-3. Василий Иванов сын ПЕТРОВ *1781
Дьякон; с 1819 г. священник Ильинской церкви сл. Казачьей г. Обояни
Ж — Александра Кузьмина *1785

V

- 8-7. Алексей Васильев сын ПЕТРОВ *17.03.1802 †20.11.1802
- 9-7. Николай Васильев сын ПЕТРОВ *1804
Воспитанник училища; в 1823 г. выбыл в светское ведомство по статской службе
- 10-7. Мария Васильева дочь ПЕТРОВА †1816
- 11-7. Александр Васильев сын ПЕТРОВ *1819
Воспитанник Обоянского духовного уездного училища; подканцелярист Обоянского уездного суда (1838–1847); коллежский регистратор (1842); столоначальник долговых дел Тимского уездного суда (1849); губернский секретарь (1851); коллежский секретарь (1856); неперменный заседатель Тимского земского суда (1856)
Ж — Наталья Матвеева дочь ШУМАКОВА, дворянка

VI

- 11-10. Иван Александров сын ПЕТРОВ *6.02.1847
Воспитанник Тимского уездного училища
- 12-10. Виктор Александров сын ПЕТРОВ *14.06.1849
Воспитанник Тимского приходского училища¹³

Примечания

¹ Карпук Е. С., Карпук Т. Н. Архивные исследования. Личный архив Е. С. Карпука. Исследования, папка № 1, литера «Б».

² Там же.

³ Праведников С. Празднование пятидесятилетия служения в иерейском сане священника села Донецкой Семицы Тимского уезда о. Никиты Буцинского // КЕВ. 1896. № 49. Ч. неофиц. С. 1091, 1096.

⁴ Там же. С. 1093.

⁵ Буцинский П. Н. [Автобиография] // Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905). Харьков, 1908. С. 341–344.

⁶ Южный край. 1882. № 693.

⁷ Корнилаева И. А. Историк земли Сибирской // Лукич. 2003. № 1. С. 169.

⁸ Буцинский П. Н. Забытые уроки истории // Мирный труд. 1907. № 1.

⁹ Корнилаева И. А. Историк земли Сибирской. С. 170.

¹⁰ Карпук Е. С., Карпук Т. Н. Архивные исследования.

¹¹ Там же.

¹² Карпук Т. Н. Архивные исследования. Личный архив Е. С. Карпука. Исследования, папка № 6, литера «П».

¹³ Там же.

Б. В. Бабарыкин

АЛТАЙСКИЙ ПЕРИОД В ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. В. ПЕТРОВА

Имя выдающегося российского физика и электротехника В. В. Петрова, открывшего электрическую дугу, навсегда вошло не только в историю отечественной науки, но и в историю Алтая. На Алтае в полной мере раскрылся его педагогический талант, оставив в истории региона образ преподавателя-реформатора, внесшего весомый вклад в развитие учебной части Колывано-Воскресенских заводов.

О жизни и деятельности Петрова на Алтае писали многие сибирские исследователи и краеведы. Одним из первых значение личности Петрова в истории Алтая осветил кемеровский исследователь А. В. Смолин¹. Его статья, основанная на изучении множества архивных документов, до сих пор остается лучшей региональной работой, посвященной выдающемуся русскому ученому. Среди других работ отметим статьи Н. Я. Савельева, П. А. Бородкина, А. У. Рукомоисеева, В. Ф. Гришаева². В 1996 г. вышла интересная публицистическая статья-рассуждение Б. Д. Цемаховича³. В 2006 г. была опубликована статья И. А. Гузнер, посвященная роли Петрова в пополнении Барнаульской горной библиотеки⁴. В том же году вышел в свет сборник документов

«Алтайские горные офицеры. XVIII–XX вв.», отдельный раздел которого посвящен Петрову⁵. Имя ученого вошло во все учебные пособия и энциклопедические издания по истории Алтая и развития местного образования.

Василий Владимирович Петров родился 8 (19) июля 1761 г. в семье священника г. Обоянь Белгородской губернии. После окончания местной приходской школы поступил в Харьковский коллегиум, который окончил в 1785 г. Не пожелав связывать свою жизнь с карьерой священнослужителя, в 1786 г. он поступает в Петербургскую учительскую семинарию, где изучал физику и математику. Обучаясь в семинарии, оборудованной хорошими математическим, физическим и естественным кабинетами, снабженными всеми необходимыми припасами и, кроме того, имевшей крупнейшую научную библиотеку, Петров получил основательные естественнонаучные знания и овладел новейшими методическими и дидактическими приемами преподавательской деятельности того времени⁶.

31 октября 1788 г., получив «пристойный аттестат», Петров был уволен из семинарии, а уже 1 ноября подал доношение в Кабинет е. и. в. с просьбой о назначении на должность преподавателя в Кольвано-Воскресенское училище⁷. С этого времени начинается краткосрочный, но плодотворный период в жизни и деятельности будущего великого русского ученого.

Получив утверждение в должности преподавателя математики, физики, русского и латинского языков в Барнаульском благородном училище и подписав двухгодичный контракт, по «выдержании» специального экзамена в Петербургском горном училище, в начале зимы 1788 г. Петров прибыл на Кольвано-Воскресенские заводы.

В Барнаульском благородном училище тех лет имели право обучаться лишь дети горных офицеров и местных чиновников. Это учебное заведение готовило своих воспитанников к поступлению в Петербургское горное училище. Обучение производилось по устаревшим методикам, бессистемно и без учета возраста учеников. Так, в одном и том же классе могли обучаться дети и подростки от 8 до 17 лет. В то же время при Барнаульском заводе действовала «народная» школа, где обучались дети солдат и мастеровых, подготавливаемые к занятию нижних должностей.

Петров, которому от горного начальства было поручено наблюдение за этой школой, неоднократно присутствовал в ней на экзаменах. В 1789 г. он ходатайствовал перед горным начальством о переводе способнейших учеников народной школы в Барнаульское благородное училище и добился своего. Благодаря этому благородное училище стало фактически бессловным, в него стали принимать не только по знатности, но и по способностям, а в 1790 г. оно и вовсе было переименовано в Барнаульское горное училище.

Говоря о преподавательской деятельности Петрова, отметим его реформаторские заслуги в педагогической деятельности. Будучи преподавателем Барнаульского училища, он проявил себя замечательным преподавателем-

психологом и искусным дидактом. Проанализировав уровень знаний учащихся, Петров разделил учеников на два класса, ввел урочную систему и упорядочил чтение учебных курсов. Близкие по содержанию курсы, например, арифметики и начатков алгебры и геометрии, стали читаться в параллели. Важный акцент делался на принцип повторения и закрепления изученного материала. Практикой и повторением сопровождалось преподавание не только физики и математики, но и русского и латинского языков.

Учебные руководства, составленные Петровым, дополнялись широкой и ранее отсутствовавшей теоретической базой (теоремами и доказательствами), что придавало ясность и понимание изучаемым предметам. Петров постоянно совершенствовал учебные курсы, добивался появления прочных знаний у учеников. Он творчески подходил к самой организации учебного процесса, расширил число учебных предметов за счет введения риторики, обучая учеников умению слагать письма и речи.

Особо следует отметить его педагогико-психологический подход в обучении, проявление которого отражается во всей отчетной документации. Василий Владимирович серьезно подходил к изучению личности учащихся, выявлял их природные способности, черты характера, эволюцию, а также стремление к знаниям. «Я всемерно старался примечать всех учеников поведение, способности, прилежание и успехи. И кого каковы из них в рассуждении сих качеств мог я усмотреть, так вашему высокоородию, яко главному об училище попечителю, за долг мой почел сею именно ведомостью с почтением донести», — писал он в своем доношении начальнику Колывано-Воскресенских заводов Г. С. Качке⁸.

С присущей ему энергией и системным подходом уже через полгода после прибытия на Алтай Петров изучил состояние книжных фондов библиотеки Барнаульского училища и обнаружил проблемы в обеспечении учебными книгами. В первую очередь это касалось учебников по арифметике, российской грамматике. Книги по географии отсутствовали полностью. Петров регулярно писал рапорты о покупке необходимой учебной литературы и вновь добивался своего. Рассмотрение книжных заказов указывает на основательность в подходе постановки учебного процесса, а также на стремление к энциклопедичности образования. Среди требуемых книг значились: «Краткое руководство к красноречию», «Правила пиитические» М. В. Ломоносова, «Краткое руководство оратории российской» Амвросия (Серебренникова) и «Письмовик» 1788 г.⁹

Улучшение материально-технической базы горного училища состояло не только в пополнении книжного фонда, но и в создании условий для проведения наглядных физических и химических экспериментов. Следует отметить, что важную роль в выборе Петровым Колывано-Воскресенских заводов в качестве места своей службы сыграло именно наличие здесь горнозаводских лабораторий. Василий Владимирович сочетал и совмещал научную и

преподавательскую деятельность, оборудовав первый в Сибири физический кабинет при Барнаульском горном училище, приборы для которого изготавливал собственноручно. Он производил также свои опыты при лабораториях Барнаульского и Павловского заводов.

Педагогическое наследие Петрова было воспринято последующими поколениями учителей: Горянским, П. К. Фроловым и др. Из среды воспитанников Василия Владимировича вышло большое количество алтайских техников и новаторов. Его ученики П. М. Залесов, А. Вяткин, М. С. Лаулин, Н. Г. Смирнов, И. А. Аболтин, А. А. Слатин стали выдающимися изобретателями¹⁰.

По истечении полуторалетнего нахождения на Алтае 7 мая 1790 г. Петров написал следующее доношение на имя начальника Кольвано-Воскресенских заводов Г. С. Качки: «По заключенному мною в Кабинете е. и. в. договору обязался я при Кольванских заводах в учрежденном училище обучать ведомства заводского учеников математике, физике, также российскому слогу и латинскому языку, с 1 ноября 1788 г. впредь на два года и если по прошествии сего срока во мне более надобности не будет, или я сам при сей должности остаться не пожелаю, в том объявить ранее за полгода. Поелику из срочного моего времени остается только полгода, и я по обстоятельствам моим здесь при училище далее остаться не могу, то донося об этом заблаговременно, покорно прошу ваше высочородие об отправке меня, по прошествии предъявленного срока, в Санкт-Петербург учинить резолюцию»¹¹.

По достижении означенного времени Петров навсегда покинул Алтай, сделав многое для развития местного горнозаводского образования и технической мысли. Василий Владимирович осознавал невозможность своего дальнейшего научного развития и продвижения на Алтае, здесь он видел, как рассыпалось по крупицам наследие изобретателя паровой машины И. И. Ползунова. Понимал он и то, что учебная часть Кольвано-Воскресенских заводов служила не культуре и просвещению, а в первую очередь насущным производственным интересам.

«Для формирования научного мировоззрения и педагогического мастерства Петрова его пребывание на Алтае имело исключительно важное значение. Петров выехал из Барнаула с большим багажом научных знаний, с творческими замыслами в науке и в дальнейшей педагогической деятельности. Свидетельством этого является быстрый выход в свет его капитальных трудов по физике, расцвет научного и педагогического творчества в Петербурге»¹².

Примечания

¹ Смолн А. В. Из истории горно-технического образования и педагогической деятельности В. В. Петрова на Алтае во второй половине XVIII в. // Труды Научной конференции по истории черной металлургии Кузбасса, посвященной 140-летию Гурьевского завода (1816–1956). Кемерово, 1957. С. 228–255.

² Савельев Н. Я. Реформатор школ Алтая в XVIII в. — В. В. Петров // Инструктивно-методический бюллетень. Барнаул, 1953. № 30: Вопросы краеведения. С. 127–131; *Бород-*

кин П. А. У истоков: Ист. рассказы о Барнауле. Барнаул, 1978. С. 91–97; *Рукомоисеев А. У.* 230 лет со дня рождения просветителя, ученого В. В. Петрова (1761–1834) // Страницы истории Алтая: Библиогр. указ. Барнаул, 1990. С. 14–16; *Гришаев В. Ф.* 1) Петров Василий Владимирович // Энциклопедия Алтайского края. Т. 2. Барнаул, 1996. С. 276; 2) Петров Василий Владимирович // Барнаул: Энцикл. Барнаул, 2000. С. 221.

³ *Цемахович Б. Д.* Первый алтайский электротехник В. В. Петров // Ползуновские чтения 1996 года: Материалы науч.-практ. конф. Барнаул, 1996. С. 68–71.

⁴ *Гузнер И. А.* В. В. Петров и библиотека Барнаульского горного училища // Седьмые Макушинские чтения: Материалы науч. конф. 16–17 мая 2006 г., г. Красноярск. Новосибирск, 2006. С. 50–53.

⁵ Алтайские горные офицеры XVIII–XX вв.: Сб. док. Барнаул, 2006. С. 420–425.

⁶ *Смолин А. В.* Из истории... С. 239, 242; *Гришаев В. Ф.* 1) Петров Василий Владимирович // Энциклопедия Алтайского края. Т. 2. С. 276; 2) Петров Василий Владимирович // Барнаул: Энцикл. С. 221.

⁷ *Смолин А. В.* Из истории... С. 243–244.

⁸ ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 360. Л. 29.

⁹ *Гузнер И. А.* В. В. Петров и библиотека... С. 50–53.

¹⁰ *Савельев Н. Я.* Реформатор школ... С. 127–131.

¹¹ ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 360. Л. 47.

¹² *Смолин А. В.* Из истории... С. 244–245.

А. Н. Казакова

УЧИТЕЛЬ НАРОДА ЗАВОДСКОГО КОЛЫВАНСКОГО... (колывано-воскресенский (барнаульский) период жизни и деятельности В. В. Петрова)

Колывано-Воскресенский период жизни В. В. Петрова достоверно датируется на основании двух документов, рукописные копии которых сохранились в Государственном архиве Алтайского края. Они опубликованы. Приведем оба текста полностью*.

*Указ Горной экспедиции Кабинета ее императорского величества
начальнику Колывано-Воскресенских заводов Г. С. Качке
об определении к должности учителя В. В. Петрова
от 1 ноября 1788 г.*

Из кабинета ея императорскаго величества господину статскому советнику, Колывановоскресенских заводов начальнику и кавалеру Качке.

По случаю вызова в учрежденное при Колывановских заводах училище учителя физики и других наук, явясь здесь Санктпетербургской учительской семинарии из студентов, Василей Петров доношением объявил: что учителем в заводах он быть желает и обучать обязуется ведомства заводского учеников

математике, физике, российскому слогу и латинскому языку на два года с тем, чтоб за сей труд производить ему жалованья по пятисот рублей на год. И на случай нынешний ево туда поездки выдать ему на проезд из того жалованья за треть и отправление туда и обратно (ежели после срока остаться он там не пожелает) учинить на щет казенный, так как снабдить бы ево на заводах дровами, свечами, квартирою и для услуг человеком без всякого с него за то вычета.

По экзамену же в горном училище ему, Петрову, зделанному, довольные сведения в объявленных науках в нем найдены, и комиссией о учреждении училищ учителем он уволен. И от директора оной, господина тайного советника, сенатора и кавалера Завадовского, при письме сюда прислан. Который Кабинетом ея императорского величества в училище заводов Колыванских на означенном просимом им основании и жалованье определен и при сем туда препровождается. Коему в разсуждении так дальней дороги на первую треть жалованья за вычетом на гофшпиталь причитающееся количество, сто шездесят четыре рубли девяносто девять копеек и три четверти, да на платеж прогонных на две лошади сто семь рублей семьдесят три копейки, а всего двести семьдесят два рубли семьдесят две копейки и три четверти из колыванской суммы здезь выдано.

Ваше высокородие, благоволите приказать, по приезде ево к сей должности употребить, о успехах коего Кабинет ожидать будет от Вас своевременныя уведомления.

Поданное же от него, Петрова, доношение с аттестатами препровождаю при сем.

Подлинное подписал Петр Самойлов
Секретарь Степан Петров
Шихтмейстер¹ Афанасий Бахтерев²

***Доношение учителя Барнаульского горного училища В. В. Петрова
начальнику Колывано-Воскресенских заводов Г. С. Качке
о завершении работы и возвращении в Санкт-Петербург
от 6 мая 1790 г.***

Высокородному господину статскому советнику,
Колывановоскресенских заводов начальнику
и ордена равноапостольного князя Владимира кавалеру
Гаврилу Симоновичу Качке
Барнаульского учителя Петрова

По заключенному мною в Кабинете ея императорского величества договору обязался я при Колыванских заводах в учрежденном училище обучать ведомства заводского учеников математике, физике, так же российскому сло-

гу и латинскому языку с 1 ноября 1788 года впредь на 2 года. И если по прошествии сего срока во мне более надобности не будет или я сам при сей должности остаться не пожелаю, о том объявить ранее за полгода.

Поелику ж из срочнаго моего времени остается только полгода, и я по обстоятельствам моим здесь, при училище далее остаться не могу, то, донося об этом заблаговременно, покорнейше прошу, Ваше высококорodie, об отправлении меня по прошествии предьявленного срока, в Санкт-Петербург учинить резолюцию.

К сему доношению учитель Василий Петров руку приложил»³.

Таким образом, в должности учителя Барнаульского горного училища Петров пребывал с 1 ноября 1788 г. по ноябрь 1790 г.

Зададимся вопросом, что могло быть известно 27-летнему выпускнику учительской семинарии, заявившему, что «учителем в заводах он быть желает», о будущем месте службы — Колывано-Воскресенском горном округе?

В начале XVIII в. в западной части Алтая были обнаружены рудные месторождения. По преданию, следы древних чудских⁴ разработок, а затем и богатую медную руду с солидной примесью серебра обнаружил у Колыванозера крестьянин Степан Костылев. Он пришел к подножию Алтайских гор из Чаусского острога вместе с сыном Яковом и двумя товарищами — Федором Комаром (Комаровым) из Белоярского острога (теперь поселок Белоярск в черте Новоалтайска) и тобольским казачьим сыном Михаилом Волковым. Руда у Колыванского озера была найдена в воскресный день, потому и построенные впоследствии заводы были названы Колывано-Воскресенскими⁵.

В 1725 г. уральский промышленник Акинфий Демидов получил разрешение на разработку месторождений и постройку плавильных заводов. Первый «ручной» завод был основан на реке Локтевке неподалеку от Колыванского озера. Известно, что в 1729 г. начал плавку медеплавильный завод, который на составленной в том же году геодезистом Петром Чичаговым карте назван Воскресенским. В дальнейшем завод называли Колывано-Воскресенским или чаще — Колыванским. У завода возникло село, получившее имя Колывань, а все горное производство Демидова, созданное на Алтае и расположившееся на огромной территории от берегов Иртыша до Оби, именовалось Колывано-Воскресенскими заводами⁶.

Горные работы на Алтае находились в ведении Демидова до 1745 г. (по другим источникам — до 1747 г.). Позднее все земли Алтая и горные разработки перешли в собственность царского двора и управлялись Кабинетом ее императорского величества. Спустя несколько лет, в 1749 г., канцелярия горного начальства округа Колывано-Воскресенских заводов была переведена из Колывани в поселок Барнаульского завода⁷. В ведении Канцелярии были предприятия и приписные крестьяне на территориях современного Алтайского края, Новосибирской и Кемеровской областей, Республики Алтай, а также

части Томской, Павлодарской и Семипалатинской областей — всего около 590 тысяч квадратных верст, что почти равняется территории Франции.

Ко второй половине XVIII в. в связи с активным развитием горнозаводского производства на Алтае местные заводы, фабрики и рудники испытывали нехватку квалифицированных кадров — техников и инженеров. В 1779 г. было принято решение об открытии в Барнауле «благородного училища» — среднего профессионально-технического учебного заведения с 5–6 летним сроком обучения на базе начальной школы⁸. Первоначально училище предназначалось для детей горнозаводских офицеров и лиц, имевших дворянское происхождение или звание. Однако количество подростков этих сословий, живших в Барнауле, было незначительным, а подготовка детей мастеровых, сержантов и солдат к работам на рудниках Колывано-Воскресенских заводов велась в горнозаводской школе, где основными предметами было горное дело, арифметика и грамматика.

Первый прием учащихся в количестве 20 чел. состоялся только в 1785 г. Задержка была связана с поиском и подготовкой преподавателей. К педагогической работе были привлечены коллежский асессор Мартов, который преподавал геометрию, арифметику, алгебру, географию, физику, историю и грамматику. Архивариусу Штрамму было поручено вести уроки химии, минералогии и металлургии, пастору Габриэлю — латынь, немецкий и французский языки⁹.

Молодой учитель Петров сменил престарелого шихтмейстера Бессонова¹⁰. Кроме преподавания в благородном училище, Петрову было поручено также «наблюдение порядка в новом способе преподавания юношеству первоклассного учения» в народной школе, в связи с чем он «старался по мере сил... руководствовать к тому не привыкших еще молодых людей» (т. е. вел занятия с учителями народной школы по методике преподавания общеобразовательных дисциплин). В остальные часы он преподавал в училище российскую грамматику, арифметику и начальные основания алгебры¹¹.

Петрова по праву называют первым народным учителем. «Во время классического моего обращения с учениками, как заводского горного, так и народного училищ, — читаем далее в «Доношении начальнику Колывано-Воскресенских заводов», — тщательно замечал я их поведение, способности, прилежание и успехи. А кого каковым из учеников в разсуждении сих качеств мог я усмотреть, о том Вашему высокородию приложенною при сем имянною ведомостью честь имею донести»¹².

Петров, обратив внимание на четкие знания, смекалку, способности и умения 18 учеников народной школы, ставит вопрос и добивается разрешения о переводе их в заводское училище¹³.

Летом 1789 г. по распоряжению начальника Колывано-Воскресенских заводов Гавриила Симоновича Качки в благородное училище начали принимать наиболее способных выпускников горнозаводских школ, принадлежавших к разным сословиям. По настоянию Петрова училище стало называться

горным. Оно было первым в Сибири средним техническим учебным заведением, которое готовило специалистов для горнозаводского производства (горных техников). К 1791 г. количество учеников возросло до 90 чел.¹⁴

Лучшие ученики горнозаводской школы заметно проявили себя. Среди них дети мастеровых и солдат Поликарп Залесов, Михаил Лаулин, Афанасий Вяткин и др., ставшие впоследствии известными изобретателями и механиками, гордостью отечественной техники. Их имена значатся в рапорте Петрова Г. С. Качке от 22 декабря 1789 г., из которого следует, что ранее начальнику заводов была направлена «годовая ведомость о поведении, способностях, прилежании и успехах штаб и обер-офицерских детей, обучающихся в Барнаульском заводском благородном училище и недавно принятых в оное из различных сословий учеников». Качка лично присутствовал «при испытании» и «изволил приметить отличившихся учеников»¹⁵. Для поощрения «к вящему в благонравии и науках преуспеянию, за благо разсудили удостоить награждения в различных книгах». Книги были получены из заводской библиотеки¹⁶ и розданы 14 ученикам «по прочтении их имен в присутствии всех посетителей училища». Поликарп Залесов был отмечен за успехи в арифметике, Михайло Лаулин за освоение краткой российской грамматики.

По «Доношению учителя Барнаульского горного училища В. В. Петрова начальнику Колывано-Воскресенских заводов о преподаваемых предметах и успехах учеников» от 22 июля 1790 г. можно не только составить список преподаваемых им дисциплин, но и их содержание, методы обучения. «Преподавал обучающимся российскую грамматику с прибавлением синтаксиса, начав от дробей арифметику вместе с алгеброю и начальные правила первых двух частей геометрии, то есть лонгиметрию¹⁷ и планиметрию. А сего 1790 г. окончил я геометрию по принятой классической книге. И поелику в них многих задач предложены только решения без доказательств, то я за нужное почел утвердить надлежащими сего, присовокупил я к классической геометрии многия также с доказательствами теоремы и задачи, весьма употребительныя в математике.

С июля месяца сего года в те часы, в которые изъясняется ученикам Катехизис и Священная история, преподавал я надежнейшим двенадцати ученикам прямолинейную тригонометрию, в которой не токмо показал правила для решения различных практических задач, по таблицам логарифмов, синусов и тангенсов, но для лучшего употребления таковых таблиц изъяснил и правила, по коим они сочинены. В другое, предписанное мне время, упражнялся я со всеми учениками в повторении геометрии и решении различных арифметических и алгебраических задач.

Сверх сих предметов, с мая месяца сего года упражнялся я с учениками, изтолковав им начальные правила риторики, в слоге кратких и легких писем, также и в обыкновенных риторических сочинениях, кроме больших слов и речей, к которым по краткости времени и возрасту учеников приступить еще не можно было.

И как все ученики должны вести записки, в разсуждение всех преподаваемых им учебных предметах, то я долгом моим поставляю всегда исправлять все одного из прилежных и лучших учеников тетради, которые он, начисто написав, дает мне опять для прочтения, и потом уже сообщает их своим соученикам для переписки»¹⁸.

Как следует из указанного «Доношения», Петров строил преподавание с учетом практического применения знаний: составлял задачи, которые могли быть нужными выпускникам училища в практике горного дела, делал дополнения к материалам существующих учебников по математике. Курс физики насыщал опытами, которые проводил непосредственно на Барнаульском и Павловском заводах. Кроме того, он добился права организовать при благородном горном училище физический кабинет, где проводились экспериментальные занятия с учениками в дополнение к изучаемой теории. Многие приборы для кабинета он изготовил самостоятельно. Это был первый в Сибири физический кабинет, погибший, к сожалению, при наводнении в 1793 г.¹⁹

Алтайскими краеведами высказано предположение, что именно в Барнауле Петров сделал первые шаги к выдающимся открытиям, и его отъезд определен стремлением проверить и реализовать свой научный и изобретательский задел, что было возможным только в таком центре науки, как Петербург²⁰.

Отъезд Петрова по истечении двухлетнего срока договора с Кабинетом связывают также с назревающим конфликтом с протоиреем соборной церкви Петра и Павла в Барнауле о. Игнатием, который «изъяснял ученикам горного училища Священную историю и Катехизис» и уроки которого Петров заменил на тригонометрию²¹.

Опыт педагогической деятельности Петрова в Барнаульском горном училище получил дальнейшее развитие в образовательной и исследовательской деятельности в Петербурге: в Измайловском кадетском училище, а с 1793 г. и до конца жизни — в Медико-хирургической академии. Здесь он проявил себя как разносторонний ученый-экспериментатор, как мастер приборостроения, создав второй в своей жизни и «самый превосходнейший в Российской империи» физический кабинет, ставший одним из крупнейших научно-исследовательских центров конца XVIII — начала XIX в.

Здание, где в XIX в. располагалось Барнаульское горное училище, входит в архитектурный ансамбль Демидовской площади столицы Алтайского края и является памятником федерального значения. В настоящее время в нем находится один из корпусов Алтайского государственного аграрного университета²².

Примечания

* Выражаем благодарность отделу редких книг Алтайской краевой библиотеки и его заведующей Валентине Петровне Кладовой за предоставленные копии статей о В. В. Петрове из фондов отдела.

- ¹ Шихтмейстер — низший чин горного офицера.
- ² Алтайские горные офицеры XVIII–XIX вв.: Сб. док. Барнаул, 2006. С. 421.
- ³ Там же. С. 424.
- ⁴ Чудь — собирательное древнерусское название ряда финно-угорских племен и народов, как правило, прибалтийско-финской группы.
- ⁵ Алтайский город-призрак Колывань // Автомобилем по Горному Алтаю: Кат. ст. [Электронный ресурс]. URL: <http://galt-auto.ru/publ/258-1-0-867> (30.10.2012).
- ⁶ Розен М. Ф. Топонимика Алтая, связанная с горным делом // Михаил Федорович Розен — геолог, исследователь Алтая, краевед: (к 100-летию со дня рождения): Материалы науч. конф. Барнаул, 2004. С. 132–142. (Электронная версия: URL: <http://new.hist.asu.ru/biblio/rozen/21.html> (30.10.2012)).
- ⁷ Алтайский город-призрак Колывань.
- ⁸ Барнаульское горное училище // Википедия [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Барнаульское_горное_училище (30.10.2012).
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Бородкин П. А. У истоков: Ист. рассказы о Барнауле. Барнаул, 1978. С. 93.
- ¹¹ Алтайские горные офицеры... С. 425.
- ¹² Там же. С. 425.
- ¹³ Природный россиянин // Гордость Барнаула. Барнаул, 1980. С. 14.
- ¹⁴ Барнаульское горное училище.
- ¹⁵ Алтайские горные офицеры... С. 423.
- ¹⁶ При Колывано-Воскресенском округе в 1764 г. была открыта первая в Сибири техническая библиотека, книгами которой пользовались служившие здесь горные офицеры. Петров тоже был ее читателем, поскольку чтение книг было обязанностью всех, кто служил там. На заводах и рудниках округа также имелись библиотеки, книги для которых присылались из Барнаула.
- ¹⁷ Лонгметрия — раздел геометрии, в котором изучаются свойства фигур, лежащих в плоскости.
- ¹⁸ Алтайские горные офицеры... С. 424–425.
- ¹⁹ Природный россиянин. С. 14.
- ²⁰ Цемахович Б. Д. Первый алтайский электротехник В. В. Петров // Ползуновские чтения 1996 года: Материалы науч.-практ. конф. Барнаул, 1996. С. 68–71.
- ²¹ Бородкин П. А. У истоков. С. 94–96.
- ²² Розен М. Ф. Топонимика Алтая...

В. Н. Довбняк

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. В. ПЕТРОВА

Василий Владимирович Петров родился 8 (19) июля 1761 г. в семье священника в г. Обоянь Белгородской губернии¹. Начальное образование он получил в семье и в церковно-приходской школе, а после дополнительной подготовки поступил в Харьковский коллегиум. К 1785 г. он уже довольно хорошо владел несколькими иностранными языками и прочитал большое количество книг, главным образом по физике и химии. Его увлекали эти нау-

ки, но где можно было продолжить образование? Этот вопрос серьезно встал тогда перед юным Петровым. Средствами он не располагал, на помощь родителей также нельзя было рассчитывать. Значит, единственный выход — поступление в такое учебное заведение, где можно учиться, получая государственную стипендию или, как тогда говорили, «казенное содержание». Такая возможность открывалась только в Петербурге, где к этому времени для подготовки педагогов по физике, математике и естествознанию был открыт фактически первый в нашей стране учительский институт, называвшийся тогда учительской семинарией.

В феврале 1786 г. Петров был зачислен на математический факультет семинарии. Здесь до конца 1788 г. он изучал физику под руководством П. И. Гиларовского², автора одного из первых учебников по физике для средней и высшей школы конца XVIII в. Прогрессивные традиции в преподавании физики прочно укрепились в России со времен М. В. Ломоносова. В 1746 г. он первым в нашей стране начал читать на русском языке курс экспериментальной физики.

В Петербургской учительской семинарии Петров обучался почти 3 года. За это время талантливый и любознательный юноша мог повидать и послушать известных ученых и изобретателей, проживавших тогда в столице России, познакомиться с Ломоносовской лабораторией на Васильевском острове, где академики И. Г. Георги, Н. П. Соколов и Т. Е. Ловиц успешно занимались физико-химическими исследованиями, с известной академической приборостроительной мастерской, руководимой знаменитым конструктором и изобретателем И. П. Кулибиным, с физическим кабинетом Академии и с Петербургской Кунсткамерой — первым естественно-научным музеем России.

В 1786 г., т. е. в год приезда Петрова в Петербург, академик Н. П. Соколов, следуя примеру Ломоносова, выступил при открытии публичных лекций при Петербургской Академии с речью «О пользе химии». По переводам, опубликованным Академией, русские читатели были ознакомлены с исследованиями известного французского химика А. Лавуазье, с философскими статьями из знаменитой французской «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж. Л. Даламбера, а также с другими трудами ученых и просветителей. Следить за научной литературой по физике и химии Василий Владимирович не переставал до конца своей жизни. Василий Владимирович неустанно следовал заветам своего знаменитого предшественника — Ломоносова. Главное желание Петрова в те годы — посвятить себя верному служению интересам своего талантливого и мужественного народа, интересам его просвещения, развитию его науки и культуры. Вполне возможно, что под влиянием именно ломоносовских идей он, не окончив учительской семинарии, в ноябре 1788 г. добровольно уехал на Алтай в качестве преподавателя Горного училища при Колывано-Воскресенских заводах.

В 1791 г. Петров возвратился в Петербург, где быстро стал известным педагогом и крупнейшим физико-химиком. С 1791 по 1797 г. Василий Владимирович преподавал физику в Инженерном училище, а с 1793 г. математику в Главной Петербургской врачебной школе. Все свободное от педагогической работы время он отдавал самообразованию. Ученый систематически продолжал совершенствоваться в европейских языках, знание которых открывало перед ним доступ к чтению в подлинниках трудов выдающихся физиков и химиков XVIII в. Напряженная и систематическая работа над собой скоро дала свои плоды. Петров самостоятельно получил университетские знания по физико-химическим наукам, причем он не формально усвоил их, а продумал и изучил критически.

В 1795 г. на базе двух петербургских врачебных училищ, в одном из которых Петров читал математику, решено было создать Медико-хирургическую академию — первое высшее медицинское учебное заведение в России. Ученый был приглашен в нее после блистательного прохождения конкурса. В самый короткий срок в академии была создана научная физическая лаборатория. Петров стал ее организатором и руководителем. В июле 1800 г. ученый с успехом продемонстрировал некоторые из опытов на заседании Медицинской коллегии. Своими опытами он смело опровергал многие устаревшие воззрения, решительно утверждая новые истины. Обо всем, что было им многократно экспериментально подтверждено и доказано, он говорил с таким убеждением, что не согласиться с ним было нельзя. Для многих, кто его слушал, было очевидно, что среди отечественных физиков появилась новая звезда, что дело Ломоносова находится в верных руках.

Первый обширный научный труд Петрова был издан в 1801 г. под заглавием «Собрание физико-химических новых опытов и наблюдений»³. Ученый был убежден, что каждый преподаватель высшего учебного заведения должен заниматься научными исследованиями по своей специальности. Однако заслуга Василия Владимировича перед отечественной наукой заключается не только в том, что он выдвинул эту идею и убежденно боролся за нее всю свою жизнь, но, главным образом, в том, что он впервые в нашей стране сумел добиться ее практического осуществления.

Наиболее замечательные исследования ученого были связаны с изучением электрических явлений. Петрова по праву называют первым русским электротехником. В 1802 г. им была построена крупнейшая для того времени электрическая батарея, состоявшая из 2100 медно-цинковых элементов, напряжением около 1700 V.

Для изучения природы электрических явлений Василий Владимирович создал оригинальную электростатическую машину, которая подробно описана им в труде «Новые электрические опыты»⁴, изданном в 1804 г. Украшением физической лаборатории Академии были электрофор новой конструкции, построенный собственноручно ее руководителем.

Докладывая Ученому совету Медико-хирургической академии, Петров писал: «Испытывая действия сей машины при сухом и не весьма теплом воздухе, находил я оные столь сильными, что из кондуктора выскакивали почти непрерывно большие искры в медный полированный шар, поставленный от него в расстоянии шести и восьми дюймов [15–18 см], а изредка выскакивали большие искры в размере девяти с половиной и даже десяти дюймов [24–25 см]; при самом же сухом и холодном можно ожидать еще сильнейших действий от сей машины, переправка коей, следовательно, произвела сильнейший успех». Преодолевая всевозможные трудности, ученому удалось создать такую учебную физическую аудиторию, в которой можно было успешно проводить самые разнообразные и самые сложные опыты по всем разделам курса опытной физики.

Выдающимся научным достижением Петрова является открытие явления электрической дуги и доказательство возможности ее практического применения.

Многообразные исследования ученый подробно описал в своих сочинениях, из которых наиболее замечателен фундаментальный труд «Известие о гальванивольтовых опытах»⁵, сыгравший большую роль в развитии науки об электричестве и расширении его практического применения.

Украшением и гордостью лаборатории была не только самая крупная в мире гальваническая батарея, самая крупная и самая мощная в России электростатическая машина, самые крупные лейденские банки, но и многие другие приборы и аппараты, изготовленные лично Петровым или сделанные по его заданию опытными петербургскими мастерами. «Физический кабинет, — сообщалось в одном из журналов в 1811 г. о лаборатории Петрова, — как по многочисленности, так и по самому изяществу многих находящихся в оном инструментов может без сомнения почитаться самым превосходнейшим во всей Российской империи».

«Я охотно желал бы, — писал Петров в 1804 г., — чтобы физика, которую собирал я около девяти лет, была бы напечатана казенным иждивением для учащихся при Медико-хирургической академии». До сих пор не установлено, по каким причинам учебник по физике, составленный ученым, так и не был напечатан. Не обнаружено и рукописи этой книги.

Василий Владимирович был не только ученым, экспериментатором, но и крупнейшим педагогом и воспитателем молодежи. Почти сорок лет он был профессором физики в Петербургской Медико-хирургической академии и своей неутомимой деятельностью немало способствовал пропаганде научных знаний, подготовке отечественных ученых.

Петров горячо любил свою Родину, свой народ. В те годы подавляющее большинство научных сочинений издавалось на латинском, немецком, французском или английском языках. Василий Владимирович свои научные труды писал только на русском языке, хотя в совершенстве владел четырьмя иностранными языками. Он мечтал о просвещении русского народа, поэтому под-

вергся травле и гонениям со стороны руководства Академии и педагогов иностранного происхождения. Его труды не издавали, отстранили от заведывания физическим кабинетом, а затем освободили от должности профессора физики.

Последние годы жизни Василия Владимировича были омрачены болезнью глаз и тяжело пережитыми сообщениями об отстранении от преподавания в Кадетском корпусе, а позднее и в Медико-хирургической академии. Скончался ученый 22 июля 1834 г. Желание друзей и товарищей Петрова почтить его память и заслуги перед русской наукой «приличными способами» было отклонено начальством. Его труды не получили заслуженного признания и долго оставались забытыми.

В Обояни центральная площадь города и одна из улиц носят имя Петрова. Курский электромеханический техникум с 2011 г. проводит «Петровские чтения» и отмечает лучших студентов премиями имени В. В. Петрова.

Примечания

¹ Биографические сведения о В. В. Петрове приведены по: *Елисеев А. А., Шнейберг Я. А.* В. В. Петров: К 200-летию со дня рождения. Курск, 1961.

² *Гиларовский П. И.* Руководство к физике. СПб., 1793.

³ *Петров В. В.* Собрание физикохимических новых опытов и наблюдений. Ч. 1. СПб., 1801.

⁴ *Петров В. В.* Новые электрические опыты профессора физики Василия Петрова, который оными доказывает, что изолированные металлы и люди, а премногие только нагретые тела могут соделываться электрическими от трения, наипаче же стегания их шерстью выделанных до нарочитой мягкости мехов и некоторыми другими телами; также особливые опыты, деланные различными способами для открытия причины электрических явлений. СПб., 1804.

⁵ *Петров В. В.* Известие о Гальвани-Вольтовских опытах, которые производил профессор физики Василий Петров, посредством огромной наипаче батареи, состоявшей иногда из 4200 медных и цинковых кружков, и находящейся при Санкт-Петербургской медико-хирургической академии. СПб., 1803.

И. А. Корнилова

ДМИТРИЕВСКИЕ СТРАНИЦЫ: ЧЕТВЕРИКОВЫ, БУЦИНСКИЕ, МАХОВЫ...

Многие поколения предков и родственников автора этих строк служили в церкви Святителя Димитрия Ростовского с. Дмитриевского, Юматовка тож, Обоянского уезда Курской губернии (ныне Дмитриевка Яковлевского района Белгородской области). В наши дни в селе воздвигнут поклонный крест, заложен новый храм. Материалы о местном духовенстве, надеемся, заинтересуют и краеведов, и тех, от кого непосредственно зависит строительство церкви и возрождение прихода.

Самые ранние известные нам сведения о Дмитриевском храме относятся к 1779 г.: «Сия новая Дмитриевская церковь по прошению богатинского помещика майора Степана Иванова сына Юматова в 1779 году заложенная и строением после 4 ревизии в 782 году окончена, а освящена в 785 году августа 25 дня, Богатинской округи слободы Драгунской и с приходу Архангельской церкви отделенными вышеозначенного ж помещика Юматова слободки, что ныне село Дмитревка, подданническими и крестьянскими и деревни Ольховки однодворческими дворами, а не из вновь населенных жилищ сей новой приход составлен». Из той же ревизской сказки известны следующие имена духовных лиц: «1795 года марта 24 дня Белогородской епархии Курскаго наместничества Богатинской округи села Дмитревки вновь построенной после четвертой ревизии одно приходной Дмитриевской церкви находящиеся при ней в действительном служении священник Кирилл Ризников, дьячек Василий Попов, пономарь Алексей Буцынской...»¹.

Отец Кирилл Михайлов Ризников прослужил в Дмитриевском до смерти в 1806 г.; после него, как известно из ревизской сказки от 18 июля 1811 г., «произведен к сей церкви в стат... на убылое место в 1807 году» священник Захария Борисов сын Еленский².

Дьячок Василий Трифионов сын Попов, согласно ревизской сказке 1811 г., в 1797 г. был исключен по разбору³.

Алексей Никитин Буцынской, сын священника с. Березовки Никиты Михайлова Буцынского и наш прапрапрапрадед, получил назначение в Дмитревку в 1787 г., «умре в 1809 году»⁴. С тех пор причетнические должности занимали его сыновья Григорий, Стефан и Михаил.

Дьячок Григорий Алексеев Буцынский служил в Дмитриевской церкви с 1809 г. непродолжительное время (в ревизской сказке 1816 г. он значится уже дьяконом в Березовке)⁵.

Стефан Алексеев сын Буцынский с 1810 г. состоял пономарем, в 1817 г. произведен дьячком и оставался на этом месте вплоть до выхода за штат. Сын его Иван «выбыл в Обоянский Знаменский монастырь в послушники в 1833 году», другой сын Никита стал священником, причем прослужил в иерейском сане 50 лет. Этому незаурядному батюшке и его юбилею посвящена пространная публикация в «Курских епархиальных ведомостях»; средний его сын Петр Никитич Буцынский (1853–1916) — историк, профессор Харьковского университета, видный деятель монархического движения; старший сын Николай Никитич — преподаватель Полтавской духовной семинарии. Последние годы жизни заштатного дьячка Стефана Алексеева Буцынского прошли в семье о. Никиты Стефановича в с. Донецкая Семица Тимского уезда⁶.

Младший из братьев, Михаил Алексеев сын Буцынский, наш прапрапрадед, в ревизской сказке от 23 декабря 1833 г. значится 26-летним пономарем, впоследствии был дьячком, вышел за штат. Последнее известное нам упоминание о нем датируется 3 февраля 1879 г. (день смерти его жены Елены Ивановны)⁷.

Дочь дьячка Михаила Буцинского, Пелагия Михайловна, вышла замуж за Ивана Николаевича Четверикова, сына дьячка с. Зорина Обоянского уезда. В Дмитриевской церкви Иван Николаевич, наш прапрадедушка, прослужил дольше всех — полных 60 лет, с 16 октября 1867 г. до смерти в 1928 г. Летом 2007 г. воспоминаниями о нем поделилась с нами старейшая жительница Дмитриевки Анна Титовна Процевская (1915 г. р.)⁸. От нее мы узнали, в частности, личную фамилию Четвериковых — Дьячковы.

После о. Захарии Еленского священником в Дмитриевке был Григорий Васильев Махов, сын священника с. Шевелева Василия Андреева Махова, и тоже наш прапрапрадед. Интересные сведения о нем находим в статье А. А. Танкова «Патриотическая деятельность Курского духовенства во время Отечественной войны 1812–1814 гг.». Летом 1812 г. о. Григорий произнес пастырское слово, убеждавшее слушателей в том, что не может быть места страху, когда Бог нам прибежище и сила (псалом 45, 1). Танков, передавая суть этой проповеди, подчеркнул, что она «отличается ясностью, определенностью и достаточным красноречием, свидетельствующим о том, что это искусство стояло в Белгородской духовной семинарии на надлежащей высоте». Впоследствии о. Григорий стал протоиереем⁹.

Сохранилась исповедная книга: «Роспись Курской Епархии Обоянской округи, села Дмитревки Дмитриевской церкви священника Григория Махова... 1815 года», согласно которой в приходе насчитывалось обоего пола 1231 чел. (589 мужчин и 642 женщины). В разделе «Военные и их домашние» фигурируют два сына храмоздателя, помещики «господин ротмистр Евграф Степанов сын Юматов, 38 лет; брат его ротмистр Аполлон, 40 лет»¹⁰.

Сын о. Григория Иоанн Григорьевич (1812–1871) — наш прапрапрадед, носил двойную фамилию Эонин-Махов; первую часть ее он получил, очевидно, в семинарии. Служил он на месте отца (после 1833 г.) и состоял также благочинным. Тщанием графини Клеопатры Петровны Клейнмихель в 1857 г. в селе построена новая каменная церковь, имевшая три престола¹¹. Согласно «Летописи населенных пунктов Яковлевского района Белгородской области», освящена она была архиепископом Курским и Белгородским Илиодором, которому сослужил о. Иоанн¹². По сведениям 1862 г., Дмитриевское — село владельческое, в нем 75 дворов, жителей мужского пола 472, женского 476, больница, овчарный, селитряный и кирпичный заводы¹³.

Сыновья о. Иоанна Эонина-Махова остались мирянами, по крайней мере, трое из них получили дворянство; две дочери были замужем за священниками¹⁴. Судя по сохранившимся метрическим книгам, после кончины о. Иоанна некоторое время состав причта был следующий: священник Матвей Лисицын, дьячок Василий Северинов, пономарь Иван Четвериков; в 1881 г. дьячок — Василий Сыриков¹⁵.

С 1877 г. новый настоятель Дмитриевского храма, зять покойного о. Иоанна, о. Тихон Иванович Досычев, муж Ольги Ивановны, протоиерей

(1918 г.). Сын о. Тихона Владимир Досычев — священник Курской и (с 3 декабря 1911 г.) Ставропольской епархии, в советское время уклонился в раскол, был обновленческим архиереем в Брянске; послужной список его известен, но достоверными сведениями после 1937 г. мы не располагаем¹⁶.

Внучка о. Иоанна, Антонина Георгиевна (в девичестве Маркова; прабабушка автора этих строк), дочь Анны Ивановны и о. Георгия Феодоровича Маркова, священника с. Полного Курского уезда, в 1894 г. вышла замуж за воспитанника Курской духовной семинарии Дмитрия Четверикова, старшего сына псаломщика Ивана Николаевича. Еще раньше, в 1881 г., младший его сын, Константин Четвериков, стал крестником личного дворянина Григория Ивановича Махова¹⁷. Такова к концу XIX в. картина родства причта Дмитриевского прихода.

Несколько поколений Буцинских, Четвериковых и их родственников начинали свое образование в Обоянском духовном училище. Одним из самых выдающихся его выпускников является профессор Петр Никитич Буцинский, внук Дмитриевского дьячка¹⁸.

Ивану Николаевичу Четверикову по окончании полного курса училища пришлось работать, помогать семье: в 1859 г. скоропостижно скончался его отец, избитый крестьянами. Благодаря Ивану Николаевичу окончил духовную семинарию его младший брат Михаил, впоследствии преподаватель греческого языка в родном училище, благочинный, протоиерей Троицкого собора Обояни; в Гражданскую войну он уехал на белый Юг, в Донскую епархию¹⁹.

Достойное образование получили и сыновья псаломщика — Дмитрий и Константин Четвериковы.

Отец Дмитрий Иванович Четвериков (1873–1941) — наш прадедушка, по окончании семинарии служил в Обоянском уезде: дьяконом в Вышней Пене и священником в Драгунском, а с 1907 г. в Корочанском уезде: в Клиновце (1907–1927), затем в Новой Слободке и Никольском. Был ревностным законоучителем, в 1903–1904 учебном году устроил новое удобное здание для Драгунской школы грамоты²⁰. Вместе с сыновьями навещал родителей и, надо полагать, сослужил о. Тихону в Дмитриевской церкви. Как и его отец, иерей Дмитрий не жалел сил и средств для обучения своих детей: все они, четыре сына и три дочери, вопреки происхождению, в советское время стали учителями.

Сохранился любительский фотоснимок псаломщика И. Н. Четверикова в окружении домочадцев и гостей (1915 г.). 67-летний Иван Николаевич, отец шестерых детей, выглядел тогда старше своих лет: сказались, очевидно, нелегкие труды и скорби... В истории нашего рода он являет собой яркий пример смирения и активного долголетия. Из писем-воспоминаний Четвериковых-внуков становится ясно, что Иван Николаевич, примаек, навел в хозяйстве тестя образцовый порядок. Клировые ведомости за 1917 г. свидетельствуют о потере среднего сына Алексея Ивановича и о весьма скромном достатке (жалования не получает; за требы за 1916 г. получил 85 руб. 50 коп.; недвижимого имущества не имеет)²¹.

Иван Николаевич отошел ко Господу 13 марта 1928 г. в возрасте 80 лет, в записи о смерти указана профессия: служитель религиозного культа. Так на официальном языке безбожной эпохи именовалось всё духовенство — от причетников до архиереев. Вдова Пелагия Михайловна Четверикова умерла 88 лет от роду 9 сентября 1933 г., в период коллективизации²². В конце жизни она, лежащая больная, была выселена властями из дома и ютилась с дочерью в летней кухне.

Старинное сельское кладбище исчезло с лица земли: не нашлось другого места для строительства МТС. В утешение нам, потомкам, остались архивные документы: метрические книги, заполненные рукой Ивана Николаевича, и в них ценнейшие факты из жизни семьи и прихода. В советское время пожилому псаломщику пришлось делать записи на новый лад, именуя местных жителей гражданами, превращая прежнюю «крестьянку девицу» в «гражданку девицу». В первой половине 1919 г. метрическая книга с. Дмитриевского частично велась другим почерком, писавший сумел преодолеть стилистические трудности: в его формулировке восприемники — «того же села граждане: (имярек) и девица (имярек)»²³. По нашему мнению, это рука Константина Ивановича, младшего сына псаломщика. О нем мы считаем своим долгом рассказать подробнее.

Константин Иванович Четвериков (род. 20 мая 1881 г.) окончил Курскую духовную семинарию в 1902 г. по первому разряду со званием студента. Год спустя волонтером (по собственному желанию, без официального назначения от семинарии), успешно выдержав приемные испытания, поступил в Киевскую духовную академию. Академический курс он прошел «на своем содержании с помещением в зданиях академии за установленную плату». По уставу академии, помимо обязательных 11 наук, некоторые предметы изучались по выбору студентов: составлялись две параллельных группы — литературная и историческая, с присоединением к ним одного из двух древних и одного из трех новых языков. Из этих дисциплин Константин Иванович отдал предпочтение литературе, греческому и немецкому языкам²⁴.

На четвертом курсе, в 1906–1907 учебном году, студент Константин Четвериков представил кандидатское сочинение на тему «Протопоп Аввакум и его литературная деятельность», которое было удостоено самой высокой оценки заслуженного ординарного профессора С. Т. Голубева. В письменном отзыве рецензент подчеркнул: «Вопреки большинству исследователей, автор не смотрит на раскол как на плод невежества, плод крайней необразованности народа, но видит в нем борьбу лиц, стремившихся сохранить полную самобытность России, с новшествами, проникавшими к нам с Запада и Востока... Сочинение это обнаруживает: 1) тщательное изучение литературы предмета и особенно произведений самого протопопа Аввакума; 2) критическое отношение к затрагиваемым вопросам; 3) мышление ясное, светлое, не поддающееся господствующим в литературе течениям, но в потребных слу-

чаях стремящееся к выводам самостоятельным. ...И в литературном отношении сочинение студента Четверикова заслуживает высокой похвалы. Как кандидатское сочинение отмечаю его высшим баллом и рекомендую для печати (исправления потребуются незначительные)»²⁵.

Совет Киевской духовной академии признал указанное сочинение «отлично-хорошим» (высшая оценка) для кандидатской степени и постановил напечатать его. Константин Иванович получил степень кандидата богословия и был признан способным «к занятию преподавательских кафедр по всем предметам в духовных семинариях и училищах», кроме не изучавшихся им в академии групповых предметов²⁶.

Диссертация Четверикова «Протопоп Аввакум и его литературная деятельность» была опубликована в 1908 г. в числе лучших произведений студентов его курса²⁷. Благодаря изданию она известна специалистам и доступна в наши дни²⁸.

По окончании академии Константин Иванович трудился на педагогическом поприще на Северном Кавказе: в Ставропольском епархиальном женском училище, а затем в Ставропольской духовной семинарии, преподавал литературу и историю²⁹. Очевидно, именно в этот период он совершил путешествие по Италии, ставшее, как и диссертация, предметом воспоминаний Четвериковых-племянников.

После революции и закрытия духовных учебных заведений Константин Иванович вернулся в Дмитриевку. Своей семье он никогда не имел (племянница и крестница его Антонина Дмитриевна Четверикова рассказывала, что у него умерли три невесты). Впоследствии он жил в Томаровке одним домом с младшей сестрой Варварой Ивановной, бездетной вдовой псаломщика, работал в местной школе; в числе его учеников были и внучатые племянники. На фотографии выпуска 1941 г., помещенной на сайте Томаровской средней школы № 1, моя мама Тамара Николаевна (урожденная Четверикова; 1921 г. р.) узнала его среди преподавателей (сидит второй слева)³⁰. По свидетельству А. Д. Четвериковой, Константин Иванович умер в 1943 г. Тогда же была разрушена родная Дмитриевская церковь.

Примечания

¹ ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 260. Л. 4010. — Приносим глубокую благодарность Т. Н. Карпуку и Е. С. Карпуку за многолетнюю помощь в архивном поиске.

² Там же. Д. 319. Л. 30.

³ Там же.

⁴ Там же. Д. 260. Л. 4010; Д. 319. Л. 30.

⁵ Там же. Д. 319. Л. 30; Д. 749. Л. 208 об.

⁶ Там же. Д. 319. Л. 30; Д. 749. Л. 424; Д. 1132. Л. 2 об., 4 об.; *Праведников С.* Празднование пятидесятилетия служения в иерейском сане священника села Донецкой Семицы Тимского уезда о. Никиты Буцинского. Речь по случаю исполнившегося пятидесятилетия в

иерейском сане священника о. Никиты Бучинского // КЕВ. 1896. № 49. Ч. неофиц. С. 1090–1098. — П. Н. Бучинскому посвящена обширная литература; см., например: *Каплин А.* Он служил «великой, неделимой России и нашим вековым святыням»: Заслуженный профессор П. Н. Бучинский (1853–1916). // Русская линия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=104841> (01.11.2012). — В наши дни переизданы его труды по истории Сибири и о Богдане Хмельницком.

⁷ ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 749. Л. 424 об.; Ф. 217. Оп. 3. Д. 163.

⁸ Там же. Ф. 20. Д. 162. Л. 8; ГАБО. Ф-169. Оп. 1. Д. 10. Л. 154 об.–155.

⁹ ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 260. Л. 3886; Д. 319. Л. 22; *Танков А. А.* Патриотическая деятельность Курского духовенства во время Отечественной войны 1812–1814 гг. // КЕВ. 1912. № 17. Ч. неофиц. С. 400–401.

¹⁰ ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 2716.

¹¹ Там же. Ф. 184. Оп. 2. Д. 749. Л. 423 об.; Ф. 483. Оп. 1. Д. 27. Л. 88; КЕВ. 1871. № 17. С. 918; № 19. С. 988; Справочная книга о церквях, приходах и причтах за 1908 год (извлечения) // Из истории храмов Курской епархии: Обоянский и Суджанский районы / Под ред. В. Л. Богданова, М. М. Литвиновой. Курск, 2008. С. 136.

¹² Летопись населенных пунктов Яковлевского района Белгородской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yakovlbibl.ru/pr/leto/in.swf> (01.11.2012).

¹³ Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. 20: Курская губерния: По сведениям 1862 г. СПб., 1868. № 1596. — Более поздние статистические сведения о селе см. в кн.: *Осыков Б. И.* Сёла белгородские. Белгород, 2001. С. 148–149.

¹⁴ В сохранившихся метрических книгах Дмитриевской церкви в качестве восприемников фигурируют личный дворянин Григорий Иванов Махов (1881 г.) (ГАБО. Ф-169. Оп. 1. Д. 8. Л. 8 об.–9), личный дворянин Петр Иванов Махов и жена священника Ольга Иванова Махова (!), записанная по старой памяти под девичьей фамилией (1882 г.) (ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 173. Л. 54), дворянин Владимир Иванов Махов (Там же. Л. 61), он же «села Дмитриевского дворянин» (1896 г.) (ГАБО. Ф-169. Оп. 1. Д. 8. Л. 236 об.–237). Двойная фамилия сохранилась и в потомстве (см., например: Особое мнение члена Ревизионной комиссии Курского епархиального свечного завода А. И. Эонин-Махова // КЕВ. 1907. № 21. С. 37).

¹⁵ ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 161 (в начале 1877 г. подписи священника Матвея Лисицына, с марта — о. Тихона Досычева); ГАБО. Ф-169. Оп. 1. Д. 8. Л. 8 об.–9.

¹⁶ ГАКО. Ф. 483. Оп. 1. Д. 27. Л. 90 об.–91; КЕВ. 1911. № 51/52. С. 489; Курский епархиальный вестник. 1918. № 26. С. 26; «Обновленческий» раскол: (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики) / Сост. И. В. Соловьев. М., 2002. С. 706.

¹⁷ ГАБО. Ф-169. Оп. 1. Д. 8. Л. 8 об.–9. — Родословная Антонины Георгиевны Четвериковой (Марковой) была предметом специального исследования в нашей статье: *Корнилаева И. А.* Опыт памятной книжицы на церковнославянском языке // Русский книжник — 2008. СПб., 2009. С. 6–14.

¹⁸ *Бучинский П. Н.* [Автобиография] // Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905). Харьков, 1908. С. 341–344.

¹⁹ ГАКО. Ф. 483. Оп. 1. Д. 27. Л. 90 об.–91; о протоиерее М. Н. Четверикове: Там же. Ф. 750. Оп. 2л. Д. 2076, 2077; КЕВ. 1895. № 14. С. 203; 1905. № 17/18. С. 213; 1914. № 32. С. 445 и мн. др. — В нашем домашнем архиве хранятся воспоминания внуков Ивана Николаевича, в том числе рассказ о трагической кончине его отца. Эта история находит также документальное подтверждение: в фонде Курской духовной консистории (ГАКО. Ф. 20. Оп. 2. Д. 307) имеется опись 1859–1861 гг., в которой под номером 544 значится заведен-

ное дело «О смерти дьячка Николая Четверикова» и под номером 54 (в числе рассмотренных) — «О скоростижном умертвии дьячка Четверикова». К великому сожалению, само дело № 54 (на 23 листах) утрачено.

²⁰ ГАБО. Ф-130. Оп. 1. Д. 2. Л. 87–94; КЕВ. 1905. Приложение. Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты... за 1903–1904 учебный год. С. 7–8. — Подробнее о семье о. Димитрия Четверикова см.: *Корнилаева И. А.* Четвериковы: Клиновецкие страницы // Корочанский край. 2010. № 2. С. 10–18.

²¹ ГАКО. Ф. 483. Оп. 1. Д. 27. Л. 90 об.–91; домашний архив автора.

²² Записи о смерти И. Н. и П. М. Четвериковых сохранились в Отделе ЗАГС Яковлевского района Белгородской области (г. Строитель).

²³ ГАБО. Ф-169. Оп. 1. Д. 10.

²⁴ Там же. Д. 8. Л. 8 об.–9; КЕВ. 1902. № 27. С. 327; Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1903–1904 учебный год. Киев, 1904. С. 24–26, 101–106, 110–112.

²⁵ Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1906–1907 учебный год. Киев, 1907. С. 527–529.

²⁶ Там же. С. 534–535, 538–545.

²⁷ Сочинение студ. Константина Четверикова «Протопоп Аввакум и его литературная деятельность» // Учено-богословские и церковно-проповеднические опыты студентов Киевской духовной Академии LX курса (1907 г.). Киев, 1908. С. 455–673.

²⁸ Ссылки и добрые отзывы на труд К. И. Четверикова находим, в частности, у его современника, видного старообрядческого писателя, исследователя творчества протопопа Аввакума П. И. Власова и в недавней дипломной работе студента Московской духовной семинарии Алексея Виноградова «Житие протопопа Аввакума как исторический источник» (Сергиев Посад, 2004; Электронная версия: URL: korolev.msk.ru/books/dc/04_11_02_Avvakum462.txt (02.11.2012)).

²⁹ Памятная книжка Ставропольской губернии на 1910 год. Ставрополь, 1909. С. 189; Памятная книжка Ставропольской губернии на 1911 год. Ставрополь, 1910. С. 174; Памятная книжка Ставропольской губернии на 1912 год. Ставрополь, 1911. С. 185; ГАКО. Ф. 483. Оп. 1. Д. 27. Л. 90 об.–91 (1917 г.).

³⁰ «Школа успеха». МОУ «Томаровская СОШ № 1» [Электронный ресурс]. URL: tomschool1.ucoz.ru (02.11.2012).

П. Н. Гордеев

ИВАН ИОСИФОВИЧ МАХОВ — ИНСПЕКТОР НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Несколько лет назад автор настоящей статьи, увлекшись изучением родословной, предпринял попытку изучить биографию своего прапрадеда — петербургского священника (выходца из Курской губернии), настоятеля уничтоженной в советские годы церкви св. апостола Павла при Обуховском заводе протоиерея Петра Павловича Пузанова (1859 — не ранее 1918). Знакомясь с хранящимся в ЦГИА СПб делом о рукоположении Пузанова в сан священника, я обнаружил в протоколе ставленнического допроса следующие

строки: «...Он, Петр Павлович Пузанов, женат первым браком на дочери статского советника Ивана Иосифовича Махова, девице, Евгении Ивановне Маховой...»¹. Таким образом, удалось получить минимальные сведения о лицах, ранее мне совершенно неизвестных — супруге и тестю Пузанова, принадлежащих к разветвленному курскому священническому роду Маховых².

Согласно данным справочных изданий, в Курской губернии служил в то время в должности инспектора народных училищ статский советник Иван Иосифович (отчество чаще писалось в более «народном» варианте — Осипович) Махов, который 1 января 1894 г. был удостоен высокой награды — ордена св. Владимира 4-й ст., дававшего тогда право на потомственное дворянство³. Хранящиеся в РГИА: 1) о дворянстве рода Маховых и 2) переписка о прошении, поданном Маховым в 1902 г. о причислении его к Министерству народного просвещения, представляют собой основу для биографии Махова и, в определенной степени, членов его семьи⁴. Какое значение она может иметь для истории Курского края (и в частности, Обоянского уезда) указанного периода? Во-первых, в жизни Махова отразился путь многих выходцев из духовного сословия, вступавших после семинарии на путь не церковной, а гражданской службы (как правило, на ниве учительства) и пополнявших тем самым ряды весьма еще в то время немногочисленной провинциальной интеллигенции. Махов прошел все ступени данной карьеры, начав ее учителем в уездном училище и закончив инспектором народных училищ, статским советником и дворянином. Во-вторых, в ходе своей более чем сорокалетней педагогической и административной деятельности Иван Иосифович сталкивался с множеством преподавателей, учащихся, служащих правительственных учреждений Курской губернии, оставил свой след в их памяти и судьбе. Вполне возможно, что по мере дальнейшего развития курского краеведения и, в частности, мемуаристики, которые уже сейчас все громче заявляют о себе, личность Махова будет появляться на страницах воспоминаний людей, лично его знавших. И в этом смысле данная статья послужит подспорьем будущему комментатору подобных мемуаров.

Детство и юность (1837–1861). Согласно составленному 17 сентября 1894 г. «Формулярному списку о службе инспектора народных училищ 1-го участка Курской губернии статского советника Ивана Осиповича Махова», к указанному времени ему исполнилось 55 лет, следовательно, он родился около 1839 г.⁵ В послужном же списке 1902 г. указан его возраст — 65 лет; в таком случае дата рождения — 1837 г.⁶ В обоих списках указано, что Махов — сын священника. Эти данные позволили предположить, что отцом Ивана Иосифовича мог быть белгородский священник, служивший 1810–1830-х гг. в Успенско-Николаевском соборе, Иосиф Васильевич Махов⁷. Наша гипотеза подтвердилась благодаря замечательной находке, сделанной И. А. Корнилаевой в ГАБО в фонде Успенско-Николаевского собора: нашлась запись, сделанная в метрической книге собора от 31 августа 1837 г. о том, что в этот

день «у священника Иосифа Махова и законной жены его Татианы Феодоровой дочери родился сын Иоанн»⁸. Таким образом, полное совпадение имени, отчества, фамилии, сословия и примерного времени рождения позволяют, как нам представляется, отождествить Ивана — сына белгородского священника И. В. Махова — и героя нашего очерка.

В свою очередь, отец Иосифа Васильевича Махова (и дед Ивана Иосифовича) — священник Василий Андреевич Махов (род. около 1756 г.), служивший в ряде церквей Обоянского уезда Курской губернии (во Введенской церкви с. Сухой Солотины, затем Пятницкой церкви с. Шевелева)⁹. С Обоянским уездом, который является, таким образом, «малой родиной» данной ветви рода Маховых, жизнь сведет и Ивана Иосифовича.

В 1859 г. Иван Махов окончил курс в Курской духовной семинарии и вскоре, подвергнувшись «специальному испытанию» на физико-математическом факультете Харьковского университета, был удостоен звания учителя арифметики и геометрии в уездном училище. Вероятно тогда же, в Харькове, Махов и женился на Елене Васильевне Невпрыгиной¹⁰.

8 ноября 1861 г. он начал службу в качестве и. д. учителя указанных выше предметов в Грайворонском уездном училище¹¹.

В Грайвороне (1861–1870). 14 февраля 1862 г. Махов был утвержден в должности учителя; по указам Сената от 14 июня 1867 г. произведен в губернские секретари, от 20 марта 1868 г. — в коллежские секретари, от 18 декабря 1868 г. — в титулярные советники¹². Жалованье Махова в те годы было довольно скромным и составляло около 300 руб. в год¹³.

7 ноября 1862 г. у Ивана Иосифовича и Елены Васильевны Маховых рождается первый ребенок — дочь Зинаида, 21 февраля 1864 г. — сын Иосиф и 19 июня 1866 г. — дочь Евгения — прапрабабушка автора данного очерка¹⁴. О рождении Иосифа Ивановича сохранилась копия записи в метрической книге; согласно этому документу, он родился 21-го, а крещен был 23-го февраля 1864 г. в соборной Успенской церкви Грайворона; восприемниками были: «коллежский ассесор Михаил Диомидов Вальковский, жена коллежского секретаря Надежда Петрова Россинская»¹⁵. 7 ноября 1868 г. у супругов Маховых родился сын Вячеслав¹⁶.

15 января 1870 г. Иван Иосифович получил новую должность — штатного смотрителя Рыльского уездного училища (с назначением его также членом местного училищного совета от Министерства народного просвещения). Через несколько дней (20 января) ему «за совершенно удовлетворительное и вполне полезное преподавание арифметики и геометрии» была изъявлена от попечителя Харьковского учебного округа «искреннейшая благодарность»¹⁷.

В Рыльске (1870–1874). В Рыльске Махов продолжал службу в течение четырех лет. В 1871 г. он был произведен в коллежские ассесоры (со старшинством от 8 ноября 1870 г.)¹⁸. В период с 7 ноября 1871 г. по 1 июля 1874 г. Махов занимал должность председателя Рыльского уездного училищного

совета, пока 18 июля 1874 г. не получил новое назначение — штатным смотрителем Харьковского уездного училища¹⁹.

В 1871 г. Иван Иосифович в первый раз в жизни воспользовался отпуском — на 24 дня²⁰. Возможно, необходимость в отпуске была связана с целым рядом несчастий, произошедших в этом году в семье Маховых. 1 июля 1871 г. скончался пятимесячный сын Леонид (родился, соответственно, в начале 1871 г.), 14 августа — умерла полуторагодовалая дочь Милитина (родилась в начале 1870 г.)²¹. 18 июня 1872 г. у Ивана Иосифовича и Елены Васильевны родилась еще одна дочь, которую также назвали Милитиной — в память об ее умершей сестре²². Но и этот ребенок умер через полгода (22 ноября 1872 г.)²³. Как известно, младенческая смертность была очень высокой вплоть до XX в.

Наконец, 27 июня 1873 г. в семье родилась еще одна дочь, которую называли Фаина²⁴. Ей суждено было дожить до взрослого возраста²⁵.

В Харькове (1874–1876). В Харькове Иван Иосифович прослужил недолго — полтора года. Уже 14 января 1876 г. по предложению попечителя Харьковского учебного округа он был назначен на более высокую должность — инспектора народных училищ Пензенской губернии. Еще до этого назначения, 26 декабря 1875 г., Махов был удостоен первого за свою служебную карьеру ордена — св. Станислава 3 ст.²⁶

Интересно, что последний (из известных автору этих строк) ребенок в семье Маховых, Иван, родился 29 (или 30²⁷) августа 1876 г. все еще в Харькове, а не в Пензе. Копия метрического свидетельства о рождении Ивана Ивановича, сохранившаяся в деле, гласит, что крещение новорожденного происходило 6 сентября 1876 г. во Всесвятской церкви Харькова; восприемниками были родственники родителей: «штатный смотритель Путивльского уездного училища состоящий в IX кл. Михаил Васильев сын Невпрягин и дочь священника девица Надежда Петрова дочь Махова»²⁸. Что касается Н. П. Маховой, то степень ее родства с Иваном Иосифовичем пока что остается неизвестной; упомянутый же в метрической записи М. В. Невпрягин, по всей видимости, приходился братом Елене Васильевне Маховой (Невпрягиной) — иначе зачем чиновнику из далекого Путивля ехать в Харьков крестить ребенка своего коллеги (на тот момент даже не сослуживца)? Тогда становится понятным факт рождения Ивана в Харькове, а не в Пензе: в то время как Иван Иосифович получил новое назначение, беременная Елена Васильевна осталась у харьковских родственников до родов.

В Пензе (1876–1880). В период пребывания в должности инспектора народных училищ Пензенской губернии Иван Иосифович был в 1879 г. произведен в надворные советники (со старшинством от 14 января 1876 г.)²⁹. Интересно, что 28 марта 1878 г. ближайшим сослуживцем Махова стал уже упоминавшийся его шурин М. В. Невпрягин, назначенный на должность инспектора народных училищ Пензенской губернии³⁰. Возможно, это перемещение по службе произошло не без влияния Махова. В дальнейшем они (Махов и Невпрягин) продолжают совместную службу и в Курской губернии.

По прошествии определенного времени, как можно полагать, Иван Иосифович решил вернуться из Пензы на свою малую родину. Один же из инспекторов народных училищ Курской губернии, Мюнье, наоборот, желал попасть в Пензенскую губернию. И очередной циркуляр по Харьковскому учебному округу фиксирует новое распоряжение попечителя округа от 4 июня 1880 г. о перемещении чиновников: «инспекторы народных училищ: Курской губернии — Владимир Мюнье и Пензенской — Иван Махов — один на место другого, согласно их прошением»³¹.

В Обояни и Курске (1880 — не ранее 1902). Данный период в служебной карьере Махова был одним из самых удачных. Шел дальнейший рост в чинах: в 1883 г. Иван Иосифович был произведен в чин коллежского советника (со старшинством от 14 января 1880 г.)³², а в 1885 г. он становится статским советником (со старшинством от 14 января 1884 г.)³³. 14 апреля 1887 г. Махову была назначена пенсия «по 900 р. в год сверх содержания по службе»; впоследствии она несколько раз увеличивалась³⁴. Памятные книжки Курской губернии за 1893–1894 гг. свидетельствуют, что в данный период Махов, помимо основной работы, состоял также действительным членом губернского статистического комитета и членом уездного (курского) училищного совета³⁵.

Впрочем, вплоть до 1892 г. служба Махова в качестве инспектора народных училищ 3-го участка Курской губернии (в состав которого входили Льговский, Обоянский и Суджанский уезды) была связана, в основном, с Обоянью, где он имел официальное «местопребывание»³⁶. В этот период Махов тесно сотрудничал с родным для него духовным ведомством: так, в апреле 1888 г. в «Курских епархиальных ведомостях» было опубликовано постановление Курского епархиального училищного совета о назначении председателей «испытательных комиссий, для производства испытаний ученикам ц[ерковно]-приходских школ, на получение льготных свидетельств по отбытию воинской повинности». Практически везде председателями были назначены священники и лишь в двух случаях — светские лица: член епархиального училищного совета, преподаватель семинарии М. Четвериков и герой нашего очерка, принявший на себя обязанности председателя испытательной комиссии при Троицкой школе Обоянского уезда³⁷. По всей видимости, Махову, выпускнику Курской духовной семинарии и выходцу из духовного сословия, было нетрудно подвергнуть учеников «испытанию в знании курса ц[ерковно]-приходских школ»³⁸. Позднее, осенью того же 1888 г., когда во всех уездных городах Курской губернии были сформированы отделения епархиального училищного совета, Махов в качестве инспектора народных училищ стал членом Обоянского отделения³⁹.

Деятельность Махова ценилась его непосредственным руководством, выделявшим его на фоне других инспекторов народных училищ. Подтверждением этому может служить отчет о состоянии народных училищ Курской

губернии за 1892 г., составленный директором Курской дирекции народных училищ Н. П. Раевым⁴⁰. В разделе «Об осмотрах училищ» Раев, разбирая работу инспекторов, отмечал: «Большей полнотой и внимательностью, как я заметил, отличаются ревизии г. г. Данковского и Махова, которые в 1892 году осмотрели все училища, находящиеся в их участках, и при том делали преподавателям весьма дельные указания»⁴¹.

Вероятно, результаты этого отчета сказались на дальнейшем служебном росте Махова, который 27 ноября 1892 г. был переведен на должность инспектора народных училищ наиболее ответственного 1-го участка Курской губернии⁴². Отныне его «местопребывание» находилось в Курске. Однако и с Обоянью Махов связей не порывал: так, например, 20 апреля 1893 г. он был назначен членом Попечительного совета Обоянской женской прогимназии⁴³.

Значительным событием в жизни Махова и его семьи стало награждение Ивана Иосифовича 1 января 1894 г. орденом св. Владимира 4-й ст., дававшим в те времена право на потомственное дворянство. Интересно, что на момент награждения подобного ордена не было не только ни у кого из его коллег — инспекторов народных училищ Курской губернии, но даже и у самого директора Н. П. Раева⁴⁴. Переписка о возведении Махова и двух его сыновей во дворянство длилась почти год (он ушел на собрание различных справок о «благонадежности» семьи Маховых, их служебном положении и т. п.). Наконец, 14 января 1895 г. Курское дворянское собрание, получив все необходимые документы⁴⁵, постановило: «статского советника Ивана Иосифова Махова и его детей Иосифа и Ивана внести в третью часть дворянской родословной книги Курской губернии, по утверждению сего определения Правительствующим Сенатом, за что, в виду получаемого просителем Маховым по его должности содержания 3080 руб. в год, взыскать с него в пользу дворянской кассы шестьдесят рублей»⁴⁶. 12 мая 1895 г. дело было утверждено в Сенате⁴⁷. Отныне Маховы приобщились к числу дворянских родов Курской губернии.

После получения ордена св. Владимира 4-й ст. и возведения во дворянство Махов, упрочивший свое служебное положение, гораздо чаще прежнего пользовался отпусками. Так, в 1894 г. он находился в почти двухмесячном отпуске (с 7 июня по 1 августа)⁴⁸. Можно предположить, что провел он его в Крыму, так как в наступающем учебном году его младший сын Иван оказывается в числе учеников Феодосийской гимназии⁴⁹. В это же время в Крым перебирается и старший сын Иосиф, получивший должность начальника станции Бахчисарай Лозово-Севастопольской железной дороги⁵⁰. В 1897 г. Махов воспользовался отпуском дважды (с 7 по 15 февраля и с 28 июня по 10 августа); в 1899 г. отпуск составил почти три месяца — с 9 мая по 5 августа⁵¹.

В 1901 г. исполнялось 40 лет со дня начала Маховым его службы «по учебной части». В ноябре 1901 г. попечитель Харьковского учебного округа издал распоряжение, согласно которому Махов был «оставлен на службе на

один год, со времени выслуги им 40-летнего срока по учебной части, с 8 ноября 1901 года»⁵². К концу срока службы (в 1902 г.) жалование Ивана Иосифовича достигло максимума в 3440 руб. в год (из них собственно жалование — 900 руб., квартирные и канцелярские — 600 руб., разъездные — 500 руб. и пенсия — 1440 р.)⁵³.

Махов не мог не понимать, что его карьера близится к завершению. Он попытался удержаться в ведомстве, обратившись 13 сентября 1902 г. с прошением к управляющему Министерством народного просвещения Г. Э. Зенгеру, в котором просил «о причислении меня к Министерству народного просвещения, с откомандированием в распоряжение г. попечителя Харьковского учебного округа»⁵⁴. Однако эта просьба не была удовлетворена⁵⁵, и он был уволен от службы «с 8 ноября 1902 года, согласно прошению, за выслугою срока, с разрешением носить в отставке мундирный полукафтан, занимаемой должности присвоенный»⁵⁶. Незадолго до увольнения, 22 августа 1902 г. Махов был пожалован «знаком отличия беспорочной службы за XL лет»⁵⁷.

О последних годах жизни Махова (после отставки) ничего пока выяснить не удалось. Факт переезда в Крым обоих сыновей Ивана Иосифовича позволяет предположить, что и его последние годы прошли там же, на крымской земле, в окружении родных и близких.

Примечания

¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 115. Д. 1533. Л. 13.

² Кажется, первой публикацией об одной из ветвей рода Маховых является работа И. А. Корнилаевой (потомка и исследователя этого рода): *Корнилаева И. А.* Опыт памятной книжки на церковнославянском языке // Русский книжник — 2008. СПб., 2009. С. 8–11. — Пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность И. А. Корнилаевой, сообщившей автору ряд весьма ценных сведений, касающихся биографии И. И. Махова.

³ Памятная книжка Курской губернии на 1894 год. Курск, 1894. Отд. 4. С. 8, 54, 103; Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу. 1898. Харьков, 1898. С. 534.

⁴ РГИА. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 15582. Л. 1–18; Ф. 733. Оп. 123. Д. 98. Л. 1–17 об.

⁵ Там же. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 15582. Л. 6 об.

⁶ Там же. Ф. 733. Оп. 123. Д. 98. Л. 3 об.

⁷ Об И. В. Махове см.: *Анатолій (Ключарев А.)*. Белгород и его святыня // КЕВ. 1884. № 9. Отд. неофиц. С. 469–470.

⁸ ГАБО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 144. Л. 13 об.

⁹ ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 150. Л. 464 об.; Д. 260. Л. 3828, 3886; Д. 319. Л. 22. — Данные сведения сообщены И. А. Корнилаевой автору этих строк в личном письме.

¹⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 123. Д. 98. Л. 4. — Возможно, она приходилась дочерью прото-дьякону харьковского Успенского собора Василию Федоровичу Невпрыгину (см. о нем: Некрологи // Харьковские епархиальные ведомости. 1882. № 23. С. 620–622; Историко-статистическое описание Харьковского кафедрального Успенского собора. Харьков, 1894. С. 213–214).

¹¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 15582. Л. 6 об.–7.

¹² Утвержден в чине губернского секретаря со старшинством с 8 ноября 1861 г., в чине коллежского секретаря со старшинством с 8 ноября 1864 г., в чине титулярного советника — со старшинством с 8 ноября 1867 г. (ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 4838. Л. 49; РГИА. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 15582. Л. 6 об.–7). — Благодарю Е. С. Карпука за высказанные им замечания по вопросу о производстве И. И. Махова в указанные чины.

¹³ Список чиновников и преподавателей Харьковского учебного округа к 1-му февралю 1869. Харьков, 1869. С. 167.

¹⁴ РГИА. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 15582. Л. 7.

¹⁵ Там же. Л. 12 об.

¹⁶ ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 4838. Л. 49. — Благодарю Е. С. Карпука, обнаружившего данный документ и ознакомившего с ним автора этих строк.

¹⁷ Там же. Л. 6 об.–8.

¹⁸ РГИА. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 15582. Л. 7 об.–8.

¹⁹ Там же. Л. 7 об.–8.

²⁰ Там же. Л. 7.

²¹ ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 198. Л. 898 об., 902 об. — Цитируемые здесь и далее материалы ГАКО были обнаружены и выписаны исследовательницей Т. Н. Карпук по просьбе И. А. Корнилаевой, которая, в свою очередь, переслала их автору настоящей статьи. За что автор приносит им обоим искреннюю благодарность.

²² Там же. Л. 915 об. — Восприемниками при рождении были рьльский купец Василий Яковлевич Матохин и «земской управы города Рьльска секретаря титулярного советника жена Мария Петрова дочь» (фамилия не указана).

²³ Там же. Л. 937 об.

²⁴ Там же. Л. 851 об. — Восприемниками были уже упоминавшийся купец В. Я. Матохин и жена рьльского помещика И. Ф. Звягина Наталия Михайловна Звягина.

²⁵ РГИА. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 15582. Л. 7.

²⁶ Там же. Л. 7 об.–8; Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1876. № 2. Февр. С. 2.

²⁷ О 29 августа как дате рождения Ивана Ивановича Махова упоминается в формулярном списке И. И. Махова, о 30 августа — в копии метрической выписи, содержащейся в том же деле (РГИА. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 15582. Л. 7, 13).

²⁸ Там же. Л. 13.

²⁹ Там же. Л. 7 об.–9.

³⁰ Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1878. № 4. Апр. С. 24.

³¹ Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1880. № 7. Июль. С. 11.

³² РГИА. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 15582. Л. 8 об.–9.

³³ Там же. Л. 9 об.–10.

³⁴ РГИА. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 15582. Л. 8 об.–11.

³⁵ Памятная книжка Курской губернии на 1893 г. [Курск, 1893]. Отд. 6. С. 8, 57, 105; Памятная книжка Курской губернии на 1894 год. Отд. 4. С. 8, 54, 103.

³⁶ Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу. 1890. Харьков, 1890. С. 340.

³⁷ От Курского епархиального училищного совета // КЕВ. 1888. № 16/ 17. Ч. офиц. С. 311–312.

³⁸ Там же. С. 312.

³⁹ Личный состав уездных отделений Курского епархиального училищного совета // Там же. № 47. Ч. офиц. С. 673.

⁴⁰ Впоследствии обер-прокурор Синода в 1916–1917 гг. (См.: Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи: Главы высших и центр. учреждений, 1802–1917: Биобиблиогр. справ. СПб., 2001. С. 554–555).

⁴¹ Отчет директора народных училищ статского советника Раева о состоянии начальных народных школ Курской губернии за 1892-й гражданский год. [Курск, 1893]. С. 15.

⁴² РГИА. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 15582. Л. 10 об.—11.

⁴³ Там же.

⁴⁴ См.: Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу. 1894. Харьков, 1894. С. 514–515.

⁴⁵ РГИА. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 15582. Л. 13 об.—14.

⁴⁶ Там же. Л. 15–16 об.

⁴⁷ Там же. Л. 17.

⁴⁸ Там же. Л. 7.

⁴⁹ Там же. Л. 14 об.

⁵⁰ Там же. Л. 7. — Иосиф Иванович Махов был незаурядной, достойной упоминания личностью. Служа в 1890–1900-х гг. в Крыму на железных дорогах (см.: Там же. Ф. 1349. Оп. 1. Д. 2750. Л. 67–72), он познакомился с А. П. Чеховым. Махов упоминается в «Адресной книжке» писателя; в доме-музее А. П. Чехова в Ялте сохранились две его визитных карточки (см.: *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. Т. 17. М., 1980. С. 188, 420). Кроме того, в НИОР РГБ сохранилось письмо Махова А. П. Чехову, датированное декабрем 1903 г., в котором Иосиф Иванович просит Чехова «если Вас не затруднит, не отказать сообщить мне письменно фамилию и по возможности и адрес лучшего доктора или профессора по болезням почек, так как, ввиду испытываемых мною болей и недомогания, я решил... поехать в Москву, как Вы мне лично и советовали, — для диагноза своей болезни» (НИОР РГБ. Ф. 331. Картон 51. Д. 43. Л. 1). Об интеллектуальном уровне Иосифа Ивановича свидетельствует и отправленное им 13 мая 1905 г. письмо из Севастополя в Москву, в книжный магазин Г. П. Шибанова, с просьбой выслать каталог редких книг (Там же. Ф. 342. Картон 28. Д. 88. Л. 1).

⁵¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 123. Д. 98. Л. 4.

⁵² Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1901. № 12. Дек. С. 875.

⁵³ РГИА. 733. Оп. 123. Д. 98. Л. 5 об.

⁵⁴ Там же. Л. 2.

⁵⁵ Там же. Л. 1.

⁵⁶ Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1902. № 12. Дек. С. 51.

⁵⁷ РГИА. 733. Оп. 123. Д. 98. Л. 15 об.—16.

А. С. Изотова

«КАК ХОЧЕТСЯ ПРОНИКНУТЬ В ГЛУБЬ ВЕКОВ...» (потомственные дворяне Бартеневы)

Сколько себя помню, на стене в зале всегда висела фотография в деревянной рамочке, на которой запечатлен человек в дореволюционной военной форме. Совсем маленькую, бабушка подносила меня к портрету, взяв на руки, позже — подводила: «Смотри, внучка, это твой дед Саша». И имя мне дали в его честь. Взрослея, я искала общие черты лица. Он был очень красив, и это завершало его другие достоинства: душевность, ум, трудолюбие...

Я постоянно расспрашивала о нем бабушку Агафью. Ни разу не увидев своего дедушку, я прониклась к нему искренней любовью, и это послужило отправной точкой для составления родословной. Восстановить свой род мне удалось до шестого колена — до прапрапрадеда Ивана Алексеевича Бартенева (1805–1860).

В недра памяти былое провалилось
Ночевало скучною зимой.
Но внезапно на свободу попросилось,
Объятая стиснув крепкою рукой¹.

В XIX в. фамилия Бартеневых была широко известна за пределами Обо-
янского уезда. В метрической книге Пятницкой церкви с. Шевелёво Обо-
янского уезда Курской епархии, хранящейся в консисторском архиве, имеется
запись под № 22 о рождении 22 августа 1865 г. дворянина Александра Алек-
сеевича Бартенева. В свидетельстве о рождении и крещении родителями зна-
чатся дворянин Алексей Иванович (1835–1904) и законная его жена, Елена
Ивановна, оба православного вероисповедания. Таинство крещения совер-
шил священник Михаил Булгаков².

Титул потомственных дворян был пожалован Бартеневым 19 июля
1858 г., их имена внесены в дворянскую родословную книгу Курской гу-
бернии на основании свидетельства, выданного по указу е. и. в. из Курско-
го дворянского депутатского собрания на основании ст. 374 9-го тома Сво-
да законов³. По всей вероятности, титул был пожалован за героическое
участие в Крымской войне 1853–1856 гг., в которой принимала участие
Обоянская дружина.

Прадед Александр Алексеевич Бартенева (1865–1905) и его жена Софья
Ивановна (1869–1906) проживали в с. Башкатово Обо-янского уезда, где им
принадлежало 30 дес. земли (небольшой водоем, пашня, луг, лес, хозяйст-
венные и жилые постройки). Александр Алексеевич избирался членом Кур-
ского дворянского собрания. Софья Ивановна была замечательной портни-
хой. Оба рано умерли: Софья Ивановна в 37 лет от туберкулеза горла, а
Александр Алексеевич в 40 лет.

Двое малолетних детей — Мария и Александр — остались сиротами, и
их воспитанием занималась бабушка по материнской линии. Мария Алексан-
дровна окончила церковно-приходскую школу, затем учительский институт.
Работала в отделе народного образования, была награждена знаком «Отлич-
ник просвещения».

Александр Александрович (1897–1942) был отдан в Павловский ка-
детский корпус, по окончании которого женился в 1915 г. на крестьянке
Агафье Андреевне Ярыгиной (1899–1976). В их браке родились четверо

детей: два сына и две дочери: Зоя, Николай (1919), Александр и Сергей (1925) — мой отец.

В 1917 г. Александр Александрович ушел на войну, сражался на польском фронте на бронепоезде. В 1919 г. получил тяжелое ранение, домой вернулся инвалидом II группы в 1920 г. Не успел восстановить отчий дом, как в 1933 г. развернулась коллективизация. В селах Гридасово, Шевелево, Косиново, Башкатово прокатились кулацкие бунты. Все постройки имения были разграблены и сожжены. Семья Бартеневых переехала в Обоянь, где купила дом № 5 по ул. 25 октября (ныне улица Жукова). Работал Александр Александрович в Заготконторе.

В 1936 г. начинаются аресты. Был арестован как «враг народа и троцкист» и Александр Александрович: врагом народа его «сделало» дворянское происхождение, а поводом для обвинения в «троцкизме» мог стать орден Красного Знамени, полученный во время гражданской войны. Троцкий был тогда председателем Реввоенсовета.

В тюрьме он провел несколько месяцев. Деда пытали, били по затылку, выбили зубы, и он практически потерял голос. Оттуда его перевели в психиатрическую больницу. Позже, в 1939 г., А. А. Бартенева признали невиновным, но в 1940 г. последовал новый непродолжительный арест. Освобожденный в 1941 г., он вместе с сыном Николаем ушел на фронт. Из похоронки жена узнала, что они участвовали в Сталинградской битве, где оба «геройски погибли». На стеле Мамаева кургана выбиты их имена.

...С именем деда по жизни иду,
Память семейную я берегу.
Рядом я с ним не ходила за ручку,
Он не узнал о рождении внучки.
Дед не вернулся героем из боя,
Слишком нелегкая выпала доля,
Письма последние с Волги писал,
За Сталинград в тех местах воевал.
Следом сражаться ушли сыновья...

Отец мой, Сергей Александрович (1925–1992), ушел на фронт добровольцем в возрасте 17 лет. Служил в разведке, прошел всю войну. Победу встретил в Берлине. Был контужен, имел два тяжелых ранения. Награжден орденами Славы, Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За взятие Берлина» и др. Женился на Полине Филипповне Луневой (1923–1999), тоже участнице Великой Отечественной войны, дошедшей до Берлина и имевшей награды за освобождение Одессы, Праги, Варшавы, Берлина.

Мать работала главным бухгалтером районного отдела образования.

Отец имел пристрастие к музыке и живописи, но после войны был вынужден чем-то заниматься, чтобы кормить семью. Стал хорошим мастером по валянию валенок. Его называли «золотые руки и голова». Действительно, валенки славились на всю округу, далеко за пределами района. Умер отец от рака, похоронен на обоянском кладбище. Мама умерла от инфаркта.

В браке родилось трое детей: Александра, Галина, Сергей. Родители удочерили также Зою — дочь погибшего брата Николая. Всем дали высшее образование.

Зоя (в замужестве Винокурова) проживает в Петербурге, педагог, имеет дочь Элеонору и двух внуков — Сергея и Кирилла.

Галина (в замужестве Матвеева) проживает в г. Юбилейном Московской области, работает инженером на военной киностудии, имеет двоих детей: Михаила (врач) и Светлану (архитектор по озеленению).

Сергей (ныне покойный) работал ветврачом, его сын Артемий — стоматолог.

Я, Александра, закончила Ленинградский институт киноинженеров, по стечению семейных обстоятельств работаю инженером в газовом хозяйстве. Муж, Николай Иванович Изотов, агроном. Имею двоих детей. Сын Роман закончил сельскохозяйственную академию им. Тимирязева, живет в Москве, имеет дочь Марьяну. Дочь Жанна — юрист, имеет сына Сергея.

От предков мне передался дар писать, выпустила две книги: «Стихи» (2008), «Сердце дрожит и радостно тает» (2010).

Дворяне Бартеневы были достойными людьми. Служили учительскому и военному делу. В настоящее время потомки рода служат Отечеству и делу, которое избрали: инженеры, врачи, юристы, архитекторы, учителя... Каждый из них стремился и стремится

Служить Отечеству правдиво и умело
И получать за всё лишь высший балл!⁵

.....
Какое это счастье: самому
Оставить что-то в дар России⁶.

Примечания

¹ Изотова А. С. Сердце дрожит и радостно тает: Стихи, проза. Курск, 2010. С. 139.

² Пономарева И. Из дворян в солдаты... // Обоянская газета. 2004. 28 янв. С. 1.

³ Семейный архив.

⁴ Изотова А. С. Сердце дрожит и радостно тает. С. 203.

⁵ Там же. С. 195.

⁶ Там же. С. 193.

УСАДЕБНЫЙ КОМПЛЕКС КАРАМЗИНЫХ-КЛЕЙНМИХЕЛЕЙ: ВЕК XIX

Первые сведения о слободе Ивня относятся к XVIII в., к моменту проведения в 1762 г. 3-й ревизии населения России. В это время обоянский помещик Иван Степанович Переверзев, майор в отставке, перевел часть своих дворовых людей и крестьян и поселил их на новом месте, которое называлось Ивня (Троицкое)¹. Название Ивня произошло, как полагают историки, от слов «ивняк», «ива», которых особенно много было по берегам небольшой речки, из которой позже, в результате строительства плотины, образовалось два пруда. Они и сейчас украшают наш поселок.

Здесь ивы плакучие тихо застыли у кромки пруда,
Историю прошлых времен с их листьев читает вода.

В эпоху освобождения крестьян от крепостного права с. Ивня с имением в 8138 дес. земли принадлежало сыну знаменитого историка Н. М. Карамзина Владимиру Николаевичу Карамзину². Он родился 4 июня 1819 г. в Царском Селе³. В 1836 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета. Летом 1839 г. начал службу во Втором отделении Собственной е. и. в. канцелярии, занимавшей кодификацией законов⁴. В 1840-х гг. Карамзин слыл светским львом, блистал в высшем обществе Петербурга⁵.

Зима 1844 г. выдалась в Петербурге одной из самых оживленных и веселых за весь XIX в. Состоялось немало великосветских свадеб, в том числе у Карамзина с девицей, являвшейся сестрой графини Клейнмихель — супруги графа Петра Андреевича, упомянутого Некрасовым в «Железной дороге». На этой свадьбе посаженным отцом был сам Николай I⁶. Супруга Владимира Николаевича — Александра Ильинична — была дочерью генерала Ильи Михайловича Дуки (героя войны 1812 г.; его портрет кисти художника Д. Доу хранится в Эрмитаже) и ивнянской помещицы Елизаветы Никаноровны Ильинской-Переверзевой⁷.

Вступая в брак с Александрой Ильиничной, Владимир Николаевич получил в приданое имение в с. Ивня Обоянского уезда Курской губернии, а также с. Рышково Курского уезда с 5 тыс. дес. земли⁸.

В 1850–1870-х гг. на просторном холме, севернее усадьбы предков XVIII в., Карамзины возводят великолепный дворцово-парковый комплекс на 30 десятинах. Кирпичный двухэтажный дворец, построенный в псевдобарочных формах, находился в окружении живописного пейзажного парка с каскадом прудов и системой лесных озер. Ивнянский парк отличался большим

разнообразием редких хвойных и лиственных пород деревьев и кустарников⁹. В парке между дворцом и большим прудом возвышалась церковь св. Троицы, у которой находился семейный некрополь (в середине 1930-х гг. он был разорен).

После Крымской войны Карамзин вернулся на гражданскую службу и поселился в Курской губернии. Он стал членом Курского губернского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян, созданного рескриптом Александра II в 1858 г., и в этом качестве участвовал в подготовке крестьянской реформы¹⁰. В этот период он и занимался обустройством Ивнянского имения.

Ивня тогда «отличалась известностью, славилась своим племенным молочным скотоводством», кроме того, сюда были завезены и новые породы свиней¹¹. Наряду с животноводством в Ивне развивались земледелие и перерабатывающее производство, а Ивнянский сахарный завод относился к пяти важнейшим сахарным заводам Курской губернии. В 1862 г. в селе, помимо сахарного, имелись винокуренный, кирпичный, селитровый, а также конный и овчарный заводы¹².

В 1860-е гг. судьба вновь приводит Карамзина в Петербург. Как опытный юрист он принял участие в разработке судебной реформы 1864 г. Некоторое время занимал должность мирового посредника в Петербурге, а с образованием в 1866 г. судебных округов стал членом Петербургской судебной палаты¹³. В марте 1866 г. Карамзину предлагали выставить свою кандидатуру на выборах петербургского губернского предводителя дворянства, но он отказался¹⁴. В 1868 г. его назначили сенатором с производством в тайные советники¹⁵.

9 сентября 1871 г. в Петербурге умерла жена Карамзина Александра Ильинична, которая была похоронена рядом с матерью на кладбище Александро-Невской лавры¹⁶. После смерти супруги Карамзин продолжал бывать в Ивне, но хозяйством уже не занимался, и оно «значительно опустилось»¹⁷. Умер Карамзин 7 августа 1879 г., «находясь в отпуску в своем имении, селе Ивня Обоянского уезда Курской губернии»¹⁸. Его могилы в Ивне в настоящее время не существует. Потомства Карамзин не оставил. Впоследствии Ивнянское имение перешло к Константину Петровичу Клейнмихелю (1840–1912).

Новый владелец также приложил много сил для развития ивнянского хозяйства: достроил дворец, открыл древесный питомник, заложил плодовый сад на 20 дес., построил оранжереи, развивал торфоразработки, усовершенствовал сахарное производство.

Как сообщают статистические отчеты 1880-х гг., имение графа Клейнмихеля с усадьбой при с. Ивня было расположено на плоскогорье, по всем направлениям прорезанном глубокими долинами и оврагами, поросшими могучим лиственным лесом. Отсутствие реки восполнялось большим рос-

кошным прудом, прилегающим к усадьбе. По своей обширности, красоте и месторасположению Ивинская экономия оставляла далеко позади другие большие и малые имения Обоянского уезда¹⁹.

Сплошная дача Ивнянской экономии заключала в себе 6374 дес. Всю эту площадь предполагалось разбить на семь хуторов, из которых четыре (Ивинский, Александровский, Владимирский и Петровский) уже существовали. К постройке пятого приступили в отдельной даче — Толстой Яруге. Каждый из хуторов со временем должен был стать отдельным хозяйством.

Ивнянская экономия состояла из двух в административном отношении независимых друг от друга отраслей хозяйства: свекловично-сахарного и сельского.

Отрасли сельского хозяйства Ивнянской экономии:

1. Полеводство
2. Племенное молочное скотоводство и выращивание рабочего скота
3. Откармливание скота
4. Коневодство
5. Свиноводство
6. Лесоводство
7. Садоводство (фруктовое и оранжерейное)

В имении было три породы крупного рогатого скота: швейцарская, украинская и простая мясная. Содержался скот в разных хуторах и помещениях, смотря по породе и возрасту. Коней выращивали для собственного хозяйства: рабочих и выездных. Для этой цели в Тамбовской губернии закупались рослые матки хорошей породы. С целью улучшения породы свиней, завезенных еще при прежнем владельце, а также для разведения племенных животных для продажи Клейнмихель выписал чистокровных английских свиней: черных бекширских и белых йоркширских. Обе эти породы легко откармливались. По отчетам 1880–1881 гг., свиноводство в Ивне было доходным.

При Клейнмихеле около 26 дес. было засажено лесом. Граф не жалел средств и выписал из лесного питомника Шатилова в Тульской губернии 20 000 сосен (обыкновенной австрийской и ваймутовой породы) и лиственниц. Кроме того, тысячами привозились молодые деревца хвойных пород из Черниговской губернии. Завезенные лиственницы принялись и дали хорошие побеги. Для получения собственных саженцев в Ивне было создано два питомника. Леса в имении охранялись.

Садоводство в имении находилось в зачаточной стадии. Под сад отводилось 75 дес. земли, а занято было всего 36 дес. Саженцы покупались и привозились из Орла. Сорта яблонь и груш выбирались осенние и зимние.

Через большой пруд к северо-западу от господского дома был расположен свекло-сахарный песочный завод, основанный в 1853 г. Первоначально он был прессовым, а после пожара переделан на диффузный. Завод выдавал от 40 до 60 тыс. пудов чистого сахарного песка, который, будучи распродан

еще до начала производства, отправлялся через ст. Марьино (ныне Ржава) Курско-Харьковской ж. д. в Москву в фирму Харитоненко. На сахарный завод свекла доставлялась со своих ивнянских свекловичных плантаций, часть же заказывалась по контракту окольным помещикам²⁰.

В графском дворце имелось 65 комнат. Они были расположены в крыле дома. В середине же дворца находился парадный зал со множеством зеркал, здесь горели свечи в изящных канделябрах, со стен смотрели старинные портреты из потускневших рам... Во дворце имелись большая бильярдная и библиотека. Дом был окружен разросшимся парком, спускавшимся к пруду. От дома отходили дорожки, отбитые по шнуру. Они ежедневно убирались. До самого пруда вела аллея, обсаженная лиственницами и цветами. Недалеко от дворца располагалась оранжерея, в которой росли цветы и цитрусовые растения. Здесь же были псарня, конюшня, церковно-приходская школа. У церкви находились могилы Никанора Переверзева (одного из владельцев Ивни), первой жены Клейнмихеля Нины Викторовны Канкриной, его старшей сестры Александры Петровны Клейнмихель, сына Пьера и других родственников²¹.

К. П. Клейнмихель был женат дважды. Первая его жена умерла очень рано. Вторая жена — Екатерина Николаевна Богданова — была дочерью курского губернского предводителя дворянства. Их городская усадьба сохранилась до настоящего времени²². В браке с ней у Клейнмихеля родился сын Владимир и четверо дочерей: Клеопатра, Наталья, Елена и Ольга. Юные барышни Клейнмихель близко дружили с детьми великих князей, а старшая дочь была фрейлиной императрицы. Елена Клейнмихель-Пущина-Трубецкая слыла первой красавицей Москвы, Петербурга, а позже и Парижа, где оказалась в известном Доме моды²³.

В 1923 г. в результате пожара основное здание дворца сгорело, остались лишь два боковых корпуса. В 1931 г. была закрыта церковь. А весной 1934 г. при поисках драгоценных металлов храм был разорен, а помещичьи могилы вскрыты. При всем этом присутствовал Тимур Гайдар, живший тогда в Ивне. Позже в своей книге «Голиков из Арзамаса» он напишет: «Что хотели найти, вскрывая могилы графов Клейнмихелей, не знаю. Но народу собралось много. Принесли ломы, лопаты. Сдвинули каменную плиту. Лопаты легко врезались в промокшую весеннюю землю... В толпе возник спор “нельзя поднимать, рассыплется!”. “Ну да, толкуй, рассыплется... Он же свинцовый!”. Гроб оказался обычный, деревянный. Полусгнившие доски, щепка табачного цвета, какие-то мокрые полусгнившие тряпки... Острое любопытство, заставившее меня как и других мальчишек, протиснуться, несмотря на ворчание старших, к самому краю могилы, вдруг пропало. Пятясь, я выбрался из толпы и пошел домой. Вечером не мог уснуть. За окнами темнели деревья бывшего графского парка и прорисовывался раздетый, решетчатый, без железных листов купол заколоченной церкви»²⁴.

Последними владельцами Ивни были Клеопатра — старшая дочь К. П. Клейнмихеля и ее муж Г. В. Мартынов (внук Н. С. Мартынова, печально известного по роковой дуэли с М. Ю. Лермонтовым).

Дальнейшая судьба Клеопатры драматична. После революции семья эмигрировала. Много лет К. К. Мартынова (Клейнмихель) работала в Русском Красном Кресте во Франции. Потеряв мужа и детей, она положила много трудов на воспитание русских бедных детей. Являлась сестрой Александро-Невского сестричества. Была одной из основательниц и старшей сестрой сестричества Серафимо-Дивеевской общины при церкви преп. Серафима Саровского на ул. Лекурб в Париже. Долгие годы находилась во главе этого сестричества. Скончалась 14 апреля 1966 г после продолжительной болезни. Похоронена на кладбище в местечке Муазене (Moisenay), около Мелёна (Melun) во Франции²⁵.

Сын Константина Петровича, Владимир, закончил Пажеский корпус, служил в Лейб-гвардии Гусарском полку. В 1914 г. после тяжелого ранения был вынужден уйти из армии. Отец к тому времени умер. Усадьба в Ивне перешла к старшей дочери Клеопатре, а сахарный завод, как и некоторые предприятия в Курске — Владимиру. Последний старался не отличаться от своих рабочих в одежде, не гнушался физического труда. Он спокойно встретил революцию, так как доверял своим рабочим. Однако погиб трагически. Пьяные революционно настроенные солдаты растерзали его на ст. Луга под Петербургом на глазах у его сестры Елены. До конца жизни она не могла забыть этой страшной картины. Их сестра Ольга (в замужестве Воронова) эмигрировала в Австралию. Ей принадлежит книга мемуаров «Потрясение». Сегодня потомки Клейнмихелей живут в США, Франции, Германии, Великобритании²⁶.

В настоящее время в сохранившихся дворцовых постройках находится областной детский противотуберкулезный санаторий, открытый в 1963 г. Сегодня это одно из красивейших мест в Ивне. Территория облагорожена, уложена тротуарная плитка, разбиты цветники и клумбы. Площадь парка составляет 16 га, имеет квадратную форму (400×400 м) и ровный рельеф. Центральная часть парка занята яблоневым садом. Группы старых деревьев есть в северной, центральной и восточной частях²⁷. Красивейшим уголком является большая квадратная поляна в восточном углу парка, отданная в 1998 г. под строительство храма. В центре ее находится своеобразный круг («хоровод» из сосен, в котором сохранились 15 старых деревьев). В ясный солнечный день 1 октября 2000 г. состоялось освящение и открытие нового Свято-Никольского храма. Зазвонили колокола над поселком, разнося благую весть.

Сохранились здание конезавода, квадратное в плане, с внутренним двором, а также молотильный сарай. Севернее от него находятся остатки оранжереи, перестроенной в квартиры.

Часто говорят о покаянии за содеянное. В нашем случае оно состоит не только в создании красивых новых парков, а прежде всего в бережном сохранении богатейшего историко-культурного наследия России.

Примечания

¹ Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настол. и дорож. кн. для рус. людей / Под ред. В. П. Семенова. Т. 2: Среднерусская черноземная область. СПб., 1902. С. 467.

² Там же. С. 466, 467.

³ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. М., 1994. С. 248, 601.

⁴ Там же. С. 248.

⁵ Там же. С. 601.

⁶ *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров: Воспоминания, дневник, 1853–1882. Тула, 1990. С. 24.

⁷ *Марченко А. М.* С подорожной по казенной надобности: Лермонтов: Роман в док. и письмах. М., 1984. С. 154.

⁸ Россия. Полное географическое описание... С. 466. — По данным сказок 8-й ревизии 1834 г. земельными наделами в это время в с. Троицком (Ивне) владела помещица Елизавета Никаноровна Дука. По данным сказок 9-й ревизии 1850 г. земельными наделами в этом селе владела помещица Александра Ильинична Карамзина (*прим. И. П. Бабина*).

⁹ *Холодова Е. В.* Ивня // Русские провинциальные усадьбы XVIII — начала XX века: Сб. ст. / Сост. Р. В. Андреева, Л. Ф. Попова. Воронеж, 2001. С. 27–29.

¹⁰ *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. С. 367.

¹¹ *Борисов В.* Хозяйство при с. Ивня, Троицкое тож, имение В. Н. Карамзина Курской губернии, Обоянского уезда // Сельское хозяйство и лесоводство. 1878. Июнь. С. 219–240.

¹² Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. 20: Курская губерния: По сведениям 1862 г. СПб., 1868. С. 88.

¹³ *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. С. 367; *Лотман Ю. М.* Карамзин: Сотворение Карамзина. Ст. и исслед., 1957–1990. Заметки и рец. СПб., 1997. С. 352, 353.

¹⁴ *Валуев П. А.* Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 109.

¹⁵ Остафьевский архив... Т. 1. С. 601.

¹⁶ *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. С. 256, 257.

¹⁷ Имение графа К. П. Клейнмихеля Обоянского уезда при селе Ивня // Курская губерния: Итоги стат. исслед. Курск, 1887. С. 31.

¹⁸ Остафьевский архив... Т. 1. С. 601.

¹⁹ Имение графа...

²⁰ *Воронова О. К.* Путешествие в Ивню // Русские провинциальные усадьбы... С. 29–34.

²¹ Там же.

²² Там же. Примечания.

²⁴ *Гайдар Т. А.* Голиков Аркадий из Арзамаса: Документы. Воспоминания. Размышления. М., 1988. С. 204.

²⁵ *Аксакова Т. А.* Семейная хроника. Кн. 1. Париж, 1988. С. 126–136.

²⁶ Там же.

²⁷ *Колесникова Л. И.* Святое Белогорье: усадьбы и судьбы // Памятники Отечества. 2002. № 50. С. 73.

**КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ ТРУТОВСКИЙ:
судьба провинциального художника**

Недалеко от Обояни, километрах в 10–15, есть небольшая деревня Яковлевка, некогда входившая в состав обширного Обоянского уезда. В этой маленькой деревушке память народная верно хранит имя замечательного русского художника и подвижника Константина Александровича Трутовского. В Яковлевке есть место, называемое в народе «Трутовский сад», за садом есть заброшенный колодец, называемый «Трутовским». Они зовутся так потому, что когда-то здесь находилась усадьба художника, одного из основоположников бытового жанра в русском изобразительном искусстве. К сожалению, его имя в России было быстро забыто...

Трутовский был одним из первых русских художников, которые отказались от традиционной академической трактовки сюжета. Он, всецело посвятив себя бытовому жанру, сыграл большую роль в становлении и развитии национального искусства. Трутовский черпал свое вдохновение в российской глубинке, в природе средней полосы, в пестрых орнаментах крестьянских костюмов и повседневной народной жизни.

Несмотря на то, что картины Трутовского находятся во многих музеях России, до сих пор нет серьезной и объективной исследовательской работы о его творчестве. Книга З. В. Лашкул «Костянтин Олександрович Трутовський. Життя і творчість» была издана в 1974 г. в Киеве на украинском языке и посвящена в основном роли Трутовского в украинской культуре¹. Это единственное издание, при подготовке которого использовался архивный материал: дневники, письма и воспоминания художника. В статьях, посвященных Трутовскому, изредка появляющихся в местной прессе, а затем (уже под другим авторством) дублирующихся в Интернете, очень много путаницы и ошибок. В одних публикациях сказано, что Трутовский русский художник, в других — украинский или русско-украинский. Но самая большая нелепость, встречающаяся в литературе, это указание местонахождения д. Яковлевки, где художник прожил более 30 лет. Из-за созвучного названия родину художника многие авторы «переносят» в поселок Яковлево Белгородской области. Именно так написано, например, в книге Л. А. Брынцева «Золотые врата Ис-

кусства», посвященной курским художникам². На сайте администрации Яковлевского района размещена информация о Трутовском как об уроженце Яковлево³. В недавно изданной книге «Художники Курского края. История и современность» имя Трутовского упоминается лишь единожды, когда говорится, что на Курской земле крепчал его талант...⁴ В статье А. Н. Кобылина «Краткие сведения о художниках — уроженцах Курской губернии и о других художниках, работавших в ней», опубликованной в 1915 г., содержится материал о Трутовском, подготовленный при содействии Владимира Константиновича Трутовского — сына художника. Там есть такая фраза: «Малая подготовка и спешность в работе уменьшали достоинство его картин, от того колорит их выходил не всегда хорошим...»⁵. Со временем она стала излагаться так: «Картины художника не отличались ни высоким стилем, ни выдающимися художественными достоинствами»⁶ или «К сожалению, недостаточность полученной им художественной подготовки и привычка — особенно в последнее время — работать спешно, не справляясь с натурой, во многих случаях уменьшают достоинство его хорошо задуманных и ловко исполненных произведений»⁷.

Трутовский родился 28 января 1826 г. в Курске в доме деда Алексея Ивановича Моисеева. Трутовские происходили из старинного дворянского рода, внесенного в дворянскую родословную книгу Харьковской губернии. Детство будущего художника прошло в имении отца в с. Поповка-Семеновка Ахтырского уезда Харьковской губернии. С 9 лет он был определен в Харьковский пансионат Земницкого. В 13 лет мальчика отправили в Петербургское Николаевское инженерное училище. Позже Трутовский поступил в офицерские классы этого училища. В 1845 г., окончив курс, Константин Александрович остался репетитором в классе архитектуры. Это дало ему возможность в качестве вольнослушателя посещать занятия в Академии художеств в классе исторической живописи Ф. А. Бруни. Новые знакомства с молодыми художниками Л. Логарио, А. Бейдеманом дали мощный стимул к творчеству. «Все нам было каждому около 20 лет, все мы были восторженные юноши; все наши разговоры, все занятия касались одного — искусства. Мы читали все, что попадалось об искусстве, приобретали на последние деньги какие-нибудь издания, касающиеся искусства, — и наш кружок резко отделялся от других учеников, которые шли чисто академическим путем...»⁸, — писал о тех временах в своих автобиографических записках художник.

В 1848 г. состоялся триумф Павла Андреевича Федотова. В залах Императорской Академии художеств были выставлены его картины, которые имели большой успех и закрепили за бытовым жанром право на существование в иерархии жанров живописи. Знакомство с творчеством Федотова позволило Трутовскому иначе взглянуть на предназначение отечественного искусства. Федотов впервые показал, что красота может быть в малом, обыденном.

В 1849 г. в связи со смертью матери Трутовский уезжает из Петербурга. В 1850 г. он переезжает в Яковлевку, женится на Софье Самбурской — племяннице С. Т. Аксакова. Это время формирования Трутовского-художника — с собственными взглядами на жизнь и на искусство, с собственным, неповторимым художественным языком. Жизнь в провинции позволила художнику увидеть народную среду во всех ее красках. Из воспоминаний Трутовского можно представить, что волновало и заботило его. Работая в Обоянском земстве он писал: «Среда эта была поистине ужасная, никакого тогда не было препятствия для развития в помещиках их инстинктов. Все пороки не имели узды. Деспотизм, разврат, самоуправство царило повсюду — удержу не было. Ни божеских, ни царских законов не соблюдали...»⁹. В своих письмах родным художник писал, что ему «всегда дороже всё миловидное, нежели грандиозное — вероятно, это свойство моего характера»¹⁰. Быть может, в этом и кроется ответ на вопрос, почему крестьянская тема, любовь к простому народу прошли основной линией в творчестве потомственного дворянина.

1850–1860-е гг. Трутовский оценивал как ученичество. «...Побольше делать с натуры. Мне над каждой складкой нужно учиться... Моя роль самая скромная и совершенно ученическая». «Я работаю постоянно, всякий день что-нибудь да сделаю, альбом пополняется, и я, кажется, подвигаюсь»¹¹. Свое отношение к искусству он выражал в своих письмах: «Я изучаю натуру без всяких прикрас...»¹² Художник Апполон Мокрицкий, преподаватель Московского училища живописи, ваяния и зодчества, высоко оценивал талант Трутовского. Он высылал ему оригиналы для копирования и всячески поддерживал творческие начинания молодого художника. В 1858 г. Трутовский вместе с художником Иваном Соколовым поехал в Петербург. Он привез с собой рисунки, которые сразу приобрели популярность. С Трутовским начинают работать популярные издания, его принимают в художественных кругах столицы. С этого времени художник начинает каждую зиму приезжать в Петербург, привозя много нового материала. Известный меценат В. А. Кокорев послал Трутовского за границу с целью знакомства его с западным искусством. Художник посетил музеи Дрездена, Дюссельдорфа, Берлина. Но внезапная смерть жены заставила его вернуться в Россию.

В 1860 г. Трутовский представил картину «Хоровод в Курской губернии», написанную по мотивам яковлевских наблюдений. Сохранилось большое количество подготовительного материала к этой картине, что говорит о долгих поисках выразительных средств, народных образов. Это произведение на момент его создания характеризует Трутовского как зрелого мастера со своим неповторимым изобразительным языком, со своей активной творческой позицией. За картину «Хоровод в Курской губернии» Трутовский получил звание академика живописи, и это при том, что он не окончил академического курса. Картину приобрел П. М. Третьяков. Через год эта картина представляла Русский отдел на Всемирной выставке в Лондоне. Это про-

изошло за два года да знаменитого «Бунта четырнадцати» и за 12 лет до возникновения Товарищества передвижных выставок!

В 1861 г. художник женился на внучатой племяннице А. С. Грибоедова О. И. Лисицыной. В 1862 г. он предпринял вторую поездку за границу. Трутовский посетил Францию, Англию, Бельгию, а по возвращении в Яковлевку с новой энергией взялся за работу. Художник так описывал свою жизнь того времени: «Работать здесь отлично... Скучать мы с женой не умеем, разве что безлюдие одолевает — ну что же делать! Зато есть простой народ, который я крепко люблю и который недосыгаемо выше здешних (да и не только здешних) “благородных”»¹³.

В 1871 г. Трутовский принял приглашение занять пост инспектора Московского училища живописи, ваяния и зодчества. На этот период приходится расцвет этого учебного заведения. По мнению И. Е. Репина, оно в этот период могло служить примером не только для Императорской Академии художеств, но и для всех европейских академий. Трутовский заботился о талантливых учениках, покровительствовал молодому Левитану. Большую роль он сыграл в судьбе Константина Коровина, Михаила Нестерова, о чем они с теплотой рассказывали на страницах своих воспоминаний.

В 1870-е гг. творчество Трутовского характеризуется как поиск гармонии человека и природы. Его картины приобретают романтический характер. Живя в Москве, художник много работает как график и иллюстратор. Его живописные произведения часто перекликаются с литературой. В этот период он ведет активную выставочную деятельность, вступает в Московское товарищество любителей художеств, участвует в выставках Товарищества передвижных выставок в качестве экспонента, становится кандидатом в члены товарищества. Художник много путешествует: в архивах училища сохранились документы на разрешение проживания ему в Киевской, Курской, Харьковской и Полтавской губерниях. В 1872 г. Трутовский был избран членом Брюссельской и Мюнхенской академии художеств, принят в члены Бельгийского общества акварелистов.

В 1881 г. Трутовский вышел в отставку и с семьей (женой и четырьмя детьми) возвратился в родную Яковлевку. Живя рядом с героями своих картин, художник, несмотря на сложное материальное положение, неустанно работает. В 1886 г. он писал редактору «Художественного журнала» Н. А. Александрову: «Я ведь теперь почти деревенский житель и даже втянулся в земскую деятельность, изображаю инспектора от земства за народными школами, участвую в земских и всяких собраниях и пр. Все это не мешает мне работать, и я работаю довольно много. Настоящий образ моей жизни дал несколько другое направление моим работам, и я уже не пишу сладеньких сцен»¹⁴. Творчество художника начинает носить острый социальный подтекст, сюжеты освобождаются от романтического налета, становятся более драматичными. «Сбор недоимок», «Сельская учительница»,

«Больной», «Суд» — названия картин этого периода говорят сами за себя. В них много узнаваемых персонажей, переходящих из картины в картину. Это говорит о том, что Трутовский всегда был честен перед собой и искусством, писал максимально близко к натуре, что впоследствии, очевидно, критики приняли за «незаконченность» и «спешность» в работе.

Трутовский умер в родной Яковлевке 17 марта 1893 г. Газета «Московские ведомости» писала: «В его груди билось все еще молодое сердце, отзывчивое, горячее и благородное». Похоронили художника на территории Богородице-Знаменского монастыря в Обояни. Могила не сохранилась...

Судьба Константина Трутовского во многом схожа с судьбой Павла Федотова — основоположника бытового жанра в русском искусстве. Оба из-за любви к искусству оставили военную службу, оба не получили систематического художественного образования. Оба они до конца были верны избранному пути, последовательны в своем творчестве, и оба, несмотря на пережитые минуты славы, оказались забытыми еще при жизни... Появилось новое поколение художников, которые масштабом и широтой творческих интересов затмили тех, кто стоял у истоков.

Трутовский обладал колоссальной работоспособностью. Он создал несколько сот картин, тысячи рисунков, иллюстраций к произведениям Гоголя, Лермонтова, Пушкина, Шевченко, Грибоедова и других писателей. Во время голода стараниями художника в его доме была открыта столовая для голодающих. Он сохранил для нас облик народной жизни Обоянского уезда, облик Обояни и ее окрестностей середины XIX в. Литературным талантом Трутовского восхищался С. Т. Аксаков. О нашем крае Трутовский написал «Воспоминания о голоде в Обоянском уезде», «Воспоминания об отмене крепостного права в Курской губернии». Картины художника находятся в Государственной Третьяковской галерее, Русском музее, в картинных галереях Киева, Иркутска, Курска, Казани, Тамбова, Симферополя, Алупки, Харькова, Полтавы, Донецка, Днепропетровска, Львова, Николаева...

Но в Обояни нет ни улицы, названной его именем, ни памятной таблички на здании где он работал, нет ничего, что говорило бы о замечательном русском художнике — Константине Александровиче Трутовском...

Примечания

¹ Лаикул З. В. К. О. Трутовський: Життя і творчість. Київ, 1974.

² Брынцев Л. А. Золотые врата Искусства: Регион. компонент художеств. культуры. Курск, 2002. С. 340.

³ Официальный сайт администрации Яковлевского района [электронный ресурс]. URL: <http://www.yakovl-adm.ru/page-43.html> (10.11.2012).

⁴ Художники Курского края: история и современность: живопись, графика, скульптура, народное искусство, икона, театрально-декорационное искусство, монументальное и

декоративно-прикладное искусство / Авт. вступ. ст. и сост.: Л. А. Брынцев, М. М. Заутренников. Курск, 2006. С. 14.

⁵ Кобылин А. Н. Краткие сведения о художниках — уроженцах Курской губернии и о других художниках, работавших в ней // Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Вып 2. Курск, 1915. С. 38–40.

⁶ Энциклопедия живописи и графики [Электронный ресурс]. URL: http://www.art-catalog.ru/artist.php?id_artist=173 (23.02.2012).

⁷ Исторический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/history/Trutovskij-Konstantin-Aleksandrovich-41781.html>. (23.02.2012).

⁸ Лашкул Э. В. К. О. Трутовский. С. 20.

⁹ Там же. С. 20–21.

¹⁰ Там же. С. 60.

¹¹ Там же. С. 22.

¹² Там же. С. 108.

¹³ Там же. С. 81.

¹⁴ Там же. С. 175.

Е. М. Харланова

ДМИТРИЙ НИКИТИЧ ПРОНИН — «КУРСКИЙ СУХОМЛИНСКИЙ»

Обоянская средняя школа № 1 — старейшее общеобразовательное учреждение города и района. Открыта она предположительно в конце XIX в. как церковно-приходская.

После 1917 г. школа занимала несколько зданий по улицам Луначарского, Ленина, 1-го Мая, К. Маркса. Во время Великой Отечественной войны два школьных здания по ул. К. Маркса и 1-го Мая были разрушены. После освобождения города в 1943 г. школе были переданы помещения бывшего мужского монастыря по ул. Фрунзе. Учащиеся начальных классов занимались в помещении вечерней школы по ул. 1-го Мая.

В 1980 г. по просьбе Обоянского РК КПСС и райисполкома Курский обком КПСС и облисполком приняли решение о выделении средств на подготовку проектно-сметной документации и строительство нового типового здания школы на 1179 ученических мест. Строительство нового здания началось 15 марта 1985 г. с забивки контрольных свай в присутствии первого секретаря Обоянского РК КПСС В. И. Пархоменко. Новая школа была построена в рекордные для Обояни сроки: за три года. 1 сентября 1987 г. состоялось торжественное открытие нового школьного здания.

Педагогический коллектив школы в разное время возглавляли директора И. А. Кособродов, М. И. Покровский, П. У. Пронин, П. Я. Быков, Гранкин (имя и отчество в документах отсутствует), А. Ф. Леонтьев, Д. Н. Пронин, Ю. М. Бурчак.

За время существования школы тысячи юношей и девушек получили путевку в жизнь, многие из них стали знаменитыми людьми, принесшими славу не только школе, району, но и стране.

Так, школу № 1 окончил Георгий Михайлович Нэлепп — оперный певец, солист Большого театра, Вера Николаевна Локтионова — ведущая актриса Воронежского драмтеатра, Дмитрий Яковлевич Гуторов — актер Николаевского драмтеатра, заслуженный артист республики¹.

Воспитанников Обоянской средней школы № 1 периода 1964–1982 гг. следует выделить особо. Они приобрели ту особенную окраску, которую называли Пронинской. Имя директора школы Д. Н. Пронина до сих пор вызывает теплые воспоминания.

Из автобиографии: «Я, Пронин Дмитрий Никитич, родился в 1921 году в с. Дежевка Солнцевского района Курской области^{1а} в середняцкой крестьянской семье. Семья была подвергнута в период завершения коллективизации исключению из колхоза, [...] раскулачиванию. Через некоторое время решением исполкома райсовета [...] семья была восстановлена в колхозе. В 1941 г. окончил 10 классов средней школы с похвальной грамотой, поступил в Харьковский государственный университет, но война помешала осуществлению плана получения высшего образования, отодвинув его на более позднее время. В период оккупации находился на оккупированной территории с июля 1942 по февраль 1943 года. На немцев не работал. После оккупации, с сентября 1943 г., поступил на работу учителем истории в Обоянскую среднюю школу № 1»².

Война ушла на запад. Надо было снова открывать школу. Пронину предложили учить детей истории. Дмитрий Никитич пришел в разоренную школу. «Школа — моя мечта, — делился своими мыслями Пронин с корреспондентом «Молодой гвардии» Л. Литвинец. — У меня в жизни было три страсти: музыка, живопись, школа. Выбрал последнюю... На время, правда, пришлось опять уйти из школы ответственным секретарем в районную газету «За коммуны». Было много заманчивых предложений и из других редакций, но душа вралась к детям»³.

С 1949 по 1955 г. Пронин работал преподавателем истории, логики, психологии и заведующим учебной частью Обоянской средней школы № 1. Весной 1955 г. Дмитрия Никитича назначили директором в Павловскую среднюю школу. Колхоз в Павловке был передовым, но село передовым не выглядело. Директор принес сначала в школу, а потом и в село городские требования: передел ребят в единую форму, отучил носить грязь в помещении, тщательно следил за внешним видом учеников.

Павловская средняя школа, первый год директорства. 1955 г.

Вокруг школы был разбит сад, позже — парк. Установили тесную дружбу с сельской молодежью, которая тянулась к школе как к очагу культуры. В селе не было музыкантов. Дмитрий Никитич взял в руки баян, учился играть на нем. По вечерам он выходил «на круг»; в центре он, директор, а вокруг — счастливые лица разгоряченных танцоров. Создали свою самодеятельность. И впервые 23 февраля 1956 г. их концерт завершил торжественное заседание в Обояни. Об этом времени, самом трудном и насыщенном для него, Дмитрий Никитич говорил с большой любовью. «Это были лучшие два года в моей жизни, — вспоминал он. — Начинала школа, начинал и я как директор»⁴.

С августа 1957 г. по октябрь 1964 г. Пронин работал преподавателем культуры речи и обществоведения в Обоянском библиотечном техникуме. После этого Дмитрий Никитич возвращается в свою школу уже в качестве руководителя. Он ведет историю, обществоведение. «Почему я люблю свой предмет — историю? Потому что благодаря истории я могу передать ребятам все, что мне дорого в жизни. Я видел досыта в жизни и благородства, и подлости, трусливого благоразумия и подвигов — мне хочется, чтобы мои ученики ясно осознали, что в мире существует добро и зло, и главное, чтобы научились отличать одно от другого. История — это урок жизни»⁵.

А чтобы дети могли соприкоснуться с историей, Пронин в 1965 г. основал школьный музей. По крупицам восстанавливались страницы исторической биографии Обоянского района. Работа велась в следующих направлениях:

- «Обоянцы — борцы за Советскую власть»;
- «Страницы истории Обоянского комсомола»;
- «Годы коллективизации в уезде»;
- «Великая Отечественная война».

В музее хранятся подлинные рукописи: пожелтевшие письма, просто отдельные листочки. Рядом на стенде — кирпич, опаленный огнем, седой камень из стены Брестской крепости. В закрытых урнах — святая земля с Курской дуги, Мамаева кургана, из Трептов-парка⁶. Из рапорта-отчета: «В настоящее время в музее имеются десятки фотографий, более 70 страниц печатного текста об истории комсомольской и пионерской организации Обоянского района. Музей хранит имена и подвиги обоянцев. Среди них Герои Советского Союза П. П. Нефедов, П. К. Ерин, А. М. Максин. Более 200 фотографий и 500 страниц печатного текста, документы, письма, фронтовые награды». Музей отмечен дипломами, многочисленными грамотами, подарками. Вот какие слова оставил в книге пожеланий инспектор Министерства просвещения СССР И. А. Чухрай: «С особым вниманием и волнением осмотрели мы музей... Приятно видеть такую заботу о военно-патриотическом воспитании учащихся». Велся поиск материалов и по истории родного края с древнейших времен до наших дней, собран местный фольклор, коллекция колокольчиков, монет, самоваров. Это огромный, многолетний, кропотливый труд коллектива — и учительского, и ученического.

Д. Н. Пронин на экскурсии в музее Обоянской средней школы № 1. 1972 г.

Музей работал. Вот что Дмитрий Никитич записал в дневнике: «...Усилилось внимание учителей к использованию краеведческого материала, который имеется в школьном музее революционной, боевой и трудовой славы. Идут уроки о трех русских революциях — на них присутствуют материалы о революционерах Обояни, воспоминания старейших большевиков. Идут уроки о коллективизации — на них присутствуют материалы о подвижниках коллективизации в Обоянском районе. Идет речь о Великой Отечественной войне — музей предоставляет учителю богатейший материал о живых и погибших героях войны — обоянцах. Идет речь о братских социалистических странах — к услугам учителя богатейшие материалы школьного КИДа, которые хранятся в музее. В музее найдет нужный материал и учитель русского языка, и учитель биологии, и учитель географии, и классный руководитель». Здесь все — о людях, все — для людей⁷.

Уходя мыслями в прошлое родного края, его боевой и трудовой истории, всю жизнь уча своих учеников ценить это, директор школы принимал близко к сердцу судьбы и проблемы современной молодежи. «...Коньяк пьют взрослые, сквернословят взрослые, дерутся и кривят душой взрослые. И тот, кто скажет, что это не так, тот склонен к идеализации взрослых. А молодежь — это те же мы. Они отражают нас с нашими обычаями, традициями, привычным стилем жизни. Ум, развитость, образование, независимость суждений, широта кругозора, чувство достоинства никогда не были присущи молодежи в таком масштабе, как теперь. Нельзя брать для сопоставления лучшего представителя старшего поколения и сравнивать его с худшим представителем молодого»⁸.

Дмитрий Никитич был убежден, что возможности учителя безграничны «Всё, что есть в тебе, что умеешь, можешь, любишь, сумей передать, — записал он в дневнике, — сумей все сделать, чтобы тебя поняли, постигли, чтобы научились ловить не только смысл слов, но и — мучительнейшее желание — научились бы слышать сердцем: ибо из этого зерна — человек...»⁹.

Каждого ученика в школе Дмитрий Никитич знал по имени, каждого слушал сердцем. «Особенно больно за детей, — писал он, — в семьях которых нет порядка, нет ладу, или отец пьет, или при живом отце нет отца...». Наставлял учителей: «Прежде чем поставить ученику “двойку”, спросите, ночевал ли он с матерью дома, съел хотя бы хлеба». Но был строг, непреклонен и требователен к нерадивым.

Пронин любил своих учеников, и они отвечали ему взаимностью. «Как-то ладилось у меня с самыми разными ребятами, — делился Дмитрий Никитич с корреспондентом «Молодой гвардии» Л. Литвинец. — Я — сторонник конфликта. Произойдет конфликт — обнаружится человек. Сколько я так интересных ребят нашел»¹⁰.

Д. Н. Пронин на занятиях. 1981 г.

Стоит ли говорить о том, сколько забот у директора школы. А Дмитрий Никитич, кажется, готов был искать для себя все новые и новые. Из личных записей: «Помимо предметных кружков, у нас работают изостудия, кружок художественной резьбы. Предметом нашей особой заботы является художественная самодеятельность, в которой принимают участие все учащиеся, так как в течение года каждый класс в полном составе выступает в “Эстафете искусств”. Кроме того, в школе регулярно работают: пионерский хор; комсомольский хор; ансамбль ложкарей; танцевальный коллектив; оркестр народный инструментов; театр юного зрителя»¹¹.

Во всем, что происходило в школе, Дмитрий Никитич принимал живое участие. Правда, помощники у него были не меньшие энтузиасты. Это учителя, работавшие с ним бок о бок, перенимавшие у своего директора замечательное мастерство — воспитание молодого поколения.

Увлечение музыкой осталось у Дмитрия Никитича «приятной болезнью». Из личных записей: «Искусство неисчерпаемо как жизнь. И ничто не позволяет нам почувствовать это лучше, чем не иссякающая музыка, чем океан музыки, наполняющий собою века ... Вы увлечены музыкой. Ее создали люди. Создали для людей. Для того чтобы этим могучим средством очеловечивать человека, вылечить его душу, очистить от зла, поселить в душу добро и любовь к людям. Когда я слушаю Генделя или Бетховена, мне хочется обнимать людей, мне хочется плакать и вытирать слезы другим, мне советно за то, что я слишком мало сделал для других, хотя и стараюсь. Если вы любите музыку, подумайте о ее великом предназначении. Она — прочней-

ший, надежнейший фундамент высокой человеческой нравственности, возвышенных и благородных его идеалов...»¹²

Он и у учеников своих воспитывал понимание прекрасного, учил их не просто смотреть, а глубоко чувствовать мир искусства. «Одно дело грампластинка, телепередача, — писал Дмитрий Никитич в своем дневнике, — другое дело — большой артист на школьной сцене, перед учащимися»¹³.

Репертуар и исполнители — самые разные. Дорогу в школу проложил знаменитый пианист Юлиан Гутман, дважды побывавший у ребят. Тепло и сердечно принимали учащиеся скрипачей Игоря Ойстраха и Анатолия Бертадского, который на афише своего концерта оставил такую надпись: «Иного не ждал. Наслышан много о том, как поставлено здесь дело музыкальной пропаганды. Спасибо Вам!» Ребята познакомились с творчеством таких знаменитых коллективов, как Киевская мужская хоровая капелла, Тульский народный хор, Государственная хоровая капелла Абхазии. Слушали известного балалаечника Евгения Авксентьева, лауреата международных конкурсов Михаила Воскресенского. Видели спектакль из театра одного актера в исполнении Лады Каменской. Наслаждались музыкой Ярославского симфонического оркестра, слушали голоса народного артиста СССР П. Г. Лисициана, лауреата всесоюзного и международного конкурсов, исполнителя русских романсов Дины Дян. Наслаждались виртуозной игрой лауреата международных конкурсов, скрипача Рафаила Соболевского. Московские артисты, привезшие учащимся школы концерт старинной музыки, оставили такую запись: «Дорогому Дмитрию Никитичу, чудесному человеку большой души и таланта. Примите нашу благодарность и уважение!»¹⁴.

После концерта балалаечника Е. Г. Авксентьева (первый слева). 1969 г.

За 14 лет пребывания Пронина в должности директора прошло 120 концертов. И каждый — праздник благородства чувств, земной, человеческой красоты¹⁵.

Еще одной «болезнью» Дмитрия Никитича была живопись. Он создал галерею золотых медалистов школы, портреты которых были написаны его кистью. Но и этого ему показалось мало. Он едет в Художественный фонд Курска с предложением создания в школе художественной галереи. Пронин подробно описал поездку в своем дневнике: «Директор фонда с удовольствием воспринял изложение идеи, делал записи в настольном календаре. Скульптор Трегуб, милая, немолодая женщина, с восторгом обратилась к директору фонда:

— Тихон Никитович, это же великолепно! В нашей области это впервые затевается. Я уверена, что все товарищи из нашего союза охотно примут участие в создании такой галереи!

— В этом никакого сомнения быть не может. Мы думали в Железногорске создать музей. А в школе это очень просто. Вот вернется в середине сентября из отпуска Михаил Михайлович Заутренников, на первом же заседании обсудим этот вопрос. Как ваш адрес, телефон? Вот... хорошо, чудесная идея.

— Чудесная, — подхватила Трегуб. — Я имею связь с одной подмосковной школой-интернатом. Так им московские художники подарили свои работы.

Анатолий Алексеевич продолжал украшать идею:

— Вы понимаете, надо это дело не затягивать. Школа оформит галерею, пригласит художников Курска, устроит торжественную встречу, художники передадут в дар школе галерею. Мы вместе с телевидением обнародуем это событие. Потом, очевидно, художники будут наезжать в школу, посещать занятия студии. Это очень интересное и полезное дело»¹⁶.

Авторитет Пронина среди людей искусства нашего края был так высок, что Курское отделение Союза художников РСФСР единогласно решило подарить школе более 80 работ. В их числе 40 картин, написанных маслом, более 30 эстампов, 5 скульптур. И все это в основном произведения, которые экспонировались на зональных и республиканских выставках¹⁷. В школе были выставлены произведения: народного художника РСФСР В. И. Ерофеева, заслуженного художника РСФСР Л. И. Руднева, заслуженного художника РСФСР Г. И. Барабанщикова, заслуженного работника культуры РСФСР М. М. Заутренникова, 8 работ народного художника Украины М. П. Глущенко, живописцев М. С. Шорохова, В. М. Прониной, А. И. Ольховикова, В. В. Носова, В. В. Конова, Е. М. Зайцева, скульпторов Р. В. Трегуб и А. М. Кузовлева. Рядом экспонировались и произведения местных художников: М. Я. Барышева, В. Д. Маякова, В. В. Белоусова, самого Д. Н. Пронина. Две картины, которые выставлялись в школе, а именно: «От старого мира» М. С. Шорохова и «Мотогонки» А. И. Ольховикова — включены в каталог «Художники курской земли», изданный в 1987 г.

Люди искусства уважали и любили Дмитрия Никитича. Вот строки из письма художника Германа Моисеевича Гольда: «...Есть в сердце места, к которым все грех прикасаться. Святые места. И одно из этих мест — Вы, дорогой Дмитрий Никитич. Поверьте, это слова, в которых истинное отношение к Вам...»¹⁸. Среди известных полотен Г. М. Гольда есть портрет «Сельский учитель Д. Н. Пронин».

В своем дневнике Пронин написал: «В каждом коллективе школ и специальных учебных заведений города много энтузиастов педагогического дела, людей, которые по доброму желанию навсегда связали судьбу с детьми, с молодежью, отдали им свои сердца, свой талант людей, которых ничто не в силах оторвать от любимого занятия. Пусть представители других профессий не обидятся, если я повторю, что все-таки наша профессия действительно лучшая под солнцем, что все-таки она больше, чем какая-нибудь другая, имеет энтузиастов. Беспокойный искатель счастья Одиссей отказался от покоя, от вечной любви Калипсо во имя новых опасностей и поисков. По-моему, никто из нас — педагогов, не согласился бы остаться в прекрасном плену Калипсо, ценой отказа от любимого поприща»¹⁹. Эти строки свидетельствуют о том, насколько высоко Дмитрий Никитич ценил учительский труд.

Под руководством Пронина Обоянская средняя школа № 1 достигла больших результатов. Она стала одной из немногих школ, где вместо производственного обучения велись практикумы по точным наукам, работало научно-техническое общество, действовали клубы учащихся. Пионерская и комсомольские организации были удостоены грамот областного комитета ВЛКСМ. В школе работали баскетбольная, волейбольная, футбольная, акробатические секции, а секция самбо являлась единственной в области. Спортивные достижения школьников были известны за пределами края. Коллектив школы был отмечен Дипломом 1-й ст. Министерства просвещения РСФСР и Министерства культуры РСФСР. Школа стала Институтом усовершенствования учителей на общественных началах и справлялась с этой трудной и важной миссией²⁰. Но самое большое достижение — это выпускники школы, которые в подавляющем большинстве становились студентами высших и средних учебных заведений не только Курска, но и Харькова, Белгорода, Москвы, Ленинграда.

Школа стала жизнью, совестью и опорой директора. Каждый год новые судьбы соединялись с его судьбой, и прежние не покидали его. «И если чем жив человек, — думал он, — то тем, как он отражается в других. Остальное все проходящее. И поэтому судьба истинного учителя всегда значительна, поскольку она связана с бесконечным числом последующих поколений, она похожа на пирамиду — основанием в будущее. Судьба учителя всегда растворена в грядущем»²¹.

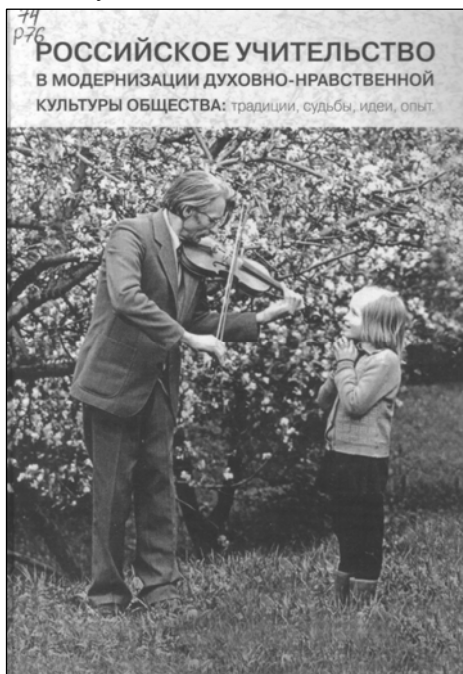
«Мы мечемся подчас по жизни, — говорил он, — хватаемся за то, за другое, пятое, десятое, ни в чем не успев дойти до сути. Страдаем оттого, что

жизнь невыразимо коротка. Пытаемся разгадать предназначение человека, вселенский смысл его существования... В то время как до странности просто можно уверовать в ясные, земные цели: поставить дом, чтобы туда вселились люди, свершать добро, чтобы у человека тепло на сердце, растить детей, чтобы они продолжали твое дело. А это дело выбрать раз и навсегда, сказав себе: «Вот это дело моей жизни». И, выбрав, не отступать»²².

Разговаривая с людьми, которые работали вместе с Прониным, учились у него, знали его, я поняла, что именно выделяло Дмитрия Никитича — он был уникальной, неординарной личностью, эрудитом, эстетом, скрипачом, художником, учителем от бога, просто прекрасным человеком.

У каждой школы свое начало. Обоянская средняя школа № 1 начиналась с ее директора. Имя Пронина навсегда осталось в сердцах учащихся более тридцати выпусков. Он был действительно необыкновенным. Седина в откинутых со лба прядях волос, уставшие от прожитого глаза в сетке морщин совсем не мешали ему видеть чудо в каждом зарождающемся дне, чувствовать прекрасное в волшебных звуках музыки, мазках известных полотен и робких штрихах неуверенной детской руки.

Он всю жизнь учил людей добру, справедливости, красоте. Но и сам брал многое: «В любом деле чувствуешь себя учеником. Учишься у детей, коллег, у жизни. А школа — это любовь моя, первая и последняя»²³.

30 сентября 1984 г. Был солнечный, ласковый день. Вокруг было тихо, казалось, в природе все замерло. Огромная вереница людей разного возраста, ученики многих поколений провожали в последний путь глубокоуважаемого, далеко известного за пределами нашего маленького городка человека. Шли молча, всхлипывая от плача, низко опустив голову. Хоронили Дмитрия Никитича Пронина²⁴.

Уже 28 лет нет с нами Дмитрия Никитича. Но его помнят, его чтят, о нем рассказывают с теплотой те, кто его знал.

В 2011 г. в Курске вышла книга «Российское учительство в модернизации духовно-нравственной культуры общества: традиции, судьбы, идеи, опыт». В ней собраны материалы 7-й межрегиональ-

ной научно-практической конференции, посвященной Году учителя в Российской Федерации. В оформлении обложки использована фотография директора Обоянской средней школы № 1 Дмитрия Никитича Пронина, которого современники называли «Курским Сухомлинским»²⁵.

Дмитрий Никитич Пронин остается навсегда в учениках своих, в полотнах картин, им написанных, в музыке, которую он научил слушать, в деревьях, посаженных этим удивительным человеком, высокое звание которому — Учитель.

Примечания

¹ Краеведение в Обоянской средней школе № 1 по направлению «Обоянцы — работники искусства» (Музей МБОУ «Обоянская СОШ № 1». Л. 1–3).

^{1a} По тогдашнему административно-территориальному делению — Тимского уезда Курской губернии (*прим. ред.-сост.*).

² Дмитрий Никитич Пронин. Личное дело № 16 (18.07.1957–28.09.1984). (Музей МБОУ «Обоянская СОШ № 1». Л. 3–5).

³ *Литвинец Л.* Сердце отдаю ученикам... // Молодая гвардия. 1981. С. 1–2. (Слово об учителе).

⁴ Там же.

⁵ *Хромакова Т.* Всегда первый звонок // Сов. Россия. 1983. 28 авг. С. 1–3, 5, 6.

⁶ *Четверикова Т.* Возвращение имен // Красное знамя. 1977. 7 нояб. С. 4.

⁷ Личный архив Е. Д. Иванниковой (дочери Д. Н. Пронина).

⁸ Дневниковые записи Д. Н. Пронина. (Музей МБОУ «Обоянская СОШ № 1»).

⁹ Там же.

¹⁰ *Литвинец Л.* Сердце отдаю ученикам... С. 1–2.

¹¹ *Четверикова Т.* Возвращение имен. С. 4.

¹² Дневниковые записи Д. Н. Пронина.

¹³ *Четверикова Т.* Возвращение имен. С. 4.

¹⁴ *Литвинец Л.* Сердце отдаю ученикам... С. 1–2.

¹⁵ Личный архив Е. Д. Иванниковой.

¹⁶ Дневниковые записи Д. Н. Пронина.

¹⁷ *Пронин Д. Н.* Письмо Л. И. Акатову от 01.12.1970. (Курский краеведческий музей. Обоянский филиал).

¹⁸ Личный архив Е. Д. Иванниковой.

¹⁹ Там же.

²⁰ Книга приказов № 17 по Обоянской средней школе №1 (15.06.1964–15.08.1968). Л. 79–80.

²¹ *Хромакова Т.* Всегда первый звонок. С. 1.

²² Там же.

²³ *Литвинец Л.* Сердце отдаю ученикам... С. 1–2.

²⁴ *Медвенская В. Г.* Воспоминания (Музей МБОУ «Обоянская СОШ № 1»). С. 1).

²⁵ Российское учительство в модернизации духовно-нравственной культуры общества: традиции, судьбы, идеи, опыт: Материалы Седьмой межрегион. науч.-практ. конф. / Отв. ред. А. В. Репринцев. Курск, 2011. — Снимок из личного архива Е. Д. Иванниковой.

СВЯТАЯ К МУЗЫКЕ ЛЮБОВЬ
(творческий портрет Е. Д. Легостаева)

«Людей неинтересных в мире нет,
Их судьбы — как истории планет,
У каждой всё особое, свое,
И нет планет, похожих на нее».

Е. Евтушенко

Такое сложное и необъятное явление как человеческая жизнь в каждом конкретном случае проживается многократно. Параллельно с осознанием себя и своих поступков существует их отражение в оценке тех людей, с которыми пришлось встречаться, работать, жить.

В данной работе мне хотелось рассказать о своем земляке, коллеге, уроженце Обояни, посвятившем свою жизнь музыке, блестящем дирижере, одном из немногих курян, удостоенных звания «Заслуженный деятель искусств Российской Федерации», заслуженном работнике культуры России, кандидате искусствоведения, профессоре Курского государственного университета, заведующем кафедрой хорового дирижирования и сольного пения, почетном

гражданине Курска, руководителе и дирижере хоровой капеллы «Курск», женского и смешанного хоров Курского государственного университета Евгении Дмитриевиче Легостаеве.

Место, где человек приходит в этот мир и учится жизни, окружавшие его люди, волновавшие чувства, слова и звуки — все это впитывается и составляет тот большой клад творческой силы, который будет определять всю будущую жизнь человека.

Таким местом для Евгения Дмитриевича стала Обоянь — небольшой городок на реке Псел, где он родился в 1948 г. В то время Обоянь была одним из ведущих музыкальных и спортивных центров Курской области. Евгений с детства много занимался спортом: входил в состав детских, юношеских и взрослых команд Обояни по футболу, баскетболу, волейболу, легкой атлетике, имеет третьи взрослые разряды по семи видам спорта. В пионерском лагере «Артек» он занял второе место на международной детской легкоатлети-

ческой олимпиаде. «Артек» — одно из наиболее ярких детских воспоминаний Евгения. Здесь он был внештатным музыкальным руководителем, солировал и аккомпанировал на баяне и аккордеоне.

Страсть к музыке у Евгения Дмитриевича зародилась с детства. В Обояни тогда музыкальной школы не было, но большую роль в приобщении к миру музыки сыграла мама, Елизавета Васильевна, которая достаточно хорошо играла на гитаре и мандолине по слуху. Видя музыкальные способности сына, она отвела Женю к Вере Ивановне Сахаровой, преподававшей фортепиано в Обоянском педагогическом училище.

Большую роль в привитии любви к музыке сыграли семейные музыкальные вечера. В доме Легостаевых каждую субботу собирались меломаны, слушали записи классической музыки, пели романсы, играли на гитаре, мандолине. На эти вечера приходили такие известные тогда не только в Обояни, но и в области люди, как директор библиотечного техникума Степан Шатохин, директор школы № 1 Дмитрий Пронин и др. Они и посоветовали Евгению поступать в Курское музыкальное училище, куда в 1963 г. он успешно сдал экзамены на дирижерско-хоровое отделение (ДХО), а с третьего курса учебу на ДХО он совмещал с учебой на историко-теоретическом отделении.

Музыкальное училище запечатлелось в памяти молодого человека как центр музыкальной культуры студенческого Курска, взрастивший таланты российского и мирового уровня, где царствует вечная, завораживающая музыка.

Евгений с юности настолько плотно вошел в творческую среду, что вне ее уже не представлял себя. Поэтому вполне естественным было его желание после успешного окончания двух отделений музыкального училища получить высшее образование, да не где-нибудь, а в Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского, куда попадали наиболее одаренные музыканты.

На дирижерско-хоровом факультете консерватории Евгений Легостаев учился в классе профессора В. Р. Балашова. Практику проходил в Государственном хоре СССР у народного артиста СССР, профессора А. В. Свешникова. Во время учебы в консерватории Евгений Дмитриевич работал концертмейстером в ансамбле песни и танца Центрального дома детей железнодорожников, которым руководил брат знаменитого композитора, С. О. Дунаевский. С этим коллективом он выступал в Большом зале консерватории, концертном зале им. П. И. Чайковского, Большом театре и на других концертных площадках.

После окончания в 1973 г. консерватории молодому специалисту Легостаеву предложили должность дирижера ансамбля песни и пляски Группы советских войск в Германии, но в последний момент молодой, перспективный музыкант отказался от лестного предложения и предпочел службу в Курске, в оркестре внутренних войск, где он создал ансамбль песни и пляски, который уже через несколько месяцев стал получать дипломы на армейских

смотрим. Песни, написанные для ансамбля Евгением Дмитриевичем, исполняются и по сей день.

Все, что делает Легостаев, он делает на совесть, с «маркой качества». Став в 1975 г. председателем предметно-цикловой комиссии дирижерско-хорового отделения Курского музучилища, которую возглавлял почти четверть века, Евгений Дмитриевич сделал ее одной из лучших в регионе. Хор музыкального училища, руководимый Легостаевым, участвовал во всех городских мероприятиях, в зональных конкурсах хоровых коллективов, занимая призовые места. Глядя как самозабвенно дирижирует наш талантливый земляк, создается ощущение, что он буквально купается в музыке. Это человек, который никогда не стоит на месте, постоянно стремится вперед, не останавливается на достигнутом.

Евгений Дмитриевич заочно закончил аспирантуру Московской консерватории, а в 1990 г. защитил кандидатскую диссертацию. Вся его жизнь — творческое горение, рождающее идеи, одна интересней другой. В 1987 г. Легостаев создал хоровую капеллу «Курск», которая стала одним из ведущих коллективов России, лауреатом многочисленных международных и всероссийских хоровых конкурсов. Капелла неоднократно выступала с лучшими оркестрами России, Германии, Франции. Коллектив более 20 раз гастролировал в Европе, дав более 100 сольных концертов. Без преувеличения можно сказать, что исполнительский уровень коллектива не уступает уровню лучших профессиональных хоров. В июне 2012 г. хоровая капелла «Курск» под руководством Легостаева участвовала в Международном хоровом фестивале во Франции, где была признана лучшим хоровым коллективом, а Евгений Дмитриевич — лучшим дирижером.

Несмотря на высокие звания, известность не только в области, но и за ее пределами, Евгений Дмитриевич очень демократичен в общении, приятный собеседник, человек не лишенный чувства юмора.

В этом творческом человеке всегда ощущается внутренняя гармония, создающая равновесие и в его житейских заботах о семье, как любящего мужа, заботливого отца. Жена Евгения Дмитриевича, Галина Михайловна — преподаватель Курского музыкального колледжа им. Г. В. Свиридова по классу фортепиано, преподаватель Курского государственного университета.

Творческий талант дирижера, композитора, музыканта нашел свое продолжение в дочери — Екатерине Легостаевой. Солистка женского хора, хормейстер, преподаватель Курского государственного университета, Екатерина сумела подняться в профессии достаточно высоко. А целеустремленность, деловую хватку она переняла у своего отца, воспитавшего ее своим примером.

Этот творческий семейный союз является главной составляющей успеха всех членов семьи Легостаевых.

Сегодня Евгений Дмитриевич Легостаев полон творческих сил, стремления к новым достижениям в области музыкального искусства. И можно с уверенностью сказать, что маленький городок Обоянь, где прошли детство и юность Евгения Дмитриевича и где он прикоснулся к истокам профессии, стал тем фактором, который во многом определил будущую жизнь творца, музыканта, дирижера и просто прекрасного человека, которого недостаточно просто уважать, знакомством с ним можно лишь гордиться.

Л и т е р а т у р а

Бугров Ю. А. Свет курских рамп: Очерки истории культуры Курского края. Кн. 2: Музыкальное искусство. Курск, 2002.

Грива Т. А. Дорогие мои земляки. Курск, 2008

Грива Т. Камертон души // Курская правда. 2008. 15 февр.

Легостаев Евгений Дмитриевич // Наставников мы знаем имена: Справ. о педагогах учебных заведений культуры и искусства Кур. обл. Курск, 2010. С. 168–172.

Татарская И. Ю. Легостаев Евгений Дмитриевич // Большая Курская энциклопедия. Т. 1, кн. 2: Персоналии. Курск, 2005. С. 19.

Татарская И. Ю. Очерки музыкальной жизни соловьиного края. Курск, 2006. С. 70.

Татарская И. Рыцари хора // Курская правда. 1992. 15 авг.

Е. Г. Апухтина

ЧЕЛОВЕК ИНТЕРЕСНОЙ СУДЬБЫ:

**Александра Авксентьевна Кудинова — организатор
Музея боевой славы в Обоянской средней школе № 2**

С Обоянью связана жизнь многих людей, прославивших ее своим талантом и трудом. Достойным примером, образцом любви и преданности родному краю, источником жизнелюбия и жизнеутверждения, вне всякого сомнения, является почетный житель Обояни Александра Авксентьевна Кудинова.

Учитель-профессионал, отдавший обучению и воспитанию детей 40 лет, человек доброй души, высокой интеллигентности, просто красивая женщина, мать троих детей, двое из которых пошли по стопам матери и трудятся на педагогическом поприще, пользовалась огромным авторитетом. Ее умение проводить беседы, устные вечера, встречи с

ветеранами Великой Отечественной войны, талант говорить, рассказывать на определенную тему завораживали всех, кто ее слушал. А рассказать ей было о чем...

Жизненный путь Александры Авксентьевны складывался, пожалуй, как у многих советских людей. Из автобиографии: «...родилась 13 июня 1937 года в районном центре Глушково Курской области. В 1954 году успешно окончила среднюю школу и по путевке райкома комсомола была направлена заведующей сельской библиотекой с. Будки Глушковского района. Там же была избрана секретарем комсомольской организации колхоза “Знамя коммунизма”. Горячее это было время: приходилось выполнять всякую работу, но главное — это культпросветработа среди молодежи. Проработала до 1958 года, за это время я успешно окончила Обоянский библиотечный техникум. С 1958 года сменила место жительства: переехала в Обоянский район. Сразу же поступила работать директором Дворца культуры в совхозе “Обоянский”, здесь же продолжала заниматься активной просветительской деятельностью. С 1962 года я начала свою трудовую деятельность в Зоринской средней школе и сразу же включилась в заочное обучение в Курском государственном педагогическом институте, а в 1968 году успешно его закончила. Работая в Зоринской средней школе, вела поисковую работу. С 1966 года я работала учителем истории в Обоянской средней школе №2. На протяжении 18 лет возглавляла объединение учителей истории района, 8 лет вела клуб “Поиск”»¹.

Где брала силы Александра Авксентьевна для организации военно-патриотической работы? Что являлось источником ее энергии?

Вот как на этот вопрос отвечала она сама: «Я родилась в семье, из которой защищать Родину ушли мои родители и два старших брата, причем один из них ушел 16-летним пареньком и прошел через “Кенигсбергскую мясорубку”. Войну закончил на Дальнем Востоке в борьбе с японскими самураями. Вернулся только в 1959 году».

В Зоринской школе под руководством Александры Авксентьевны ее ученики собирали материал о тех, кто воевал и погиб, и о тех, кто остался жив. Так ребята узнали, что среди героев Советского Союза есть и их земляк Афанасий Ильич Шатохин, которому присвоили звание Героя за форсирование Днепра. Постепенно работа подвигалась, и поисковики разыскали 258 земляков, погибших на разных фронтах в период Великой Отечественной войны.

С этим материалом вместе с директором Зоринской школы Алексеем Прокофьевичем Соловьевым учащиеся обратились к руководству сельского совета и председателю колхоза Гавриилу Ивановичу Кудинову с просьбой увековечить память земляков. Был сооружен памятник, на котором золотыми буквами написаны имена земляков, отдавших свою жизнь в борьбе с фашизмом.

Все сельчане добровольно собирали по 5 руб. с каждого двора. Сначала был заложен камень и капсула, в которую положили список земляков, вое-

вавших на разных фронтах. На следующий год состоялся субботник, все вышли на строительство, и к очередному Дню Победы над фашистской Германией уже стоял обелиск. Каждый год в День Победы и учащиеся, и жители проводят здесь торжественные митинги «Никто не забыт, ничто не забыто».

«Меня, как учителя, очень радовало то, что те дети, которые инициативу проявляли сами, были активными в любых начинаниях, — вспоминала Александра Авксентьевна. — Мы стали разыскивать тех, кто защищал нашу землю и изгнал фашистов».

В Обоянской средней школе № 2 Кудинова работала учителем истории и обществознания с 1966 по 2005 г. Так же, как и раньше, свою увлеченность Александра Авксентьевна передавала детям. Но поле деятельности было более широким. Во-первых, старшие классы — целая параллель, было с кем работать. Во-вторых, директор школы, Виктор Семенович Гетман, был убежден, что военно-патриотическая работа — это необходимая и полезная работа в образовании и воспитании подрастающего поколения, и оказывал всяческую поддержку.

Сначала был создан школьный краеведческий музей. У истоков его создания стоял старейший учитель В. В. Лошкарев, начавший собирать материалы о Курской битве, о героях-курянах. Музей приблизил героинку суровых лет к учащимся. Они почувствовали дыхание тех дней, ощутили героев совсем близко, рядом с собой. Великий народный подвиг стал более осязаемым.

Значительное место в массовых формах внеклассной работы занимали экскурсии. Они организовывались на основе учебных программ дисциплин. Одной из форм воспитания учащихся на боевых традициях советского народа являлись походы по местам боев, партизанскими тропами, поездки в города-герои. Со своими учащимися Александра Авксентьевна посетила Москву, Ленинград, Киев, Керчь, Севастополь, Волгоград, Брест, Минск, Ригу, Вильнюс, Калининград. Побывали они в музее «Юные защитники Родины» в Курске, в Хатыни, совершили походы «Партизанскими тропами» на Сумщине и на Курской дуге. Учащиеся получали яркие и незабываемые впечатления.

Наша обоянская многострадальная земля прошла через многие испытания, и дети должны знать об этом. Надолго запомнились уроки памяти, проводимые Александрой Авксентьевной, и не только в учебном классе. Немало уроков было проведено на командном пункте в с. Стрелецкое, там, где во время Курской битвы находился маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Со своими учащимися она встречалась с дочерью Жукова Маргаритой Георгиевной, которая многое рассказала о своем отце.

Александра Авксентьевна стояла у истоков создания Музея боевой славы 40-го гвардейского авиаполка. В 1988 г. в Обоянь впервые приехали летчики авиаполка, который летом 1943 г. размещался в селе Трубеж. Их при-

гласили в школу на встречу с учащимися. Состоялось знакомство с замполитом полка, полковником Алексеем Никаноровичем Шимановым, который и предложил создать музей боевой славы авиаполка. Договорились по всем организационным вопросам. Александра Авксентьевна побывала в Запорожье, где уже был создан такой музей, встретила с его организаторами. Они помогли обоянской школе материалами, а Алексей Никанорович привез фотографии своего полка и три тома со свидетельствами о его боевом пути. В полку было 20 Героев Советского Союза.

Работа по оформлению экспозиций музея продолжалась целый год. На открытие пригласили всех оставшихся в живых летчиков полка. И приехали все! Радость была необыкновенная, но больше всех радовались члены клуба «Поиск» и его руководитель.

Музей боевой славы 40-го авиаполка продолжает работать уже четверть века. Здесь проводятся экскурсии, встречи с ветеранами, уроки мужества, принимаются делегации из разных школ. При музее работает лекторская группа, которая организует различные мероприятия. Отмечая 360-летие Обояни, средняя школа № 2 вновь встречала летчиков полка А. Н. Шиманова, В. А. Петухова, М. В. Листратова. Из Москвы приезжал организатор такого же музея в одной из столичных школ².

Все дальше и дальше уходит то время, когда по нашей обоянской земле ходили немецкие завоеватели, гремели взрывы. Уделяя большое внимание работе по изучению истории родного края, Александра Авксентьевна сумела провести встречи с участниками освобождения Обояни и участниками Курской битвы, пока они были еще живы. Встречи были запечатлены на пленке, и этот материал об участниках исторических событий имел и имеет огромное воспитательно-патриотическое значение.

«Ветераны Великой Отечественной войны, мы, старшее поколение, должны рассказывать детям, какой ценой досталась нашему народу Победа. Вся моя жизнь заключалась в том, чтобы вести эту разъяснительную работу, — говорила Кудинова. — В этом смысл моего бытия».

В июле 2006 г. Александра Авксентьевна ушла из жизни, но навсегда осталась в памяти учащихся и сотрудников Обоянской средней школы № 2 как педагог-наставник, руководитель клуба «Поиск» на протяжении многих лет³. Ее дело продолжают дети — Игорь Алексеевич Кудинов и Маргарита Алексеевна Чепурина.

Примечания

¹ Автобиография. Рукописный подлинник.

² Полянская И. «Не стареют душой ветераны...» // Обоянская газета. 1999. 30 окт. С. 2. (Встречи на обоянской земле).

³ Александра Авксентьевна Кудинова [некролог] // Обоянская газета. 2006. 29 июля. С. 5.

БОЕВЫМ НАГРАЖДАЕТСЯ ОРДЕНОМ (сотрудники РОВД Обоянского района — орденосцы)

В последние годы стало очень модно ругать милицию (полицию), совершенно не задумываясь о том, что, в основном, в структуре МВД работают талантливые, честные и трудолюбивые люди. Многие из них без колебаний готовы отдать жизнь за другого человека. А ведь у милиционеров (теперь полицейских) тоже есть свои близкие, жены и дети.

За более чем восьмидесятилетнюю историю милиция Обояни накопила немало славных страниц, многие из которых вполне могли бы стать сюжетом для детектива. Например, далеко не все знают, кто такой Калугин, именем которого названа одна из улиц города. Инспектор ДПС ГАИ Обоянского РОВД, старший лейтенант милиции **Федор Дмитриевич Калугин** в один из весенних дней 1966 г. во время несения службы пустился в погоню за вооруженным преступником на трассе Москва–Симферополь. Зная об опасности, которая грозит мирным людям, он принял все меры для задержания нарушителя, предупредив о нем все посты ГАИ. В схватке милиционер был убит. У него остались жена и малолетний ребенок. Посмертно Калугин был награжден орденом «Красной Звезды». Похоронен герой-милиционер на мемориале в городском парке.

В мирное время при исполнении служебного долга погибли обоянские милиционеры **Николай Иванович Севрюков**, сержант милиции, инспектор ДПС ГАИ, **Василий Анатольевич Иванов**, старший лейтенант милиции, участковый уполномоченный, **Алексей Иванович Кондратьев**, младший лейтенант милиции, инспектор ДПС ГИБДД.

Печальный список. Вечная им память!

Каждое поколение милиционеров наследует лучшие традиции своих предшественников. Нынешних сотрудников теперь именуют полицейскими. По-разному проходят полицейские будни у оперативного работника, участкового уполномоченного полиции, следователя, полицейского патрульно-постовой службы. Но есть общее у тех, кто носит форму — ответственность перед долгом: за человека, которому можешь помочь, за дорогу, где можешь предотвратить аварию, за участок, спокойствие которого охраняешь. А еще за свое доброе имя, за авторитет своей профессии. Не секрет, что далеко не каждый человек может работать в полиции. Кроме физической подготовки, умения обращаться с оружием, нужен и особый характер. Необходима коммуникабельность, природное чувство такта, честность, принципиальность.

Именно такими качествами обладают люди, о которых я хочу рассказать.

Владимир Иванович Волобуев, ветеран МВД, подполковник милиции в отставке. Родился 2 февраля 1967 г. в д. Колесниково Фатежского района Курской области. В милиции деревенский школьник служить вообще-то не собирался. Володя рос в семье сельских тружеников. Родители всячески старались, чтобы их дети выросли воспитанными, образованными и оставили добрый след на земле. Старались не зря. Окончив восьмилетку и мечтая пойти по стопам родителей, Владимир поступил учиться на агронома в Калиновский сельскохозяйственный техникум, рассчитывал продолжить учебу в институте. Институт институтом, а воинский долг есть воинский долг: Волобуева призвали в армию. В мае 1986 г. новобранец приступил к несению службы в береговых частях ВМФ. Возвратился в 1988 г. сержантом. После окончания сельскохозяйственного института в 1993 г. жизнь Владимира круто изменилась: служивший в милиции друг Александр увлек его романтикой милицейских будней.

Будучи командиром взвода ОМОНа, Владимир Иванович неоднократно выезжал в служебные командировки в Чеченскую Республику (Грозный в 1995 г., Старые Атаги в 1996 г. и др.). Служба на территории Чечни — это не обычная служба, тем более в то время. Здесь профессиональная деятельность сочетается с элементами боевой службы в условиях борьбы с бандитами и террористами.

В. И. Волобуев на блокпосту в Грозном. Май 1995 г.

Так, однажды ночью поступил сигнал о нападении на блокпост, где несли службу сотрудники 1-го взвода курского ОМОНа: «Есть раненые. Требуется помощь». На выручку выдвинулась сводная колонна из армейских частей и 2-го взвода ОМОНа, командиром которого и служил тогда Волобуев. В пятистах метрах от блокпоста колонна подверглась обстрелу со стороны бандитов. С боем ребята прорвались на блокпост, оказав своевременную помощь своим товарищам. Как командиру, которому доверен личный состав, Владимиру Ивановичу было особенно важно сохранить живыми своих подчиненных. За каждого из них он готов был пожертвовать собой. В том ожесточенном бою Волобуев был контужен. За проявленный героизм и храбрость в ситуации опасной для жизни он был награжден орденом Мужества.

Следующая служебная командировка Владимира Ивановича в Чечню была не менее опасной. В один из дней он вместе с оперативными сотрудниками патрулировал улицы Грозного. Произошло столкновение с вооруженными бандитами. Благодаря смелости и находчивости курских милиционеров преступники были задержаны. За проявленный героизм Волобуев был награжден медалью «За отвагу».

Смелость и находчивость подполковнику милиции Волобуеву доводилось проявлять не только в Чечне, но и на своем посту в родной Курской области. С 1998 г. Владимир Иванович служил инспектором штаба ОВД Обоянского района. В 1999 г. он возглавил сложное подразделение: изолятор временного содержания МОБ ОВД Обоянского района. Последующее назначение: оперативный дежурный ДЧ ОВД того же района. Находясь в данной должности, Волобуев проявил умение правильно организовать работу части, следственно-оперативной группы, приоритетным направлением считал раскрытие преступлений по «горячим следам». Во время дежурства Владимира Ивановича были раскрыты многие тяжкие преступления. В 2006 г. он получил новое назначение: начальника штаба ОВД Обоянского района.

И лейтенант, и подполковник милиции Владимир Волобуев всегда был на виду, о нем говорили, его ставили в пример. Владимира Ивановича отличали высокая профессиональная подготовленность, целеустремленность, волевые и нравственные качества. В нем отчетливо соединились хладнокровие и высочайшая работоспособность, умение видеть масштаб события и частные его детали.

Милицейское начальство, которое наблюдало за его работой, видело и понимало: Волобуев — дока в своем деле, служит на совесть, умен, инициативен, хороший организатор, начатое доводит до конца. Его руководители были уверены: Волобуев с порученным делом справится, не подведет, на него можно положиться. В процессе работы Владимира Иванович обучил и воспитал не одно поколение молодых сотрудников.

В 2010 г. Волобуев вышел в отставку, но не остался в стороне от деятельности полиции, от воспитания подрастающего поколения. Он всегда ста-

рается обучить своих молодых коллег тонкостям милицейской работы, передать свои теоретические и практические знания. Его, как профессионала своего дела, приглашают для участия в проведении «уроков мужества» в школах района. Сейчас Владимир Иванович работает инженером в ООО «Технолог», увлекается силовыми видами спорта, любит читать историческую литературу.

Волобуев говорит, что главная ценность для него это семья. Все свое свободное время он проводит с ней. Со своей будущей супругой Еленой познакомился, будучи еще студентом института. Вдвоем они воспитывают 17-летнего сына Александра и дочь Наташу, которая через год пойдет в первый класс. Владимир Иванович признается, что все его успехи в жизни так или иначе связаны с его семьей, ведь все трудности всегда помогают пережить самые близкие люди. По натуре Волобуев необычайно скромный человек, не любит, когда ему уделяют много внимания, никогда не говорит о своих достоинствах.

Николай Алексеевич Гридасов, старший лейтенант милиции в отставке, ветеран МВД. Родился 19 мая 1964 г. в х. Садовая Роща Обоянского района. После окончания Обоянского СПТУ № 23 с 1982 по 1984 г. служил в армии, занимал должность командира автомобильного отделения, уволился в звании сержанта. Николай вырос в сельской семье, любой труд ему был по плечу. Всегда послушный и заботливый по отношению к родителям, доброжелательный и уважительный к окружающим. После женитьбы переехал жить в Обоянь. Долгое время работал водителем в различных районных организациях. В 1994 г. по рекомендации уважаемого человека — майора милиции Виктора Павловича Чурилова — поступил на службу в органы внутренних дел в качестве милиционера-водителя патрульно-постовой службы.

Во время службы в ОВД заочно учился в Обоянском библиотечном колледже. В 1995 г. был утвержден в должности инспектора ГИБДД, но в 1997 г. обратился к руководству с рапортом о назначении вновь милиционером-водителем, так как не представлял своей жизни без «баранки». К тому же по доброте душевной ему всегда было немного жаль наказывать водителей, к сообществу которых он всегда причислял и себя. Даже день автомобилиста он почитал наравне с днем милиции. В какой бы должности не работал Гридасов, он никогда не оставался в стороне, если возникала опасная ситуация. А в «лихие» 1990-е и в начале 2000-х в милиции служить было особенно трудно.

В один из октябрьских дней 2004 г. в дежурную часть поступило сообщение, что в частном доме по ул. Луначарского в Обояни слышатся крики и шум. Николай Алексеевич в составе оперативной группы выехал на место происшествия. Оказалось, что в дом проникли грабители и под пытками требовали у хозяина выдачи денег и ценностей. В тот момент, когда деньги уже были в руках у бандитов, прибыли сотрудники милиции. Вооруженные преступники бросились бежать. В схватке с одним из бандитов Гридасов вырвал сумку с награбленным, а затем продолжил преследование. Неожиданно раз-

дался выстрел. Истекая кровью, отважный милиционер продолжил погоню... Затем были неоднократные операции, длительное лечение, жизнь висела на волоске: пуля прошла всего в нескольких сантиметрах от сердца. Преступная же группа, состоящая из 12 человек, была задержана. Всего ими было совершено более 50 разбойных нападений и убийств во многих регионах России. Неизвестно, сколько бы еще существовала эта банда, если бы не личное мужество Николая Алексеевича. За проявленный героизм он был награжден орденом Мужества. Впоследствии Гридасов работал помощником оперативного дежурного, а последнее назначение — старший инспектор по лицензионно-разрешительной работе МОБ ОВД. В 2010 г. он ушел на пенсию по выслуге срока службы. В настоящее время работает водителем в отделе вневедомственной охраны.

Н. А. Гридасов с сыном Сергеем и дочерью Евгенией

На смену Николаю Алексеевичу в Отдел МВД по Обоянскому району пришли служить его дети: старший лейтенант полиции Евгения Николаевна Сторчак и стажер по должности оперуполномоченного уголовного розыска Сергей Николаевич Гридасов. В них продолжается полицейская династия Гридасовых.

Бегут года. Мы с каждым днем мудрее...
Все дольше и длиннее жизни нить.
О прожитом ничуть не сожалею.
Ушедших лет ничем не заменить.

Итог один: богатство наше – годы.
Всего иного – не было и нет.

Все эти годы отдали народу
И сверх того еще десятки лет.

Живем душой, работой наслаждаясь,
И радуясь успехам молодых.
И ради дел, конечно, напрягаясь,
Но не желаем отставать от них.

Мы им, родным, желаем в назиданье
Служить и жить, свою страну любя,
Все силы, отдавая созиданью,
Во имя жизни – не щадить себя.

В. И. Садохин

*Н. А. Гридасов (слева), В. И. Волобуев
на «Уроке мужества» в Обоянской школе №2*

С. В. Мануйлова

НАРОДНЫЕ ЧТЕНИЯ КАК ВИД ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБОЯНСКОГО УЕЗДНОГО ЗЕМСТВА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

История земских учреждений даже в рамках определенного региона представляет собой отражение политических, социальных и культурных процессов развития государства в целом. В связи с решением актуальных задач и проблем российской образовательной системы, особый интерес вызывает исследование путей развития народного просвещения в пореформенный период.

Обучение детей не решало проблему преодоления неграмотности населения Курской губернии. Довольно скоро губернское земство осознало важность обучения и взрослого населения, большая часть которого была неграмотной или малограмотной. Земские деятели все больше приходили к мысли о необходимости организации внешкольного образования.

Экономическая необходимость, связанная с модернизацией производства, изменения в сознании простого народа, вызванные реформой 1861 г., заставили российское общество обратить особое внимание на развитие общего образования взрослого населения, занятого в производстве, в основном, рабочих и крестьян. Таким образом, изучение истории внешкольного образования в пореформенный период является важным с точки зрения целостного осмысления российской пореформенной эпохи. Постепенно сложилась сфера внешкольного образования, состоящая из воскресных школ, народных чтений, школьных библиотек, народных библиотек и библиотек-читален, вечеринок и повторительных классов и курсов для взрослых, народных университетов, народных домов, книжной торговли для взрослых, народных складов, а также целой системы, включавшей вопросы подготовки кадров для внешкольного образования и его финансирования. Главными отличительными чертами их деятельности были общедоступность и бесплатность.

Время с середины 1890-х до конца 1900-х гг. стало периодом бурного развития внешкольного образования: росло число народных и школьных библиотек, появлялись просветительские общества, увеличивались суммы, отпускаемые земствами на эту отрасль образования. Работниками просвещения выдвигались новые идеи по развитию внешкольного образования: создание народных домов — центров внешкольного образования в районах, открытие народных университетов.

В начале 1910-х гг. содержание внешкольного образования продолжало расширяться: в круг внешкольных учреждений стали включать народные театры, музеи, кинематограф; поднимался вопрос о создании в губерниях внешкольных учреждений с единым координирующим центром. Работники просвещения продолжали предпринимать попытки по определению сущности внешкольного образования. Поэтому, возможно, правильнее будет говорить о внешкольном образовании как об особом виде просвещения, явлении, вызванном определенными условиями.

Обоянское уездное земство не осталось в стороне от просветительской деятельности, происходящей в стране, и вело работу по большинству из указанных направлений. Остановимся на одном из видов внешкольного просвещения — народных чтениях.

В 1896/97 учебном году в Обоянском уезде народные чтения и беседы были организованы только при одной школе и велись врачом в Медвенке, где имелся собственный «волшебный (проекционный) фонарь»¹. Средства, затрачиваемые на народные чтения, были незначительны, случайны и получены из разных источников: фонари и картины то брали у кого-нибудь на время, то они были пожертвованы частными лицами, то покупались обществом. По имеющимся данным² видно, что системы в чтениях пока не было никакой: выбор темы зависел от личного предпочтения лектора, от случайно попавшейся книги, от присланных картин.

В деле устройства народных чтений немалую помощь земствам оказывало Общество содействия начальному образованию Курской губернии. Первый отдел общества начал свою деятельность 31 августа 1898 г.³ Общество имело два проекционных фонаря и применяемые к ним картины для временного пользования этим оборудованием, к концу отчетного периода составило 50. Кроме рассылки картин и фонарей, в 1899 г. общество возбудило ряд ходатайств перед Министерством народного просвещения о разрешении организации публичных народных чтений при земских школах в 23 пунктах губернии, в том числе в сл. Пены и с. Нижний Реутец Обоянского уезда⁴. Ни на одно ходатайство не было получено ответа. В том же году общество содействия начальному образованию ходатайствовало перед Обоянской уездной земской управой об ассигновании денежных средств на приобретение «волшебных фонарей» для аудиторий, снабжаемых обществом брошюрами и картинами. Собрание постановило ассигновать 120 руб. на покупку двух фонарей и картин к ним⁵.

Таким образом, распространение народных чтений в Обоянском уезде к концу XIX в. находилось только на начальной стадии своего развития и широкого охвата не получило. Одной из причин этого являлась сложность порядка разрешения чтений и ограниченность выбора разрешенных для них книг и брошюр. Лишь после издания высочайше утвержденного 28 января 1901 г.

положения о народных чтениях и установленных вслед за этим Министерством народного просвещения 3 декабря 1901 г. правил, значительно упростивших порядок разрешения народных чтений при школах, последние получили в Курской губернии большее распространение⁶.

Деятельность общества по распространению народных чтений в Курской губернии за 1902 г. выражалась главным образом в снабжении сельских школ и аудиторий картинами и брошюрами из центрального склада общества. Общество содействия начальному образованию в Обоянском уезде организовало за указанный год в пяти аудиториях 38 чтений с использованием 327 картин⁷.

В 1903 г. по ходатайству учителя Зайцева о назначении вознаграждения учителям, проводящим чтения, по 30 руб. в год из 300 руб., назначенных по смете текущего года на народные чтения, Обоянское земское собрание ассигновало 60 руб. на указанные нужды⁸. Однако Обоянское уездное земское собрание в 1906 г. по просьбе уездной управы на чрезвычайном заседании уточнила порядок оплаты за народные чтения. Число чтений, устраиваемых учителями, в течение года различно: один читал 5, 10 раз в год, другой — 30 раз, иногда в одной школе читали два-три учителя (например, в Медвенке). Для достижения справедливого вознаграждения и во избежание всяких недоразумений была установлена разовая плата в размере 1 руб. за каждое чтение при максимуме 30 руб. в год. Определить количество чтений было не трудно, так как учителя представляли в управу отчет о произведшихся в течение года чтениях. Такой порядок стимулировал учителей чаще устраивать чтения и таким образом содействовал их распространению⁹.

В 1904–1905 учебном году в Обоянском уезде народные чтения проводились в девяти училищах: Богатинском, Павловском, Бобрышевском, Крюковском, Марьинском, Медвенском, Сухосолотинском, Ржавском, Луханинском (по последнему сведений не представлено). Чтения велись исключительно учителями, в двух случаях принимали участие законоучители. Всего было проведено 121 чтение в 8 школах. Сведения о содержании чтений представлены по 7 школам: из 117 прочитанных брошюр — 33 духовно-нравственного содержания, 221 исторического, 52 беллетристического, 6 естественнонаучного, 4 географического. Чтения устраивались в праздничные или предпраздничные дни, продолжались по 1,5–2,5 часа. Количество слушателей колебалось от 70 до 605 человек. В шести школах все чтения сопровождалось демонстрацией световых картин, в двух световые картины не демонстрировались из-за отсутствия проекционного фонаря¹⁰. В следующем 1905–1906 учебном году количество проведенных народных чтений не увеличилось, как было бы логичнее предположить, а наоборот, уменьшилось. Народные чтения велись при Павловском, Бобрышевском и Богатинском училищах, то есть в трех против девяти предыдущего учебного года. Как отмечено в докладе управы о положении дела народного образования, постановка чтений требовало многого: достаточного подбора картин и запаса вол-

шебных фонарей. Между тем, в распоряжении управы имелось лишь несколько десятков картин и два фонаря. С такими средствами нельзя было широко поставить дело народных чтений, но ввиду трудного времени (в стране разразилась первая русская революция) управа не сочла возможным поднимать вопрос о развитии народных чтений¹¹.

В отчете инспектора народных училищ о состоянии начального образования в Обоянском уезде за 1908 г. наблюдается еще более удручающая картина: народные чтения проводились в отчетном году только при одном училище (Ржавском), устроены они были учителем этого училища пять раз при 250 посетителях. В других училищах народных чтений не велось. Земство не отпускало уже на это никаких средств¹².

Большее распространение получили сельскохозяйственные чтения. В 1910 г. очередным уездным земским собранием было принято решение о выделении 150 руб. на следующий год на проведение чтений по сельскому хозяйству. Такие чтения зимой 1909 г. проводились уездным агрономом в с. Карташевке. Всего было устроено десять чтений, в основном по полеводству. Чтения сопровождалось показом картин соответствующего содержания. На чтениях каждый раз было от 150 до 200 слушателей, всегда присутствовал представитель полиции. Губернским агрономическим совещанием, с согласия уездной управы, проведение чтений было поручено земскому агроному и в следующем году. Проекционный фонарь, картины и другие пособия, приобретенные в 1909 г. землеустроительной комиссией, перешли в его пользование¹³. В 1912 г. чтения по сельскому хозяйству продолжились в феврале месяце. За этот месяц агрономом было устроено 13 чтений в трех селах. Темами для чтений служили основные вопросы по улучшению местного сельского хозяйства:

- улучшение существующей и создание новой кормовой площади в связи с искусственным травосеянием;
- различные виды пара и выяснение значения ранних и средних паров;
- улучшение обработки земли введением усовершенствованных машин и орудий;
- значение рядового посева;
- значение сортирования и очистки семян и прочее.

Чтения проводились в сельских школах по вечерам и сопровождалось показом картин, а по окончании чтений раздавались брошюры по сельскому хозяйству: 1) черный царь, 2) люцерна, 3) каким зерном нужно сеять, 4) кормовой бурлак и прочее. На каждое чтение по-прежнему командировался представитель полиции. Обычно на чтениях присутствовало не менее 150 человек, повторные чтения собирали до 250 слушателей. Крестьяне к чтениям относились внимательно и интересовались ими, во время чтений соблюдалась всегда полная тишина.

После чтений обычно появлялось немало желающих устроить у себя тот или иной показательный участок, испробовать какой-либо прием обработки

земли. Из пунктов, где проводились чтения, наблюдался заметный наплыв покупателей в сельскохозяйственный склад, поэтому управа считала чтения одним из существенных мероприятий для проведения в массу населения сельскохозяйственных знаний и полагала, что на них должно быть обращено в течение зимнего сезона особое внимание уездного и участковых агрономов.

На пополнение набора диапозитивов для проекционного фонаря, на сельхозброшюры и другие расходы по чтениям управа просила собрание на 1913 г. ассигновать 100 руб. и возбудить ходатайство перед губернским земством и Департаментом земледелия об ассигновании первым 100, а вторым 200 руб. на Обоянский уезд. Уездное земское собрание пошло навстречу управе и внесло в смету на 1913 г. 100 руб.¹⁴

Народные чтения велись и для знакомства населения с обстановкой в стране. В 1916 г. Департамент народного просвещения обратился ко всем уездным земствам Курской губернии (отношение от 19.01.1916 № 349, 350)¹⁵ о необходимости организовать в каждом уезде народные чтения с целью ознакомления жителей с событиями, связанными с Первой мировой войной. Для организации таких чтений Обоянский уездный училищный совет выдвинул ходатайство перед Министерством народного просвещения с просьбой выделить 150 руб. на расходы по народным чтениям, в свою очередь, совет постановил организовать в уезде народные чтения и поручил покупку картин инспектору народных училищ Обоянского уезда. Уездная земская управа выделила 100 руб. Чтений предполагалось провести не менее 100 до конца текущего года. Ходатайство было удовлетворено и деньги выделены.

Подводя итог, следует отметить, что народные чтения в Обоянском уезде в системе внешкольного образования занимали довольно скромное место¹⁶, хотя на них возлагалось много надежд. Для того чтобы народные чтения достигли ожидаемого эффекта, необходима была систематическая и упорядоченная работа в этом направлении.

Примечания

¹ Текущая школьная статистика Курского губернского земства: 1896–1897 учебн. год. Ч. 1. Курск, 1898. С. 19.

² Там же. С. 23.

³ Отчет общества содействия начальному образованию в Курской губернии с 19 апреля 1898 г. по 1 января 1900 г. Курск, 1900. С. 10.

⁴ Там же. С. 3, 25.

⁵ Журналы заседаний XXXV очередного Обоянского уездного земского собрания за 1899 г. и чрезвычайного за 8 мая 1900 года. Курск, 1900. С. 69, 102–103.

⁶ *Зиновьев Н. А.* Отчет по ревизии, произведенной в 1904 году сенатором Н. А. Зиновьевым. Т. 1. СПб., 1906. С. 486–488.

⁷ Журналы заседаний XXXIX очередного Обоянского уездного земского собрания 1903 г. Курск, 1904. С. 122.

⁸ Там же. С. 349.

⁹ Журналы заседаний чрезвычайного Обоянского уездного земского собрания за 15, 16, 17 и 18 января 1906 г. Курск, 1906. С. 104.

¹⁰ Там же. С. 81.

¹¹ Журналы заседаний XLII очередного Обоянского уездного земского собрания за 1906 г. Курск, 1907. С. 42.

¹² Журналы заседаний XLV очередного Обоянского уездного земского собрания за 1909 г. Курск, 1910. С. 124.

¹³ Журналы заседаний XLVI очередного Обоянского уездного земского собрания за 1910 г. Курск, 1911. С. 11, 70.

¹⁴ Журналы заседаний XLVIII очередного Обоянского уездного земского собрания за 1912 г. Курск, 1913. С. 112, 201.

¹⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 183. Д. 341. Л. 1.

¹⁶ Текущая школьная статистика... Ч. 1. С. 19.

И. В. Переверзева

БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО В ОБОЯНСКОМ РАЙОНЕ В 1920–1950-е гг.

В истории библиотечного дела отражается история страны и ее отдельных регионов. Осознание роли библиотек в жизни Обоянского района в различные исторические периоды содействует более глубокому пониманию современного назначения библиотек и определению путей их развития в условиях местного самоуправления.

Изучением становления и развития библиотек нашего края занимается сектор краеведения при Обоянской межпоселенческой библиотеке. Сектор осуществляет связь между библиотеками, музеем, школами, общественными объединениями, любителями-краеведами — всеми, кто занимается изучением истории культуры нашего края. Одним из приоритетных направлений деятельности сектора является сбор сведений по истории библиотечного дела в Обояни и Обоянском районе.

Целью исследования истории библиотек является сохранение и развитие библиотечного дела как важнейшей части культуры Обоянского района, а также привлечение внимания местного сообщества к библиотеке как социальному институту и конкретным муниципальным и учебным библиотекам нашего края.

Источниками информации о постановке библиотечного дела в Обоянском крае служат, как правило, публикации в местной периодике — «Обоянской газете», носившей в прошлом названия «За коммуны» и «Красное знамя». Особую ценность представляют собой неопубликованные документы: летописи библиотек, памятные альбомы, материалы к юбилеям библиотек, воспоминания читателей и работников библиотек, собранные стараниями городских и сельских библиотекарей.

Для изучения исторического прошлого библиотек были взяты 1920–1950-е гг. Это связано с тем, что становление библиотечного дела в Обоянском районе происходило именно в этот период.

Основные трудности при исследовании вопроса заключались в отсутствии достаточного количества печатных источников по истории библиотек, а также в неточности сведений относительно принадлежности ряда поселений к Обоянскому уезду в 1920-е и 1930-е гг. В связи с этим на данном этапе исследования было принято решение об изучении только тех библиотек, которые функционируют в пределах современных границ Обоянского района.

Библиотеки, расположенные в Обояни. Первой библиотекой, образованной на территории города, была, предположительно, библиотека Обоянского духовного училища, учрежденного в конце XVIII — начале XIX в. архиепископом Курским и Белгородским Феокистом (Мочульским)¹. Сразу после Октябрьской революции училище было закрыто. Его библиотека не сохранилась.

Первая публичная библиотека была открыта в Обояни в 1912 г. Это была Обоянская уездная библиотека, имеющая сегодня статус Обоянской межпоселенческой библиотеки². Библиотека пользовалась популярностью среди читателей. К 1917 г. она располагала значительным фондом, содержащим книги самого разнообразного содержания. Среди них были издания по философским наукам и богословию, «истории изящной», как в то время называлась художественная литература, и др. отраслям знания.

В годы Гражданской войны библиотека работала с перерывами: то закрывалась, то вновь возобновляла свою деятельность. В силу обстоятельств она была вынуждена сменить несколько зданий для размещения своих фондов и обслуживания населения. Известно, что в конце 1920 — начале 1930-х гг. библиотека занимала помещение на первом этаже двухэтажного дома на ул. Ленина. Позже этот дом был снесен, а на его месте построен универмаг «Юбилейный». В предвоенные годы библиотека также находилась на ул. Ленина, но уже на втором этаже в доме № 33 (ныне там находится ЧП «Восток»).

Хорошо укомплектованный фонд библиотеки располагался в светлом просторном помещении. В библиотеке был выделен читальный зал. Для обслуживания жителей отдаленных улиц широко развернулась работа книгонош³.

В связи с административно-территориальными изменениями в 1924–1928 гг. библиотека имела статус волостной. В 1928 г. она стала Обоянской районной библиотекой. Заведовала библиотекой в предвоенные, военные и первые послевоенные годы Прасковья Николаевна Ерошенко. В годы Великой Отечественной войны здание, где размещалась библиотека, было разрушено, большая часть фонда расхищена и уничтожена. Сразу после войны Ерошенко приступила к восстановлению фонда. Она обратилась с просьбой о помощи — и в библиотеку стали присылать газеты и книги из самых разных уголков Советского Союза.

Библиотеку перевели в другое, нынешнее, здание. Оно также требовало восстановления. В начале 1950-х гг. заведующей библиотекой была назначена Зинаида Ермолаевна Шелдунова. Под ее руководством библиотеку вновь отстроили. Вместе с Шелдуновой в библиотеке работали А. М. Елтукова, Н. А. Одинцова, М. А. Чистикова⁴. Читателей в эти годы было очень много. В читальном зале постоянно не хватало мест.

В послевоенном 1947 г., несмотря на разруху, была открыта Обоянская детская библиотека (ныне — Обоянская центральная детская библиотека). Библиотека располагалась в двух маленьких комнатах ныне действующей библиотеки Обоянского филиала Курского колледжа культуры. Книжный фонд состоял из полутора тысяч экземпляров, половину которых представляли брошюрные издания. Библиотеку возглавила опытный библиотечный специалист П. Н. Ерошенко. В должности библиотекаря работала Л. А. Глебова. Посетителей в библиотеке было очень много. Книг на всех не хватало, поэтому их выдавали по одной. Дети читали довольно быстро. Многие из них ежедневно приходили в библиотеку за новыми книгами. В библиотеке часто проводились читательские конференции, утренники, спектакли по любимым произведениям. Это были настоящие праздники для детей. Маленькие читатели приходили на них вместе с родителями.

В 1950 г. детская библиотека перешла в новое помещение, расположенное по адресу: ул. Ленина, 83. Ее книжный фонд составлял уже более 5000 экземпляров. В штате библиотеки было три человека: заведующая библиотекой Ася Петровна Кулабухова, заведующая абонементом Зоя Васильевна Кадун и заведующая читальным залом Елизавета Ивановна Середина⁵. В этом составе коллектив проработал более 20 лет. В библиотеке по-прежнему было многолюдно. Традиция проведения массовых мероприятий сохранялась, что постоянно привлекало в библиотеку новых читателей.

В 1950-е гг. в РСФСР возросла потребность населения в книге и чтении. Библиотечное дело интенсивно развивалось. Повсеместно открывались новые библиотеки, улучшалось их комплектование. Увеличивалось количество читателей. Была налажена подготовка кадров в библиотечных вузах и техникумах.

В 1955 г. городскими властями было принято решение об открытии Обоянской городской библиотеки № 1. Подходящего отдельного здания, где можно было бы расположить библиотеку, не нашли. Поэтому библиотеку разместили в одном здании с машинно-тракторной станцией по адресу: ул. Ленина, 74. Для библиотеки выделили две комнаты, в которых сразу был сделан ремонт. Фонд библиотеки состоял из художественной, общественно-политической, сельскохозяйственной литературы. Немало было новых изданий⁶.

Торжественное открытие библиотеки состоялось 1 февраля 1956 г.⁷ В библиотеку сразу хлынул поток читателей. Их обслуживали три библиотекаря: Анна Петровна Дроздова, Клавдия Семеновна Варварова и Александра Павловна Бурлакова. Читателей было так много, что они выстаивались в

очередь на лестнице. В день библиотекари обслуживали до 150 читателей. Они очень уставали, но усталость была приятной. Для читателей оформлялись книжные выставки, большой популярностью пользовались библиотечные плакаты, лозунги, цитаты и другая наглядная агитация.

В 1960 г. библиотека перешла в новое здание на ул. Ленина, 58, где до этого размещался парткабинет. Площадь помещения составляла 100 кв. м. Это позволило выделить в структуре библиотеки абонемент и читальный зал. Фонд библиотеки постоянно пополнялся новыми изданиями. Выписывалось большое количество газет и журналов⁸.

Сельские избы-читальни и библиотеки Обоянского района. В 1920-е гг., сразу после Гражданской войны, политический курс РКП(б) был направлен на построение социализма. В связи с этим главной задачей партии и правительства стало укрепление взаимосвязи экономики страны с марксистско-ленинской идеологией. Для внедрения коммунистических убеждений в массовое сознание потребовалось усилить деятельность учреждений просвещения и культуры, важнейшими из которых являлись библиотеки. В стране стала стремительно разворачиваться сеть библиотек и изб-читален.

Изба-читальня являлась видом сельского клубного учреждения, в чем и состояло ее основное отличие от библиотеки. Первые избы-читальни появились еще в XIX в. как центры просвещения в деревне. В годы советской власти они были превращены в опорные пункты ликвидации безграмотности и распространения коммунистических идей.

В Курской губернии избы-читальни действовали уже в 1920-х гг. Общее управление организацией изб-читален, как и всем библиотечным делом в губернии, в это время осуществляла библиотечная секция отдела народного образования Курского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. В Обоянском уезде библиотеки и избы-читальни находились в ведении отдела народного образования уисполкома.

Данные о состоянии библиотек в нашем районе за 1920 г. крайне скудны и противоречивы. Одной из причин этого является то, что Обоянский уисполком не предоставил сведений за этот год о состоянии библиотек в уезде в библиотечную секцию Курского губнаробраза⁹.

Известно, что набегам белых отрядов в течение двух месяцев был нанесен серьезный ущерб имевшимся к тому времени библиотекам. В информации о состоянии библиотечного дела в Курской губернии, опубликованной в газете «Курская правда» 22 сентября 1920 г., подчеркивалось, что многие библиотеки погибли, большие запасы книг, предназначенные для комплектования библиотек, были сожжены. «Больным местом [являлся] вопрос о библиотечарском персонале»¹⁰. «Курская правда» от 29 сентября 1920 г. писала, что работу по открытию изб-читален затрудняло отсутствие средств и инструкторов в области библиотечного дела, а также «занятие полевыми работами»¹¹.

В июне 1920 г. в Обоянском уезде было открыто 9 библиотек. Количество изб-читален в сентябре этого же года составляло 19¹². Одной из первых изб-читален, открытых в Обоянском уезде, была Бушменская изба-читальня¹³.

В целях организации библиотечного строительства губернским отделом народного образования в 1920 г. было решено принять ряд мер. Наиболее важными из них являлись: пополнение всех пришкольных библиотек инвентарем; выведение волостных библиотек из помещений школ в особые помещения; усиление ассигнований на хозяйственные нужды библиотек; создание склада переплетных материалов для переплета книг¹⁴. Полностью решение выполнено не было в связи с введением новой экономической политики, сопровождавшейся жесткой экономией средств.

Начиная с 1921 г. внимание партии к идеологической работе в деревне значительно усилилось. В связи с этим ЦК ВКП(б) принял решение об улучшении деятельности волостных изб-читален и превращении их в центры политико-просветительной работы в деревне¹⁵.

Основное внимание в библиотечном строительстве в этот период уделялось формированию партийно-государственного аппарата управления библиотечным делом. В июне 1921 г. в структуре губоно был выделен ряд управлений, в число которых вошло и политико-просветительное управление. В сентябре-октябре этого же года в структуре политпросветуправления (губполитпросвета) были выделены подотделы. Библиотечное дело находилось в ведении отдела пропаганды¹⁶.

В Обоянской волости управление библиотечным делом осуществлял политпросветком при отделе народного образования Обоянского волисполкома Курского уезда. Политпросветы находились в подчинении агитационно-пропагандистских отделов (агитпропов) при местных партийных комитетах.

В результате деятельности партийно-государственных органов управления просвещением и агитационно-пропагандистской деятельностью в Курской губернии количество изб-читален в 1924–1925 гг. резко увеличилось. В Обоянской волости к этому времени действовало 18 библиотек. Количество посетителей насчитывало 20 212 чел. В 1924 г. за 18 рабочих дней библиотеками волости было выдано 7188 книг¹⁷. К середине 1930-х гг. избы-читальни Обоянской волости стали центрами политико-просветительной работы в деревне.

Большое значение для становления и развития библиотечного дела в Обоянском уезде, как и во всех уездах Курской губернии, имело постановление губкома ВКП (б) «О мерах по коренному улучшению культурно-просветительной работы в деревне» от 10 января 1928 г., принятое в целях реализации постановления XV съезда ВКП (б)¹⁸.

В 1930–1940-е гг. в Обоянском уезде были открыты Зоринская, Каменская, Павловская и другие избы-читальни. В годы Великой Отечественной войны библиотеки и избы-читальни были закрыты. Несмотря на бедствия,

которые принесла война, в с. Камынино после освобождения села от оккупации в мае 1943 г. были предприняты попытки создать библиотеку. Сбором книг занималась Е. Т. Молодцова. Избу-читальню она организовала у себя дома¹⁹.

В первое послевоенное десятилетие началось повсеместное открытие библиотек. В 1945 г. была открыта Бегичевская изба-читальня. Через 10 лет она получила статус сельской библиотеки²⁰. Следом за ней в 1946 г. начала работать небольшая изба-читальня в с. Рудавец²¹. В апреле 1948 г. в поселке Рудавец рабочком совхоза «Рудаковский» открыл совхозную профсоюзную библиотеку²². Примерно в это же время (1948–1950 гг.) были открыты избы-читальни в селах Афанасьево, Бабино, Башкатово и Картамышево²³. В 1952 г. приняла первых читателей Быкановская изба-читальня. В 1953 г. по инициативе сельского совета она получила статус сельской библиотеки²⁴. В 1954 г. начала свою работу Малоокрюковская изба-читальня. В том же году была преобразована в сельскую библиотеку открытая ранее Гридасовская изба-читальня²⁵. В 1956 г. была основана Косиновская изба-читальня²⁶.

Материально-техническая база библиотек и изб-читален в сложные послевоенные годы была слабой. Библиотеки далеко не всегда имели отдельные здания, поэтому размещались в специально предназначенных для этого комнатах. Например, Афанасьевская изба-читальня располагалась в маленькой комнате, где на полочках стояло несколько сотен книг и стопки газет²⁷. Быкановская изба-читальня, находилась в старом купеческом доме, где размещались сельский совет и клуб, но она занимала всего одну комнату площадью 2×3 м²⁸. Долженковская изба-читальня также занимала маленькую комнату в здании волости, где, помимо нее, находился клуб²⁹. Отдельная комната в правлении колхоза «Россия» была выделена для Гридасовской избы-читальни. В 1950-е гг. в селе был построен деревянный клуб, куда и перевели избы-читальню³⁰. В самом бедственном положении находилась Зоринская изба-читальня. Ей приходилось ютиться по различным зданиям и комнатушкам. Несмотря на отсутствие постоянного помещения, она не была закрыта³¹. Книги Бушменской избы-читальни годы войны провели на чердаке. Лишь в 1960-е гг. библиотеку разместили в здании сельского совета³².

Состояние фондов библиотек и изб-читален. Количество книг в библиотеках колебалось от десятка до трех тысяч. Наименьшим был фонд Зоринской библиотеки, насчитывавший «десяток зачитанных брошюр»³³. В Бушменской избе-читальне было всего несколько десятков книг. К 1950-м гг. ее книжный фонд вырос до тысячи экземпляров³⁴. Примерно по 150 книг составляли фонды Каменской и Камынинской изб-читален³⁵. В Гридасовской избе-читальне первоначально книг в фонде не было совсем, а имелись лишь газеты. Книги начали поступать только в 1950-е гг. Часть из них была приобретена на деньги, собранные сельчанами, другие были получены из района³⁶. В Косиновской избе-читальне было всего 250 экземпляров книг³⁷. Фонды Бабинской, Быкановской и Долженковской изб-читален насчитывали при-

мерно по 300 книг каждая³⁸. В Рудавской сельской библиотеке было 430 книг³⁹. Наибольшим количеством книг — от 1000 и свыше — обладали Башкатовская и Бегичевская избы-читальни⁴⁰.

Содержание фондов определялось назначением библиотек и социальным составом читателей. Поскольку библиотеки являлись опорными пунктами идейно-политического воздействия на массы, то и фонды их содержали, в основном, общественно-политическую литературу. В Кулиговской избе-читальне имелись также книги по сельскому хозяйству и хорошо подобранная классическая литература. Кроме этого, выделялись книги для детей. Детская литература размещалась на трех отдельных полках. С 1957 г. число книг увеличилось. Ежегодно на их приобретение выделялось по 200 руб. Увеличилось количество подписных газет и журналов⁴¹. Полукотельниковская библиотека располагала 6,5 тысячами единиц книжного фонда. Состав его был довольно разнообразным, и запросы читателей удавалось удовлетворить⁴². В 1950-е гг. комплектование фондов осуществлялось через коллектор и путем приобретения книг (в основном, художественной литературы) в магазине за наличный расчет.

Кадры библиотек и изб-читален. В связи с тем что система среднего библиотечного образования в масштабах всей страны в 1920–1930-е гг. еще не была сформирована, проблема кадров для сельских библиотек и изб-читален стояла остро. В 1936 г. в Обояни был открыт библиотечный техникум. Начиная с 1937 г. он ежегодно выпускал библиотечных специалистов, но полностью удовлетворить потребности библиотек Курской области (и Обоянского района в том числе) он не мог. На подбор заведующих избями-читальнями районное руководство библиотечным делом обращало самое серьезное внимание. Кандидатами на должность заведующих выдвигались грамотные члены партии или беспартийные, сочувствующие РКП (б). Следует отметить, что, в основном, на эту должность назначались мужчины. Например, первым пропагандистом-избачом в с. Долженково был молодой, энергичный 17-летний парень М. Л. Лихачев. Он работал на этой должности с 1935 по 1938 г.⁴³ В Гридасовской избе-читальне в 1945 г. работал молодой офицер, коммунист С. Д. Комов⁴⁴. Известно, что Каменской избой-читальней после Великой Отечественной войны заведовал участник войны Н. И. Никулин⁴⁵. В Камынинской избе-читальне книги выдавал читателям В. В. Аносов, заведующий клубом. В 1955 г. работать библиотекарем здесь начал Д. П. Ботвич, умный, эрудированный, знающий свое дело специалист⁴⁶.

Многие из молодых специалистов, направленных на работу после окончания библиотечного техникума, остались работать в библиотеке на долгие годы. Например, много лет отдала библиотечной работе заведующая Павловской библиотекой В. Ф. Лошкарева, выпускница библиотечного техникума 1949 г.⁴⁷ Заведующая Бабинской избой-читальней (впоследствии — библиотекой) К. А. Шулякова проработала в библиотеке 40 лет⁴⁸. В течение

35 лет, начиная с 1954 г., Каменскую библиотеку возглавляла К. Е. Волосунова (Разинькова)⁴⁹.

О читателях библиотек, к сожалению, известно мало. Установлено, например, что читателями Башкатовской избы-читальни являлись жители не только с. Башкатово, но и хуторов Донцовка, Варваровка и Платоновка. Хуторяне после работы пешком ходили по 8 км за книгой⁵⁰. Читателями Павловской библиотеки были члены колхоза, учителя, школьники. Среди читателей было много коммунистов и комсомольцев⁵¹. В профсоюзной библиотеке совхоза «Рудаевский» преобладающее большинство читателей составляли служащие, учителя и рабочие⁵².

Деятельность библиотек и изб-читален. Деятельность изб-читален и сельских библиотек страны была направлена на политическое просвещение народа. Формы и методы работы носили не только библиотечный характер, но и значительное внимание уделялось досуговой деятельности. Например, в Долженковской избе-читальне в 1930-е гг. для жителей села проводились беседы, сообщались новости политической и экономической жизни страны. Зимними вечерами при освещении керосиновой лампы взрослые читатели играли в домино. Деревенские ребятишки шли в избы-читальню за книгами. Во время Великой Отечественной войны работа избы-читальни прекратилась, а книги затерялись. В 1945 г. молодой офицер, коммунист С. Д. Комов возобновил работу библиотеки. С помощью книг, бесед, душевных разговоров он смог мобилизовать людей на преодоление трудностей послевоенного времени и на восстановление разрушенного войной хозяйства. Шаг за шагом оживала культурная жизнь села. В 1953 г. был создан Долженковский народный хор, которым руководил Иван Яковлевич Русанов. В это время молодежь и пожилые люди активно участвовали в художественной самодеятельности и становились читателями библиотеки. Число читателей постепенно увеличилось. Заведующая Долженковской сельской библиотекой З. В. Переверзева, выпускница Обоянского библиотечного техникума, работавшая в библиотеке с 1955 г., стремилась заинтересовать людей чтением. Она ходила по домам, рассказывала о книгах. Это была огромная работа, требующая умения общения с людьми, понимания круга интересов каждого, поиска общего языка. В библиотеке оформлялись книжные выставки, плакаты, в жизнь библиотеки вошли тематические вечера, обсуждения книг. Библиотека работала совместно с клубом, школой. Был образован совет библиотеки, в который входили учителя, клубный работник, секретарь комсомольской организации⁵³.

Изба-читальня была местом просвещения и отдыха и для жителей с. Гридасово. Люди приходили в нее, чтобы не только узнать из газет новости о жизни страны, но и просто пообщаться после трудового дня, отдохнуть⁵⁴.

Первый председатель Зоринского сельсовета Г. И. Кудинов вспоминал: «Основным местом досуга крестьян стала изба-читальня. Помню, зажжет, бывало, избач десятилинейную керосиновую лампу — единственную на все

село, а мы, от мала до велика, спешим в избу-читальню посмотреть на чудо-лампу. Этот “волшебный фонарь” и десяток зачитанных брошюр составляли весь наш культинвентарь»⁵⁵. С далеких 1930-х гг. библиотека прочно заняла ведущие позиции в жизни села и вместе с селом и страной пережила все невзгоды Великой Отечественной войны, трудности послевоенного восстановления. Жительница Зорино Е. В. Дорохова вспоминает: «Еще гремела война, а люди думали, как будут жить дальше. Ушли немцы, и в с. Зорино стала налаживаться жизнь. В 1944 г. мы с подругами пошли по селу собирать книги — у кого какие уцелели. Насобирали 30 экземпляров. Закрыла их в шкаф, а вечером выдавала людям для чтения. По особо интересным книгам проводила громкие читки в доме, отведенном под клуб и библиотеку»⁵⁶.

Активно работала Косиновская библиотека. При ней были организованы библиотеки-передвижки в тракторном отряде, на ферме, на х. Михеев. Было распространено книгоношество. Люди тянулись к знаниям и общению. Библиотека стала настоящим центром культурной жизни села: проводились читательские конференции, обсуждения книг, вечера вопросов и ответов, диспуты. Жизнь на селе становилась на новые рельсы, шел активный подъем сельского хозяйства. Заведующая библиотекой В. К. Шапилова была деятельным пропагандистом книги. Ее часто можно было видеть в тракторном отряде, на ферме, где она знакомила колхозников с передовыми достижениями в отраслях сельского хозяйства. Она выпускала сатирические листки и «молнии», вручала на колхозных полях во время уборочной страды трудовые выпелы, а в сельском клубе организовала лекторий⁵⁷.

В Кулиговской избе-читальне в 1950-е гг. работал драмкружок, ставились большие пьесы. Это привлекало большое количество читателей, особенно в зимнее время⁵⁸. В Малокрюковской избе-читальне заведующая руководила художественной самодеятельностью⁵⁹.

В имеющихся в нашем распоряжении материалах, к сожалению, слабо отражена собственно работа библиотекаря, ибо она не всегда заметна. Между тем, библиотекари проводили инвентаризацию, занимались расстановкой фонда и оформлением выставок, составляли каталоги. Например, алфавитный каталог, написанный с величайшей аккуратностью четким, красивым почерком заведующей профсоюзной библиотекой совхоза «Рудавский» Марией Антоновной Ткаченко, много лет верой и правдой служил читателям и библиотекарям⁶⁰.

В 1956 г. в Обоянском районе имелось 24 сельские библиотеки и более 40 библиотек-передвижек, обслуживающих отдаленные хутора и бригады. Почти все заведующие библиотеками имели специальное образование⁶¹. Основными направлениями деятельности сельских библиотек являлась пропаганда решений КПСС и Советского правительства, распространение передового сельскохозяйственного опыта, научно-атеистическая пропаганда. Библиотеки, являясь идеологическими учреждениями, находилась под посто-

янным контролем со стороны Обоянского РК КПСС и Обоянского районного Совета депутатов трудящихся. Деятельность библиотек широко освещалась на страницах районной газеты «За коммуны». В публикациях отмечали заведующих библиотеками, библиотекарей-передовиков, приводили примеры их успешной работы. Вместе с тем, нередко были и критические замечания в адрес руководителей и работников библиотек⁶².

В настоящей статье представлена лишь малая часть сведений из истории библиотечного дела Обоянского района 1920–1950-х гг. Однако на их основании можно сделать вывод о том, что становление и развитие библиотечного дела здесь происходило благодаря совместным усилиям местных органов власти и управления, библиотекарей, стремившихся к улучшению обслуживания читателей, а также читателей, ценивших библиотеку как очаг досуга, образования, культуры.

Примечания

¹ Феоктист (Иоанн Мочульский) // История Полтавы [Электронный ресурс]. URL: <http://histpol.pl.ua/> (26.05.2012).

² Обоянский долгожитель // Обоянская газета. 2007. 24 нояб.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ *Губанова В.* Детской библиотеке — шестьдесят! // Обоянская газета. 2007. 4 апр. С. 3; Историческая справка об Обоянской центральной детской библиотеке-филиале / Сост. Н. Д. Иванова. (МКУК «Обоянская межпоселенческая библиотека». Метод. отд.). — Все упоминаемые далее в примечаниях исторические справки о библиотеках имеются в указанном месте; составителями справок являются заведующие библиотеками).

⁶ Историческая справка о МКУК «Обоянская городская библиотека № 1» / Сост. В. В. Грибакина.

⁷ Открывается городская б-ка: [объявление] // За коммуны. 1956. 29 янв.

⁸ Историческая справка о МКУК «Обоянская городская библиотека № 1».

⁹ Из истории культурного строительства в Курской губернии, 1917–1928. Курск, 1979. С. 141.

¹⁰ Там же. С. 141–142.

¹¹ Там же. С. 143.

¹² *Кабанов П. И.* Культурные преобразования в Курской области (1917–1967 гг.). Воронеж, 1968. С. 112.

¹³ Историческая справка о МКУК «Бушменская центральная сельская библиотека» / Сост. В. Н. Мезенцева.

¹⁴ Из истории культурного строительства... С. 142.

¹⁵ Постановление ЦК РКП (б) о деревенских библиотеках и популярной литературе для снабжения библиотек. 7 сент. 1925 г. // История библиотечного дела в СССР: Док. и материалы, нояб. 1920 — 1929. М., 1979. С. 35–37.

¹⁶ ГАКО. Ф. Р-309. Оп. 3. Д. 17. Л. 38–41.

¹⁷ *Кабанов П. И.* Культурные преобразования... С. 114.

¹⁸ ГАКО. Ф. Р-1731. Оп. 1. Д. 1235. Л. 26–27.

¹⁹ Историческая справка о Камынинской сельской библиотеке-филиале / Сост. Р. В. Прядко.

- ²⁰ Историческая справка о Бегичевской сельской библиотеке-филиале / Сост. Т. Б. Переверзева.
- ²¹ Историческая справка о Рудавской сельской библиотеке-филиале / Сост. Н. И. Карнаухова.
- ²² Историческая справка о МКУК «Рудавская центральная сельская библиотека» / Сост. Л. А. Кондратьева.
- ²³ Историческая справка... о МКУК «Афанасьевская центральная сельская библиотека» / Сост. Н. И. Потрясаева; о МКУК «Бабинская сельская библиотека» / Сост. Н. А. Ларина; о Башкатовской сельской библиотеке-филиале / Сост. В. М. Тутова; о Картамышевской сельской библиотеке-филиале / Сост. Е. В. Чепурная.
- ²⁴ Историческая справка о МКУК «Быкановская сельская библиотека» / Сост. А. И. Боева.
- ²⁵ Историческая справка... о Мало-Крюковской сельской библиотеке-филиале / Сост. С. Д. Бордунова; о Гридасовской сельской библиотеке-филиале / Сост. В. А. Картамышева.
- ²⁶ Историческая справка о МКУК «Косиновская центральная сельская библиотека» / Сост. Н. С. Боева.
- ²⁷ Историческая справка о МКУК «Афанасьевская центральная сельская библиотека».
- ²⁸ Историческая справка о Картамышевской сельской библиотеке-филиале.
- ²⁹ Историческая справка о Долженковской сельской библиотеке-филиале / Сост. О. И. Долженкова.
- ³⁰ Историческая справка о Гридасовской сельской библиотеке-филиале.
- ³¹ Историческая справка о МКУК «Зоринская центральная сельская библиотека» / Сост. Т. М. Волкова.
- ³² Историческая справка о МКУК «Бушменская центральная сельская библиотека».
- ³³ Историческая справка о МКУК «Зоринская центральная сельская библиотека».
- ³⁴ Историческая справка о МКУК «Бушменская центральная сельская библиотека».
- ³⁵ Историческая справка... о Камынинской сельской библиотеке-филиале; о МКУК «Каменская сельская библиотека» / Сост. Т. И. Езикова.
- ³⁶ Историческая справка о Гридасовской сельской библиотеке-филиале.
- ³⁷ Историческая справка о МКУК «Косиновская центральная сельская библиотека».
- ³⁸ Историческая справка... о МКУК «Бабинская сельская библиотека»; о МКУК «Быкановская сельская библиотека»; о Долженковской сельской библиотеке-филиале.
- ³⁹ Историческая справка о Рудавской сельской библиотеке-филиале.
- ⁴⁰ Историческая справка... о Башкатовской сельской библиотеке-филиале; о Бегичевской сельской библиотеке-филиале.
- ⁴¹ Историческая справка о Кулиговской сельской библиотеке-филиале / Сост. Т. М. Башкатова.
- ⁴² Историческая справка о Полукотельниковской сельской библиотеке-филиале / Сост. В. И. Елизарова.
- ⁴³ Историческая справка о Долженковской сельской библиотеке-филиале.
- ⁴⁴ Историческая справка о Гридасовской сельской библиотеке-филиале.
- ⁴⁵ Историческая справка о МКУК «Каменская сельская библиотека».
- ⁴⁶ Историческая справка о Камынинской сельской библиотеке-филиале.
- ⁴⁷ Историческая справка о Павловской сельской библиотеке-филиале / Сост. Н. И. Пыхтина.
- ⁴⁸ Историческая справка о МКУК «Бабинская сельская библиотека».
- ⁴⁹ Историческая справка о МКУК «Каменская сельская библиотека».
- ⁵⁰ Историческая справка о Башкатовской сельской библиотеке-филиале.
- ⁵¹ Историческая справка о Павловской сельской библиотеке-филиале.
- ⁵² Историческая справка о МКУК «Рудавская центральная сельская библиотека».
- ⁵³ Историческая справка о Долженковской сельской библиотеке-филиале.
- ⁵⁴ Историческая справка о Гридасовской сельской библиотеке-филиале.
- ⁵⁵ Историческая справка о МКУК «Зоринская центральная сельская библиотека».

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Историческая справка о МКУК «Косиновская центральная сельская библиотека».

⁵⁸ Историческая справка о Кулиговской сельской библиотеке-филиале.

⁵⁹ Историческая справка о Мало-Крюковской сельской библиотеке-филиале.

⁶⁰ Историческая справка о МКУК «Рудавская центральная сельская библиотека».

⁶¹ Сельская библиотека // За коммуны. 1956. 29 янв.

⁶² Там же.

И. И. Гранкина

ОБОЯНСКИЙ БИБЛИОТЕЧНЫЙ ТЕХНИКУМ В 1936–1946 гг. (из истории создания, становления и развития)

В 2011 г. Обоянскому филиалу Курского колледжа культуры (ранее — Обоянский библиотечный техникум (колледж)) исполнилось 75 лет. Это одно из старейших средних библиотечных образовательных учреждений страны. Для Обояни и Обоянского района оно было и остается крупным культурно-образовательным центром.

История создания, становления и развития Обоянского библиотечного техникума до сих пор не была подробно описана. Особый интерес в этом плане представляют первые десять лет деятельности учебного заведения (1936–1946 гг.). В 1930-е годы государственная библиотечная политика СССР была направлена на развитие библиотечного дела. Обоянский библиотечный техникум был образован с целью удовлетворения квалифицированными кадрами расширяющейся сети массовых библиотек. Основанием для создания техникума явились постановление ЦИК СССР «О библиотечном деле в Союзе ССР» от 27 марта 1934 г. и постановление СНК РСФСР «О сельских библиотеках» от 19 октября 1935 г.

В соответствии с постановлением «О сельских библиотеках» в Курской области предлагалось создать техникум с контингентом приема 90 чел.¹ Финансирование библиотечных техникумов предусматривалось из средств областного бюджета².

Библиотечные техникумы находились в ведении Библиотечного управления Наркомпроса РСФСР. Занималась библиотечным образованием заместитель наркома Н. К. Крупская. Отчитываясь перед СНК РСФСР в декабре 1936 г., она указывала, что в Курской области открыт библиотечный техникум³. Это произошло в марте 1936 г. В приказе № 98 по Курскому облоно (документ без даты, составлен не позднее 1 марта 1936 г.) значилось: «Курской областной библиотечный техникум организовать в г. Обояни»⁴. Образование техникума происходило путем выделения из структуры Белгородско-

го политико-просветительного техникума библиотечного отделения, получившего статус самостоятельного учебного заведения.

Директоров техникумов тогда назначали на основании заявок начальника Библиотечного управления Наркомпроса РСФСР в Культпросветотдел ЦК ВКП (б)⁵. Курское облоно, осуществлявшее непосредственное управление Обоянским библиотечным техникумом, могло назначить только исполняющего обязанности директора. И. о. директора с 1 марта 1936 г. приказом № 98 был назначен Владимир Александрович Глазов. Ему поручалось принять от Обоянского горсовета здания и развернуть работу по их ремонту. Завершить ремонт планировалось к 1 июля 1936 г. Наблюдение за ремонтом, снабжение стройматериалами и техническое консультирование было поручено стройсектору облоно. Смету, составленную специально назначенным техником, предполагалось выполнить к 26 марта 1936 г.⁶

Учебный корпус и некоторые другие здания, выделенные для техникума, располагались на ул. Ленина и были построены во второй половине XVIII в. Одно из помещений общежития находилось на ул. Луначарского. Считалось, что учебный корпус включен в «Свод памятников истории и культуры СССР» как дом, где родился физик В. В. Петров⁷. Однако в современные перечни объектов культурного наследия федерального и регионального значения, находящихся на территории Курской области, здания техникума не вошли⁸. Возможно, что причиной этого были неоднократные изменения первоначального облика здания⁹. По воспоминаниям старожилов Обояни, прежде в здании находились лавки, склады и иные подсобные помещения для торговли.

В связи с расположением библиотечного техникума в Обояни уже в 1937 г. он получил название «Обоянский библиотечный техникум»¹⁰. Первыми учащимися техникума были второкурсники Белгородского политико-просветительного техникума и студенты, вновь поступившие на обучение. К началу 1936/37 учебного года техникум в полной мере готов не был. Ремонт не удалось завершить к назначенному сроку, поэтому занятия начались с опозданием.

В 1937 г. Наркомпрос организовал проверку работы техникума. Результаты проверки были опубликованы в журнале «Красный библиотекарь»¹¹. Материалы обследования учебного заведения показали, что на тот момент оно не соответствовало требованиям, предъявляемым к техникумам. Сразу встал вопрос о смене его руководства. Директором в феврале 1937 г. был назначен М. С. Скородумов.

К этому времени в техникуме обучалось 170 чел., но вопросы организации их обучения и быта не были полностью решены. Наблюдались перебои в выплате стипендии. Питание учащихся было неудовлетворительным. Общежитие не было в достаточной мере оборудовано. Учащиеся испытывали трудности со стиркой и баней, постельное белье отсутствовало¹².

В техникуме еще не был сформирован собственный педагогический коллектив. Обучение велось преподавателями других учебных заведений, что вызывало высокую текучесть кадров: на 3-м курсе за одно полугодие произошла смена двух преподавателей русского языка, двух преподавателей ленинизма, двух преподавателей черчения и трех военруков. Даже заведующий учебной частью до весны 1937 г. не состоял в штате техникума¹³. Положение усугублялось крайне низкой оплатой труда педагогов¹⁴. Качество подготовки педагогических кадров было низким, что вкуче с отсутствием методического руководства негативно сказывалось на учебной работе. Низким было и качество абитуриентов. Проверка грамотности среди учащихся техникума показала, что неуспеваемость по русскому языку составляла от 12 % до 32 %. С математикой учащиеся техникума также справлялись с трудом¹⁵.

К этому времени Библиотечное управление Наркомпроса уже наладило разработку и централизованное ежегодное снабжение библиотечных техникумов учебными планами и программами, а также учебниками и методическими пособиями. Однако учебников по специальным дисциплинам, естественным наукам и немецкому языку не было. Полностью отсутствовало лабораторное оборудование и наглядные пособия: карты, схемы, таблицы. Остро не хватало необходимой для программного чтения художественной литературы¹⁶.

Первым преподавателем библиотечных дисциплин в Обоянском техникуме была выпускница Московского библиотечного института Мария Борисовна Шварц, командированная Библиотечным управлением. Она преподавала наиболее сложные предметы: «Библиографию и комплектование», «Методы работы с читателем», а также руководила производственной практикой. Шварц имела педагогический опыт и пользовалась заслуженным уважением учащихся¹⁷.

Учебную (параллельную) библиотечную практику учащиеся проходили в библиотеке техникума и, главным образом, в районной библиотеке. Основными формами практики по работе с читателями являлись книгоношество, работа с передвижными книжными фондами на предприятиях и участие в вечерах. Например, в качестве практики учащиеся принимали участие в организации вечера, посвященного 8 Марта. Вечер проводился на Обоянском овощесушильном заводе, программа включала декламацию и хоровое пение¹⁸. Данный факт свидетельствует о том, что уже через полгода после образования техникума, несмотря на все трудности, с предприятиями города был установлен контакт. Помимо учебной практики, в техникуме была организована производственная (сплошная) практика, которую, в основном, также проходили в районной библиотеке.

Важной проблемой в то время было формирование личности будущего библиотекаря — убежденного борца за построение социализма, пропагандиста политики партии и правительства. С этой целью проводилось «оббиблиотечивание» преподавания и всей работы техникума.

Библиотечная атмосфера не сразу сформировалась в учебном заведении. Инспектора Наркомпроса указывали на необходимость усиления наглядной агитации, создания библиотечного и литературного кружков, увеличения количества подписных экземпляров журнала «Красный библиотекарь». Техникум выписывал всего 5 экземпляров журнала, и этого было явно недостаточно, если учесть, что журнал во многом выполнял функции учебного пособия.

Библиотека располагалась в приспособленном помещении, но оно еще не было оборудовано в достаточной степени и плохо отапливалось. Фонд библиотеки техникума составлял 2200 книг. Имеющихся книг по специальности не хватало для библиотечного учебного заведения.

Комсомольская организация техникума считалась одной из крупнейших в районе: она насчитывала 70 чел. В техникуме числились хоровой, драматический и музыкальный кружки. Учащиеся часто посещали кино и Дом социалистической культуры¹⁹. Большое внимание уделялось социалистическому соревнованию, организованному между Обоянским, Моршанским и Воронежским библиотечными техникумами.

Помимо основной подготовки библиотекарей, техникум организовывал шестимесячные курсы для сельских библиотекарей. В 1936/37 учебном году на курсы было принято 62 чел., окончили курсы 60 чел.²⁰

Первый выпуск в техникуме состоялся в 1937 г. Выпускались бывшие учащиеся Белгородского политехпроветехникума.

Высокая требовательность центральных органов управления вступала в противоречие с реальными возможностями Обоянского библиотечного техникума. Критика в его адрес со стороны Библиотечного управления Наркомпроса была жесткой и носила публичный характер. Освещение итогов проверки работы техникума в «Красном библиотекаре» обеспечивало ему печальную известность в масштабах всего Советского Союза. Вместе с тем, партийно-государственные органы управления библиотечной школой обеспечивали ее развитие. В 1937 г. в библиотечных техникумах были введены новые учебные планы, значительно отличавшиеся от планов последних двух лет²¹.

Серьезные изменения коснулись практики. Сплошная практика была перенесена с апреля на май, т. е. на период проведения посевной кампании. Это приближало практику к первостепенным задачам государства и прививало студентам «навыки применения самых разнообразных форм и методов работы с широкими массами трудящихся села»²².

Финансирование по-прежнему не было стабильным. Н. К. Крупская писала в письме заведующему Курским облоно от 25 марта 1938 г.: «...Обоянскому библиотечному техникуму задерживается отпуск средств. Задерживается заработная плата преподавателям и стипендия учащимся, техникум не обеспечивает питание учащихся, так как не может закупить продуктов для столовой». Крупская предлагала облоно срочно разрешить вопрос о финансировании техникума²³.

Накануне Великой Отечественной войны управление библиотечным образованием было укреплено путем объединения руководящих органов с политико-просветительными структурами²⁴.

В 1941 г. деятельность техникума была прервана начавшейся войной. В июле он был закрыт. Многие преподаватели и учащиеся ушли на фронт. Выпускник 1940 г. танкист Иван Никанорович Конев был удостоен звания Героя Советского Союза.

Во время оккупации Обояни в учебном корпусе были расположены продовольственные склады и отделы немецкой комендатуры. Рядом, на площади им. В. В. Петрова, находились виселицы для партизан и сочувствующих им граждан. На первом этаже правого крыла здания была устроена начальная школа для желающих получить навыки письма и чтения. После того как эта часть корпуса была частично разрушена, занятия в школе прекратились. Впоследствии в здании техникума был размещен немецкий госпиталь. Умерших солдат и офицеров хоронили в сквере перед фасадом учебного корпуса.

Летом 1945 г. Обоянский библиотечный техникум возобновил работу. Его директором был назначен П. С. Исаков, завучем — И. И. Уральский. К новому 1945/46 учебному году техникум имел свой устав, подготовленный на основе Типового устава, утвержденного в 1944 г.²⁵

В феврале 1945 г. общее руководство библиотечным делом перешло в ведение Библиотечного управления Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР. Библиотечное управление уделяло большое внимание вопросам развития библиотечных учебных заведений. В течение года директор техникума неоднократно выезжал в Москву²⁶. Непосредственное руководство Обоянским библиотечным техникумом осуществлял Курский областной отдел культурно-просветительной работы. В 1944 г. учебно-методическое руководство техникумами перешло в ведение Главного управления по руководству техникумами Всесоюзного комитета по делам высшей школы. Управлением были подготовлены и утверждены номенклатура специальностей, учебные планы, учебные программы, правила приема и др.²⁷ Обоянский библиотечный техникум получал все эти документы в централизованном порядке, что позволяло формировать нормативно-правовую и учебно-методическую базы учебного заведения. В июле 1945 г. в техникуме были заново образованы бухгалтерия и хозяйственные службы²⁸. Осенью 1945 г. была организована работа столовой²⁹.

Формирование преподавательского корпуса, предположительно, началось в августе, но первые приказы о приеме педагогов на работу датированы серединой сентября 1945 г. Преподаватели назначались на основании направлений Курского областного отдела культпросветработы, Обоянского РОНО, Обоянского райвоенкомата. В течение месяца в штат преподавателей были зачислены преподаватель русского языка и литературы Е. А. Михеева,

преподаватель немецкого языка О. К. Устимович; преподаватель физики А. М. Васильев, преподаватель математики В. А. Ильин, преподаватель географии А. Я. Смирнов. Преподавателем специальных дисциплин и литературы по направлению областного управления культпросветработы была назначена А. А. Бланкова³⁰. Для преподавателей спецдисциплин летом 1946 г. в Москве были организованы курсы повышения квалификации³¹. Штат преподавателей к концу учебного 1945/46 года полностью не был укомплектован, он состоял всего из восьми человек. Преподаватели плакатного дела (М. Л. Миронов) и истории СССР (К. И. Осин) были приняты в ноябре 1946 г.³²

В это время особое внимание уделялось военной подготовке. Военное дело изучалось по узкой специализации — телефония. В техникуме был образован военный кабинет³³. В 1946 г. преподавание военного дела было отменено. Вместо него была введена физическая подготовка по одному часу в неделю для девушек и физкультурная подготовка для юношей по два часа в неделю. При этом один час физкультуры у юношей отводился под военную подготовку³⁴.

С целью обеспечения изб-читален области и Обоянского района осенью 1945 г. в техникуме были организованы курсы избачей³⁵.

Материальная и учебно-методическая обеспеченность образовательного процесса была крайне низкой. Учебных пособий катастрофически не хватало. Студентам приходилось записывать изучаемый материал под диктовку преподавателя. Бумаги для конспектов также не было, поэтому писали на старых книгах и газетах между строк. Учебно-наглядные пособия (плакаты и пр.) преподаватели изготавливали собственными силами с привлечением наиболее способных учащихся. Обеспечение изготовления столоярно-жестяных пособий и приборов поручалась заведующему хозяйством³⁶.

Требования к учебно-воспитательному процессу были довольно высокими. В техникуме был организован постоянный контроль успеваемости, посещаемости, своевременности прихода на занятия, выполнения заданий, а также внеклассной работы: деятельности кружков, выпуска стенных газет, участия в сельскохозяйственных работах и др. За отличную учебу стипендия повышалась на 20 %. При наличии неудовлетворительных оценок по двум предметам стипендия уменьшалась на 50 %. В случае задолженностей по трем и более предметам студенты лишались права получения стипендии³⁷.

Начиная с ноября 1945 г. учащиеся привлекались для работ в техникуме, а также для уборки урожая: картофеля и сахарной свеклы. Уклонение от сельхозработ грозило наказаниями: выговором, лишением стипендии и даже исключением из техникума³⁸.

Несмотря на трудности, в последующие годы техникум постепенно укреплял свои позиции. Благодаря целенаправленной государственной библиотечной политике улучшалась его материально-техническая база, усиливалось обеспечение образовательного процесса учебно-методическими материалами. Государственными органами управления было налажено централизован-

ное снабжение учебниками по специальным дисциплинам. Повышение квалификации педагогических кадров приобрело системный характер. Педагогический коллектив совершенствовал формы учебно-воспитательной работы, направленной на подготовку квалифицированных средних библиотечных кадров. Техникум укреплял связь с массовыми библиотеками, становясь одним из центров образования и культуры Обояни и Обоянского района.

Примечания

¹ Библиотечное дело в России (октябрь 1929 — май 1941): Док. и материалы / Авт.-сост. М. Н. Глазков. Ч. 1. М., 2006. С. 74–75, 84–85.

² Там же. С. 85.

³ Крупская Н. К. О библиотечном деле: Сб. тр. Т. 5: 1936–1937. М., 1986. С. 142–150.

⁴ ГАКО. Ф. Р-4006. Оп. 1. Д. 3. Л. 129.

⁵ Библиотечное дело... Ч. 2. С. 225–226.

⁶ ГАКО. Ф. Р-4006. Оп. 1. Д. 3. Л. 129.

⁷ Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР. Курская область. М., 1979. С. 86–87.

⁸ Перечень объектов культурного наследия федерального значения, находящихся на территории Курской области [Электронный ресурс]. URL: http://adm.rkursk.ru/index.php?id=62&mat_id=14942 (16.06.2012); Перечень объектов культурного наследия Курской области (регионального значения и выявленных объектов культурного наследия, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность) на 24.01.2011 г. [Электронный ресурс]. URL: http://adm.rkursk.ru/index.php?id=62&mat_id=9603 (16.06.2012).

⁹ Материалы свода... С. 86–87.

¹⁰ Хлебцевич С., Лурия Г. Изучить и до конца использовать уроки Курской области // Красный библиотечарь. 1937. № 5. С. 39–56.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 43–44.

¹³ Там же. С. 44.

¹⁴ Библиотечное дело... Ч. 2. С. 222–223.

¹⁵ Там же. С. 9–11.

¹⁶ Хлебцевич С., Лурия Г. Изучить и до конца использовать уроки... С. 45.

¹⁷ Там же. С. 46.

¹⁸ Там же. С. 46–47.

¹⁹ Там же. С. 47.

²⁰ Там же. С. 48.

²¹ Крупская Н. К. О библиотечном деле: Сб. тр. Т. 6: 1938–1939. М., 1987. С. 323–327.

²² Там же. С. 326.

²³ Там же. С. 42–43.

²⁴ Библиотечное дело... Ч. 1. С. 295–297.

²⁵ История среднего профессионального образования в России / П. Ф. Анисимов и др. М., 2000. С. 244.

²⁶ АО АОРКО. Ф. Р-59. Оп. 2. Д. 1. Л. 7, 12.

²⁷ История среднего профессионального образования... С. 251.

²⁸ АО АОРКО. Ф. Р-59. Оп. 2. Д. 1. Л. 1–2.

²⁹ Там же. Л. 5.

³⁰ Там же. Л. 2–4.

³¹ Там же. Л. 12–13.

³² Там же. С. 18.

³³ Там же. Л. 6, 9, 14.

³⁴ Там же. Л. 19.

³⁵ Там же. Л. 7.

³⁶ Там же. Л. 16–18.

³⁷ Там же. Л. 22.

³⁸ Там же. Л. 21.

З. И. Кошечая, Е. И. Степанова

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ЛИЦЕЙ № 23 — ШКОЛА ЖИЗНИ

Подготовка современных квалифицированных специалистов среднего звена во многом определяет темпы экономического роста страны и качество жизни. На всех этапах развития обществу нужны высококвалифицированные рабочие кадры. Их подготовку ведет, в частности, старейшее учебное заведение Обояни — профессиональный лицей № 23.

Датой его основания и начала подготовки специалистов для сельского хозяйства считается 1925 г. До того как стать лицеем, это учебное заведение прошло достаточно длинный путь.

Жизнь в первые советские пятилетки круто менялась, трансформировались назначения и профили учебных учреждений. Развивающемуся сельскому хозяйству требовались грамотные кадры — земледельцы и механизаторы.

Еще до 1917 г. в доме купца Разинкина (ныне — здание Обоянского районного суда по ул. Шмидта) содержался детский приют, при котором существовала небольшая мастерская по обучению сирот слесарному делу (см. фото).

Дом купца Разинкина (ныне здание Обоянского районного суда)

В 1924 г. в Обояни было организовано несколько детских домов под общим названием «Пионерская коммуна», в которых воспитывалось около 1500 детей. Располагались они в разных зданиях города, которые в настоящее время занимают администрация Обоянского района, Дом пионеров и школьников, суд, гостиница.

Детский дом № 2, директором которого был Антон Фролович Леонтьев, размещался в доме помещика Терлецкого. Сейчас это первый учебный корпус лицея № 23. В соседнем здании, складском одноэтажном помещении, в октябре 1925 г. открылась слесарно-механическая мастерская для мальчиков детского дома. Это помещение эксплуатируется в тех же учебных целях до сих пор. В доме напротив (угол ул. Ленина и Луначарского) обучались девочки. Директором этого детского дома был Семен Степанович Белоусов. В настоящее время это второй учебный корпус лицея. Следовательно, октябрь 1925 г. вполне можно считать датой начала учебной подготовки ремонтно-механизаторских кадров в Обояни.

В 1926 г. слесарно-механическая мастерская была преобразована в учебно-практическую мастерскую из двух отделений — слесарно-механического и столярного¹. В 1927 г. произошла ее реорганизация в индивидуально-профтехническую школу с выделением дополнительных средств и удлинением срока обучения. Первый выпуск Обоянской профтехшколы состоялся в 1930 г., второй и третий — в 1932 и 1933 гг.

В 1931 г. профтехшкола была переименована в Обоянскую профтехшколу сельскохозяйственной механизации, а в 1934 г. — в школу автотракторных механиков для МТС и совхозов с присвоением имени академика В. В. Петрова. В 1934 г. состоялся первый выпуск автомехаников. С января 1934 по апрель 1937 г. начальником школы был Иван Панфилович Истратов.

В 1937–1941 гг. (до начала Великой Отечественной войны) нынешний лицей назывался школой механизации им. академика Петрова. Его учебным помещением было здание существующего корпуса № 1 по ул. Ленина (угол ул. Ленина и Луначарского).

В период немецкой оккупации города с ноября 1941 по февраль 1943 г. школа механизации была закрыта. В здании было размещено казино, где развлекались гитлеровские офицеры, а в подвалах пытали и убивали горожан².

После освобождения города за восстановление школы взялся назначенный на должность директора Петр Петрович Беспяткин (на фото). В приказе по Курскому областному земельному отделу от 13 августа 1943 г. сказано: «Сего числа я прибыл по месту работы в Обоянскую школу механизации сельского хозяйства и при-

ступил к исполнению обязанностей директора школы. П. П. Беспяткин»³. Школа размещалась в здании, где в настоящее время находится столовая лицея.

15 августа 1943 г. школа механизации возобновила свою деятельность, разместившись в уцелевшем доме № 52 по ул. Ленина (в последние десятилетия XX в. это здание занимала районная аптека № 36), а затем перешла в здание, где в настоящее время находится столовая лицея.

Окупанты нанесли огромный ущерб народному хозяйству района, деревни подверглись страшному разорению. Сразу же после освобождения района начались восстановительные работы. В колхозы направлялась техника, кадры. Школа стала укомплектовываться педагогическими кадрами и учащимися. МТС направляли людей в школу на курсы трактористов гусеничных тракторов. Первый выпуск учащихся 12-й группы в связи с окончанием курсов «Тракторист гусеничных тракторов» состоялся уже в декабре 1943 г. (приказ № 30 от 28 декабря 1943 г.).

В это время в райвоенкомат ежедневно поступали десятки заявлений от обоянцев с просьбой о добровольном зачислении в ряды Красной Армии. Среди них были преподаватели и инструктора школы. Приказ по школе № 28 от 24 декабря 1943 г., например, гласит: «Вследствие призыва в ряды Красной Армии инструктора школы товарища Павлова Михаила Ивановича считать его выбывшим из школы с 23 декабря 1943 года и произвести с ним расчет».

Как видно из приказов № 21 по школе механизации от 8 декабря 1943 г. и от 25 января 1944 г., группы были стандартные — 28–30 чел., в группах назначались старосты. Предъявлялись очень строгие требования к дисциплине. Каждый пропуск уроков, самовольный уход из школы рассматривались как дезертирство, что влекло за собой наказание. Так, в ноябре 1943 г. Мария Савельева и Наталья Севрюкова за самовольный уход из школы были осуждены на четыре месяца тюремного заключения (приказы № 13 от 19 ноября 1943 г., № 18 от 1 декабря 1943 г.).

Занятия шли с 8.00 до 18.50. Это известно из приказа по школе от 8 апреля 1944 г.: «С 9 апреля сего года устанавливается 10-минутный перерыв между уроками, в связи с этим окончание уроков в школе в 18.50 часов».

Учащиеся получали хлеб по карточкам, которые нередко воровали. Так, 20 января 1944 г. по школе механизации был издан приказ № 39 о дежурстве в школьной столовой преподавателей, которые в установленном порядке должны были получать хлеб и горячую пищу по количеству явившихся на занятия учащихся. В случаях невыдачи учащимся пищи и хлеба дежурный преподаватель был обязан ставить в известность директора. В приказе подчеркивалось: «Ввиду участвовавших случаев кражи хлебных карточек из карманов в столовой у учащихся, предупреждаю всех учащихся, что хлебные карточки при утере не возобновляются, поэтому предлагаю учащимся хранить карточки тщательно». 19 апреля 1944 г. был подписан приказ № 66: «Ученика 2 группы комбайнеров Переверзева Михаила Матвеевича исклю-

чить из школы за воровство хлеба из столовой». 30 апреля того же года последовало новое предупреждение: «В связи с тем, что в столовой ФЗО установлен военный порядок, учащимся нашей школы приказываю при использовании столовой ФЗО беспрекословно подчиняться установленному порядку приема пищи. Строго соблюдать очередь за получением хлеба и горячей пищи. Категорически приказываю не курить в столовой. Виновные в нарушении установленного порядка будут подвергнуты наказанию в административном порядке, а на злостных нарушителей дело будет передано в суд» (приказ № 61).

Учащиеся привлекались к работе в хозяйствах Обоянского района. Так, согласно приказу № 46 от 10 февраля 1944 г., «за отличную работу по затариванию и загрузке хлеба для фронта, в результате чего было затарено и погружено на автомашины 114 тонн и 3 вагона зерна для Красной Армии, объявить благодарность учащимся, шоферам и инструкторам». В приказе № 941 от 8 августа 1945 г. говорится: «направить комбайн для работы по уборке урожая в колхоз “Путь к социализму” Обоянского района». Работали на комбайне инструкторы и учащиеся школы.

Коллектив школы оказывал помощь в формировании педагогических кадров в других учебных заведениях района. Например, 6 ноября 1944 г. был подписан приказ № 130: «Откомандировать в распоряжение школы садоводства Обоянского госплودопитомника преподавателя агротехники товарища Дмитриеву Н. В. на должность преподавателя. Основание: Распоряжение наркома от 03.11.44 г.»

В мае 1945 г. школа перешла в здание, где в настоящее время находится столовая лицея, а к началу нового учебного 1945/46 года — в первый учебный корпус. Всего с 1 января по 25 июня 1945 г. школа выпустила 299 квалифицированных трактористов гусеничных тракторов, комбайнеров, бригадиров тракторных бригад.

С марта по октябрь 1949 г. должность директора исполнял Петр Григорьевич Шумаков, а с октября 1949 г. по январь 1963 г. учебное заведение возглавлял Константин Михайлович Цебро. С его приходом на должность директора развернулось строительство учебно-материальной базы. Восстанавливались здания для учебных кабинетов теоретического и практического обучения, строились новые помещения. Печное отопление было заменено центральным. Были оборудованы кабинеты для занятий по изучению тракторов, комбайнов, автомобилей.

В 1953 г. школа была переименована в училище механизации № 5, перейдя из системы Министерства сельского хозяйства в Государственный комитет трудовых резервов. Школа готовила трактористов-машинистов, механиков-комбайнеров, экскаваторщиков.

В 1955–1977 гг. училище участвовало в освоении целины. На целинные земли было откомандировано 52 мастера производственного обучения, кото-

рые руководили практикой учащихся и сами принимали участие в весенне-полевых работах, ремонте техники, уборке и перевозке зерна. 1288 учащихся прошли производственную практику на сельскохозяйственной технике: ремонтировали, пахали, убирали, возили зерно. А когда техники не хватало, ребята выполняли другую работу: скирдовали сено, силосовали кукурузу, перерабатывали зерно на корм. 1012 человек остались работать на целине.

Первые сведения о целинной эпопее содержатся в приказе № 45 от 25 мая 1955 г.: «Емельянову В. И. с 26 мая считать в командировке по сопровождению курсантов в Кокчетавскую область»⁴. Представители училища трудились в различных регионах СССР: в Поволжье, на Урале, в Сибири, целинных районах (Акмолинской, Кокчетавской, Кустанайской, Северо-Казахстанской, Целиноградской областях Казахской ССР), а также Калмыкии, Алтайском и Красноярском краях, Амурской, Новосибирской, Оренбургской, Свердловской, Сталинградской областях РСФСР. Труд преподавателей, мастеров производственного обучения и учащихся был отмечен грамотами, благодарственными письмами, подарками, а также медалью «За освоение целинных земель», учрежденной в 1957 г. Этой медалью были награждены мастера производственного обучения Юлий Иванович Чальцев (на фото), Александр Семенович Мезенцев, Иван Павлович Заика (на фото), Федор Алексеевич Пашков и др.

И. П. Заика

Ю. И. Чальцев

События тех лет оставили неизгладимый след в памяти целинников. Из воспоминаний Ф. А. Пашкова (1963 год): «Я с ребятами приехал на производственную практику в Акмолинскую область Казахстана. Если бы знали, что принес нам этот год! Представьте себе: весна началась 5 апреля, чего не было за десять лет, и вовсе не весна, а какая-то пародия на весну. И так все лето! Еще 15 июня стояли 9–10-градусные заморозки: все, что взшло, по-

гибло от мороза и летней засухи. С апреля до 20 августа не было ни единого, даже маленького дождичка. Зато прошла серия страшных черных пылевых ураганов. Это поистине бич всего живого: все, что посмело взойти после сева, было занесено 25–30-сантиметровым слоем пыли и навечно похоронено. Все лето стоял зной 37–38° и свирепствовали черные бури. И вот итог: в июне-августе негде было пасти скот, все выгорело, реки высохли — наступала неотвратимая трагедия. Когда пришла пора убирать хлеб-мученик (а его только так можно назвать — убирали не более двух центнеров на гектаре, вместо обычных 14–16), начались проливные дожди, они льют почти ежедневно с 20 августа до 11 октября, и наш скудный урожай убрать было невозможно».

Курсант Г. К. Краснопивцев, механик-комбайнер, рассказывал: «Мы вместе с мастером производственного обучения Мартаковым Н. П. приехали на производственную практику в совхоз «Ижевский» Целиноградской области. В один из дней стало известно, что в хозяйство прибывает правительственная делегация во главе с Н. С. Хрущевым. Встреча была традиционной, торжественной, всем миром, с хлебом-солью. В актовом зале Дворца культуры, украшенном кумачовыми транспарантами и знаменами, собралось много народа. Вместе с гостями в него вошли торжественность и ощущение праздника. Члены делегации благодарили рабочих совхоза за их усердие в труде, за желание изменить облик своего поселка, хвалили руководство совхоза. Однако я запомнил две вещи и помню их до сих пор. Это разговор о недостатках, критике, что руководители слишком размахнулись со свинарниками и коровниками на одном квадратном метре, а на фермах западногерманского фермера, наоборот, три квадратных метра на одну свиноматку. У него, капиталиста, вид хозяйства промышленный. Конечно, не осталось не замеченным и сокращение площадей под кукурузу и бобовые. А особенно запомнилось, когда Н. С. Хрущев сел в поезд и уехал, нас угощали апельсинами, сказав, что это привез нашим детям Н. С. Хрущев».

Переломным в системе подготовки профессиональных кадров для народного хозяйства страны стал 1958 г. Учебные заведения были переданы в ведение Государственного комитета по профтехобразованию Совета Министров СССР и стали называться профессионально-техническими училищами (ПТУ). Училища, готовящие механизаторов для сельского хозяйства, стали сельскими профессиональными техническими училищами — СПТУ. Обоянскому училищу был присвоен № 1. В училище готовили трактористов-машинистов 3-го класса, шоферов-слесарей, шоферов, сельских электромонтеров, бригадиров тракторных бригад.

В декабре 1958 г. на должность директора училища механизации сельского хозяйства № 5 был назначен Василий Яковлевич Шкурлатов, возглавлявший это учебное заведение более 16 лет. Это были годы коренной перестройки в деле подготовки механизаторов для сельского хозяйства. С 1969 г. училище стало именоваться средним (ССПТУ № 1), дающим учащимся, на-

ряду с избранной профессией, общее среднее образование. На учебу для приобретения специальности механизатора сельскохозяйственного производства набирались и девушки.

После ухода Шкурлатова на пенсию руководителем коллектива училища с июля 1972 по май 1975 г. являлся Иван Петрович Ливенцев. В этот период укрепилась материальная и техническая база: был расширен учебный корпус № 1, построен учебный корпус № 2, сооружено пятиэтажное общежитие для учащихся. Велись строительные работы на учебном хозяйстве — базе производственного обучения, возводилось жилье для сотрудников, была расширена столовая, на кухне установлено новое оборудование. Для обеспечения учебного процесса были построены и оборудованы кабинеты теоретических и лабораторно-практических занятий, слесарно-технические мастерские. Расширение учебно-материальной базы продолжалось и в дальнейшем.

В период с 1975 по 2001 г. руководителями учебного заведения являлись Петр Павлович Телегин (в 1975–1988 гг.), Владимир Павлович Климов (в 1988–1998 гг.), Геннадий Алексеевич Евстигнеев (с 1999 по июль 2001 г.).

В 1984 г. училище было переименовано в СПТУ № 23, спустя 10 лет (в 1994 г.) — в Обоянское профессиональное училище (ПУ № 23). В 2001 г. оно стало «Государственным образовательным учреждением начального профессионального образования профессиональным училищем № 23», а на должность его директора был назначен Петр Сергеевич Карачевцев, возглавляющий коллектив по настоящее время.

В 2007 г. произошло очередное изменение статуса: учебное заведение получило название «Государственное образовательное учреждение начального профессионального образования Профессиональный лицей № 23» и стало центром непрерывного профессионального образования. С 2010 г. прием учащихся осуществляется в «Областное государственное образовательное учреждение начального профессионального образования “Профессиональный лицей № 23”», а с 2011 г. — в «Областное бюджетное образовательное учреждение начального профессионального образования “Профессиональный лицей № 23”».

В настоящее время в лицее ведется подготовка по специальностям: «Тракторист-машинист сельскохозяйственного производства», «Автомеханик», «Повар-кондитер», «Сварщик», «Продавец, контролер-кассир», «Слесарь по эксплуатации и ремонту газового оборудования», «Мастер сельскохозяйственного производства», «Мастер по обработке цифровой информации», «Мастер отделочных строительных работ». Дополнительно можно получить профессии бульдозериста, экскаваторщика, водителя автомобиля.

За время своего существования лицей выпустил более 60 000 квалифицированных специалистов для сельского хозяйства страны.

Гордость училища — его выпускники: Герои Советского Союза Алексей Михайлович Максин и Николай Степанович Шенцов, руководители произ-

водства Алексей Григорьевич Щербаков — директор ПМК-3, Михаил Васильевич Клименко — генеральный директор агропромышленного комбината «Краснояржский» Белгородской области, Юрий Васильевич Колыбельников — председатель кооператива «Колос», Александр Викторович Пыхтин — глава администрации муниципального образования «Павловский сельсовет» Обоянского района.

Главный учебный корпус лицея

За свой труд многие выпускники отмечены государственными наградами: Алексей Владимирович Вахнин — орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Октябрьской революции, Евгений Александрович Красноплахин — орденами Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», Виктор Федорович Трещев — орденом Трудового Красного Знамени, Александр Егорович Шокуров — орденом «Знак Почета».

Особо следует сказать о выпускнике училища 1951 г., Герое Социалистического Труда, депутате Верховного Совета РСФСР 9-го созыва Иване Ивановиче Душине⁵.

Иван Иванович — потомственный хлебороб. Родился в 1928 г. в с. Бавыкино Обоянского района Центрально-Черноземной области. Свою трудовую жизнь начал с 17 лет, работая в колхозе. Вернувшись в 1951 г. из армии, окончил Обоянское сельское профессионально-техническое училище, работал в Обоянской МТС. Когда техника была передана колхозам, стал работать механизатором в родном селе. Душин выделялся своим творческим отношением к труду. Его незаурядные способности особенно развернулись в годы восьмой пятилетки. За ударный труд в 1971 г. он был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Вот что он сам рассказывал позже об этом времени: «Профессия комбайнера пришлась мне по душе. Я горжусь ею и с каждым годом стараюсь совершенствовать свое мастерство. А самое главное, дорожу всегда своей машиной, содержу ее в хорошей технической исправности. И техника еще ни разу меня не подводила. В 1966 году я намолотил 5660 ц зерна, а в 1970 г. — 7500 центнеров. В последние годы 8-й пятилетки намолачивали 30–33 ц с га. Хлеб у нас — всему голова, это валюта валют. Наши хлеборобы научились выращивать высокие урожаи, а вот убирать его как следует, без потерь, — до сих пор не научились. Техника не та! Вот ведь наш СК-4 рассчитан на урожай 25 ц с га, а многие хозяйства выращивают по 30, иные до 40 ц с га».

В 1975 г. Душин установил новый рекорд — намолотил 13 100 ц зерна.

На всю жизнь запомнил он наставления своего учителя, опытного комбайнера М. И. Халина: «Ничего не жалеи для людей, парень. Чему научишься сам, непременно научи других! Негоже умения для себя самого копить...» И Иван Иванович не жалел сил для обучения молодежи. За активное участие в производственном воспитании молодых земледельцев-механизаторов он был награжден знаком ЦК ВЛКСМ «Наставник молодежи».

У наставников свои проблемы, главное — закрепление молодежи на селе. «Это очень важный для нас процесс, — подчеркивал Иван Иванович, — прикрепления молодежи к опытным механизаторам. Широко это, к сожалению, не обсуждается, не учитываются характеры, способности, желания тех, к кому прикрепляют новичков. И это ведет к неизбежным промахам. Наши ученики — это, в основном, выпускники сельских профтехучилищ. Ребята они все хорошие. Теоретически подготовлены. А вот практики у них мало. С первых дней, я их учу не только вождению машины, но и тому, что знаю сам. Ведь не секрет — что-то чутье подсказывает, что-то опыт. Очень важно чувствовать, понимать землю. Второе — машина. К ней, как к человеку, бережно относиться надо! Словом, я стараюсь “своего” ничего не утаить. Думаю, что так должен поступать каждый наставник».

Подготовку квалифицированных кадров осуществляют преподаватели и мастера производственного обучения лицея, многие из которых награждены почетными званиями, медалями и грамотами. Директор лицея П. П. Карачевцев — заслуженный мастер профессионально-технического образования РСФСР. Медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» были награждены бывший заместитель директора по учебно-воспитательной работе Николай Васильевич Сафронов и преподаватель предмета «Правила дорожного движения» Николай Васильевич Жуков. Медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени награжден заместитель директора по учебно-воспитательной работе Зинаида Ивановна Кошечкина.

Звание «Заслуженный мастер производственного обучения Российской Федерации» присвоено Петру Ивановичу Квасову⁶. Нагрудным знаком «Отличник профессионально-технического образования Российской Федерации»

отмечены преподаватель специальных дисциплин Александр Павлович Абрамов, преподаватель предмета «Мировая художественная культура» Ольга Иосифовна Сафронова, нагрудным знаком «Почетный работник НПО Российской Федерации» — заместитель директора по общеобразовательным дисциплинам Людмила Ивановна Бузова, преподаватель физики Людмила Андреевна Ярыгина.

Преподаватель информатики Ольга Николаевна Долженкова заняла первое место на областном конкурсе «Преподаватель года — 2010». Мастер производственного обучения, педагог дополнительного образования Людмила Кузьминична Лебедева неоднократно становилась победителем на областных и всероссийских выставках декоративно-прикладного творчества в номинации «Бисероплетение».

Лицей является основателем кадетского движения в Обоянском районе, обладателем сертификата «Лучшая автошкола России», включен в национальный реестр «Ведущие образовательные учреждения России». Учащиеся лицея неоднократно становились призерами всероссийских конкурсов профессионального мастерства, победителями региональных олимпиад профессионального мастерства, соревнований «Школа безопасности», лауреатами Всероссийского конкурса «Я вхожу в мир искусств». В лицее работают 6 творческих объединений дополнительного образования, 15 студий и кружков, 6 спортивных секций.

Учащиеся лицея принимают активное участие в областных олимпиадах общеобразовательного и профессионального циклов, художественно-прикладного искусства, художественной самодельности, спортивных состязаниях, а также мероприятиях федерального уровня, добиваясь неплохих результатов. Они являются призерами и лауреатами районных и областных конкурсов профессионального мастерства, фестивалей художественного творчества среди учащихся и работников начального и среднего профессионального образования. Танцевальный коллектив лицея «Соловушки» — победитель Всероссийского конкурса ансамблей песни и пляски и хореографических коллективов народного направления, который проходил в Брянске в 2009 г. Ежегодно коллектив принимает участие в фестивале молодежного творчества «Звездный дождь», который проводит Министерство образования и науки РФ в Федеральном детском центре «Смена» в Анапе.

В 2009 г. учащийся Артем Шнур занял первое место на областной олимпиаде профессионального мастерства по профессии «Продавец продовольственных товаров», а его сокурсница Татьяна Азарова — третье место. Алексей Босых в 2010 г. занял первое место в областной олимпиаде профессионального мастерства по профессии «Тракторист-машинист сельскохозяйственного производства» и победил в номинации «За скорость и мастерство по вспашке» во Всероссийской олимпиаде профессионального мастерства по профессии «Тракторист-машинист сельскохозяйственного производства». Он явля-

ется лауреатом премии по поддержке талантливой молодежи, установленной Указом Президента Российской Федерации. В 2011 г. в областной олимпиаде профессионального мастерства Мария Шатохина заняла третье место по профессии «Кондитер», Константин Онипер — второе место по профессии «Автомеханик». В 2012 г. Илья Гнездилов стал победителем в областной олимпиаде профессионального мастерства по профессии «Тракторист-машинист сельскохозяйственного производства».

Коллектив лицея проводит большую работу по пропаганде здорового образа жизни. Студенческий театр эстрадных миниатюр выступает на районной сцене, выезжает на областные мероприятия. В 2009 г. Управление Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков по Курской области отметило коллектив лицея дипломом за большой вклад в воспитание молодежи, внимание к проблемам профилактики наркомании, активную жизненную позицию и пропаганду здорового образа жизни в подростково-молодежной среде. Лицейская команда КВН «Даешь молодежь!» принимает активное участие в мероприятиях по линии МЧС в Курске. В 2008 г. она заняла первое место среди кадетско-спасательных классов Курской области и третье место в Обоянском районе среди ССУЗов.

В лицей приходят молодые люди, получают профессию, вовлекаются в общественную и творческую деятельность, чтобы потом с гордостью говорить: «Профессиональный лицей № 23 — моя школа жизни!»

Примечания

¹ Справка из ГАКО от 4 сентября 1974 г. № А1/21-116; *Губанова В.* Теперь и детей — за ворота? // *Обоянская газета.* 1995. 14 окт.; ПУ № 23 — 75 лет! // Там же. 2000. 17 июня. С. 4–5; 29 нояб. С. 2; *Полянская И.* Оглядываясь назад, смотрим в будущее // Там же. 2006. 1 янв. С. 5.

² Книга приказов по Обоянской школе механизации сельского хозяйства, 1943–1945 гг.

³ *Кравцов П. А.* Обоянь. Курск, 1989. С. 24.

⁴ Книга приказов по училищу механизации сельского хозяйства № 5: начата 5 сентября 1955 г.

⁵ См. о нем: *Тычинин В.* Высокая должность // *Герои Социалистического Труда Черноземья: (Сб. ст. и очерков).* Воронеж, 1973. С. 150–160; *Душин Иван Иванович* // *Золотые звезды трудовой славы: Сб. док. и материалов о курянах — Героях Соц. Труда.* Курск, 1976. С. 402–406; *Душин Иван Иванович* // *Большая Курская энциклопедия: Персоналии.* Т. 1, кн. 1. Курск, 2004. С. 253.

⁶ Почетные звания // *Курская правда.* 1996. 24 июля. С. 1.

Н. А. Федотова

ОСОБЕННОСТИ ТКАЦКИХ ПРОМЫСЛОВ ОБОЯНСКОГО УЕЗДА

В данной статье мы рассмотрим ткацкие промыслы Обоянского уезда, выделим основные их виды, укажем местные особенности.

Ткачество существовало уже в эпоху неолита и традиционно считалось женским занятием. Что касается истории русского ткачества, то точное время его возникновения не установлено, но известно, что это ремесло существовало уже в глубокой древности. Для начала обратимся к самому понятию «ткацкий промысел». В «Российском энциклопедическом словаре» сказано: «Ткацкое производство — совокупность технологических процессов, необходимых для выработки текстильных тканей из пряжи. Ткацкое производство включает подготовительные операции (служат для создания паковок нитей основы и утка, пригодных для работы на ткацких станках), изготовление ткани на ткацких станках и заключительные операции (чистка, стрижка, складывание тканей и т. д.)»¹.

Известно, что среди сельского и городского населения Курской губернии наиболее распространенным видом домашнего производства являлась выработка льняных и шерстяных тканей для изготовления одежды и убранства дома. Домашнее производство заключалось в изготовлении на примитивном горизонтальном станке различных тканей: пестряди, сукна, скатертей, кушаков, полотна, панев.

В «Материалах по исследованию кустарной промышленности в Курской губернии» говорится, что в Обоянском уезде изготавливали «самые разнообразные ткани, выработанные из волокон конопли (замашка), льна, бумаги и шерсти, начиная от самых тонких, с прекрасными рисунками холстов, полотен и ковров, окрашенных в яркие цвета, собственной окраски, до самых грубых тканей, необходимых в крестьянском хозяйстве»².

В Обоянском уезде изготавливать нити для ткачества, то есть прясть, девочки умели с 8–9 лет. При наличии материала для прядения этим ремеслом занимались все члены семьи женского пола. Холсты и полотна вырабатывались из замашной, льняной, бумажной или смешанной ткани, в которой нити основы были бумажными, а нити утка — льняными или замашными. Главным недостатком обоянского полотна являлась его небольшая ширина — от 6 до 9 (очень редко до 12) вершков. Материал для прядения брался с приусадебного участка и с огородов. Льняное волокно для пряжи было выращивать

труднее, чем конопляное, и, кроме того, крестьяне неохотно выделяли из своих участков полоски для посева льна, так как наделы были нужны для других жизненно необходимых сельскохозяйственных культур. Однако на частновладельческих землях крестьяне выращивали лен для ткачества. Лен с этих участков пользовался большим спросом у крестьян из других населенных пунктов уезда. Бумажную пряжу, удобную для ткачества, поставляли бумагопрядильные фабрики Московского промышленного района.

Какие же виды ткацких промыслов существовали в Обоянском уезде?

Обоянские полотна отличались разнообразием: изготавливали как грубую ткань, так и тонкие, красивые ткани с рисунком. К примеру, существовали тяжина — прочная, красивая и толстая ткань для портов и пестрядь — более тонкая ткань для изготовления рубах. Пряжу иногда окрашивали в синие, лиловые и красноватые тона. Особенно славилась Обоянь своими скатертями. Авторы «Материалов по исследованию кустарной промышленности» писали, что в Обоянском уезде они «видели роскошные бумажные скатерти с прекрасными старинными заткаными рисунками, украшенными в середине широкими кружевными прошивками фабричного производства, а по концам обшитые кружевами, вязанные крючком из разноцветной бумаги, и даже такие скатерти, которые производительницы оценивали от 4 до 6 руб. за штуку»³.

Обоянские мастерицы достигли особого искусства в изготовлении специальных тканей для скатертей, называвшихся «свадебными». Для изготовления скатерти узкие полотна этой ткани сшивались вместе, разделяясь посередине разноцветной прошивкой или «тканкой» разной ширины, ручным кружевом, изготовленным самими крестьянами на коклюшках, или фабричным. Пригородное население заменяло тканку связанным из бумажной пряжи кружевом и им же украшало края скатерти. Крестьянки из удаленных от Обояни волостей обшивали концы скатерти кружевами, плетеными на коклюшках, или изящно сделанными мережками, а также украшали вышивкой крестиком из разноцветной бумажной нити. Примечательным видом обоянского ткачества являлось также изготовление рукавов рубашек, для производства которых брали особую тонкую ткань с местным древним орнаментом.

Также примечательны обоянские полотенца. В процессе изготовления полотенец их концы протыкались красными бумажными нитями, в результате чего получался рисунок, состоящий из полос разной ширины. Этот орнамент является древним по своему происхождению. В качестве доказательства приведем цитату из статьи И. В. Богдановой «Семантические корни орнаментальной символики в декоративно-прикладном искусстве»: «У наших далеких предков существовал ежедневный магический ритуал очищения водой: утром — от ночных страхов и ужасов, вечером — от душевных тягот, забот и усталости. В обряд очищения водой входило вытирание лица полотенцем. Утром лицо вытиралось нижним концом, где ромбы создавали композицию

восхода, т. е., внизу поначалу шла широкая полоса, затем следовали более узкие полосы, заканчивавшиеся самой тонкой полоской. Вечером, наоборот, верхним концом, где композиция была зеркальной и символизировала закат — поначалу тонкая полоска, а затем все более широкие»⁴. Кроме приведенного выше примера узора, для вышивки рушников использовались и другие элементы старинного орнамента. Так же, как и скатерти, полотенца, обшивались кружевами, мережками, различными видами вышивки, включая гладь. «На производство и украшение полотенца девушка тратит все свое искусство, которым она обладает»⁵.

В Обоянском уезде было распространено и изготовление тканей из шерсти, но ткала шерсть далеко не каждая мастерица. За изготовление сукна для зипунов, поясов, сарафанов, онучей брались только самые опытные рукодельницы. Шерстяную пряжу изготавливали сами крестьянки, но если своей пряжи не хватало, то ее покупали. Всего в Обоянском уезде существовало несколько видов суконных тканей: сукно из черной овечьей шерсти для зипунов, «белое» сукно для онучей, «легкое» сукно для сарафанов и поясов, а также разноцветные вожжи из окрашенной цветной шерсти. По поводу третьего вида сукна в «Материалах» сказано следующее: «У бывших временно обязанных крестьян Обоянского уезда можно было найти более плотную материю для сарафанов, окрашенную в темно-красный цвет мареной, дико растущей по полям Обоянского уезда. Этим красным цветом сарафанов временно обязанные крестьянки резко отличались от государственных крестьянок, которые в то время красили свои сарафаны в черный цвет; в настоящее же время окрашивание сарафанов в красный цвет почти совершенно исчезло в Обоянском уезде, и только одно или два села сохранили свою старинную темно-красную окраску сарафанов, а крестьянки остальных сел и деревень носят одни лишь черные сарафаны»⁶.

Особенностью Обоянского ткачества являлось изготовление ложников — одеял из шерстяной пряжи. Даже существовало поверье, согласно которому девушка не могла выйти замуж, не соткав один ложник. В различных местностях Обоянского уезда существовали разные типы ложников, например, одеяла в виде разноцветных попон, сшиваемые в два полотнища. Особое распространение получили ложники из шерстяной пряжи толщиной в сахарную бечевку. Для изготовления одеяла данного типа использовался уток из толстой бумаги, обычно ткали отдельные узкие полотна, а затем их сшивали.

Рассматривая ткацкие промыслы на территории Курской губернии, нельзя не остановиться на производстве ковров: «В Курском крае художественные традиции и духовное богатство человека нашли выражение в ковроткачестве, а понятие “курский ковер” стало отражением сложившегося типа русского народного ковра центра и юга России. И хотя данный тип ковров производили в Орловской, Белгородской, Тамбовской областях, но назван он был “курским”, так как наиболее крупным центром производства стала Кур-

ская губерния, славившаяся богатством художественной разработки и мастерством выделки ковров»⁷. В книге Е. Г. Яковлевой «Курские ковры» имеется карта Курской губернии, показывающая распространение ковроткачества в пределах губернии (с. 37). Из этой карты мы почерпнули сведения о том, что в 70–80-е гг. XIX в. ковроделие проникает в Обоянский уезд, как и в некоторые другие уезды.

В начале XX в. неподалеку от Обояни была организована земская ковровая фабрика⁸. В «Материалах кустарной промышленности» говорится, что в этот период ткацкий промысел являлся самым распространенным народным промыслом в Обоянском уезде⁹. Мастерницы Обоянского уезда занимались ковроделием для удовлетворения местных потребностей: покрытия укладок, сундуков, для украшения саней и т. д. В уезде ковры часто ткали из шерстяной пряжи, но изделия, которые клали на пол, изготовляли из толстого замашного волокна. В начале XX в. дорожки изготовлялись из старого ситца на бумажной основе: старые изношенные ситцевые платья стирали, разрезали на тонкие полоски и сшивали, в результате чего получался прототип нити утка. Затем их прокладывали между нитями основы. Таким же образом для изготовления дорожек использовали остатки пряжи, очески льна, шерсти, замашки, бумаги. «Особенно красивые и прочные ковры с прекрасными рисунками ярких цветов, с большим вкусом подобранных тканей мы нашли в селах Бобрышево и Троицкое Бобрышевской волости, в дер. Псинке Ольшанской вол., с. Гахове и Липовце Долженской вол. и друг.»¹⁰

Обоянский уезд славился такими ковровщицами, как Александра Владимировна Семеникина — мастерица, сделавшая очень много для развития промысла в уезде, научившая многих ковроделию, и Анастасия Чуйкова, славившаяся своими бархатными коврами; гладкие художественные ковры изготавливала Анна Стефановна Васильева из с. Бобрышева; Ксения Сырых из с. Песчаного ткала гладкие ковры-килимы для праздничной езды на санях, окрашенные в яркие цвета, с рисунком из ромбов и с бахромой с трех сторон.

Таким образом, в Обоянском уезде существовали различные виды ткацких промыслов. Во второй половине XIX в. ткачество, особенно ковроделие, получило в уезде заметное развитие. Ткацкие промыслы Обоянского уезда представляют собой культурную ценность и являются частью культурного наследия всего Курского края. Они имеют большой интерес для исследователей-краеведов.

В конце XIX — начале XX в. ткацкие промыслы Курской губернии пережили серьезный кризис. Одной из его причин стало сокращение потребления промысловых изделий, которое было связано с возникновением более дешевого фабричного производства. Если обратиться к обоянскому ткачеству, то следует отметить увеличение спроса на фабричную бумажную пряжу, что в начале XX в. привело к почти полному исчезновению местного пряжеделия. Еще одним фактором, повлиявшим на состояние ткацких промыслов Обо-

янского уезда, явилось увеличение среди населения уезда доли тех крестьянок, которые уходили на заработки в другие населенные пункты, забывая ткачество и используя ткани фабричного производства. В «Материалах» отмечено: «Почти все крестьянки, работающие при сахарных и винокуренных заводах по возделыванию и уборке свекловицы и картофеля, тоже одеваются в покупные бумажные ткани и разучиваются ткать, а таких в Обоянском уезде более 30 % женского рабочего населения»¹¹. Перестали изготавливать ткани жительницы сел и деревень, удаленных от Обояни и имевшие специальное занятие, к примеру, огородничество, а также украинки, проживавшие в Обоянском уезде и уходившие каждую весну (некоторые и каждую осень после уборки урожая) на заработки в соседние деревни (преимущественно это была обмазка изб, домов и других строений). В начале XX в. обоянский ткацкий промысел оказался в упадке, который привел к снижению заработка пожилых мастериц, продолжавших изготавливать полотно вручную (они зарабатывали от 2 до 5 коп. в день). Вместе с тем, «подгороднее» население, т. е. жители близлежащих к Обояни населенных пунктов, несмотря на хорошие подсобные заработки, продолжали заниматься ткачеством, изготавливая бумажное или бумажно-льняное полотно¹².

Изучив данные «Материалов», мы пришли к выводу, что состояние ткацких промыслов в Обоянском уезде было примерно таким же, как и во всей губернии. Особо повлияли на упадок промысла в уезде приток фабричных тканей и пряжи, а также занятия местного населения отхожими промыслами. Однако промысел не был забыт, так как в Обоянском уезде в начале XX в. еще оставались мастерицы, хранившие славные традиции обоянского ткачества.

Примечания

¹ Российский энциклопедический словарь. Т. 2. М., 2001. С. 1579.

² Материалы по исследованию кустарной промышленности в Курской губернии. Вып. 1: Описание кустарных промыслов по отдельным уездам. Курск, 1904. С. 289.

³ Там же. С. 291.

⁴ Богданова И. В. Семантические корни орнаментальной символики в декоративно-прикладном искусстве // Научные основы профессиональной педагогической подготовки учителя изобразительного искусства и черчения: Проблемы провинциал. культуры: Сб. науч. тр. Вып. 2. Курск, 2000.

⁵ Материалы... С. 292.

⁶ Там же. С. 294.

⁷ Ковроткачество — гордость курских мастеров // Культура Курского края: Доп. регион. учеб. пособие. Курск, 1995. С. 98–110.

⁸ См. Яковлева Е. Г. Курские ковры. [М.], 1955. С. 37.

⁹ Материалы... С. 289.

¹⁰ Там же. С. 296.

¹¹ Там же. С. 291.

¹² Там же.

ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ОБОЯНСКОГО УЕЗДА

Одной из важных социальных практик, в которой очень тонко преломляется специфика общественного мировоззрения, является отношение человека к смерти. Здесь мы найдем квинтэссенцию понимания места и цели человека в духовно-религиозном смысле. Рассмотрение местных погребальных традиций позволяет шире понять социально-психологическую атмосферу общества и выявить представления об особенностях различных этапов похоронно-поминальной обрядности и посмертной участи души человека.

Еще до смерти люди старались предвидеть, предугадать приближение исхода. О скорой кончине, а также об участи покойных в загробном мире они судили, обращаясь к различным приметам и поверьям. Так, по мнению крестьян хутора Танеева Медвенской волости Обоянского уезда, смерть человека предвещали бьющиеся в окно голуби или другие птицы. Большое количество умерших также предсказывалось, если весной через дорогу размоет много канавок¹.

Первый этап проводов умершего был подготовительный. Когда происходила кончина, тело усопшего необходимо было обмыть и одеть. Данная процедура у некоторых наблюдалась еще до смерти человека. Среди простонародья Обояни в предсмертные минуты умирающего старались «непрерменно обмыть и одеть в чистое платье и заживо положить “под святые” (“под иконы”) в таком положении, как обыкновенно кладут покойников»². По мнению обоянцев, допустить умереть человека на постели, а также обмыть его тело после смерти было большим грехом. Они полагали, что «умерший на мягкой постели должен в будущей жизни неизбежно претерпеть мучения за каждое перо, на котором он умер, и что всякий умерший должен предстать пред суд божий в том самом платье, в котором он умер»³. В связи с этим многие из жителей заранее готовили себе *смертное платье*.

Особым образом происходило одевание. Мужчины облакались в одно бельё и подпоясывались поясом. На ноги им надевали *калиговки* — башмаки, сделанные из какой-либо материи. На женщин и девиц сверх белья одевалась *шубка* — старинная русская одежда вроде сарафана, украшенная металлическими пуговицами от груди до подола в один ряд, подпоясываемая шнурком или лентой. Обувались они так же, как и мужчины, в калиговки. Головным убором потенциальным покойницам служила *кичка* или *сборник*. Девиц клали с расплетенной косой, перевязанной розовой лентой. «В недавнее время, отмечал А. С. Машкин в 1863 г., молодых женщин и девиц стали одевать к смерти так, как они при жизни ходили, в “саяны” или платья, а первым — повязывать головы платками»⁴.

Ставя умирающего под иконы, ему давали в руки зажженную восковую свечу, а над ним самим курили ладан и ставили близ него на окне стакан с водой, дабы «душа, расставшись с телом, могла в ней омыться»⁵. Впоследствии стакан этот оставался на том же месте до сорока дней по смерти и в нем ежедневно меняли воду.

После смерти на обоянских мужчин и женщин сверх одежды надевался саван. По нему раскольники пеленали своих покойников черной лентой или тесьмой⁶.

Все эти действия предпогребального цикла, кроме практической необходимости, имели и сакральный характер. Смерть мыслилась как дорога в загробный мир, а омовение и одевание покойника как сборы в дальнюю дорогу. Помимо гигиенической цели, обмывание рассматривалось и как сакральный очистительный обряд⁷.

Отношение к умершему в немалой степени отличалось боязливостью. О том, что о покойниках не принято было говорить плохо, свидетельствовала у обоянцев поговорка: «Пакойники усе харашы»⁸. Здесь же, как и в Корочанском уезде, верили, что если у преставившегося открываются глаза, то это предвещает вскоре другого покойника в доме⁹. Но, вместе с тем, среди обоянских простолюдинов против страха перед умершими была поговорка: «Ня бойси мертвых, а бойси живых»¹⁰. Подобное философское отношение к смерти находило свое отражение в таком жанре устного народного творчества, как загадки: «Мастир делал ни зли себе; а хто купил, таму ни нада; а каму нада, тот ни зная» (гроб)¹¹.

После обмывания и одевания покойного клали на лавку в передний угол, зажигали лампаду перед иконами и начинали молиться. Для постоянного моления приглашались читальщики и деревенские старушки. Обоянцы для чтения Псалтири по усопшим приглашали преимущественно девиц, а близкие по родству покойнику женщины обязанностью для себя считали по нему голосить — плакать на распев с разными причитаниями и приговорами¹².

По мнению обоянских жителей, если гроб или могила, приготовленные для новопреставленного, по какой-либо причине оказывались более против мерки, снятой с умершего, то это означало очередного скорого покойника. Мерку, взятую с усопшего, клали вместе с ним в гроб¹³.

Центральный этап похоронной обрядности был самый главный. День погребения особенно выделялся эмоциональностью, с которой родственники выражали свое горе. Он включал в себя серию предохранительных магических действий, основанных на страхе перед умершими. Опасность покойника для живых состояла в том, что он якобы может вернуться в дом и «увести» за собой кого-либо из близких. В Обояни существовал обычай по выносе покойника со двора тотчас же затворять ворота. Согласно народному поверью, оставленные незакрытыми, они предопределяли скорую смерть еще кого-либо их домашних¹⁴.

В Обояни считалось, что если кто лишился впервые кого-либо из детей, то мать умершего ребенка не должна была провожать его на кладбище, дабы «не умирали у ней другие дети»¹⁵.

Городские похоронные процессии по сравнению с сельскими обставлялись более торжественно, а в начале XX в. иногда носили характер светских демонстраций. Последнее обстоятельство, в частности, имело место в 1908 г. в Обояни, когда проходили похороны инспектора городского училища А. П. Куликова — главного деятеля местного революционного кружка. Уездный исправник в рапорте губернатору отмечал успех организации похорон. Достичь его удалось благодаря аресту пытавшегося говорить речи и снимать фотокарточки с трупа одного из соратников умершего, а также отказу в проведении отпевания в главном храме города. Тем не менее, на погребение прибыло более тысячи человек, в том числе преподаватели и учащиеся городского училища и женской прогимназии¹⁶.

Среди духовных лиц похороны в большей степени отвечали официальной, строго религиозной обрядности. В то же время здесь также имел место творческий элемент в организации погребальной процедуры. Так, умерший в 1895 г. в Обояни протоиерей Г. А. Танков еще до кончины завещал, чтобы после отпевания вокруг его гроба были обнесены иконы Спасителя и Смоленской Божьей Матери. К последней «покойный питал живую и горячую веру и к заступничеству которой он всегда прибегал при всех как смертных, так и радостных обстоятельствах своей жизни»¹⁷. Похоронили о. Гавриила по воле покойного и желанию прихожан с разрешения преосвященного Ювеналия в ограде Смоленского храма, где прошло его служение.

Завершались похороны циклом поминовений. Первое поминовение происходило в день погребения на дому, для чего устраивался поминальный стол. В Обояни обед в день похорон именовался *горячим*. Его участник обязывался положить за упокой души сорок поклонов. Непременную принадлежность такого обеда составляли *канун* (мед) и *кутья*. Канун, как отмечал А. С. Машкин, после погребения ставился в церкви на все время сорокоуста¹⁸.

Также у обоянцев был обычай возвращать в день похорон после поминальной трапезы посуду, если ее для этого брали из *постороннего дома*. Но при невозможности осуществления этого в тот же день ее возвращали лишь по истечении сорока дней¹⁹.

Кроме дня похорон, поминки справляли и в другие дни. В Обояни это были: 40-й день, через полгода, год, два и три года. В прочие дни служились лишь панихиды, на которые приносили блюда с пирогами или бубликами и канун²⁰.

Особой важностью обрядовых действий выделялся 40-й день после смерти. Из серии поминальных сроков он был кульминационным. Согласно народным воззрениям, этот рубеж связан с тем, что в течение 40 дней душа умершего находится на земле. Бог не определяет ее ни в ад и ни в рай, а ангелы носят душу покойного по тем местам, где он грешил. В 40-й день душа

посещала дом в последний раз и возносилась на небо, где Всевышним определялась ее участь²¹.

В связи с этим у обоянцев в течение сорока дней, помимо обычного сорокоуста, отправляемого в церкви по новопреставленному, в доме почившего читалась за упокоевание души непрерывно день и ночь Псалтирь. Это чтение называлось *неугасимой* и совершалось по большей части наемными девицами. Причем за каждый кафизмой курили ладан, а во все время чтения неугасимой горели перед образами постоянно лампы и заупокойная свеча (*колода*). У богатых жителей неугасимая читалась иногда по полугоду²².

В целом прощание с умершими являло собой сложный комплекс социодуховных проявлений, в котором отразилась как специфика общественных норм поведения, так и своеобразие условий повседневного мира людей. В сознании населения Обоянского края похороны были глубоко символизированной процедурой и значительным духовным событием. Освященные церковным участием и насыщенные народными представлениями о загробном мире, они составляли особое отношение к умершим, направленное на благополучный переход их в другое бытие.

Это почтительное отношение к покойным и их памяти отразилось, очевидно, и на содержании городского кладбища. Когда в 1885 г. губернские и уездные городские кладбища в ходе ревизии мест, представляющих потенциальную опасность нарушения правил санитарии и гигиены, осматривал губернатор П. П. Косаговский, то об обоянском он оставил такую запись: «Принимая во внимание ограниченность городских средств, следует признать, что улицы города относительно содержатся чисто; городское же кладбище даже очень хорошо, и было бы крайне желательно, если бы в этом отношении обоянские порядки послужили примером для Курска»²³.

Положительную характеристику состояния кладбища и достойного отношения к усопшим мы находим и в начале XX столетия. В 1911 г. в ходе обозрения некоторых церквей Обояни и ее уезда архиепископом Питиримом был осмотрен городской кладбищенский храм. Владыка выразил благодарность за образцовое содержание кладбища. По выходе из церкви Питирим на открытом воздухе среди могил совершил заупокойную литию по всем погребенным. Такое внимание к усопшим и месту их упокоения «вызвало у присутствующих слезы и рыдания, за что при проходах владыки из Обояни выражена была городским головою и многими гражданами сердечная благодарность»²⁴.

На примере обоянских погребальных традиций видно, насколько официальная процедура похорон имела свое преломление через пласт местных традиций. Прочно укоренившиеся поверья и обычаи сопровождали все этапы прощания с умершими. Они насыщали своим смыслом саму по себе глубоко символизированную данную религиозную процедуру. Направленные на предупреждение и ограждение дома от потенциального покойника, они как бы

подстраховывали, вопреки христианским взглядам, религиозную веру и надежду на то, что их не постигнет такое несчастье.

В заключение приведем имена жителей Обоянского уезда, которые вошли в картотеку Н. П. Чулкова для «Русского провинциального некрополя»²⁵.

Вонифатий, архимандрит, настоятель Обоянского Знаменского монастыря, † 3 февраля 1889, на 72 г. «В знак незабвенной памяти незабвенному отцу от искренно любящих детей» (Обоянь, Знаменский монастырь).

Иосиф, архимандрит, настоятель Обоянского Знаменского монастыря, † 11 августа, на 63 г. [год смерти не указан. — Ю. О.] (Обоянь, Знаменский монастырь).

Кривошапкин Лев Евграфович, отставной штаб-ротмистр, землевладелец Обоянского уезда, р. 14 ноября 1830, † 20 сентября 1895 г. (с. Старое Сумского уезда).

Паусий, архимандрит, настоятель Обоянского Знаменского монастыря, † 18 октября 1891 г., на 61 г. (Обоянь, Знаменский монастырь).

Переверзев Никанор Иванович, статский советник, † 6 сентября 1824 г. (с. Ивня Обоянского уезда).

Переверзева Аграфена Борисовна, урожд. Сонцова, 178<?> (с. Ивня Обоянского уезда).

«Незабвенный друг семейств гр. Клейнмихель и Богдановых **Луиза Людвиговна Перру**», р. 16 августа 1840 г., скончалась 17 октября 1899 г. (с. Ивня Обоянского уезда).

Петров Иван Андреевич, инженер, генерал-майор, † 16 сентября 1904 г. (Обоянь, Знаменский монастырь).

Пилар-фон-Пильхау Елизавета Петровна, баронесса, урожд. графиня Клейнмихель, р. 11 октября 1833, † 26 июля 1896 г. (с. Ивня Обоянского уезда).

Примечания

¹ *Ефремов А. П.* Поверья и приметы крестьян хутора Танеева, б. Медвенской волости, Обоянского уезда, Курской губернии // Известия Курского губернского о-ва краеведения. 1927. № 4. С. 69.

² *Машкин А. С.* Обычаи и обряды простонародья в городе Обояни // Труды Курского губернского статистического комитета. Вып. 1. Курск, 1863. С. 500.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 501.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ *Носова Г. А.* Традиционные обряды русских: (Крестины, похороны, поминки). 2-е изд., доп. М., 1999. С. 103.

⁸ *Машкин А. С.* Сборник пословиц и поговорок, употребляемых в г. Обояни и его уезде // Курский сборник. Вып. 4. Курск, 1903. Ч. 3. С. 31.

⁹ Там же. С. 68.

¹⁰ Там же. С. 30.

¹¹ Там же. С. 47.

¹² *Машкин А. С.* Обычаи и обряды... С. 501.

¹³ *Машкин А. С.* Сборник... С. 68.

¹⁴ *Машкин А. С.* Обычаи и обряды... С. 501.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10129. Л. 247–247 об.

¹⁷ *Сергеев И.* Некролог. Протоиерей Гавриил Алексеевич Танков // КЕВ. 1895. № 9. 25 февр. – 4 марта. Ч. неофиц. С. 209.

¹⁸ *Машкин А. С.* Обычай и обряды... С. 501.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 502.

²¹ *Носова Г. А.* Традиционные обряды... С. 129–130.

²² *Машкин А. С.* Обычай и обряды... С. 502.

²³ ГАКО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 962. Л. 48.

²⁴ Местные известия // КЕВ. 1911. № 2. 8 янв. Ч. неофиц. С. 13.

²⁵ См.: Река времен: Кн. истории и культуры. Кн. 4: Русский провинциальный некрополь. М., 1996. С. 68, 181, 311, 322, 324, 327, 329.

Д. М. Кременев

УЛИЦЫ СЕЛА МИХАЙЛОВСКОЕ–ВЕРХОПЕНЬЕ ОБОЯНСКОГО УЕЗДА В XVII — НАЧАЛЕ XX в.

Село Верхопенье Ивнянского района Белгородской области (ранее Обо-янского уезда Курской губернии) — одно из самых старинных сел в районе. По одной из версий, с. Михайловское–Верхопенье было основано строителями крепости Обоянь в 1650 г. По другой версии (передается из уст в уста на протяжении столетий), село было основано в 1672 г. Основателями его были дети боярские и служилые люди из рязанского г. Михайлов, которым за не-сение караульной службы на Сагайдачном шляхе была дарована земля в вер-ховьях р. Пены. Отсюда и изначально двойное название села: Михайловское — по основателям из Михайлова, Верхопенье — по местоположению в вер-ховьях р. Пена¹. По рассказам одного из старожилов Верхопенья Е. П. Брыт-кова (1923 г. р.), «второй царь из династии Романовых Алексей Михайлович разрешил беженцам из Речи Посполитой селиться на Диком поле: украинцам по берегам р. Тихая Сосна, а белорусам по берегам р. Псел. Да и у нас много фамилий польско-белорусского происхождения: Брытков, Брусенский, Же-лябовский, Крамской»².

Основным занятием жителей с. Михайловское–Верхопенье было земле-делие, основной повинностью — несение караульной службы на Сагайдач-ном шляхе и на Верхопенском сигнальном маяке, а также содержание ланд-милиции и служба в ней. Интересно, что вплоть до середины XX в. старожилы села помнили о повинностях своих предков. Так, Л. К. Воронков в 1950 г. вспоминал: «Шлях Согайдак соединял Белгород с Обоянью и Кур-ском, его и караулили наши прадеды от набегов крымских татар»³. В XVII–XVIII вв. с. Михайловское–Верхопенье входило в состав Карповского, а за-тем Богатенского уезда. В 1796 г. оно вошло в состав Обоаянского уезда.

Из источников, рассказывающих о заселении села, в нашем распоряжении имеются в основном устные предания местных жителей. Так, по воспоминани-ям старожилов Верхопенья, известно, что село делилось на четыре земельных общества: *Селянское (Село)*, *Зареченское (Заречка)*, *Фроловское (Фроловка)* и *Меркуловское (Меркуловка)*, которые в свою очередь делились на более мелкие части. Всего к началу XX в. в селе насчитывалось 22 улицы. Количество улиц в обществах было разным: от двух во Фроловском обществе до девяти в Селян-ском⁴. Изначально люди селились на возвышенности у р. Пена. У каждого из четырех земельных обществ была улица, которая дала название этому общест-ву и являлась «метрополией» для остальных улиц общества⁵.

Одним из первых письменных источников, который позволяет проследить картину заселения с. Михайловское–Верхопенье, является план Генерального межевания (ПГМ). Генеральное межевание — это точное определение границ земельных владений отдельных лиц, крестьянских общин, городов, церквей, начатое в Российской империи в 1766 г. и завершённое в середине XIX в. Генеральные уездные планы сводились в масштабе в 1 дюйме — 1 верста (в 1 см — 420 м). Специфика Генерального межевания состояла в том, что в основу конфигураций того или иного владения были положены границы старых писцовых дач. В момент составления Генерального межевания с. Михайловское–Верхопенье входило в состав Богатенского уезда Курского наместничества. План генерального межевания этого уезда был составлен в 1785 г. На плане подробно показаны границы владений земельных обществ, а также расположение домовладений в населенных пунктах. Рассматривая ПГМ, мы можем увидеть, что на рубеже XVIII–XIX вв. в с. Михайловское–Верхопенье насчитывалось восемь улиц. Все улицы располагались над берегом р. Пена.

Так, в Селянском обществе в это время было две улицы: *Село* и *Поповка*. Ул. Село являлось историческим центром с. Михайловское–Верхопенье, от которого в дальнейшем протянулись остальные улицы и порядки. По воспоминаниям Г. Е. Брусенского (1908–2003): «Когда-то, кем-то, главную улицу называли Селом. Эта улица тянулась двумя порядками от земляной плотины ставка и оканчивалась у Загуменского оврага, она была застроена дворами крестьян середняков»⁶. Через дорогу от ул. Села по другую сторону от плотины вдоль става протянулась улица Поповка, на которой, по всей видимости, был расположен дом священника. Выше ул. Поповка, исходя из плана генерального межевания, располагалась Михаило-Архангельская церковь, вокруг которой отмечены постройки, впоследствии выделившиеся в новую улицу — *Туровка*.

Напротив ул. Село, через р. Пена, располагалось Зареченское земельное общество, или Заречка. Свое наименование ул. *Заречка* получила по своему расположению относительно ул. Село — за рекой от Села. Окончанием Заречки была небольшая улица под названием *Маркин хутор*, или *Сапожок*. По воспоминаниям Г. Е. Брусенского «Заречка начиналась также от плотины и упиралась в усадьбу богача Тихомирова, чьи поместные постройки полукругом замыкали улицу. Он имел: паровую и две ветряных мельницы, крупорушку, маслобойку; его угодия растянулись на десятки гектаров, особенно привлекательным был плодовый сад, размещенный на южном склоне и одной стороной спускавшийся в низину прямо к речушке»⁷. Маркин хутор (Сапожок) как раз и есть бывшее поместье семьи Тихомировых. В ПГМ от начала Маркина хутора начинаются границы неделимых территорий, куда входили пашни и два пруда в пойме р. Пена с водяными мельницами.

От земляной плотины до яра *Верх Орлов* протянулась территория *Бугра (Выгона)*. Территория Бугра являлась неделимым пастбищем Зареченского общества, за что и получила свое наименование у зареченцев — Выгон, тогда как представители остальных частей вплоть до середины XX в. называли эту территорию Бугром.

Напротив Бугра (Выгона) через р. Пена протянулась улица *Куток*. Ее границы ограничивали овраги *Верх Долгинький* и *Верх Плутавинький*. Свое наименование улица Куток получила из-за своего расположения: куток (от польского «kat», «katek») означает местность красивую и расположенную над рекой и между возвышенностей⁸. Напротив Бугра, через р. Пена, от оврага Плутавенького до Бараньего лога, простиралась территория Меркуловского сельского общества. На ПГМ мы можем видеть две улицы: *Меркуловка* (от Бараньего Лога) и *Кончанка*. По воспоминаниям уроженца села П. М. Брыткова (1965 г. р.), «как мне рассказывал мой отец, Брытков Михаил Петрович, Меркуловка изначально пошла от Бараньего Лога вниз по течению реки Пена»⁹. Ул. Кончанка получила наименование от своего расположения и означала конец, окончание улицы.

Напротив Меркуловки, через р. Пену, от яра *Верх Орлов*, протянулась ул. *Фроловка*, которая также дала наименование всему сельскому обществу. За ул. Фроловка между ярами *Верх Орлов* и *Верх* на ПГМ отмечен лес. Но уже в XIX в. он был вырублен, а земля распахана. Ул. Фроловка вплоть до 1970-х гг. среди жителей Меркуловки звалась Бочанка.

Разделение села на различные сельские общества берет, вероятнее всего, свое начало с самого его основания и связано, на наш взгляд, с неравномерностью заселения этого населенного пункта¹⁰.

Исходя из названий земельных обществ, мы можем отметить, что первые улицы с. Михайловское–Верхопенье: Село, Заречка, Фроловка, Меркуловка и, с большей вероятностью, Куток были образованы и застроены в последней четверти XVII в. Улица Поповка в Селянском обществе и улица Кончанка в Меркуловском обществе, по всей видимости, были заселены в XVIII в. Особенно стоит территория Маркиного хутора (Сапожка), который уже в XVIII в. представлял неделимую территорию. На ПГМ мы можем увидеть, что на расстоянии 1,5–2 км от сельских обществ находились нераспаханные сенокосы и пастбища, на которых в XIX в. протянулись новые улицы. В конце XVIII в. рассматриваемый населенный пункт являлся достаточно крупным и экономически развитым, о чем свидетельствует наличие пяти прудов: четырех по течению р. Пена и одного по ручью *Верх Орлов* и водяных мельниц на них. По статистическим данным 1784 г., в селе насчитывалось 218 дворов, в которых проживало 880 душ мужского пола, в том числе 210 однодворческих дворов, в которых числилось 850 душ однодворцев. Остальные дворы были заселены крепостными крестьянами. При доме майора Гаврилы Лукича Сомова жило 4 души. Ему же принадлежало 4 двора малороссийских крепостных крестьян с

13 душами. У секретарши Настасьи Сергеевны Ильинской числилось 3 двора (12 душ), корнета Афанасия Ивановича Атанова — 1 двор (1 душа). В селе имелась кузница, а на речке Пенская Вершина стояло пять водяных мельниц: первая — однодворца Воронкова, вторая — корнета Атанова, третья — священника Саладовникова, четвертая — майора Сомова. У местных однодворцев имелось также пять ветряных мельниц: первая — Шатохина, вторая — Щетинина, третья — Чечерина, четвертая — Щетинина, пятая — Прохорова¹¹.

Образование новых улиц на территории земельных обществ с. Михайловское–Верхопенье приходится на вторую половину XIX в. и связано, на наш взгляд, с ростом численности населения и дроблением семей. Так, в 1862 г. село насчитывало 239 дворов с населением 2403 чел.¹² В среднем в одном дворе проживало 10 чел. В 1882 г. в селе в 425 дворах проживало 3234 чел.¹³ В среднем в одном дворе насчитывалось 7–8 чел. Таким образом, число дворов увеличилось в 1,7 раза, а если учесть, что на старых улицах мест для постройки уже не было, ряды улиц тянулись в два порядка, образовывались новые улицы. Как правило, новые улицы появлялись на ранее неделимой территории сенокосов и пастбищ.

Так, в Селянском обществе возникли новые улицы: *Голожоповка (Нижняя Загумёнка)*, *Загумёнка*, *Туровка* и *Вышний План*. По рассказам Е. П. Брыткова, «изначально жили на Селе, потом людям стало тесно жить и образовали новую улицу — Голожоповку, имя которой по легенде дал поп. У него спросили: “Почему Голожоповка?”, — тот сказал: “Люди бедные не могут прикрыть срам штанами”». Выше Голожоповки от дороги и до яра Верх Лобанов (Загумёнского оврага) образовалась улица Загумёнка. «Загуменка, от слов «за гумном», т. е. за сараем, на Загуменке дома располагались достаточно редко, и вплоть до середины XX в. там было не более 10 дворов»¹⁴. В 1891 г. в начале ул. Загуменка была построена Никольская кладбищенская церковь. Выше улицы Поповка вокруг Михаило-Архангельской церкви начала застраиваться улица, получившая наименование Туровка. От яра Верх Лобанов до лога Абрамов вдоль р. Пена протянулась новая улица *Миллидовка*. На Кутке появилась новая улица — Вышний План.

В Зареченском земельном обществе от земляной плотины до ул. Заречка образовалась новая улица — *Увишвая (Вишвая горка)*. Выше нее начиналась территория Бугра (Выгона). На Бугре вплоть до начала XX в. не было жилых построек. В 1874 г. здесь на средства жителей с. Михайловское–Верхопенье была построена земская начальная школа, а в 1878 г. трехпрестольная Успенская церковь. К началу XX в. административный центр села переместился с территории Селянского общества в Зареченское — на Бугор (Выгон). Здесь размещались земская и церковно-приходская школы, земская больница, волостная управа. На площади перед церковью со стороны ул. Заречка находились две лавки и кабак. Перед церковью два раза в год проводились крупные ярмарки: на Сретенье и на Ильин день.

В Меркуловском обществе в конце XIX в. образовались новые улицы: *Лягушевка* (от Баранова лога до истока р. Пена), *Куцарёвка* (вдоль Баранова лога), *Верхняя Кончанка* и *Выганок*. Последние две отличались редкими жилыми постройками. Продолжением ул. Фроловка, от земляной плотины и водяной мельницы в сторону истока р. Пена, стала ул. Туровка.

В этот же период крестьянами с. Михайловское–Верхопенья на дороге, соединяющей Москву и Крым, были заселены постоянные дворы, получившие название *Верхопеньские постоянные дворы*.

В начале XX в. на территории Зареченского общества образовалась новая улица — *Балеляевка*. Она тянулась от Маркиного хутора (Сапожка) до лога Березовый (Агапкин колодец). После столыпинской реформы часть крестьян Зареченского общества основали новый населенный пункт — х. Красная Дубрава.

Следует отметить, что новые улицы, заселявшиеся, в основном, крестьянами-бедняками, за исключением ул. Туровка во Фроловском обществе и ул. Вшивая горка в Зареченском обществе, были удалены от воды, что затрудняло развитие хозяйства. По воспоминаниям Г. Е. Брусенского, «Расселением и застройкой деревни ведала волостная управа, а в народе ее окрестили “расправа”, где все ключевые места были заняты зажиточными. Вот эта самая “расправа” никак не хотела, чтобы голытьба селилась на порядке и улице, что примыкала к воде. Им отводились места на отшибе, где не было воды»¹⁵. Именно представители этих вновь образованных улиц села и составляли основной костяк сельской бедноты и переселенцев на новые земли: Новороссию, Кавказ и Сибирь.

Приложение

Улицы с. Михайловское–Верхопенья (прежние и нынешние названия)

Селянское общество (Село)

1. Село — Шатохина
2. Поповка — Шатохина
3. Голожоповка (Нижняя Загуменка) — Народная
4. Загуменка — Советская
5. Туровка — Колхозная
6. Милидовка — Садовая

Куток

1. Куток — Дружба
2. Высший План — Дружба
3. Островок

Зареченское общество (Заречка)

1. Вшивая (Увшивая) горка — Заречная
2. Заречка — Заречная
3. Маркин хутор (Сапожѣк) — Заречная
4. Балеляевка — Вострикова; Казакова
5. Бугор (Выгон) — Центральная

Меркуловское общество (Меркуловка)

1. Меркуловка — Первомайская
2. Куцарѣвка — Гайдара
3. Верхняя Кончанка — Гагарина
4. Нижняя Кончанка — Первомайская
5. Выгонок — Гайдара
6. Лягушевка — Луговая

Фроловское общество (Фроловка)

1. Фроловка (Бочанка) — Октябрьская
2. Туровка — Октябрьская

Примечания

¹ Летопись с. Верхопенье. 2011 г. Машинопись. С. 3.

² Брытков Е. П. Воспоминания / Записал Д. М. Кременев. Верхопенье, 2011. Машинопись. С. 1. (Архив ВФИИКМ). — Фамилия Крамской не польская, а русская, она происходит от названия г. Кромы, жители которых переводились на постоянное жительство на южную границу (*прим. ред.-сост.*).

³ Летопись села Верхопенье. Рукопись. Л. 9. (ВФИИКМ. КП 523).

⁴ Кременев Д. М. Исторические названия улиц села Верхопенье Ивнянского района Белгородской области // Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ». Вып. 3. Белгород, 2011. С. 80–84.

⁵ Брытков Е. П. Воспоминания.

⁶ Брусенский Г. Е. Верхопенье двадцатых годов // Летопись Белгородская. Рукопись. С. 3.

⁷ Кременев Д. М. Исторические названия...

⁸ Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. 20: Курская губерния: По сведениям 1862 г. СПб., 1868.

⁹ Брытков П. М. Воспоминания / Записал Д. М. Кременев. Верхопенье, 2011. Машинопись. С. 1.

¹⁰ Кременев Д. М. Исторические названия...

¹¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18800.

¹² Списки населенных мест...

¹³ Сборник статистических сведений по Обоянскому уезду (Курской губернии). М., 1883–1884 г.

¹⁴ Брытков Е. П. Воспоминания.

¹⁵ Брусенский Г. Е. Верхопенье двадцатых годов. С. 4.

ПРИЛОЖЕНИЯ

И. П. Бабин, М. М. Озеров

ОБОЯНСКИЕ ВОЕВОДЫ, ЛАНДРАТЫ, КОМИССАРЫ И УПРАВИТЕЛИ (1649–1779 гг.)

В данной публикации представлены краткие биографические справки о 35 обоянских воеводах 1649–1712 гг., 8 ландратах, комиссарах и управителях 1715–1727 гг., а также 9 обоянских воеводах 1727–1779 гг. Справки подготовлены на основе материалов РГАДА, а также скомпилированы из различных опубликованных источников, научно-исторических работ и справочной литературы биографического и генеалогического характера. Для экономии печатной площади библиографические ссылки, встречающиеся неоднократно, даны в сокращенном виде (список библиографических сокращений приведен в конце публикации). Представленные сведения не носят окончательного характера и будут уточняться и дополняться в ходе дальнейших исследований.

ВОЕВОДЫ (1649–1711 гг.)

Колтовский Иван Никитич — обоянский воевода с 5 июля 1649 г. по 7 сентября 1650 г. В чине жильца упоминается в Осадном списке (Списке осадных сидельцев) 1618 г. В 1636 г. воевода в Коломне. С 1655 г. по июль 1656 г. второй воевода в Астрахани. Известно несколько русских дворянских родов Колтовских. Один из них происходит, по преданию, от касожского князя Редеди. Михайло Иванович Глебов, боярин рязанский, был пожалован в кормление Колтовской волостью Каширского уезда и стал писаться Колтовской. Его правнучка, Анна, была женой Ивана Грозного. Многие Колтовские в XVI и XVII вв. служили воеводами. Род Колтовских внесен во II, III и VI части родословных книг Владимирской, Воронежской, Московской и Тульской губерний. Другой род Колтовских восходит ко второй половине XVII в., происходит из смоленских рейтар и внесен в VI часть родословных книг Новгородской и Смоленской губерний. И. Н. Колтовский принадлежал к каширско-коломенскому роду Колтовских. Сын Ивана Никитича, Федор, в 1650 г. некоторое время исполнял обязанности обоянского воеводы, замещая своего отца во время его отсутствия.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12, ч. 1. Д. 293. Л. 84; Д. 328. Л. 4–5; АМГ. Т. 2. СПб., 1894. № 54. С. 28–29; Барсуков. С. 159; Осадный список. С. 55, 148, 274.

Арсеньев Осип Степанович — обоянский воевода с 7 сентября 1650 г. по 20 сентября (?) 1652 г. Служил по выбору в Туле. В 1640 г. воевода в Мценске. С 1644 г. воевода в Чернавском остроге.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 228. Л. 1–146; Оп. 12, ч. 1. Д. 328. Л. 9–29, 33–36; Барсуков. С. 159; Дворцовые Разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением собственной его императорского величества канцелярии. Т. 3. СПб. 1852. С. 276.

Чортов Семен Михайлович (?) — обоянский воевода с 20 сентября (?) 1652 г. по 11 февраля 1653 г. Из дворян Мценского уезда. В 1648 г. воевода в Одоеве.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12, ч. 1. Д. 290. Л. 621; Д. 353. Л. 148–150, 204–207; Д. 356. Л. 30; Барсуков. С. 159; ОАРП. С. 241–242; Осадный список. С. 544.

Мякинин Бахтеяр Федорович — обоянский воевода с 11 февраля 1653 г. по 12 марта 1656 г. В 1660 г. воевода в Опошне. В конце XVII в. был послом в Грузию и Имеретию. В июле 1647 г. пожалован в стряпчие.

ГАКО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 4762; Д. 5561; РГАДА. Ф. 210. Оп. 12, ч. 1. Д. 353. Л. 204–207; Д. 356. Л. 30; ОАРП. С. 242; РИБ. Т. 10. СПб., 1886. С. 379, 416.

Ватолин Иван Григорьевич — обоянский воевода с 12 марта 1656 г. по 9 августа 1658 г.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12, ч. 1. Д. 33. Л. 349–352, 437–443, 468–469; Д. 384. Л. 201; ОАРП. С. 242.

Суворов Федор Семенович — обоянский воевода с 9 августа 1658 г. по 12 сентября 1659 г.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12, ч. 1. Д. 414. Л. 34–38; Д. 480. Л. 241; Д. 481. Л. 6, 380, 381; Оп. 13. Д. 231. Л. 16–19; АМГ. Т. 2. СПб., 1894. № 1027. С. 608; Барсуков. С. 159; ОдиБ МАМЮ. Кн. 20, 1 половина. Пг., 1921. № 99. С. 640–641.

Бунин Никита Афанасьевич — обоянский воевода с 12 сентября 1659 г. по 20 июля 1661 г. Из дворянского рода Белевского уезда.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12, ч. 1. Д. 414. Л. 34–38, 223–224; Оп. 16, ч. 1. Д. 127. Л. 162; АМГ. Т. 3. СПб., 1901. № 293. С. 290; РИБ. Т. 11. СПб., 1889. С. 36, 158, 161, 211, 233, 241, 242.

Львов Тихон Васильевич — обоянский воевода с 20 июля 1661 г. по июль (?) 1663 г. Участвовал в русско-польской войне 1654–1667 г., был взят в плен под Чудновым и выкуплен уманским полковником. В Севском уезде был пленен поляками, отпущен в обмен на пехотного ротмистра К. Рулковского 14 января 1665 г. Сын и брат Т. В. Львова Кондратий и Богдан на тот момент еще находились в плену. Ни за кем из них не было поместий, каждый за службу получал в год 10 руб., но выплат не производилось в течение семи лет. Т. В. Львов был по выбору сотенным головой у дворян и детей боярских,

затем был пожалован воеводским местом в Обояни на два года. В 1665 г. назначен воеводой в Острогожск. Существует челобитная Т. Н. Львова о бое с татарами служилых людей полка Г. Г. Ромодановского и обоянских детей боярских в январе 1662 г.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 13, ч. 1. Д. 231. Л. 16–19, 35–36, 320–323, 235; *Новосельский А. А.* Исследования по истории эпохи феодализма: Науч. наследие. М., 1994. С. 74; ОАРП. С. 242.

Стремоухов Никита Афанасьевич — обоянский воевода с июля (?) 1663 г. по июнь (?) 1665 г.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12, ч. 1. Д. 78. Л. 35–39; Оп. 12, ч. 2. Д. 451. Л. 533–545; Д. 556. Л. 176; Барсуков. С. 159; ОАРП. С. 242; РИБ. Т. 11. СПб., 1889. С. 163, 310.

Тонков Дмитрий Иванович — обоянский воевода с июня (?) 1665 г. по 1667 г. (месяц не известен). В 1667 г. по челобитной обоянцев, направленной в съезжую избу в Белгород, был обвинен в злоупотреблениях, арестован и привезен для очных ставок в Белгород. В январе 1665 г. был в товарищах у воеводы П. В. Шереметьева в Севске.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 541. Л. 533–545; Оп. 13, ч. 1. Д. 380. Л. 46–47; ОАРП. С. 242; РИБ. Т. 11. СПб., 1889. С. 134.

Стромичевский Петр Дмитриевич — обоянский воевода с 1667 г. (месяц не известен) по январь (?) 1668 г. В 1678–1679 гг. упоминается в Белгородском полку среди полковников рейтарского строя: «Капейного строю. В 1-м полку. Маеор Петр Дмитриев сын Стромичевской».

РГАДА. Ф. 210. Оп. 13, ч. 1. Д. 380. Л. 46–47, 69–72; ОАРП. С. 242; РИБ. Т. 11. СПб., 1889. С. 418.

Чаплыгин Яков Тимофеевич — обоянский воевода в 1669 г. (месяцы начала и окончания срока воеводства не известны).

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12, ч. 1. Д. 652. Л. 63–64, 451–452, 476; Оп. 13, ч. 1. Д. 380. Л. 46–47, 69–72; Ф. 1209. Оп. 1. Д. 29. Л. 58, 78, 90, 97, 100; Д. 31. Л. 507–509, 564; Д. 35. Л. 55 об.; Д. 43. Л. 239, 241, 246, 256, 263, 266; ОАРП. С. 242.

Стремоухов Федор Иванович — обоянский воевода с 16 июля 1669 г. по 3 марта 1671 г. Был воеводой в Трубчевске и Чернавске.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12, ч. 1. Д. 652. Л. 451–452; Оп. 12, ч. 2. Д. 783. Л. 172, 170–186; ОдиБ МАМЮ. Кн. 16. СПб., 1910. Д. 659. С. 19.

Видеев Максим Кузьмич — обоянский воевода в 1671 г. (месяцы начала и окончания срока воеводства не известны).

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 43. Л. 248.

Щербачев Прокофий Иванович — обоянский воевода с августа (?) 1671 г. по 1672 г. (месяц не известен).

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 31. Л. 576; Д. 43. Л. 251.

Кафтырев Тихон Павлович — обоянский воевода с 1672 по 1674 г. (месяцы начала и окончания срока воеводства не известны).

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 29. Л. 43, 53; Д. 30. Л. 31, 123, 535, 596; Д. 32. Л. 100, 105; Д. 42. Л. 205, 234, 259, 266, 269.

Дурново Артемий Герасимович — обоянский воевода с 30 ноября 1674 г. по октябрь (?) 1676 г. Стряпчий. Умер в Сибири в 1684 г., куда был послан для описания Томского, Кузнецкого, Нарымского, Кетского, Енисейского, Красноярского и Иркутского уездов.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12, ч. 1. Д. 205. Л. 277–277 об.; Ф. 1209. Оп. 1. Д. 29. Л. 214; Д. 30. Л. 52, 63; Д. 31. Л. 520, 604; Д. 34. Л. 114; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. М.; Л., 1941. С. 572.

Юрасов Афанасий Григорьевич — обоянский воевода с октября 1676 г. по 1677 г. (месяц не известен).

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12, ч. 1. Д. 205. Л. 277–277 об.; Оп. 12, ч. 2. Д. 1104. Л. 246–249, 529; Ф. 1209. Оп. 1. Д. 29. Л. 163, 237; Д. 30. Л. 310; Д. 31. Л. 559; ОдиБ МАМЮ. Кн. 10. СПб., 1896. № 56. С. 201–202.

Небольсин Парфений Никитич — обоянский воевода с сентября (?) 1679 г. по январь (?) 1681 г.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 29. Л. 92, 190, 203; Д. 31. Л. 511; Д. 34. Л. 111; ОдиБ МАМЮ. Кн. 10. СПб., 1896. № 56. С. 201–202.

Авдеев Лев Андреевич — обоянский воевода с марта (?) 1681 г. по октябрь (?) 1681 г.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 29. Л. 85, 241; Д. 31. Л. 538; Д. 35. Л. 55; ОдиБ МАМЮ. Кн. 10. СПб., 1896. № 56. С. 201–202.

Логинов Игнат Никитич — обоянский воевода с сентября 1681 г. по июль 1683 г. Подполковник Московского стрелецкого полка. Известен случай его неповиновения как обоянского воеводы боярину князю П. И. Хованскому, за что он был заключен в тюрьму. На его место объявилось сразу четыре претендента: Яков Афанасьев сын Чернышов, Ерофей Богданов сын Чернышов, Михайла Андреев сын Спасителей и Михайла Афанасьев сын Иевлев.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 409. Л. 172; Оп. 12, ч. 2. Д. 1043. Л. 140–154; Оп. 14, ч. 2. Д. 409. Л. 167–204; Ф. 1209. Оп. 1. Д. 29. Л. 38, 50, 119, 207, 223; Д. 31. Л. 516, 547, 552, 599; Д. 32. Л. 3, 103; ОдиБ МАМЮ. Кн. 13. СПб., 1903. № 1013. С. 342.

Спасителей Михаил Андреевич — обоянский воевода с июля 1683 г. по 1685 г. (месяц не известен). Стряпчий. В 1703 г. упоминается в боярских списках как дворянин в отставке. Умер в 1706 г.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 14, ч. 2. Д. 409. Л. 167–204; Оп. 16, ч. 2. Д. 127. Л. 8, 109, 159; Ф. 1209. Оп. 1. Д. 26. Л. 139; Д. 29. Л. 17, 28, 33, 45, 64, 66, 81, 103, 107, 111, 114, 124, 127, 130, 134, 142, 158, 171, 178, 185, 219, 231; Д. 31. Л. 542, 589, 597-а; Д. 32. Л. 90; ОдиБ МАМЮ. Кн. 10. СПб., 1896. № 56. С. 201–202.

Мантуров Авраам Богданович — обоянский воевода с 1686 по 1689 г. (месяцы начала и окончания срока воеводства не известны). Стольник.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12, ч. 2. Д. 1187. Л. 132–135; Ф. 1209. Оп. 1. Д. 26. Л. 141–141об.; Д. 29. Л. 24, 60, 138, 197; Д. 32. Л. 107; Д. 35. Л. 45; ОдиБ МАМЮ. Кн. 1. СПб., 1869. № 1898. С. 194; Кн. 10. СПб., 1896. № 56. С. 201–202.

Яблочков Иван Дмитриевич — обоянский воевода с 26 октября 1689 г. по январь 1691 г. Стольник. Из дворян Мещовского уезда. В период своего воеводства в Обояни был обвинен в самоуправстве, взятках, бесчестии и пожаре. Для проведения следствия о пожаре из Белгорода в Обоянь был направлен майор (через несколько месяцев ставший полуполковником) П. А. Девсон. В ходе следствия выявились многочисленные злоупотребления воеводы. В конце второго года пребывания на воеводстве Яблочков от имени обоянских городских и уездных людей подготовил челобитную царю с просьбой об оставлении его воеводой на третий год. При этом он понуждал и запугивал жителей подписать эту челобитную. По распоряжению белгородского воеводы Б. П. Шереметьева Яблочков на время следствия был отстранен от должности, а ведать городом было поручено Девсону. После окончания следствия Девсону было приказано до принятия царем решения о судьбе Яблочкова оставить его «на Обояни» с высылкой в с. Пены. Однако Яблочков скрылся и был объявлен в розыск. В Козельск, Белгород и Курск были разосланы приказы с требованием сыскать его и представить в Разряд боярину Т. Н. Стрешневу. Однако вскоре Яблочков объявился в Разряде сам и сказал, что нигде не скрывался, а, сдав по распоряжению Шереметьева все дела Девсону, поехал к себе в Мещовский уезд, где долго болел. При этом он заявил, что никаких распоряжений оставаться «на Обояни» не получал. До прибытия 26 октября 1691 г. нового назначенного из Москвы воеводы В. Л. Обухова всеми делами в Обояни продолжал временно ведать Девсон. Еще до срока окончания воеводства Яблочкова на его место объявилось несколько претендентов, подавших в Разряд челобитные: вышеупомянутый стольник Обухов, стольник Иван Захарович Фуников, дворянин Василий Федорович Тургенев, стольник Афанасий Иванович Сомов, дворянин Иван Борисович Лыков, стольник Иван Иванович Чичерин.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12, ч. 3. Д. 1308. Л. 166–171; Д. 1338. Л. 1180–1200; Д. 1529. Л. 18–36, 42–45, 267–285, 427–434; Оп. 13, ч. 2. Д. 1452. Л. 1–33; Ф. 1209. Оп. 1. Д. 26. Л. 150; Д. 35. Л. 66; Д. 36. Л. 64; ОдиБ МАМЮ. Кн. 10. СПб., 1896. № 56. С. 201–202.

Обухов Василий Лаврентьевич — обоянский воевода с 30 сентября 1691 г. по 1693 г. (месяц не известен). Стольник. В 1680 г. — в Путивле в полку Василия Голицына, в 1683 г. — в Троицком Сергиеве монастыре, в 1689 г. — в Белгороде в полку Б. П. Шереметьева.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12, ч. 3. Д. 1529. Л. 278; Оп. 13, ч. 2. Д. 1452. Л. 15–19; Ф. 1209. Оп. 1. Д. 26. Л. 136; Д. 35. Л. 21, 24, 34; ОдиБ МАМЮ. Кн. 10. СПб., 1896. № 56. С. 201–202.

Шокуров Гаврила Федорович — обоянский воевода в 1693 г. (месяцы начала и окончания срока воеводства не известны).

РГАДА. Ф. 210. Оп. 9, ч. 2. Д. 969. Л. 13; *Новохатко О. В.* Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII века. М., 2001. С. 334–335; ОдиБ МАМЮ. Кн. 10. СПб., 1896. № 56. С. 201–202.

Каменев Сидор Петрович — обоянский воевода с 1694 (?) по 1697 г. (месяцы начала и окончания срока воеводства не известны). Стольник.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-ж. Д. 144. Л. 344; Ф. 1209. Оп. 1. Д. 35. Л. 30, 51, 66, 72.

Сухотин Григорий Андреевич — обоянский воевода с 1698 по 1700 г. (месяцы начала и окончания срока воеводства не известны). Стольник. В 1702–1703 гг. нес гарнизонную службу в Острогожске в пешем строю, в 1703 г. в конном строю был направлен в действующую армию, в 1703–1705 гг. командовал драгунским полком, в 1704 г. воевал под Дерптом.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 35. Л. 38, 64, 77, 80, 85, 94; Д. 36. Л. 58, 61; ОдиБ МАМЮ. Кн. 10. СПб., 1896. № 56. С. 201–202; *Рабинович М. Д.* Полки петровской армии 1698–1725 гг.: Крат. справ. М., 1977. С. 92–93.

Сытенский Яков Иванович — обоянский воевода с 1699 (?) по 1700 (?) г. (месяцы начала и окончания срока воеводства не известны). Стряпчий. Был обвинен выборным земских дел бургомистром Терентием Чикиным и обоянскими посадскими людьми в злоупотреблениях. На время высылки воеводы для допроса в Москву «Обоянь ведал Федор Болотников».

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 35. Л. 2, 10, 14, 59, 89; Д. 36. Л. 71, 73, 75, 80, 85, 97; ОдиБ МАМЮ. Кн. 10. СПб., 1896. № 56. С. 201–202; Кн. 17. СПб., 1912. № 2573. С. 384.

Струков Иван Семенович — обоянский воевода с сентября 1701 г. (срок окончания воеводства не известен). Жилец.

РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 75. Л. 139 об., 291–320; ОдиБ МАМЮ. Кн. 10. СПб., 1896. № 26. С. 363; № 27. С. 372; № 29. С. 383; Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 2. М., 1872. С. 268.

Батурин Василий Степанович — обоянский воевода с ноября 1703 г. по 1705 г. (месяц не известен). Стряпчий. Отмечен в годовой сметной росписи 1703 г.

РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 76. Л. 155.

Шеншин (Леонтий Семенович?) — обоянский воевода с 1706 (?) по 1707 (?) г. (месяцы начала и окончания срока воеводства не известны). Из мценских дворян. Имеется дело о посылке обоянского воеводы Л. Шеншина на Дон в Черкасский городок для переговоров с казаками об «устроении почты» и перестройке «донских городков», построенных на неудобных местах. ОдиБ МАМЮ. Кн. 10. СПб., 1896. № 31. С. 390; № 34. С. 413; № 38. С. 431; № 41. С. 440.

Шилов Тимофей Владимирович — обоянский воевода с 1707 (?) по 1708 (?) г. (месяцы начала и окончания срока воеводства не известны). Стольник. В 1706 г. — в Суздале, Лухе. В 1708 г. «на Обояни умре».

Информационная полнотекстовая система «Боярские списки XVIII века» / Сост. А. В. Захаров [Электронный ресурс]. URL: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=1139 (04.11.2012).

Мышецкий Яков Тимофеевич — обоянский воевода с 1709 по 1711 г. (месяцы начала и окончания срока воеводства не известны). Стольник. Князь. В 1700–1701 гг. воевода в Старом Осколе. В 1711–1713 гг. послан из Киева в Бреславль с пороховой казной. Затем отправлен из Киева на Самару (р. Самара — левый приток Днепра) «плавающим путем» с денежной казной, велено быть воеводой на Самаре и ведать жилой Самарский полк. По разрушении Самарской крепости должен был отвести жилой полк в Полтаву к полковнику А. Н. Арсеневу. Исполнив поручения, отпущен «на Москву». В 1714 г. был при делах у смоленского губернатора. В 1719 г. судья в Новом и Старом Осколе и в Яблонове, в 1720 г. — судья в Алешне. В 1722 г. царедворец, назначен ассессором Воронежского надворного суда.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 21. Д. 1480; Д. 2385; *Лебединский М. Ю.* Хроника рода князей Мышецких (от предков Рюрика до наших дней) [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/HISTORY/LEBEDINSKIJ/myshec.txt> (04.11.2012).

Стремоухов Иван Михайлович — воевода Обоянской провинции Киевской губернии с 1711 по 1712 г. (месяцы начала и окончания срока воеводства не известны). Стольник. В 1709 г. назначен «под команду» бригадира Ф. Шидловского для управления Валуйками и Чугуевым. В одном из доношений упомянуто, что в 1711 г. был у набора рекрут в Обояни.

ЦГИАУК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 7. Л. 93–94, 100, 337–339, 340–342; ОдиБ МАМЮ. Кн. 10. СПб., 1896. № 51. С. 476.

**ЛАНДРАТЫ, КОМИССАРЫ И УПРАВИТЕЛИ
(1715–1727 гг.)**

Кафтырев Василий Иванович — ландрат Обоянской провинции с 7 января 1715 г. по 1719 г. (месяц неизвестен). В службе в жильцах с 1687 г.; в 1700 г. — поручик. В 1701–1704 гг. находился при посольстве Д. М. Голицына в Турцию, в 1704 г. — «у дел» в Новгороде. В 1713–1715 гг. — белгородский комендант (?). С 22 августа 1719 г. по октябрь 1722 г. воевода Владимирской провинции. В 1727 г. — стольник, проживал в Москве. «Уволен от дел за старостью» 11 октября 1727 г. Приходился дальним родственником Д. М. Голицыну (киевскому губернатору, сенатору, а после смерти Петра I — главе Верховного тайного совета), который неоднократно помогал ему по службе.

РГАДА. Ф. 1028. Оп. 1. Д. 25; Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 69. СПб., 1889. С. 486.

Арсеньев Василий Федорович — обоянский земский комиссар (упоминается в 1715 г.). Из рыльских помещиков.

РГАДА. Ф. 1028. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.

Бубнов Иван — обоянский комиссар (упоминается в 1715 г.).

РГАДА. Ф. 1028. Оп. 1. Д. 3. Л. 12 об.–13.

Спешнев Григорий Семенович — обоянский комиссар (управитель Обоянского дистрикта) с 1716 по 1720 г. (месяцы начала и окончания срока комиссарства не известны). В 1677 г. был воеводой в Ефремове, а «раньше, чем воеводствовать, был дьяком». В 1721 г. отозван на смотр в Москву.

РГАДА. Ф. 1028. Оп. 1. Д. 25. Л. 3.

Переверзев Харлам Петрович — управитель Обоянского дистрикта с 1721 по 1722 г. С 1713 г. по май 1715 г. воевода в Мирополье. До конца 1719 г. был комиссаром в Каменном и Недрыгайлове, в конце 1719 г. — комиссаром в Путивле.

Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете». Т. 4. М., 1902. С. 653–663; Прил. II. С. 42.

Кононов Иван — управитель доли Обоянского уезда Белгородской провинции Киевской губернии (упоминается в 1720 г.). В 1725 г. упомянут как помещик в с. Кривицкие Буды Обоянского уезда.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2, ч. 1. Д. 284. Л. 231–235, 237–246.

Мелентьев Дмитрий Петрович — обоянский земский комиссар с 1722 по 1724 г. (месяцы начала и окончания срока комиссарства не известны). Определен из Камер-коллегии.

РГАДА. Ф. 1028. Оп. 1. Д. 275–276, 291–292.

Ильинский Прохор Петрович — обоянский земский комиссар с 1726 (?) по 1727 (?) г. (месяцы начала и окончания срока комиссарства не известны). Известен из дела о заклеимении перегонных кубов (1727 г.). В 1719 г. упоминается управителем в Яблнове. По количеству населенных пунктов, основанных на территории Обоянского уезда (более десяти), Ильинские (Прохор Петрович — родоначальник обоянской ветви этого рода) занимают первое место. В 1713 г. в верховье Липового Донца однодворец поместной полковой сотенной службы П. П. Ильинский населил черкасскую слободку под названием Винница, которая скоро стала именоваться (по имени основателя) Прохоровкой.

РГАДА. Ф. 1028. Оп. 1. Д. 294.

ВОЕВОДЫ (1727–1779 гг.)

Вепрейский Никита Борисович — обоянский воевода с 28 марта 1727 г. (вступил в должность 28 декабря) по 1730 г. Капитан в отставке. Родился в 1683 г. В службе с 1687 г.: городовый дворянин (в 1687–1692 гг.), жилец (с 1692 г.), участник первых кампаний Северной войны 1700–1721 гг., обер-провиантмейстер в Киеве в 1712–1713 гг. Состоял у переписи «всяких чинов людей и дворцов» в Киевской губернии в 1714 г., ландратом в Белгороде в 1717–1719 гг., у «смотрения» Бахмутских соляных заводов в 1719–1724 гг., исполняющим обязанности палатовского воеводы в 1731–1733 гг. Умер в 1733 г. Пребывая в должности управляющего соляными промыслами, Вепрейский и надзиратель Бахмутской крепости капитан Семен Чирков в 1722 г. организовали разведочную партию и обнаружили на границе современных Донецкой и Луганской областей залежи угля для промышленной разработки, став, таким образом, первооткрывателями Донецкого угольного бассейна.

Областные правители России. С. 240; *Подов В. И.* Легенды и были Донбасса. Луганск, 1998. С. 25–30.

Дохтуров (Доктуров) Юрий Степанович — обоянский воевода с 23 февраля 1730 г. по 1731 г. Стольник. Родился в 1683 г. (по др. данным в 1685 г.). В службе с 1713 г.: солдат (в 1713 г.), солдат флота «е. ц. в. собственного контр-адмиральского» батальона (в 1714 г.), унтер-офицер (в 1715–1716 гг.),

прапорщик (в 1716–1718 гг.). Участник ряда кампаний Северной войны 1700–1721 гг. В 1718 г. лишен рангов как произведенный «от губернатора» и по постановке вместо себя 10 рекрут. 4 декабря 1721 г. получил «абшит». В 1722 г. восстановлен в прапорщики. В 1729 г. отставлен от военной службы. Камер-юнкер (в 1727–1729 гг.). В 1727–1729 гг. при дворе царевны и герцогини Мекленбургской Екатерины Иоанновны. 20 июня 1729 г. получил назначение к «правежу доимок», которое, по-видимому, не состоялось. Курский воевода (в 1731–1733 гг.), сольвычегодский воевода (в 1734–1736 гг.; уволен за болезнью), саранский воевода (1738–1739 гг.). Умер после 1746 г.

Областные правители. С. 304.

Дурасов Поликарп Евстигнеевич — обоянский воевода с 8 марта 1731 г. по 20 февраля 1733 г. Родился в 1675 г. (по др. данным в 1678 г.). В службе с 1700 г.: жилец (в 1700–1703 гг.), «пеший кадет» (в 1703–1704 гг.), драгун (в 1704–1707 гг.), вахмистр (в 1707–1708 гг.), адъютант (в 1708–1710 гг.), поручик (в 1710–1713 гг.), капитан (в 1713–1729 гг.). 12 февраля 1729 г. (по др. данным в 1731 г.) пожалован в майоры и отставлен от военной службы. Участник основных кампаний Северной войны 1700–1721 гг., Персидского похода 1722–1723 гг. В 1703 (?) г. находился «на работе при Санкт-Петербурхе», в 1736–1739 гг. — «у дел» в Малороссии. В августе 1741 г. был под следствием в присутствии Белгородской губернской канцелярии в «продерзостех» по делам с отставным поручиком И. Левшиным. Умер после 1756 г.

Областные правители. С. 308.

Буланин Никифор Федорович — обоянский воевода с 20 февраля 1733 г. по 23 октября 1734 г. Родился в 1676 г. В службе с 1703 г.: драгун (в 1703–1705 гг.), капрал (в 1705 г.), вахмистр (в 1705–1706 гг.), прапорщик (в 1706–1709 гг.), поручик (в 1709–1712 гг.), капитан (в 1712–1729 гг.). В 1729 г. пожалован в майоры и отставлен от военной службы. Участник основных кампаний Северной войны 1700–1721 гг. В 1729 г. был у «правежа доимок» в Великолуцкой провинции. В 1738 г. товарищ воеводы Ярославской провинции. Год кончины неизвестен.

Областные правители. С. 369.

Киреевский Иван Васильевич — обоянский воевода с 20 ноября 1734 г. (вступил в должность 1 января 1735 г.) по 1 января 1737 г. Родился в 1677 г. (по др. данным в 1681 г.). В службе с 1704 г.: драгун (в 1704 г.), унтер-офицер (в 1708 г.), поручик (в 1708–1709 гг.), капитан-поручик (в 1709–1720 гг.), капитан (в 1720–1725 гг. (по др. данным до 1728 г.)), майор (в 1725–1734 гг.). 20 ноября 1734 г. пожалован в подполковники и отставлен от военной службы как оставшийся за штатом Адмиралтейства. Участник ряда кампаний Се-

верной войны 1700–1721 гг. В 1710–1714 гг. состоял при Сенате «в разных посылках» (в т. ч. у сыска беглых крестьян), в 1714–1720 гг. — при адмиралтейском батальоне. В 1728 г. служил в Кронштадте, в 1729–1733 гг. — в галерном флоте «у солдатских рот для обучения экзерциции». Воевода Тверской провинции с 7 октября 1736 г. (вступил в должность 13 февраля 1737 г.) по 10 марта 1738 г. (уволен за болезнью). Олонецкий воевода с 15 декабря 1739 г. (определен по прошению от 25 марта 1738 г.) по июль 1740 г. Умер в 1740 г.

Областные правители. С. 369.

Кологривов Андрей Лукьянович — обоянский воевода с 4 октября 1736 г. (вступил в должность 1 января 1737 г.) по 1741 г. (месяц окончания срока воеводства неизвестен). Родился в 1689 г. В службе с 1706 г.: драгун (в 1706–1707 гг.), прапорщик (в 1707–1710 гг.). В 1710 г. лишен рангов как произведенный «от губернатора». В 1710 г. солдат л.-гв. Преображенского полка, прапорщик (в 1725–1728 гг.), поручик (в 1728–1730 гг.), капитан (в 1730–1735 гг.). В 1728–1731 гг. числился в Кавалергардском корпусе. В 1735 г. отставлен от военной службы. С 1740 г. коллежский ассессор. Участник ряда кампаний Северной войны 1700–1721 гг., Прутского 1711 г., Персидского 1722–1723 гг. и Польского 1734 г. походов. Прокурор Оренбургской губернии с 29 марта 1753 г. Год кончины не известен.

Областные правители. С. 385; Кологривовы // История, культура и традиции Рязанского края [Электронный ресурс]. URL: <http://www.history-ryazan.ru/node/10724> (04.11.2012).

Гвоздев Василий Иванович — обоянский воевода с 1764 по 1768 г. (месяцы начала и окончания срока воеводства не известны). Надворный советник, затем коллежский советник.

Адрес-календарь на 1765 г. С. 101; ... на 1766 г. С. 135; ... на 1767 г. С. 147; Календарь или Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1768 от Рождества Христова. СПб., 1768. С. 147.

Полтев Александр Леонтьевич — обоянский воевода с 1768 по 1772 г. (месяцы начала и окончания срока воеводства не известны). Ассессор.

Месяцослов на 1769 г. С. 169; ... на 1770 г. С. 169; ... на 1771 г. С. 171; ... на 1772 г. С. 174.

Перепелкин Петр Филиппович — обоянский воевода с 1772 по 1779 г. (месяцы начала и окончания срока воеводства не известны). Майор.

Месяцослов на 1773 г. С. 160; ... на 1774 г. С. 185; ... на 1776 г. С. 214; ... на 1777 г. С. 268; ... на 1778 г. С. 297; ... на 1779 г. С. 373.

Список библиографических сокращений

- Адрес-календарь на ... г. — Адрес-календарь российский на лето... [1765–1767], показывающий о всех чинах и присутственных местах в государстве, кто при начале сего года в каком звании или в какой должности состоит... СПб., 1765–1767.
- АМГ — Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею наук. Т. 1–3. СПб., 1890–1901.
- Барсуков — *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902.
- Месяцослов на ... г. — Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето [1769–1778] от Рождества Христова. СПб., 1769–1778.
- Областные правители России — Областные правители России, 1719–1739 гг. / Сост. М. В. Бабич, И. В. Бабич. М., 2008.
- ОДиБ МАМЮ — Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 1–21. СПб.–Пг., 1869–1921.
- ОАРП — Описи архива Разрядного приказа XVII в. / Подгот. текста и вступ. ст. К. В. Петрова. СПб., 2001.
- Осадный список — Осадный список 1618 г. / Сост. Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов. М.; Варшава, 2009. (Памятники истории Восточной Европы; Т. 8).
- РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 1–39. СПб.–Л., 1872–1927.

**ОПИСАНИЕ ОБОЯНСКОГО УЕЗДА
С ПРИСОВОКУПЛЕНИЕМ К ОНОМУ АЛФАВИТНОГО
СПИСКА ВСЕМ СОСТОЯЩИМ В УЕЗДЕ СЕЛЕНИЯМ**
**Составленное Малороссийского кирасирского полка корнетом
Мазаракием. 1818-го и 1819-го года**

Подготовил к публикации А. И. Раздорский

В Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в Москве в фонде Военно-ученого архива (ВУА) Главного управления Генерального штаба (ф. 846) сохранилось обширное собрание документальных материалов по отечественной исторической регионалистике. Это прежде всего географические, военно-топографические и историко-статистические описания отдельных губерний, областей, уездов и городов, а также карты, планы и атласы различных территорий и населенных пунктов, датируемые, в основном, последней четвертью XVIII — первой половиной XIX в.¹ Есть в фонде ВУА и документы, относящиеся к Курской губернии². Среди них, в частности, находятся широко известные (хотя до сих пор не опубликованные) описания Курского наместничества екатерининского времени А. Н. Зубова и И. Ф. Башилова³.

В фонде ВУА наше внимание привлек рукописный документ, имеющий заглавие «Материалы к составлению статистического и топографического описания Курской губернии». Он относится к 1818–1821 гг. Сведения о нем в курской историографии, насколько нам известно, до сих пор не приводились. Указанный документ представляет собой конвюлет, содержащий описания отдельных уездов Курской губернии (с приложенными к ним алфавитными списками населенных мест), которые подготовлены в целом по общему плану, но в разные годы и разными составителями, а также краткое общее обозрение губернии. В конвюлете представлены материалы по всем 15 уездам губернии: Тимскому (л. 10–18, 99-а – 106 об.), Суджанскому (л. 19–32), Льговскому (л. 38–42, 232–238 об.), Фатежскому (л. 43–55 об., 224 об. – 231 об.), Путивльскому (л. 58–72), Обоянскому (л. 73–81 об.), Новооскольскому (л. 82–99), Щигровскому (л. 107–124), Хотмыжскому (л. 126–136, 147), Рьльскому (л. 138–145, 209–216), Курскому (л. 148–185; в т. ч. описание Курска на л. 149–151), Корочанскому (л. 187–208 об.), Дмитриевскому (л. 218–224, 240–248), Старооскольскому (л. 249–262 об.) и Белгородскому (л. 264-а – 272). По некоторым уездам имеются по две отличающиеся друг от друга версии описаний и (или) списков. Общее обозрение губернии (л. 1–9), а также описания и списки селений Суджанского, Путивльского и Хотмыжского уездов, списки селений Льговского (на л. 38–42), Фатежского (на л. 43–55 об.), Рьльского (на л. 138–145), Дмитриевского (на л. 240–248) и Белгородского (на л. 266–272) уездов, ведомость о «фабриках» в Корочанском уезде составлены полковником Шицем 2-м; описания и списки селений Дмитриевского, Фатежского и Льговского уездов (на л. 218–238 об.) — поручиком Черкасовым; описание Белгородского уезда — «свиты его императорского величества по квартирмей-

стерской части прапорщиком князем» (подпись не поддается уверенному прочтению); описания и списки селений Обоянского, Курского и Корочанского (кроме ведомости о «фабриках») — корнетом Мазаракием; остальные описания и списки не подписаны. В конволюте имеются документы, датированные 1818–1819 гг. (описания и списки Обоянского и Корочанского уездов) и 1821 г. (описание Хотмыжского уезда, списки селений Тимского и Дмитриевского уездов). Судя по имеющимся в конволюте рапортам (в частности, полковника Шица 2-го от 23 сентября 1821 г.), описания уездов и списки входящих в них селений составлялись по заданию генерала-квартирмейстера 1-й армии М. Н. Гартинга (в обязанности генерал-квартирмейстеров входило изучение местности, организация расположения и передвижения войск и госпиталей, подготовка карт, возведение укреплений, обеспечением тыловой инфраструктуры).

Конволют насчитывает 280 листов (часть листов литерные). Формат — in folio. Переплет картонный, на верхней крышке — ярлык Военно-исторического архива Центрального архивного управления РСФСР, на корешке — ярлыки Военно-топографического депо и Военно-ученого архива Главного штаба. В документ внесена архивная карандашная фолиация.

В настоящем сборнике публикуется описание Обоянского уезда с приложенным к нему алфавитным списком селений. Текст описания занимает 4 листа (л. 74–77; на л. 73 — заглавие документа), список селений (в табличной форме) — 5 листов (л. 77 об. – 81 об.). Документ написан одним почерком черными чернилами на односортной бумаге голубоватого оттенка.

Описание включает краткие сведения об уездном городе (местоположение, основные занятия жителей, количество зданий), данные об уезде (почва, рельеф, водоемы, леса, основные занятия жителей, количество мельниц и «заводов», численность ремесленников и «промышленников», пути сообщения).

В списке населенных мест селения расположены в алфавитном порядке с подразделением на казенные и помещичьи. По каждому селению приведены сведения о его типе (село, деревня, хутор и т. д.), количестве дворов, числе жителей с разделением по полу, численности лошадей и крупного рогатого скота (эти показатели в ряде случаев округлены), роде занятий населения (это неизменно «хлебопашество»). Названия населенных пунктов приведены иногда в именительном, иногда в родительном падеже.

Согласно списку селений в 1818–1819 гг. в Обоянском уезде, помимо уездного города, насчитывалось 187 населенных пунктов, в т. ч.: 1 заштатный город (Богатый), 59 сел, 8 слобод, 12 слободок, 10 селец⁴, 82 деревни, 13 хуторов, 1 мыза⁵ (Добрая Надежда), 1 населенный пункт без указания статуса (Калашникова Пустошь). 104 населенных пункта относились к разряду казенных и 83 — помещичьих. Наиболее значительными поселениями по количеству дворов являлись сл. Пены (543 двора), с. Пселецкое (308), сл. Рыбинские Буды (257), сл. Павловка (240), с. Михайловское (217), сл. Медвенский Колодезь (204). В 6 населенных пунктах уезда насчитывалось по одному двору, в 12 — по два, в 11 — по три. По числу жителей лидировали сл. Пены (4538 чел.), сл. Павловка (2355), с. Пселецкое (2258), сл. Медвенский Колодезь (2155), с. Михайловское (2047). Для

сравнения в 64 дворах заштатного города Богатого проживало только 759 чел. Самыми малонаселенными в уезде являлись хутор Коровенский, где числилось всего три жителя и сельцо Михайловка (6 чел.). Следует отметить, что итоговые показатели, приведенные в конце списка селений, не совпадают с результатами компьютерного подсчета цифровых данных, содержащихся в его соответствующих столбцах. Так, в итоговой строке списка указано, что в Обоянском уезде насчитывалось 10 442 двора (по компьютерному подсчету — 10 362), числилось 50 942 мужчины (50 842) и 52 903 женщины (53 577), имелось 35 357 лошадей (35 397) и 28 718 голов крупного рогатого скота (28 523).

Автор обоянского описания — Иван Иванович Мазаракий (Мазараки) — родился в 1799 г. в малороссийском с. Талалаевка. Закончил 1-й кадетский корпус, в службе с 22 декабря 1816 г. прапорщиком 6-й конно-артиллерийской роты. С 15 ноября 1818 г. — корнет Малороссийского кирасирского полка, с 1 апреля 1819 г. — поручик (стало быть описание составлено до этой даты). 15 апреля 1821 г. вышел в отставку с военной службы с чином штаб-ротмистра. Служил помощником надзирателя питейного сбора в Хотмыжске (в 1821–1822 гг.) и Рыльске (в 1822–1823 гг.), надзирателем питейного сбора в Обояни (с 22 января по 15 мая 1823 г.; утвержден в должности 17 февраля) и Короче (в 1824–1825 гг.). В 1844 г. был назначен управляющим Черноморскими адмиралтейскими селениями, в 1846 г. получил чин коллежского секретаря. Умер 1 июля 1848 г.⁶

Текст описания Обоянского уезда публикуется в соответствии с ныне действующими в Российской Федерации «Правилами издания исторических документов в СССР» 1990 г. Текст воспроизведен без каких-либо купюр и произвольных дополнений по современным правилам правописания с сохранением стилистических и языковых особенностей подлинника, к которым относятся отдельные обороты речи и слова, характерные для времени его составления. При передаче текста использована современная пунктуация. Описки, необычные и сомнительные чтения, а также имеющиеся в тексте исправления оговорены в текстологических примечаниях. Границы листов специальных обозначений не имеют. Заглавия подразделов, вынесенные в маргиналии выделены курсивом.

Примечания

¹ См.: Каталог Военно-ученого архива Главного управления Генерального штаба / Сост. подполковник Бендер. Т. 3. СПб., 1910. С. 168–206.

² Там же. С. 183–184.

³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18799–18801.

⁴ Сельцо — сельский населенный пункт без церкви, но с помещичьим домом.

⁵ Мыза — обособленная помещицы усадьба с принадлежащими ей сельскохозяйственными постройками.

⁶ См.: *Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник. Т. 3. Киев, 1912. С. 279–280.

Т е к с т

[л. 73] Описание Обоянского уезда с присовокуплением к оному алфавитного списка всем состоящим в уезде селениям. Составленное Малороссийского кирасирского полка корнетом Мазаракием. 1818-го и 1819-го года¹

[л. 74] Описание города Обояни

Положение города и промысл жителей

Город Обоянь выстроен по плану на крутых горах правого берега реки Псла, частью же находится на левом берегу речки Обоянки, которая при городе же впадает в сказанную реку Псел.

Жители большею частью занимаются ссыпкою разного хлеба, который скупают от деревенских мужиков на соседних ярмонках, а более на базарах, бывающих в неделю два раза, и потом, находя удобный случай, продают комиссионерам или барышникам, для всегдашнего же торгу хлебом находится в городе несколько постоянных лавок, не менее того купцы и мещане занимаются продажею разного рода хозяйственных припасов, красный же товар находится в лучшем состоянии в сравнении с другими уездными городами. Вообще, смотря по деятельности жителей, отрасль промышленности более и более процветает. Промышленность рогатым скотом, которого в одном городе убивают до 20000 штук, также заслуживает примечания.

Число казенных и партикулярных домов и строений

Казенные строения суть: два большие в одинаковом фасаде построенные дома для присудственных мест и соляной амбар, каменные. Деревянный дом для думы и магистрата и таковой же для уездного училища. Недавно построенный от казны земляной подвал внутри оплетенный хворостом для сохранения казенного вина. Партикулярных домов считается 564, [л. 74 об.] из коих 17 каменных. Сверх того, каменных лавок от промышленников построенных, находится 140, за исключением в домах находящихся, питейных домов 11, кузниц 10.

В уезде

Свойство земли

Из всех свойств в Обоянском уезде больше находится чернозему, а меньше мелу.

Положение поверхности

Река Псел разделяет Обоянский уезд на две части, из коих правая возвышена и находится довольно в крутых горах, левая же более способствует к названию поверхности отлогой, нежели гористой.

Реки, речки и озера

Рек в уезде две: Псел и Пена, речек же под разными названиями считается около 40-ка, которые почти все впадают в сии две реки; озер совсем в уезде не имеется.

Леса

Соснового лесу в сем уезде не находится, других же родов суть следующие: дубовой, березовой, осиновой, ольховой, частью вязовой, кленовой и ореховой, пространство же лесу заключается в 33110 десятинах и 6110 саженьях.

Сенокосы и пастбища

Сенокосы и пастбища заключаются в количестве 42464 десятин и 10113 саженьей, пастбища более располагаются на отлогостях, из коих значительнее всех имеются на левых берегах рек Псла и Пены. Можно положить, что сенокосы² соотносятся к пастбищам так как 5:3.

[л. 75] Хлебопашество

Земли, находящейся под посевом разного хлеба, считается во всем уезде 183668 десятин и 6659 саженьей. При хорошем урожае из сего уезда вывозится много хлеба на продажу в пограничные губернии.

Скотоводство

Некоторые из помещиков имеют хорошие конские заводы, из коих выходят статные лошади, употребляемые на продажу ремонтами ежегодно; сия часть экономии доставляет значащий доход. Рогатый скот мало здесь в употреблении и имеется только для домашних нужд, однако ж есть и иностранной породы. Простой народ для хлебопашества имеет лошадей, весьма в малом количестве рогатого скота и овец.

Садоводство

Сим родом хозяйства почти здесь не занимаются.

Рыбные ловли

Большую частью рыбу ловят в реках Псел и Пене, потом и во всех речках и прудах. Для продажи в довольном количестве отвозят в Обоянь и Курск. Рыба же водится сих родов: щука, окунь, карась, линь, вьюн, лещ, головля, плотва, налим, пискари, ерш, голец, подлещик и прочие мелкие рыбы и раки. Сверх того, в Псле имеется большая рыба: сом, белуга и судак.

Охоты

Охотами занимаются некоторые из помещиков для собственного удовольствия.

Мельницы

Особенных мельниц в уезде нет, обыкновенных же водяных 246, а ветреных 365.

[л. 75 об.—76]Заводы

При каких селениях состоят и кому принадлежат	Винокурные				Выкуривается в год вина ведер
	Число заводов	Число кубов	Число работников		
			собственных	наемных	
При селе Рудавце генерал-майорши Ильинской	1	2	50	—	22 500
В селе Вознесенском действительного статского советника и кавалера Прокофия Устимовича	1	1	38	—	25 094 6/8
В селе Переверзевке статского советника и кавалера Никанора Переверзьева	1	2	84	—	51 337
Итого	3	5	172	—	98 931 6/8

Из сих заводов вино употребляется на поставку по подрядам в разные казенные магазейны по городам.

[л. 76 об.]

Число ремесл	Звание ремесл	Число ремесленников	Число промышленников
1	Деланием и продажею колес	111	111
2	Деланием и продажею всякого рода горшков	68	86
3	Шерстобитов	152	
4	Колодезников	13	
5	Кузнецов, работающих для продажи топоры, ножи, долота и тому подобное	10	10
6	Печников	28	
7	Кирпичников	5	
8	Тележников	168	
	Промыслами		
1	Извозами из Курска, Обояни и других мест в разные места товаров и гоньбою вольной почты		84
2	Жжением и продажею в Обояни и Курске угольев		124

Число ремесл	Звание ремесл	Число ремесленников	Число промышленников
3	Занимающихся вывозом дегтя и жидкой смолы		19
4	Собиранием и продажею употребительного на кожевенных заводах корья		8
5	Привозом с рек Псле и Пены разной рыбы	515	515
6	Ловлею в реках Псле и Пене и отправлением в Обоянь для продажи живой рыбы		
Итого		1070	957

Сверх того, многие из жителей по большим дорогам имеют промышленность от содержания постоянных дворов.

[л. 77] Почтовые торговые дороги

От города Курска идет почтовая дорога чрез Обоянь в Харьков, из Обояни в разные места, как то: в города Корочу, Суджу и Тим, по сим дорогам производятся проезды промышленниками с разными транспортами.

Столбовые дороги, лежащие чрез уезд

Чрез Обоянский уезд имеющиеся средние дороги, бывшие прежде столбовые, суть: из заштатного города Богатого в Курск, из города Хотмыжска в Белгород и из Обояни в Хотмыжск.

Годовые ярмонки и недельные торги

Годовые ярмонки бывают генваря 1-го в слободе Павловке, 6-го в заштатном городе Богатом, 18-го в сл. Долженских Будах, на всеедной в сл. Медвенском Колодезе и в сл. Пенах, на сырной недели и в вербное воскресенье в сл. Рыбинских Будах, в чистый четверг в сл. Долженских Будах, апреля 23-го в сл. Павловке, в Вознесенье Господне в зашт. гор. Богатом, мая 2-го в сл. Долженских Будах, 9-го в сл. Медвенском Колодезе, 21-го в сл. Пенах и в зашт. гор. Богатом, в Троицын день в сл. Рыбинских Будах и в сл. Долженских Будах, июня 8-го в сл. Медвенском Колодезе, 26-го в сл. Пенах, 29-го в сл. Павловке, августа 1-го в сл. Долженских Будах, 6-го в сл. Павловке, 15-го в сл. Рыбинских Будах, сентября 1-го в сл. Медвенском Колодезе, 23-го в сл. Долженских Будах, октября 1-го в сл. Рыбинских Будах, 26-го в сл. Медвенском Колодезе, 28-го в сл. Павловке, ноября 8-го в заштат. гор. Богатом, 21-го в сл. Пенах, 27-го в сл. Долженских Будах. Недельные торги бывают: в заштат. гор. Богатом, в слободах Павловке, Пене, Долженских Будах, Медвенском Колодезе и в Рыбинских Будах.

[л. 77 об.] Список селениям Обоянского уезда в алфавитном порядке

№	Звание селений	Число дворов	Число жителей		Число лошадей	Число рогатого скота	Главный промысел жителей	
			мужеска	женска				
А								
Казенные								
1	д. Афанасьева	56	277	268	150	100	Х л е б о п а ш е с т в о	
2	д. Алисовка	45	160	170	80	70		
3	д. Альховатка	60	310	334	100	130		
4	д. Анахина	30	132	129	82	60		
5	д. Альховка	70	260	288	200	150		
6	с. Альшанка ³	115	500	525	350	300		
7	д. Альшанка ⁴ Вышняя	131	594	628	400	350		
8	с. Альшанка Нижняя	67	289	340	300	250		
Помещичьи								
9	сл. Александровка	10	26	30	50	35		
10	д. Арловка	36	242	250	100	50		
11	сц. Александрадар	7	55	45	100	65		
12	сц. Александровки ⁵	16	36	35	42	28		
13	д. Алексеевка	3	29	34	15	12		
14	д. Александровка ⁶	1	7	6	3	1		
15	х. Андреевской	2	13	13	7	5		
16	слбк. Александровка	5	62	67	30	20		
17	д. Аннина	1	8	6	4	2		
Б								
Казенные								
18	с. Быканово	99 ⁷	450 ⁸	463	295	190		
[л. 78]								
19	с. Бобрышево	132	549	659	300	500		
20	д. Башкатова	76	404	423	170	150		
21	с. Белое	53	227	242	150	100		
22	с. Бушмино	68	363	374	250	230		
23	д. Бегичевой ⁹	82	409	410	200	160		
24	с. Бобравы	91	559	563	300	260		
25	д. Бабиной Вышней	50	204	200	300	250		
26	с. Бабина	57	259	264	140	110		
27	заш. гор. Богатаго ¹⁰	64	388	371	95	97		
28	с. Березовки	114	542	667	544	420		
29	с. Большие Крюки	8	384	410	350	285		
Помещичьи								
30	сл. Буд Долженских	80	605	610	300	300		

№	Звание селений	Число дворов	Число жителей		Число лошадей	Число рогатого скота	Главный промысел жителей	
31	д. Березовой	2	17	15	14	16	Х л е б о п а ш е с т в о	
32	д. Береговой	5	65	67	120	190		
33	сц. Бобравки	4	42	45	25	37		
34	д. Богдановки	11	172	178	50	30		
35	сл. Буд Рыбинских	257	910	800	375	30		
В								
Казенные								
36	с. Верх Меловой Колодезь	175	729	735	320	506		
37	д. Воробьевки	11	57	50	29	23		
38	с. Вышний Реутец	105	688	872	650	422		
39	д. Вихровки	40	261	296	300	200		
40	д. Вышний Нагольный Колодезь	77	362	324 ¹¹	308	230		
41	д. Выезжей	38	183	180	100	120		
42	д. Вышней Катовой	86	320	400	340	302		
43	д. Вышний Праворотский Колодезь	30	128	133	120	100		
44	д. Вышней Пены	97	501	499	330	374		
45	д. Ворскловой	17	88	90	80	70		
Помещичьи								
46	х. Верхопенье	3	30	28	25	15		
[л. 78 об.]								
47	сл. Венгеревка	74	534	567	415	500		
48	д. Владимировка	29	103	112	250	220		
49	с. Вознесенское	102	380	360				
50	д. Верх Сухой Солотины Пустоши	3	70	71	30	25		
51	д. Верх Нижней Солотины Пустоши	5	124	120	70	35		
Г								
Казенные								
52	с. Горяиново	9	387	417	200	250		
53	д. Гридасовой	74	453	395	130	78		
54	с. Грязное	60	287	269	225	174		
55	д. Гремячка	15	61	58	26	22		
56	д. Гочевой	46	247	251	130	120		
57	с. Гахово	110	654	632	250	250		

№	Звание селений	Число дворов	Число жителей		Число лошадей	Число рогатого скота	Главный промысел жителей
58	д. Городище Помещичьи	2	5	5	2	1	
59	д. Гремячка	6	50	30	15	10	
60	д. Горок	4	35	40	40	25	
61	х. Гавриловский	1	7	5	1	1	
	Д Казенные						
62	с. Драчевка	90	385	425	418	359	
63	с. Драгунское	83	315	362	330	250	
64	с. Долгой Колодезь	88	389	400	360	260	
65	д. Долженкова	175	660	652	300	250	
	Помещичьи ¹²						
66	д. Дачкова Яружка	4	42	48	10	26	
67	мыза Добрая Надежда	2	18	20	7	5	
68	слбк. Дмитриевка	2	11	13	29	13	
69	д. Дмитриевка	27	143	155	115	90	
70	с. Дмитриевское	53	345	365	112	260	
	Е Казенные						
71	д. Енина, Туровка тож	14	58	46	30	36	
	[л. 79] З Казенные						
72	с. Зорино	101	452	462	200	100	
73	д. Знобиловка	39	159	170	100	100	
74	слбк. Знаменка ¹³	47	210	204	100	60	
	Помещичьи						
75	х. Завидова	18	60	60	30	25	
76	д. Завершье	4	31	30	58	37	
	И Помещичьи						
77	х. Ивановский	2	13	12	8	4	
78	слбк. Иевлевка	2	17	18	8	5	
79	слбк. Ивановка, Бобра- ва т[ож]	5	66	70	30	20	
80	с. Ивановское	16	122	135	20	25	
81	д. Ивановский Починок	5	32	30	18	7	
	К Казенные						
82	с. Котельниково	107	484	500	510	390	

№	Звание селений	Число дворов	Число жителей		Число лошадей	Число рогатого скота	Главный промысел жителей
83	д. Котельникова	90	399	470	450	400	Х л е б о п а ш е с т в о
84	д. Кулига	32	180	200	115	80	
85	с. Курасовка	75	331	552	250	200	
86	с. Каменка	121	490	506	210	156	
87	д. Красниковой	72	360	571	250	200	
88	д. Колодезь Хмелевец	4	27 ¹⁴	24	6	5	
89	с. Катово	70	348	407	110	150	
90	д. Кривцовой	96	422	408	250	200	
91	с. Касиново	51	335	351	230 ¹⁵	160	
92	с. Кочетовка	155	711	813	510	465	
93	д. Картамышевой	51	235	239	100	130	
94	д. Коптева	26	108	112	34	28	
95	д. Каменка	3	48	52	31	20	
	Помещичьи						
96	с. Красное	57	245	245	117	100	
[л. 79 об.]	д. Кривцова	8	90 ¹⁶	93	67	56	
97							
98	х. Кривцова	3	40	42	30	24	
99	д. Красная Поляна	3	25	28	45	42	
100	х. Коровенский	—	2	1	—	—	
101	Калашниковой Пустоши ¹⁷	11	92	80	70	40	
102	х. Курочкина	2	17	15	80	50	
103	слбк. Корочка	33	134	130	100	70	
	Л						
	Казенные						
104	д. Лунина	35	180	200	130	122	
105	с. Луневка	35	212	230	123	94	
106	с. Любачи	64	372	375	250	116	
107	с. Липовец	92	542	452	370	418	
108	д. Луханина	44	223	245	240	179	
	Помещичьи						
109	сц. Любимовка	2	14	13	10	7	
	М						
	Казенные						
110	с. Малые Крюки	73	403	532 ¹⁸	150	250	
111	д. Малые Моячки	54	266	246	245	180	
112	д. Максимовка	8	34	36	13	10	

№	Звание селений	Число дворов	Число жителей		Число лошадей	Число рогатого скота	Главный промысел жителей
113	с. Меловое	103	445	505	183	250	
114	с. Михайловское	217	985	1062	891	712	
115	сл. Медвенский Колодезь	204	1060	1095	1020	702	
	Помещичьи						
116	д. Михайловка	3	29	29	37	36	
117	сц. Михайловское	12	139	138	70	40	
118	слбк. Меловая	3	28	24	20	15	
	сц. Михайловка что при селе Шипах ¹⁹	1	3	3	2	2	
	<i>[л. 80]</i> Н Казенный						
119	д. Нижняя Солотина	77	381	417	200	150	
120	д. Нижний Реутец	104	584	580	460	274	
121	с. ²⁰ Нагольный Колодезь	100	442	461	370	262	
122	д. ²¹ Нижний Праворотский Колодезь	64	307	322	300	350	
123	сл. Новоселовка	26	115	120	50	30	
124	с. Никольская Пена	132	556	565	370	402	
	Помещичьи						
125	д. Нагорный ²² Колодезь	2	15	15	6	3	
126	с. Никольское, Ржева т[ож]	49	300	320	200	150	
127	х. Нагорный	5	62	40	40	30	
128	д. Николаевка	3	18	15	6	5	
129	х. Никольский Колодезь	12	101	106	40	35	
130	сц. Никольский Колодезь	2	19	22	9	8	
	П Казенные						
131	с. Паники	170	575	614	506	260	
132	д. Потопахина	47	234	248	260	186	
133	д. Псинка	123	502	487	285	240	
134	д. Плотей	5	38	31	16	12	
135	с. Пселецкое	308	1104	1154	1055	812	
136	с. Покровское	110	500	520	425	380	
137	сл. Пены	543	2099	2439	1200	1000	

№	Звание селений	Число дворов	Число жителей		Число лошадей	Число рогатого скота	Главный промысел жителей
138	д. Пещаная Помещичьи	101	405	453	220	160	Х л е б о п а ш е с т в о
139	сл. Павловка	240	1159	1196	903	515	
140	д. Плоской	4	30	28	13	6	
141	сц. Погореловка	27	168	172	105	350	
142	слбк. Петровка	31	180	185	140	100	
[л. 80 об.]							
143	сц. Прелестное	103	243	246	200	165	
144	х. Покровский	103	136	140	80	45	
145	слбк. Похвисневка	3	25	26	38	26	
146	слбк. Подъемовка	11	100	110	100	95	
147	с. Переверзьева	24	279	265	100	40	
	Р						
	Казенныя						
148	с. Рудавец	80	440	458	380	310	
149	с. Рождественское, Моячки т[ож]	58	282	299	250	200	
150	д. Ракова	45	213	218	104	85	
	Помещичьи						
151	д. Ражновка	10	125	130	61	37	
152	д. Ракова, Шепелевка т[ож]	3	34	38	28	16	
	С						
	Казенныя						
153	д. Семеновка	22	103	140	100	80	
154	д. Скотская	35	198	217	182	122	
155	с. Сухая Солотина	130 ²³	641	674	402	445	
156	с. Самарино	40	169	182	100	70	
157	д. Стригосла	20	87	90	50	50	
158	с. Сырцово	109	526	585	585	560	
	Помещичьи						
159	х. Сухая Плота	1	8	5	2	1	
160	с. Спасское	53	290	295	1500	200	
161	с. Студенок	46	500	485	90	40	
162	х. Сырцов	12	89	89	27	10	
163	с. Сафоновка	22	113	120	100	60	

№	Звание селений	Число дворов	Число жителей		Число лошадей	Число рогатого скота	Главный промысел жителей
	Т						
164	Казенные						
[л. 81]	д. Трубеж	83	354	400	200	165	
165	с. Троицкое	101	479	460	204	200	
	Помещичьи						
166	с. Троицкое, Ивня тож	80	921	907	700	500	
167	д. Тонеевка	6	55	58	15	8	
	У						
	Казенные						
168	с. Усланка	38	281	270	155	120	
	Помещичьи						
169	сц. Увеселительное	40	230	240	115	61	
170	с. Успенское, Прохоровка т[ож]	60	471	470	250	340	
	Ф						
	Казенные						
171	с. Филатово	150	463	471	300	250	
	Помещичьи						
172	слбк. Федчевка	22	104	95	30	10	
	Х						
	Казенные						
173	д. Хмелевой Колодезь	2	7	14	6	4	
174	д. Хомутцы	77	344	359 ²⁴	150	150	
	Помещичьи						
175	слбк. Хрущовка	11	52 ²⁵	50	52	40	
	Ч						
	Казенные						
176	д. Чекмаревка	18	100	110	75	50	
177	д. Черенкова	106	420	500	200	100	
178	д. Чертова	45	173	200	150	100	
179	с. Черкасское	124	664	709	300	270	
	Помещичьи						
180	д. Чернолесья	4	24	26	10	5	
	[л. 81 об.] Ш						
	Казенные						
181	с. Шипы	70	331	365	200	150	
182	с. Шевелево	68	366	366	177	175	
183	д. Шмырева	61	238	255	150	150	

№	Звание селений	Число дворов	Число жителей		Число лошадей	Число рогатого скота	Главный промысел жителей
184	Я Казенные д. Яковлевка	1	5	6	3	2	Хлебопашество
185	Помещичьи с. Ярыгино	49	330	295	300	200	
186	д. Яковлевка	7	56	60	18	9	
	Итого	10 442	50 942 ²⁶	52 903	35 357 ²⁷	28 718	

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18816. Л. 73–81 об.

Текстологические примечания

¹ Над заглавием с левой стороны помета тем же почерком и чернилами: № 11. В правом верхнем углу рукописная помета: *Читано*. В правом нижнем углу рукописная помета: *Почто*.

² В ркп.: *сеносы*

³ Первая *a* исправлена из *o*.

⁴ Первая *a* исправлена из *o*.

⁵ Так в ркп.

⁶ В ркп.: *Александровка*.

⁷ Вторая цифра *9* исправлена из другой цифры.

⁸ *0* исправлен из *8*.

⁹ Так в ркп.

¹⁰ Так в ркп.

¹¹ *3* исправлена из *4*.

¹² Вписано между строк.

¹³ Можно прочесть и как *Знашенка*.

¹⁴ *7* исправлена из *4*.

¹⁵ *3* исправлена из *5*.

¹⁶ *0* исправлен из *3*.

¹⁷ Статус населенного пункта не указан.

¹⁸ *3* исправлена из *6* (?).

¹⁹ Населенный пункт не включен в валовую нумерацию.

²⁰ Исправлено из *d*.

²¹ Исправлено из *c*. (?)

²² Так в ркп. *Нагольный?*

²³ *3* исправлена из *2*.

²⁴ *5* исправлена из *6* (?).

²⁵ *2* исправлена из другой цифры.

²⁶ Последние три цифры написаны по исправленному.

²⁷ Вторая *3* исправлена из *б*.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Апухтина Елена Георгиевна**, учитель средней школы № 2 (Обоянь)
- Бабарыкин Борис Васильевич**, аспирант кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (Барнаул) — babarykin.bv@mail.ru
- Бабин Игорь Петрович**, краевед, кандидат технических наук (Москва) — 1105ipb47@rambler.ru
- Вислоух Наталья Федоровна**, заместитель директора по воспитательной работе средней школы № 2 (Обоянь)
- Гордеев Петр Николаевич**, доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат исторических наук (С.-Петербург) — petergordeev@mail.ru
- Гранкина Ирина Ивановна**, преподаватель Обоянского филиала Курского колледжа культуры (Обоянь) — beregpsla@gmail.com
- Гуров Юрий Николаевич**, краевед, преподаватель кафедры физического воспитания Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва) — gurich.rom@mail.ru
- Довбняк Валентина Николаевна**, заведующая Обоянским филиалом Курского областного краеведческого музея (Обоянь)
- Долженков Игорь Александрович**, ведущий архивист отдела обеспечения сохранности документов Государственного архива Курской области, кандидат исторических наук (Курск) — doljenkov.igor@yandex.ru
- Жигулин Евгений Павлович**, студент исторического факультета Курского государственного университета (Курск)
- Изотова Александра Сергеевна**, инженер Обоянского филиала АОТ «Курскгаз», поэтасса, краевед (Обоянь)
- Казакова Анна Николаевна**, преподаватель Обоянского филиала Курского колледжа культуры (Обоянь) — obbibkol@mail.ru
- Карпук Евгений Семенович**, председатель правления Курского регионального историко-родословного общества (Курск) — karpuk-kursk@mail.ru
- Кашкин Александр Владимирович**, заведующий отделом археологических сводов и карт Института археологии РАН, кандидат исторических наук (Москва) — AKashkin@yandex.ru
- Корнилаева Ирина Алексеевна**, научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, кандидат филологических наук (Москва) — warzon2007@yandex.ru
- Коровин Владимир Викторович**, профессор Юго-Западного государственного университета, доктор исторических наук (Курск) — Vlavikor@yandex.ru
- Кошечкина Зинаида Ивановна**, заместитель директора по учебно-воспитательной работе Профессионального лицея № 23 (Обоянь)
- Кравцов Петр Алексеевич**, краевед, почетный гражданин города Обояни (Обоянь)

- Кравцова Елена Сергеевна**, доцент Курского государственного медицинского университета, доктор исторических наук (Курск) — elenakravcova@yandex.ru
- Кременев Дмитрий Михайлович**, младший научный сотрудник Верхопенского филиала Ивнянского историко-краеведческого музея (с. Верхопенье Ивнянского района Белгородской обл.) — kremen_dimon88@mail.ru
- Курцев Александр Николаевич**, профессор Курского государственного университета, кандидат исторических наук (Курск)
- Манжосов Александр Николаевич**, старший преподаватель Курского института социального образования (филиала) Российского государственного социального университета, кандидат исторических наук (Курск)
- Мануйлова Светлана Викторовна**, директор Большеугонской средней общеобразовательной школы, соискатель кафедры истории России Курского государственного университета (с. Большие Угоны Льговского района Курской обл.) — svetlana.manujlova@yandex.ru
- Немцев Александр Дмитриевич**, доцент Курского института социального образования (филиала) Российского государственного социального университета, кандидат исторических наук (Курск)
- Озеров Михаил Михайлович**, краевед, ведущий инженер Ростовского филиала ОАО «Ростелеком» (Ростов-на-Дону) — ozm57@yandex.ru
- Озеров Юрий Владимирович**, доцент Курского института менеджмента, экономики и бизнеса, кандидат исторических наук (Курск) — georgkur7@mail.ru
- Папков Андрей Игоревич**, декан исторического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук (Белгород) — rapkov@bsu.edu.ru
- Переверзева Ирина Владимировна**, заведующая сектором краеведения Обоянской межпоселенческой библиотеки (Обоянь)
- Пинаева Ирина Владимировна**, архивист отдела делопроизводства Курского филиала ОАО «Ростелеком», соискатель кафедры истории России Курского государственного университета (Курск) — pinaewa@bk.ru
- Плаксин Игорь Михайлович**, заместитель директора по научной работе Курского областного краеведческого музея, кандидат исторических наук (Курск) — kokm.imp@yandex.ru
- Приймак Виктор Владимирович**, научный сотрудник Историко-культурного заповедника «Бельск» (Сумы, Украина) — priymak.viktor@mail.ru
- Раздорский Алексей Игоревич**, заведующий группой исторической библиографии Российской национальной библиотеки, кандидат исторических наук (С.-Петербург) — razdor@nlr.ru
- Раков Виктор Владимирович**, заместитель директора Государственного архива Курской области, кандидат исторических наук (Курск) — vrakov@inbox.ru
- Российченкова Ирина Анатольевна**, начальник архивного отдела Администрации Обоянского района (Обоянь) — oboyan-archiv@mail.ru

Рындин Владимир Александрович, художник, преподаватель Детской художественной школы № 1 им. В. М. Клыкова (Курск) — traxeen@yandex.ru

Сапелин Роман Алексеевич, историк, председатель общественной организации «Союз потомков служилых Российского государства» (Киев, Украина) — romans2004@ukr.net

Слюнина Наталья Тихоновна, заведующая сектором краеведения Ивнянской районной библиотеки (Ивня) — slyuninigor@mail.ru

Степанова Елена Ивановна, преподаватель Профессионального лицея № 23 (Обоянь)

Сухоставская Татьяна Федоровна, преподаватель Курского музыкального колледжа им. Г. В. Свиридова (Курск)

Федотова Наталья Андреевна, аспирантка кафедры истории Отечества Курского государственного университета (Курск) — fedotovalg@mail.ru

Харланова Елена Михайловна, заведующая библиотекой средней школы № 1 (Обоянь)

Чистяков Антон Юрьевич, доцент С.-Петербургского государственного университета экономики и финансов, кандидат исторических наук (С.-Петербург) — chystyakov@mail.ru

Чубаров Алексей Игоревич, студент исторического факультета Курского государственного университета (Курск) — chubar1991@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

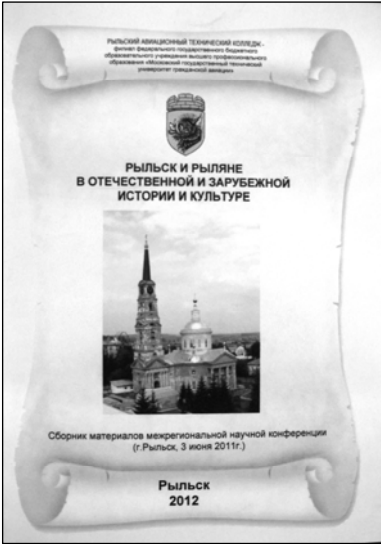
АМГ	— Акты Московского государства
АО АОРКО	— Архивный отдел Администрации Обоянского района Курской области
АРАН	— Архив Российской Академии наук
АЭС	— атомная электростанция
ВМФ	— Военно-Морской флот
ВСЮР	— Вооруженные силы Юга России
ВФИИКМ	— Верхопенский филиал Ивнянского историко-краеведческого музея
ВЦИК	— Всесоюзный (Всероссийский) центральный исполнительный комитет
ВЧК	— Всероссийская чрезвычайная комиссия
ГААК	— Государственный архив Алтайского края
ГАБО	— Государственный архив Белгородской области
ГАИ	— Государственная автодорожная инспекция
ГАКО	— Государственный архив Курской области
ГАОПИВО	— Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области
ГАОПИКО	— Государственный архив общественно-политической истории Курской области
ГИБДД	— Государственная инспекция безопасности дорожного движения
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ДАИ	— Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией
ДЗОТ	— деревоземляная огневая точка
ДПС	— дорожно-патрульная служба
ДЧ	— дежурная часть
е. и. в.	— его императорское величество
е. ц. в.	— его царское величество
ИА РАН	— Институт археологии Российской Академии наук
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
КГОМА	— Курский государственный областной музей археологии
КЕВ	— Курские епархиальные ведомости
КИД	— клуб интернациональной дружбы
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
ЛЭП	— линия электропередачи
м.	— местечко

МБОУ	— муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
МВД	— Министерство внутренних дел
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МКУК	— муниципальное казенное учреждение культуры
МОБ ОВД	— милиция общественной безопасности отдела внутренних дел
МТС	— машинно-тракторная станция
НИОР	— научно-исследовательский отдел рукописей
НКВД	— Народный комиссариат внутренних дел
НКГБ	— Народный комиссариат государственной безопасности
о.	— отец
ОВД	— отдел внутренних дел
ОМОН	— отряд милиции особого назначения
ООО	— общество с ограниченной ответственностью
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи
ПТР	— противотанковое ружье
РАН	— Российская Академия наук
РВСР	— Революционный военный совет Республики
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
РГБ	— Российская государственная библиотека
РГВИА	— Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	— Российский государственный исторический архив
РК	— районный комитет
РККА	— Рабоче-крестьянская Красная Армия
РКП(б)	— Российская коммунистическая партия (большевиков)
РО	— районный отдел
РОВД	— районный отдел внутренних дел
РОНО	— районный отдел народного образования
РПЦ (МП)	— Русская православная церковь (Московский патриархат)
РПЦЗ	— Русская православная церковь за границей
РСДРП	— Российская социал-демократическая рабочая партия
с.	— село
СНК	— Совет народных комиссаров
СОШ	— средняя общеобразовательная школа
СПТУ	— среднее профессионально-техническое училище
СРПЦЗ	— Свободная Русская православная церковь за границей
ст.	— станция

- у. — уезд
УПЦ (КП) — Украинская православная церковь (Киевский патриархат)
ур. — урочище
х. — хутор
ХГУ — Харьковский государственный университет
ЦА ФСБ РФ — Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации
ЦАМО РФ — Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации
ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЦГИАУК — Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев
ЦИК — Центральный исполнительный комитет

В 2012 г. вышла в свет книга

Рыльск и рьяляне в отечественной и зарубежной истории и культуре: Сборник материалов межрегиональной научной конференции (г. Рыльск, 3 июня 2011 г.) / Ред.-сост. А. И. Раздорский. Рыльск: РАТК — филиал МГТУГА, 2012. — 336 с.: ил., карты, портр.

Содержание

- О. Н. Щёголев.* Имя города Рыльска: значение и его сложение
- А. В. Кашкин.* Краткий очерк рыльской археологии
- В. В. Приймак.* Элементы салтовского погребального обряда в волынцевских древностях
- В. В. Енуков, О. Н. Енукова.* «Курганы» в Боровском: к вопросу о поисках некрополя средневекового Рыльска
- Г. Ю. Стародубцев, И. Н. Бобин.* Нумизматические находки конца XII–XV вв. на городище Пригородняя слободка (Слободка 1)
- С. Г. Стародубцева.* Монетные клады XVIII в. из Рыльского уезда (района)
- А. С. Ракитин.* Роспись полоняников, взятых рьялянами во время Северского похода 1632–1634 гг.
- А. И. Раздорский.* Торговля Рыльска по данным таможенной книги 1671/72 г.
- Г. В. Калашиков.* Материалы к истории рыльской символики
- Н. С. Чернышёва.* Административно-территориальная принадлежность Рыльска в 1708–1917 гг.
- Н. Д. Борцик.* Население Рыльска в конце XVIII в.
- А. В. Зорин.* Рьяляне в Русской Америке
- Д. Н. Шилов.* Сергей Кузьмич Вязмитинов — дважды министр из рьялян
- С. П. Щавелёв.* Алексей Иванович Дмитрюков (1795–1870): начало рыльской историографии, археологии, этнографии
- Л. М. Рянский.* Положение крепостных крестьян Рыльского уезда в первой половине XIX в. (по данным первичных массовых источников)
- Т. А. Резникова.* Государственные крестьяне Рыльского уезда накануне государственной реформы 1837–1841 гг.
- Р. Л. Рянский.* Крупное помещичье хозяйство Рыльского уезда во второй четверти XIX в.
- А. Ю. Чистяков.* Традиционные промыслы и ремесла Рыльского уезда во второй половине XIX — начале XX в.
- И. М. Плаксин.* Развитие торговли Рыльского уезда во второй половине XIX в.
- А. А. Терещенко.* Рыльск в структуре региональной торговли во второй половине XIX в.

- Н. Н. Булгакова.* Рыльские купцы
- Е. С. Кравцова.* Особенности прямого государственного налогообложения в конце XIX — начале XX в. (на примере Рыльского уезда)
- О. С. Жирнова.* Исследование имущества рылянами в середине XIX столетия — 1917 г.
- М. В. Дьяконов.* Раскрутки наборы в Рыльском уезде в пореформенный период
- Е. Н. Самойлова.* Рыльское общество охотников конского бега
- Т. С. Зайцева.* Обучение дочерей рыльского духовенства в Курском епархиальном училище в 1869–1917 гг.
- Р. И. Сюрин.* Храмы Рыльска
- А. А. Харин, В. А. Хороших.* Рыльский Успенский кафедральный собор и его 200-летняя история
- Р. В. Губанов.* Часы-куранты рыльского Успенского собора — уникальное творение тульских мастеров
- Т. Н. Арцыбашева.* Загадка Рыльского монастыря
- И. В. Пинаева.* Рыльский Николаевский мужской монастырь в середине XVIII в.
- Е. В. Холодова.* Церковная летопись церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селе Коренском Рыльского уезда Курской губернии (Рыльского района Курской области)
- А. Г. Данильченко.* Проявления революции 1905 г. в Рыльске и его округе
- А. Н. Курцев.* Историческое многообразие миграций населения города Рыльска и его сельской округи за 1861–1917 гг.
- А. И. Чубаров.* Предоставление помощи семьям военнослужащих из Рыльска и его округи в период Первой мировой войны
- В. В. Раков.* Источники по истории Рыльска и Рыльского уезда периода революций и Гражданской войны
- Н. В. Раков.* Рыльск в период германо-украинской оккупации 1918 г.
- Е. О. Алексапольская.* Сельское хозяйство Рыльского района накануне Великой Отечественной войны
- А. Р. Бормотова.* Роль и место районной печати Рыльска в пропаганде и агитации в период Великой Отечественной войны
- Г. Д. Пилившили.* Создание и боевая деятельность рыльского истребительного батальона в 1941 г.
- В. В. Коровин.* Из истории Рыльского партизанского отряда
- Г. А. Сатлык.* К биографии Пимена Карпова
- А. Ю. Дворниченко.* Город Рыльск в судьбе В. В. Мавродина
- Л. А. Шуклина.* Современный подвижник благочестия: жизнь и чудеса батюшки Ипполита
- М. М. Фрянцев.* Сын России: рыльский иконописец М. И. Сафронов
- И. А. Федосенко.* Знаменитые выпускники и преподаватели рыльской школы № 1 им. Г. И. Шелихова
- Е. К. Хомякова.* Рыльск и рыляне в литературе, истории и искусстве
- К. В. Куракса.* Из истории музыкальной жизни Рыльска и Курского края
- И. П. Цуканов.* Молодежное поисковое движение в Рыльском районе
- Е. С. Кравцова.* Специфика нравственного воспитания студентов (на примере исторического наследия Рыльского района)
- В. А. Хороших, А. В. Хороших.* Зарождение авиации в Рыльске и ее переход на гражданские цели
- В. А. Хороших, П. В. Скребнев, И. А. Шелковнёва.* Влияние историко-культурного наследия Г. И. Шелихова на воспитание курсантов Рыльской школы гражданского воздушного флота
- О. А. Харина.* Роль Успенского кафедрального собора в духовном воспитании персонала Рыльского авиаколледжа
- М. А. Чепурных.* Наши против терроризма

Приложение

- А. И. Раздорский.* Рыльские князья, наместники и воеводы XII–XVII вв.

Научно-краеведческое издание

Обоянь и обоянцы в отечественной и зарубежной истории и культуре

Сборник материалов межрегиональной научной конференции
(г. Обоянь, 21 апреля 2012 г.)

Редактор-составитель
Алексей Игоревич Раздорский

Корректор: *Г. И. Демидова*
Компьютерная верстка: *А. И. Раздорский*
Дизайн обложки: *В. А. Рындин*

Сдано в набор 27.10.2012. Подписано в печать 03.02.2013.
Формат 60×84 1/16. Бумага «Снегурочка».
Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 20,5. Тираж 300 экз.
Отпечатано: ПБОЮЛ Киселева О.В.
(ОГРН 304463202600213)